

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

Юрий ВЛАСОВ

Временщики

АЛГОРИТМ

Москва. 2005

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6
В 58

Оформление художника *М. Медведь*

Власов Ю.П.

В 58 **Временщики.** — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм,
2005. — 480 с.

ISBN 5-699-09970-0

Легенда советского спорта, писатель «смутного времени», трехкратный олимпийский чемпион! Его твердое и правильное слово зазвучало в полный голос в роковые для России дни. Не все услышали слово Юрия Власова — кандидата в президенты России. Эта книга о народе нашей страны и о том, что можно было бы с нашей Родиной не делать.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6

ISBN 5-699-09970-0

© ООО «Алгоритм-книга», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

...Я ПРИШЕЛ НЕ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ МНЕ СЛУЖИЛИ,
НО ЧТОБЫ ПОСЛУЖИТЬ
РОДНОЙ ЗЕМЛЕ.
У МЕНЯ ОДНА ЦЕЛЬ:
СИЛЬНАЯ РОССИЯ И
ЗДОРОВЫЙ ЕДИНЫЙ
НАРОД. ЭТО — САМОЕ
ВАЖНОЕ, ЗАВЕЩАНО МНЕ
ВСЕМИ ПОКОЛЕНИЯМИ
МОИХ ПРЕДКОВ...
В ЭТОЙ КНИГЕ НЕТ
НЕНАВИСТИ. ОНА НЕ ДЛЯ
СЕГО НАПИСАНА.
ЕСТЬ БОЛЬ ЗА СВОЮ
ЗЕМЛЮ. ЕСТЬ ОБРАЩЕНИЕ К
ЛЮДЯМ, ЧТОБЫ
ИЗМЕНИЛИ СЕБЯ.
НЕЛЬЗЯ УСУГУБЛЯТЬ БЕДЫ.
НАДО УСПЕТЬ ПОМОЧЬ
ВЫКОВАТЬ ПОБЕДУ.
ХОЧУ ДОЖИТЬ ДО ТОГО
МИГА, КОГДА НАРОД
СТАНЕТ СВОБОДНЫМ.
НЕ ОБМАННОЙ, А ЧИСТОЙ,
НАСТОЯЩЕЙ СВОБОДОЙ. И
ЧЕРЕЗ ТРУД ВЕРНЕТСЯ К
ВЕЛИЧИЮ.

ЮРИЙ ВЛАСОВ

О Юрии Власове и его книгах

«Господь... в моменты чрезвычайные посылает людей исключительно благодатной одаренности, как бы Пророков, сильных духом и Верою. Не имея официального назначения, эти люди самым делом выдвигаются из общей массы и становятся предводителями других... Это предводительство не имеет официального характера, не является установленной должностью и не всегда держится служебных рамок. Как и всякое пророчество — оно есть личный подвиг таких людей, дело их личной, внутренней, духовной ревности о Боге».

Патриарх Сергей Страгородский.

«... если бы на высшую государственную должность выбирали не по принципу партийной принадлежности, но по преданности и служению Родине, то имя Юрия Власова было бы вне конкуренции. Последние его книги, как и вся его жизнь, бесспорное тому доказательство».

Доктор филологии Ю. Сохряков.

Имя Юрия Власова известно всему миру. Выдающийся атлет XX века, писатель, политик, герой Олимпиад Рима и Токио, пятикратный чемпион мира, шестикратный Европы, автор более тридцати мировых рекордов, десятков книг, сотен статей, автор «Особого района Китая» и «Огненного Креста»...

За полвека десятки кумиров Земли подарили Юрию Власову любовь, почтение, признание: Юрий Гагарин, Георг Гаккеншмидт, Пол Андерсон, Мэрилин Монро, Джина Лоллобриджида, принц Бертиль, Арнольд Шварценеггер... Косыгин, маршалы Буденный, Малиновский и многие другие признали Юрия Власова «...королем в королевстве королей». Это один из лучших русских героев, ставший легендой и символом служения Отечеству.

Нужны ли комментарии к тому, что по крупицам удалось собрать в архивах и газетах прошлых лет о дорогом России человеке — Юрии Власове?..

5 декабря 1931 года будет взорван Храм Христа Спасителя. Через четыре года 5 декабря в русской семье Власовых Петра Парфеновича и Марии Даниловны родится мальчик Юра, который станет самым сильным человеком на планете, прославит свою Родину как великий атлет, писатель, историк, политик. Он блестяще окончит суворовское училище, Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского, и вся его жизнь будет несением Креста правды, добра, справедливости.

1961 год. Великому организатору мирового спорта Роберту Хоффману принадлежат слова предвидения: «Власов приобретает знания для будущего. Когда-нибудь Россия сможет извлечь иную, более высокую пользу из своего атлета. Его интеллект столь же велик, как и сила».

Из книги «Восхождение на Олимп» министра спорта СССР Н. Н. Романова: «...Венец нашей победы олицетворял Юрий Власов. Слушатель Академии им. Жуковского, умный, прекрасно образованный, интеллигентный человек и волевой спортсмен-боец... Высокий, с красивой гармонично развитой фигурой, белокурый, широкоплечий атлет. Обаятельная, несколько застенчиво-белозубая улыбка, уверенные и в то же время мягкие, торжественные движения... С Юрием Власовым работал спокойный умный педагог и очень душевный человек Сурен Петрович Богдасаров».

Заслуженный тренер СССР Богдасаров в послесловии к книге «Справедливость силы» вспоминает: «Власов — явление исключительное и неповторимое: огромная сила и мощный интеллект, оказывающий влияние на целый народ. В истории не найти такое сочетание качеств. Прибавьте искреннюю человечность, презрение

ко лжи, неизменное бескорыстие. В отзывчивости ему трудно найти равных. Он сразу откликнулся на чью-то беду, совсем не думая о себе, не изменяясь даже в самых сложных материальных условиях. Это атлет самой высокой надежности...

По отношению к политической системе Юра занимал строгую и принципиальную позицию. Развратники и казнокрады не могли простить ему той нетерпимости, с которой он к ним относился. Его боялись и будут бояться — ведь не купишь. За сорок лет не купили, жизнь его проверила... Даже когда ему было сделано предложение от имени самого Брежнева работать в Международном отделе ЦК его личным референтом (это было признанием фундаментальных знаний по Китаю после написания книги «Особый район Китая») — Власов отказался. А было бы положение, высокий заработок, дача, машина, пайки!.. Но он тогда уже пишет свою работу «Огненный Крест» и отчетливо представляет, кто эти люди, что пристроились у власти. Он раз и навсегда прочертил границу дозволенного в отношениях с номенклатурой. И она это знала. Существовал фактический запрет на издание его книг. Пружина возмездия разворачивалась неожиданно, губя без пощады. Правдоискателей исключали из партии, арестовывали, увольняли из армии, люди попросту пропадали... Власов знал об этом. И все же оставался неподкупным и непокорным номенклатуре.

Сейчас, спустя почти сорок лет, сложно представить то уважение, которое окружало в мире его имя. Почет, с которым его принимали за границей, сравним лишь с приемом самых известных деятелей в истории. Никакие награды не способны оплатить вклад Юрия Власова в нашу культуру. Он видел и знал, что его ожидает забвение... Но он служил России.

Только патриот, беззаветно любящий Родину, может сознательно обречь себя на суровые жертвы.

Упорству строительства самой большой силы в мире Власов противопоставлял упорство работы над книгой, особенно по российской истории. Он жег себя, как свечу — с двух концов. Но не терял никогда веры в свое дело: писал, не обращая внимания на то, приносит это ему известность и достаток или нет. Он верил, что это нужно России, вопреки всем карьерам вокруг.

И Власов уходит из спорта навсегда. Уходит в расцвете сил и золотом возрасте для атлета. Я не смог удержать его на помосте».

С тех пор вышли прекрасные книги Юрия Власова: «Себя преодолеть», «Белое мгновение», «Соленые радости», «Геометрия чувств», «Стужа», «Верить!», «Справедливость силы», «Особый район Китая», 3-томная историческая исповедь «Огненный Крест», «Кто правит бал», «Русь без вождя», «Мы есть и будем».

10 июля 1986 года в «Комсомольской правде» появится статья Инны Руденко «Атлет», которую многие читатели хранят по сей день.

«...Книжные шкафы. Картины на стенах. Большой письменный стол. Здесь живет писатель. Его тоже зовут Юрий Власов. Как тонко, поэтично передает он чувства! Его «Белый омут» в редком сборнике «Первая любовь» рядом с Тургеневым, Достоевским, Буниным...»

Из рецензии доктора исторических наук А. Кулешова на «Огненный Крест»:

«...освобождает от догм народное сознание книга Юрия Власова «Огненный Крест». Даже страшно становится, сколько физических и духовных сил вложено в эти страницы. Эту работу можно оценить как творческий и человеческий подвиг. И вряд ли что следует добавить к этим словам...»

«Собеседник», № 499, август 1993 года, перед самым кровавым переворотом:

«Юрий Власов — честнейший человек, кто в этой стране переживает метаморфозу. Честный, страдающий, красивый. И потому левая (демократическая) пресса с инстинктивным целомудрием замолкает перед публицистикой Власова.

Самое страшное, что Власову — невозможно возразить. Многие его страницы кажутся скрытой цитатой из Экклезиаста. Так может страдать только чистый и сильный человек... Он болезненно ощущает чужую беду. Сегодня страдает за всю Россию...

Путь Власова — истинно русский... Пишет честно и выразительно, и боль его всегда внятна читателю.

...Власов очень умен. Он сказочным Иваном проварился во всех отечественных котлах: политическая борьба, власть, оппозиция. И Бог хранит его — от гибели, надлома — для главного про-

зрения, где нужна власовская сила и честность — больше никто не потянет.

...Да, Юрий Власов и есть Россия. Лучшего символа сейчас не подобрать... Мы потому и не спорим с сегодняшним Власовым. Видим — он проходит путь. Если выдержит он — значит выдержит и Россия. И пока он идет под этой ношей, грешно толкать под руку, подкусывать, хихикать. Надо пожелать мужества».

Что я прибавлю?.. Юрий Петрович первым начал бить в колокол в 1990, 1991-м... Пробуждать русское национальное самосознание. За те слова и идеи, которыми нынче «упакованы» все программы политических тусовщиков, тогда его клеймили «красно-коричневым». Сейчас все слева и справа тужатся стать русскими национальными героями.

Он всех заставил говорить о РУССКОЙ РОССИИ.

Разве это не победа?

*Доктор математических наук
Разговоров Николай Никитич
5 апреля 1998 г.*

ГЛАВА I

Цепь сплошного безумия

Если мы перестанем быть русскими,
мы станем покорными исполнителями
любой чужой организованной воли.

Ю. Власов

«...Теперь буржуазия продает права
и независимость нации за доллары.
Знамя национальной независимости и
национального суверенитета выбро-
шено за борт...»

*Из заключительной речи Сталина на
XIX съезде КПСС 14 октября 1952 года*

Михаил Константинович Дитерихс (1874—1937) повидал на своем русском веку. Нерусского, к слову, в нем осталась лишь одна фамилия, а сам он был истинно православным и верным сыном РУССКОЙ РОССИИ. Он умер в Китае, будучи председателем Дальневосточного отделения РОВС — Российского Общевоинского Союза, созданного Петром Николаевичем Врангелем в 1924 году из разрозненных самостоятельных воинских союзов, возникших по белу свету после крушения белого фронта в Крыму в 1921 году по почину того же Врангеля. Сердце Дитерихса остановилось в год начала захвата большого Китая японцами — занимался пожар самой истребительной войны в истории человечества (в Сингапуре японцы вырежут за ночь 6 тыс. человек, в Нанкине убьют 200 тыс., пустят большую кровь и Шанхаю (это так, между прочим) — и ничего, как будто так и нужно было; никто не устраивает скорбных панихид, как по Хиросиме и Нагасаки).

Дитерихс сомкнул уста навсегда в неполные 63 года совсем еще, по сути, не старым человеком.

Генерал-майор М. К. Дитерихс — выпускник академии Генерального штаба. В 1915 году очень недолгое время он являлся генерал-квартирмейстером Юго-Западного фронта. До июня 1917-го командовал дивизией на Салоникском фронте в Македонии. В конце августа того же 1917 года как начальник штаба 3-го кон-

ного корпуса генерала Крымова (дотоле сим доблестным казачьим соединением командовал генерал Келлер) участвует в мятежном корниловском походе на Петроград. Когда обозначился крах корниловского дела, Александр Михайлович Крымов покончил с собой, а Дитерихс, худо-бедно, нашел общий язык с самим Александром Федоровичем Керенским, который предложил ему, кто бы мог подумать, пост военного министра! Дитерихс благоразумно отказался, однако вскоре был переведен в могилевскую Ставку — первый демократ России совершенно очевидно благоволил к нему. В октябре Михаил Константинович Дитерихс — все в той же Ставке на должности помощника Верховного, то бишь генерала Н. Н. Духонина (1876—1917), а с 3 по 8 ноября 1917 года — даже начальник штаба Верховного главнокомандующего (главковерха). Вообще-то Керенский после неудачного корниловского похода на Петроград в страхе перед генералитетом сам произвел себя в Верховные, однако армия продолжала называть Верховным руководителем Ставки в Могилеве, им тогда являлся генерал-майор Духонин. На деле так и было, ибо Духонин, и никто иной, осуществлял управление войсками.

Вскоре после марта 1917 года для надзора за деятельностью Ставки была учреждена должность комиссара Временного правительства (комиссарверха), коим оказался Станкевич. При Ставке с теми же целями осел и Общеармейский комитет во главе с Перекрестовым, который выпускал для действующих армий бюллетень с обзором основных событий. О правах сего комитета, усердных просиживателей штанов, свидетельствует такой случай. Незадолго до октябрьского переворота Общеармейский комитет направил Керенскому как Верховному главнокомандующему свою очередную бумагу, которая начиналась словами: «Мы требуем...» Первый демократ Керенский завернул ее в Могилев с пометой: «Общеармейский комитет не имеет права «требовать» у своего верховного главнокомандующего... Он может только «обращаться с просьбой»...» И это назидал тот, кто учредил безвластие в Русском государстве. Все эти великие демократы русской истории ровно на подбор, всенародный шут к шуту. Один хлеще другого...

Александр Федорович являлся истинным родителем наших демократов, и по части болтливости тоже (он блистал недержанием речи),

однако вороват не был, не в пример современным сторонникам прав человека — эти просто растащили государство.

Напомним, как Могилев оказался Ставкой русских Вооруженных сил.

Спустя год после начала войны, а коли быть точнее — 8 августа 1915 года (по старому стилю), в губернский Могилев — этот насквозь еврейский городишко — пожаловал Верховный главнокомандующий русскими Вооруженными силами, августейший дядя самодержца великий князь Николай Николаевич. С того августовского дня в Могилеве и расквартировалась Ставка, оттянутая несколько в тыл из-за наступления германо-австрийских войск летом 1915 года (с начала войны она располагалась под Барановичами в железнодорожном составе).

А через две седмицы (недели) верховное командование Вооруженными силами возложил на себя самодержец. Под свои нужды государь император Николай Александрович занял особняк губернатора. Как пишет красный исследователь октябрьских событий в Ставке Г. Лелевич, «так захолустный Могилев, по переписи 1920 года насчитывавший всего 39 542 жителя, превратился в центр многомиллионной русской армии»¹.

В последние недели октября семнадцатого в Ставку по вызову прибыл генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель — один из блестящих кавалерийских генералов, бывший флигель-адъютант отреченного императора (**отреченного, поскольку не отрекся, а был отрешен от престола всей совокупностью искусственно порожденных обстоятельств**). Врангель был одним из немногих генералов с высшим инженерным образованием, полученным еще до службы в армии. Он окончил и академию Генерального штаба, оказавшись соучеником будущего сталинского маршала Б. М. Шапошникова.

¹ Лелевич Г. Октябрь в ставке. — Гомель: Гомельский рабочий, 1922. С 1.

Журнал «Красная Новь» (1921, № 2. С. 294) подчеркивал, что «нелепая и подлая клевета», обвинявшая Ленина в германском шпионаже, имела своим источником Ставку. Так что у Ленина на нее был своего рода «двойной зуб».

Для справки: Общеармейский комитет состоял из 25 человек, по одному представителю от каждого фронта, от каждой армии и каждого флота...

Из воспоминаний барона узнаем:

«...В тот же день я получил телеграмму генерала Духонина, вызывающего меня в Ставку. По приезде в Могилев я явился к генералу Духонину. Я видел его впервые. Среднего роста, полный, румяный, с густыми выющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека... В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что... «убеждений своих никогда не менял и в угоду кому бы то ни было менять не буду», и ходатайствовал об увольнении меня в отставку...

Мне с каждым днем становилось яснее, что ежедневно увеличивающийся в армии развал уже остановить нельзя...

Я поселился в вагоне Вырубова (В. В. Вырубов — дежурный генерал штаба Верховного. — Ю.В.). Сам Вырубов жил в верхнем этаже дворца. Жуткое чувство охватило меня, когда я впервые зашел к нему в кабинет. Здесь год тому назад видел я Государя. Комната с тех пор почти не изменилась (в те октябрьско-ноябрьские дни семнадцатого отреченный император вместе с семьей маялся в тобольской, предсмертной ссылке под доглядом комиссара Временного правительства бывшего рабочего Василия Семеновича Панкратова. — Ю.В.)...

К обеду пришел генерал Духонин (в вагон к Вырубову. — Ю.В.), просидевший у нас часов до десяти, он, видимо, рад был отдохнуть от дела, рассказывал многое из прежней своей службы, с особенным удовольствием вспоминал о времени, когда командовал 165-м Луцким полком. Полк под его начальством имел немало славных дел, и Георгиевские кресты, украшавшие грудь и шею генерала Духонина, говорили об этом...»¹

¹Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. — Франкфурт: Посев, 1969. С. 49, 51. Государь император знал барона лично. Как флигель-адъютант, барон в определенные дни состоял при особе Государя неотлучно.

В тех же воспоминаниях читаем:

«...Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Его впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый. Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная» (Там же. С. 14.)

С Луцким полком Духонин участвовал в карпатском походе. В боях под Краковом полк был обескровлен, а сам Николай Духонин серьезно ранен.

Всю оперативную часть брусиловского наступления (май — июль 1916-го) сорокалетний Духонин вынес на своих плечах, умело претворяя замысел своего главнокомандующего фронтом в действия войск (под руководством начальника штаба фронта генерала В. Н. Клембовского). Как видим, последним русским Верховным являлся опытный боевой русский генерал. Свою задачу на посту Верховного он видел в том, чтобы спасти и хранить то, что можно было еще спасти и сохранить, при этом отстаивая, несмотря на разрушительную прогерманскую агитацию большевиков, каждую пядь родной земли.

Дед Духонина отважно сражался на бастионах Севастополя в 1854—1855 годах и был известен России.

В бытность Дитерихса начальником штаба и грянула расправа над Николаем Николаевичем Духониным на могилевском вокзале, где матрос из отряда, посланного Лениным на разгром Ставки, ударом штыка в грудь убил Духонина. Погодя «братишки» радостно кинулись искать жену (уже вдову) генерала, дабы поглумиться (такое тогда случалось сплошь и рядом), а напоследок и пощекотать штыком белотелую генеральшу, а пущай следует за своим благоверным, чего скучать — вдвоем, знамо, веселее... Вдова молилась в церкви — и это спасло ее. Ночью бывшие чины Ставки уложили изуродованное до неузнаваемости тело Духонина в гроб, отстояли панихиду в храме и поставили гроб в теплушку, дабы на родине предали прах земле. Однако «братишки» не угомонились. Они вытряхнули окоченелый труп из гроба (обезображенный остов крепкого, красивого человека), раздели догола и прислонили к стене, а в мертвый рот втиснули сигарку. А чего, не жалко, пущай и подымит его превосходительство, чай, соскучился...

Так завершила свое земное бытие императорская армия — доблестная армия бывшей империи русских.

Петр Николаевич Врангель покинул Могилев незадолго до приезда отрядов матросов. Ему в тот год исполнилось тридцать девять — золотой возраст: ум сохраняет ясность, но уже есть опыт, а

главное — еще очень много задора и жажды подчинять себе жизнь. Все это вскоре с избытком и потребует обстановка.

«В день, когда мне стало известно о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко (прапорщика 13-го Финляндского стрелкового полка 11-й армии Юго-Западного фронта. — Ю.В.), я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленко приказе войскам «вступить в переговоры с противником», при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный — Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа...

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха... государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру... Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителя. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово «свобода» этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйства, грабеж и убийство»¹.

Шелест забытых и забываемых русских слов, чудных, неповторимых.

Образы старой Руси...

Земная неповторимая жизнь...

Синее-синее небо с белыми парусами облаков. Необозримая даль, смыкающаяся с бездонным пространством неба. Не обойти эту землю...

¹Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. — Франкфурт: Посев, 1969. С. 51—52.

Заброшенный в небо страстью чувств жаворонок. Трепещущая точка в распахнутом небе.

Тучные, тугие травы по пояс. Мягкая, влажная земля под босыми ногами...

Темная, прохладная глубина неподвижных озер. Зори, опрокинутые в воды алым расплавом...

Сверкающие струи дождя. Никнущие под тяжестью воды ветки. Прозрачный блеск росы...

Трогательная гордость вдруг расцветшего одинокого цветка...

Нежное бормотанье ручья. Завихрения струй, не имеющих цвета и в то же время белых, а местами темных. Каждый камешек, каждая травинка очень яркие, чистые...

Ласка ветра.

Плывущие в мерцании месяца высокие деревья.

Иней...

Тусклая белизна воздуха, в котором бесшумно оседают снежинки. Воздух шевелится белым....

Блеск белого покрова земли...

Моя Родина...

Лелевич рассказывает о настроении в Могилеве в канун октябрьского переворота.

«Недели за две до октябрьских событий в воздухе чувствовалось электричество, было ясно, что с минуты на минуту должны наступить решающие события... О выступлении большевиков уже знали в городе 25-го утром.... слухи проникли мимо телеграфного агентства (которое накануне прекратило работу. — Ю.В.)...

— Петроград захвачен большевиками.

— Казаки перешли на сторону большевиков...

— Объявлен состав большевистского министерства.

Министр-председатель — Бронштейн-Троцкий, министр внутренних дел — Ленин, министр финансов — Парвус (это весьма примечательно, в еврейском Могилеве знали о «пруссак» Парвусе, ведь ни в одном русском городке о нем и слухом не слыхивали, а здесь уверенно называют министром финансов: стало быть, осведомлены были о многих талантах и подвигах турецко-прусского

подданного; свой он им был, несмотря на то, что «воевал» против России, то бишь самих этих евреев. — Ю.В.)...»¹

В великой книге «...откуда пошла земля Русская...» есть слова: «Навел на нас Бог поганых за грехи наши...»

Ох уж и погань навел!..

Роковые для жизни генерала Духонина события разыгрались на рассвете 9 ноября 1917 года. В Ставке на прямом проводе прозвучал сигнал связи. Красный Петроград спрашивал (не спали вожди, торопливо строили свою власть):

« — Здесь у аппарата Верховный главнокомандующий?

— Дитерихс.

— Будьте любезны, попросите исполняющего обязанности главковерха. Если генерал Духонин не несет этих обязанностей, то благоволите попросить лицо, которое его в настоящее время заменяет. Насколько известно, генерал Духонин своих обязанностей не слагал еще...»

Генерал Дитерихс разбудил Духонина. Исполняющий обязанности главковерха генерал Духонин встал у аппарата. Он наотрез отказался признать большевистское правительство законным правительством России, а следовательно, и вступить по его требованию в какие-либо переговоры о мире с немцами.

Тогда аппарат отстукал на ленте:

«Именем правительства Российской республики по поручению Совета Народных Комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армии. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главкомандующим назначается прапорщик Крыленко.

Подписали: Ленин, Сталин, Крыленко».

¹ Лелевич Г. Октябрь в ставке. — Гомель: Гомельский рабочий, 1992. С.17.

Ленин тут же выпустил обращение «Всем!».

Читаем в конце его:

«...Пусть стоящие на позициях выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит...» (Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва. С. 54—55.)

Владимир Ильич Ленин действовал с исключительной целеустремленностью: никаких колебаний и уговоров, Ставку обезвредить, Духонина убрать!

Революционная демократия жаждала крови. Без крови свобода по-масонски не могла утвердиться.

Как сама Октябрьская революция, так и победа в Гражданской войне оказались возможны лишь благодаря Ленину. Без Ленина и не возникло, и не устояло бы советское государство, как не возникла бы и партия большевиков, по праву называвшая себя ленинской.

Так как Ленин считал национальное государство врагом социалистической революции, он не испытывал угрызений совести, когда в союзе с врагом и на деньги врага приступил к его разрушению. Социалистическая революция выше Родины. Сама эта Родина (по мнению Ленина, нечто вроде заскорузлого национального угла) скоро растворится во всемирном братстве единого пролетарского государства земного шара.

Ленин вступил в союз со страной, вождь которой, император Вильгельм II, заявил: «Всемирная Германия явится мыслимой только тогда, когда Россия будет разорвана на куски и окончательно низвергнута...» Это был страшный союз.

Был пущен на слом тысячелетний привычный уклад жизни, а вместе с ним и миллионы жизней. Именно это Ленин не брал к сердцу. Ведь все приходилось складывать по-новому, ни одного даже мало-мальски известного шага, ни одного, а тут какие-то нация, Отечество, Русь, патриотизм... — хлам истории.

Сталин ценил в Ленине победу. Ленин не был болтуном, он был победоносен. Для Сталина это было ключевое представление о человеке.

У самого Сталина не водилось пустых слов. Он просто так не говорил. У него все слова имели силу.

Власть коммунистической партии привела к свирепой расправе над последним русским императором и его семьей, а также и русской православной церковью.

Русский хозяин был истреблен совершенно, а потом, уже после Гражданской войны, — пожалуй, еще даже и в утробе матери (были истреблены рачительные хозяева, а не жлобы, как нынешние: ничего не производят, а лишь набивают себе кошелечек репродукцией и обманом).

Эта власть под корень разрушила союз народов России и Русское национальное государство.

Эта же партия при Ленине и Сталине встала во главе истребления своего же собственного народа — вещь невиданная и неслыханная в истории.

Право на труд в советском государстве превратилось в право государства на принудительный труд каждого. Это было верно, потому что кто не работает, тот не ест, но принуждение превращало жизнь в несправедливость. Здесь возникло противоречие, узел, который следовало умело развязать. Никто и не подумал этим заняться. Все возлагалось на принуждение.

Цензура (по суровости даже близко не сравнимая с царской) могильной плитой навалилась на плечи народа и русского искусства.

Доносчики и прихлебатели густо пошли в гору, дополняя, а после и замещая бездушную, карательную власть новых иноплемennых распорядителей России. Это в конце концов и переродило коммунистическую власть (и веру) в собрание недалеких и бессильных людей, мечтающих лишь о сохранении теплого местечка и дачи с персональной машиной. Выше всего было сохранение теплого местечка (карьера) — убеждения рядом с этим уже ничего не значили.

Торжествовала бюрократическая машина, ее интересы и порядки, прикрываемые парсунами вождей Октября.

Что ж она такое, ленинская коммунистическая партия?

Она клянется в верности не Родине, а земному интернациональному братству разрушителей национальных Отечеств, служит не Родине, а идеологии. Это же извращение сути, основ государства. Она всегда готова повести войну против народа, что и доказала в Первую мировую войну, когда она действовала плечом к плечу с кайзеровской армией, ибо поражение Родины открывало партии власть над народом.

Бойцы революции в окопах, как и бойцы революции в ученых залах, всегда заявляют одно: для них нет и не может быть отечества без их власти. Вот так: или мы, или нет Родины.

Разгром национальной России — задача этой партии, как партии сугубо марксистской. Именно поэтому Ленин взял и отдал туркам Карс, который входил в состав Российской империи. Отчего ж не отдать? Он же был интернационалистом (скажете, Карс был завоеван у турок? Так турки сейчас под разными предложениями требуют назад уже Крым и прочие земли).

Этак начать искать хозяев каждого города в России — и России не останется. Но что Ленину до сего, коли он убежденный интернационалист. Раскромсать Россию на республики, автономные области и национальные округа, и пусть все выходят из ее состава, поскольку провозглашается самоопределение. А Карс там и, возможно, другие города — так отдать немедленно...

Ведь грядет всеобщая революция, всеобщее братство — так все и бросить под ноги революции. А Россия? Так она всего «этап»...

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка...

Иосиф Виссарионович Сталин, напротив, был неутомимым строителем Русского государства, однако при этом людей не щадил. Уничтожение их нередко переходило в открытое изуверство: например, убийство посла СССР в Китае И. Т. Бовкун-Луганца вместе с женой. По приказу Сталина они были забиты... молотками в том классном вагоне, в котором якобы ехали на отдых в начале июля 1939 го-

да. Смерть их выдали за несчастный случай в автомобильной катастрофе (потому и забили молотками) и торжественно погребли. Сталин был изобретателем¹.

Ну как это назвать? По-прежнему доказывать, будто время было такое?

Оно, действительно, было такое. Жестокостью и кровью заменили закон и человечность. Вогнали раскаленные кусочки свинца в головы и сердца миллионов людей — и назвали это строительством новой жизни.

В чем была вина посла? Не угодил чем-то вождю?..

Случаи подобного живодерства можно приводить сотнями и тысячами. Вождь очень часто сам назначал вид смерти неугодного лица или набор пыток, которым его следовало подвергнуть. Порой представляется, что кровожадность составляла одну из первых важнейших черт его натуры. И в общем, это не будет предубеждением.

И о некоторых исполнителях его воли.

«Последним на скамье подсудимых сидел Надария. В бытность комендантом тбилисской тюрьмы он, насколько я знаю, установил никем не превзойденный рекорд, расстреливая за ночь до пятисот жертв, тогда как его московский собрат с Лубянки Блохин за сутки еле-еле справлялся с двумя сотнями обреченных. Метод у них был совершенно одинаковый — пуля в затылок»².

При выстреле в голову кровь бьет под напором, настоящим фонтанчиком. Мне рассказывали фронтовики.

Если предположить, что из каждого убитого Надарией пролился литр крови (а в действительности — больше), то следует, что в одну ночь в канализационную сеть утекало полтонны крови...

Полтонны горячей, живой крови...

Государство всеобщего благоденствия Сталин возводил на преступлениях, крови и слезах.

Однако иного хода история после убийства Николая II и сло-

¹Столяров К. Палачи и жертвы. — М.: Олма-Пресс, 1997. С. 268—271, 306.

²Там же.

ма всего тысячелетнего уклада жизни России иметь не могла. Кровавая мука для народа становилась неизбежной.

Люди сами поддались и вступили на тот путь, где вождем мог быть только Сталин, и он один, и даже не Ленин, — подобные возможности марксистское учение таило в своих недрах, ибо насилие и кровь являлись опорным средством строительства нового государства.

Время...

Оно одно не поддается разрушению. Оноечно и неизменно...

Исчезают планеты и галактики. Меняется облик земли. Падают государства и народы. Гибнут люди.

Все разрушается и все исчезает, не оставляя в неохватном безграничии пространства совершенно никакого следа.

Не изменяется лишь сущность времени. Оно проистекает из бесконечности и истекает в бесконечность.

Ему ничто не угрожает. Оно вещь в себе. Оноечно. Ему нет ни начала, ни конца...

Для чего?

Зачем?..

И на этом ничтожном отрезке времени, называемом жизнью, беснуются и безумствуют люди...

Бездарные, маленькие люди, сведенные в политбюро, как и вся верхушка государства, не искали путей совершенствования социалистического строя, усматривая в том отступничество и ревизионизм. Это было очень удобно. В своем догматизме они видели заслугу, похваляясь верностью учению. Для своего оправдания они выставляли на торжественных ритуальных собраниях и съездах портреты и бюсты основоположников — Маркса и Ленина. И уже не с каждым десятилетием, а годом портреты и бюсты становились все крупнее. Это производило комично-тягостное впечатление, наглядно свидетельствуя о явной умственной несостоятельности партийного руководства.

А народу льстили, уверяя, будто он источник власти и хозяин политики.

Пробовал преобразовать народное хозяйство и бывший кровавый наместник Сталина на Украине Никита Сергеевич Хрущев, но только еще пуще расстроил его. Во всяком случае, с него повелись закупки зерна в США на миллиарды долларов во имя процветания американского фермерства. Платили бы нашим мужикам той валютой — затоварили бы родную страну хлебом. Однако не стали платить; лучше, по мнению Кремля, было отдавать американцам.

При Брежневе страну уже откровенно подгрызали со всех сторон, особенно диссидентство, а генсек глотал снотворное и не хотел просыпаться.

Больно и скверно на душе от того, что делали (и делают) с людьми. Зброшенный народ...

Представление о том, что советский строй был здоровым, не отвечает действительности. Последние 10 лет он уже смердил, разлагаясь. Все же это была болезнь, пусть очень тяжелая, но она не означала обязательность рокового исхода — окончательного крушения русской государственности.

Однако партия упрямо шла к краху, ибо догма была поставлена в руководство живой жизнью.

Без своего совершенствования любой строй обречен. Вместо непрерывного приспособления социалистического строя к жизни и борьбе высокие кадры компартии пошли на сдачу, замаскировав ее под перестройку. Они вдруг увидели выход в возвращении к частной собственности — так своеобразно поняла верхушка партии требования времени. Почти мгновенно лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» заместился на бухаринский призыв «Обогащайтесь!».

Отказались приноравливать государство к новому, что происходило в мире, — и загубили народ, все пустив под откос.

Предали!

Высокими кадрами компартии был совершен государственный переворот (а народ обманут) в 1989—1991 годах, да и, пожалуй, в 1993-м. Да, живую жизнь правила марксистская утопия, но

утопия не требовала разоружения государства и сдачи его народного хозяйства на растерзание налаженному мировому капиталистическому рынку.

· Страна нуждалась в серьезных преобразованиях. Догматический марксизм всего лишь прудил экономическое и общественное движение, а страну взяли и разрушили.

Над Россией тогда завис один истощный «демократический» вопль: «Никто так не благ, как капитализм!» Понимание истории эти люди сводили в основном к наполненности своих карманов.

Высокие кадры компартии в своем большинстве пошли на подлый обмен, высочайшее предательство: они обменяли власть на деньги, на капитал. Высокие кадры компартии поставили своих людей на все руководящие должности в новой буржуазной России, да и не только в России. Президентами новых государств, возникших из бывших союзных республик, сплошь оказались секретари компартий, ныне богатейшие люди. Многие из них заделались настоящими царьками и баями. Словом, «скоммуниздили» нашу Россию...

И зашмыгали демократические дни — предел наших упований...

Накануне краха Советского Союза почти все деятельные граждане являлись членами партии, но переворот оказался совершен именно ее высокими кадрами, ее мозгом, ее опорой — генеральным секретарем, членами и кандидатами политбюро, членами ЦК, секретарями обкомов, видными работниками ЦК и ответственными работниками правительства и прочих учреждений — оные тоже являлись не последними фигурами в партии (именно фигурами, а не личностями).

Силы разрушения России вероломно выступили под флагом ее обновления.

Предали!

26 июля 1998 года вечером я случайно услышал, как Михаил

Сергеевич Горбачев наставлял по радио: «Нас губят крайние правые и крайние левые...»

Какой же это был руководитель компартии, да еще второй по численности, коли он не понимает до сих пор, что на земле существует **противоречие между трудом и капиталом** — одно из определяющих в жизни народов. И оно никуда не делось, и весь вопрос лишь в том, как его, это противоречие, смягчать, примирять (или сразу устранить, как Ленин?..).

В буржуазном государстве правят владельцы капиталов, но никогда — народ.

Вся задача — увязывать возникающие противоречия с помощью государства, тогда будет исключен путь социальных потрясений и революций. Вот действительность, но она не для России с ее государственным аппаратом, направленным на разграбление народного достояния, хищническую эксплуатацию людей и обман народов России...

Тогда, по радио, Горбачев «забыл» сказать еще, что нас губят предатели.

Все эти Александры Яковлевы, Борисы Ельцины и К^о — перебежчики. Они перебежали из отчего края в международное сообщество, по сути, предав народ.

Похоже, на этой земле всегда побеждают алчность и низкое тщеславие — и одно варварство (или полуварварство) сменяется другим. Какая же в этом обреченность!..

Все они не могут не вызывать презрения и отвращения (это не относится к обычным членам партии, а лишь к ее высоким «превосходительным» кадрам). Все они предали свои убеждения, совершив чисто механическую замену одного корыта на другое, — и теперь жиреют от нового корыта буржуазной России. На лбу каждого вместо пятиконечной звезды уже не горит, а сияет клеймо предателя.

Ясно и откуда вылезло предательство, неосознанном называю его порой. Лучше всего о неосознанном предательстве Горбачева молвил бывший 37-й президент США Ричард Никсон (1913 —

1993): реформы Горбачева в большей степени соответствуют интересам США, чем Советского Союза¹.

Горбачев действовал с самоуверенностью неграмотного человека. Если бы только неграмотного... Произошла сдача всех позиций, всех достижений, всего добытого гением, старанием, самоотверженностью, могилами, кровью и потом трех поколений — той великой попытки прорыва в будущее...

Вот и весь сказ.

Справедливости ради, партия генерального секретаря Горбачева — это была уже не ленинская партия: свой век доживало в старческой дремоте, полуслепое и полуглухое брежневско-горбачевское «собрание единомышленников». Во всех ее еще громоздких членах уже гнезвился паралич воли...

Поставил для сего свои кадры и комсомол, который тоже был уже не ленинский.

Ленинизм — это жгучее неприятие частной собственности, жгучая ненависть к угнетению людей, это верность своим идеалам. Высокие кадры партии разменяли его на корыто собственника, ко-

¹Коммунистическая идеология, как ни покажется странным на первый взгляд, имеет немало точек соприкосновения с сионизмом, особенно в национальном вопросе.

И еще о гибели Советского Союза.

Сталин писал:

«...Партия погибает, если она скрывает свои ошибки, затушевывает больные вопросы, прикрывает свои недочеты фальшивым парадом благополучия, не терпит критики и самокритики, проникается чувством самодовольства, отдается чувству самовлюбленности...» (История ВКП(б). Краткий курс. — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1946. С. 345.)

Ленин писал:

«...Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей...» (Ленин, 4-е изд., т. XXV. С. 200.)

«...Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что... боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабость» (Ленин, 4-е изд., т. XXVII. С. 260—261.)

Ничего в помине из этого не было. Было окостенение мысли, страх перед свободным словом и одно всепоглощающее желание «не пущать!».

А после наступило вырождение и предательство.

рыто банкира, корыто нефтяного хозяина, корыто заводчика, корыто председателя фонда и даже корыто карателя...

Но справедливости ради: всегда существовала пропасть между народом и высокими кадрами партии. Были они все той же всевластной и ни в чем не ответной сволочью, за небольшим исключением — таким, как Вознесенский, Косыгин, Байбаков и некоторые другие.

Ленин стоит особняком, а Сталин — и вовсе своим особняком. Но при любых условиях никто из них не изменял своим убеждениям и не продавал собственный народ за «права человека» в полное хозяйственно-денежное бесправие и произвол, какой и не снился народам России до октября 1917-го. Нынешнее российское экономическое бесправие на деле сводит к нулю все конституционные свободы и права, превращая человека в ничтожество.

Предали!

Я назвал имя Хрущева. Есть смысл обратиться к исторической справке.

Никита Сергеевич Хрущев (1894—1971) — генеральный (первый) секретарь политбюро ЦК КПСС, генерал-лейтенант.

Хрущев как крупный руководитель до самых последних дней своего властвования проводил жестокую противощерковную политику, основанную на карательных мерах и сношении храмов, даже представляющих несомненную историческую и архитектурную ценность. На XX съезде КПСС в феврале 1956 года выступил с резким разоблачением культа личности Сталина, на обращении к которому после не раз наживал себе политический капитал, когда материальное положение народа после 1960 года стало неуклонно ухудшаться и страну ошарашили первые забастовки и демонстрации протеста, которые кроваво увенчали расстрел рабочих в Новочеркасске и тайная казнь группы муромских рабочих во Владимирской тюрьме. «В сентябре 1961 года, накануне XXII съезда партии, раскрывшего новые подробности сталинских преступлений, во Владимирской тюрьме тайно судили и расстреляли десять человек — организаторов и участников голодного бунта в небольшом городе Муроме». Вот так Хрущев разоблачал зверства Сталина, — отметил генерал Судоплатов.

Похоже, Хрущев жил при Сталине, порой юродствуя, по старинному арабскому присловью: «Целуй руку, которую не можешь отрубить». Не целовал — лизал.

Родился Хрущев в селе Калиновка Курской области в семье шахтера. С 1908 года молодой Никита слесарничал на заводах и шахтах Донбасса. Участник Гражданской войны (воевал комиссарским трёпом). Включая появление в Москве, в партийном продвижении ему покровительствовал Лазарь Каганович (1893—1991).

С 1929 года Никита Сергеевич учился в Москве в Промышленной академии, где стал знаком жене Сталина. 35-летний Хрущев понравился Сталину, поскольку везде и всюду яро поддерживал его «линию», хотя в 1920-е годы являлся сторонником Троцкого (Троцкий был выведен из состава ЦК в октябре 1927 года, с того часа Хрущев как раз и «прозрел»). С 1931 года Хрущев на партийной работе в Москве. С 1935-го по 1938 год — первый секретарь МК ВКП (б). С января 1938 года по 1947-й он — первый секретарь ЦК КП(б)У. В довоенные годы возглавил на Украине одну из самых кровавых чисток; от прежнего республиканского состава ЦК к 22 июня 1941 года останутся в живых всего несколько человек.

В Отечественную войну — член Военного совета ряда фронтов. Несет немалую долю вины за одно из самых сокрушительных поражений Красной Армии — под Харьковом в апреле—мае 1942 года, которое позволит немцам прорваться к предгорьям Кавказа и к Сталинграду. Его старший сын за пьянство и убийство советского офицера был приговорен к расстрелу, хотя в первом похожем происшествии оказался Сталиным помилован.

С декабря 1947 года Никита Сергеевич вновь первый секретарь ЦК КП(б)У. С декабря 1949 года — секретарь ЦК и первый секретарь МК ВКП(б). Всегда и во всем безоговорочно поддерживал Сталина. В марте 1953 года, после смерти Сталина, — секретарь ЦК КПСС. Глава заговора против Берии. С сентября 1953 года — первый секретарь (генсек) ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 годах — председатель Совета Министров СССР. По его приказу в 1958 году состоялось сокращение Вооруженных Сил сначала на 640 тыс., а вскоре и на 1 млн 200 тыс. человек. Кадровые офицеры шли работать чернорабочими, домоуправами, грузчиками, в такси...

С начала 1960-х годов по настоянию Хрущева были отправле-

ны в распилку и переплавку мощные боевые корабли Военно-Морского Флота, подлежали недопустимому сокращению или полному уничтожению тяжелые самолеты, а с ними и вообще целый ряд вооружений с заменой их на ракеты стратегического назначения. Это распространилось даже на создание новых видов стрелкового оружия. Оказались закрыты ценнейшие оборонные НИИ. Замечательные специалисты разбрелись кто куда. Это было в чистом виде разоружение перед лицом Америки, старавшейся мощью оружия подавить нашу самостоятельность.

Нет ничего более опасного для государства, когда им управляет малограмотный человек, да к тому же самодур. Хуже в таком случае может оказаться лишь предатель — мы его тоже получим под урез советской власти. И его тоже, как и Хрущева, будут величать «наш дорогой...».

Хрущев не был русским по духу. Он все время щеголял в украинских сорочках, всячески подчеркивая свое украинство.

Болтливость Хрущева способствовала провалу нашего самого ценного агента в английской разведке. Американцы всполошились, когда Хрущев стал сыпать самыми сверхсекретными сведениями об их делах, начались лихорадочные поиски высокопоставленного русского шпиона, они и вывели на Кима Филби — вечная ему память от России!

Когда руководитель разведки ГДР генерал Волльвебер сообщил советской стороне о разногласиях в руководстве ГДР, считая их достаточно опасным проявлением прозападных настроений, Хрущев донес об этом партийному руководителю ГДР Вальтеру Ульбрихту. Волльвебер был незамедлительно уволен с государственной службы и вскоре скончался. А ведь Волльвебер возглавлял восстание немецких моряков в Килле еще в 1918 году, был убежденным коммунистом, впоследствии — преданнейшим сотрудником советской разведки, выполнившим ряд ценнейших заданий¹.

Случалось, Хрущев ораторствовал на митингах нетрезвым.

¹Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. — М.: ТОО Гея, 1996. С. 473, 33.

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов (1907—1996) являлся начальником Бюро № 1 МГБ СССР. Бюро занималось диверсионной работой за границей.

В Нью-Йорке, на Генеральной Ассамблее ООН, в знак протеста против выступления одного из делегатов глава советского государства сдернул ботинок и принялся лупить им по своему столику.

Очень скоро он привел в расстройство сельское хозяйство. При Хрущеве состоялись первые закупки американского зерна — вещь дотоле неслыханная и неведомая за всю историю и царской, и советской Руси. Это как же следовало преуспеть! Прибегая к языку Леонова — автора одной из интересных книг о КГБ, мы сели на американскую продовольственную «иглу». Обогащали американского фермера и обирали свое крестьянство.

Неверно думать, будто после разоблачения культа личности Сталина можно было без опаски высказываться по советскому государственному строю. Любая прилюдная критика советской власти или члена политбюро при Хрущеве означала арест и тюремный приговор, хотя люди между собой стали менее осторожны. Так что не совсем понятны помои, которые Никита Сергеевич без роздыху выплескивал на Сталина.

Хрущев обожал подхалимаж. Все в стране, как и во времена Сталина, взялись приписывать его «гению». Его только и называли «наш дорогой Никита Сергеевич». Вскоре на его груди засияли четыре Золотые Звезды. Здесь его обойдет только Брежнев.

Это же Хрущев в дни 300-летия присоединения Украины к России по пьяному делу подарил Киеву Крым. Я помню ту демонстрацию в Москве, я, рядовой, был назначен участвовать. Мы шли через Красную площадь и кричали «ура» Хрущеву. Первого секретаря ЦК КПСС из-за живота почти не было заметно; по сути, изливание восторженных чувств граждан «принимал» на Мавзолее живот. В таком же хмельном припадке великодушия он наградил Звездами Героя Советского Союза кубинца Фиделя Кастро, алжирского руководителя Бен Беллу, позже убитого во внутреннем перевороте, и великого египтянина Гамаль Абдель Насера.

С января 1938 года Хрущев — кандидат в политбюро, с 1939 года по октябрь 1964-го — член политбюро. От обязанностей первого секретаря политбюро ЦК КПСС (генсека) был освобожден 14 октября 1964 года. Как говорилось в старину, «воров» тоже обкрадывают.

В сентябре 1960 года я был представлен Хрущеву как победитель XVII Олимпийских игр в Риме, после чего состоялся краткий

разговор. Еще раз на одном из приемов в 1963 году я оказался приглашен к нему для новой краткой беседы. В памяти остался цепкий, испытующий взгляд, непомерно вздутый живот и торопливый сипловатый говорок с явной малороссийской окраской. Речь Хрущева была неправильной, от нее сквозило невежеством, но она была живой, энергичной. И сам он был очень подвижный, просто не мог стоять на месте.

Никому из руководителей государства и партии до Хрущева народ не давал кличек. А тогда в разговоре только и слышно было «Никитка», «Хрущ», «Лысый». Он был постыдно болтлив, страдая неудержимым поносом слов: ничего подобного, кроме Александра Керенского, Россия на верховном посту не знала. Хрущевское ветхословие подрывало всякое уважение к верховной власти. Мелкая вода шумлива. Этот генсек во многом способствовал утверждению ельцинизма в России.

Нет смысла останавливаться на достоинствах секретарства Хрущева. В своем большинстве они являлись развитием, продолжением дел Сталина. Политика мира составляла одну из важных черт послевоенных лет. Мощные фестивали молодежи, деятельность Всемирного совета мира, могучие мирные демонстрации... — все это породил Сталин. Хрущев лишь предпринял прямую попытку сближения с Америкой.

Введение вместо паровозов тепловозов, а также блочного строительства — это заслуга Хрущева. Но опять же Сталин поднял из руин все города до Волги, превращенные немцами в груды щебня, — это и было самое большое квартирное строительство в мире.

Ракетная техника оказалась заложена Сталиным, им был предопределен полет Юрия Гагарина. Громадное развитие науки целиком было обязано Сталину.

Хрущев пытался переписать военную историю на свой лад — в итоге она оказалась беспардонно пристрастной. Это вызвало необходимость нового издания, оно и вышло под названием «Вторая мировая война» уже после смерти Хрущева.

Полагаю, демократы неспроста с таким почтением обособляют Хрущева, как, впрочем, и Андропова (обратите внимание, они его не «облаивают», как, скажем, всех других столпов КГБ). Хрущев первым вступил на тропу порочных реформ, развала оборонной мощи и народного хозяйства страны.

Каганович свидетельствует, что Сталин неоднократно говорил: «Я вообще считаю, что после 70-летнего возраста руководящие товарищи должны уйти от непосредственного руководства; они могут быть советниками, но не управителями»¹.

Но рядом с таким волком, как Берия, Сталин не мог не то что отойти от власти, но даже на чуть-чуть ослабить струны вожжей. Перед старческой немощью, что уже подступала к нему, он решил обезопаситься от неожиданностей. Все складывается к тому, что самые преклонные лета до могилы дряхлеющий диктатор хотел прожить без государственного переворота и своего ареста. Он знал цену Берии. Он знал силу мирового сионизма и потому не верил Молотову, у которого жена клялась в любви Израилю и явно отдавала в своем сердце предпочтение еврейству. Он не верил Микояну. Не верил Ворошилову, который за полтора десятка лет своего народного комиссариата не сумел поднять армию до современного уровня, который, как и маршал Кулик, гробил новые технические разработки, а когда началась война, проявил, опять-таки как и Кулик, совершенную бесталанность. Сталин верил старому еврею Кагановичу, он проявил храбрость на фронте, был ранен; никогда не помышлял о власти выше вождя и ничем не омрачил преданность ему. Сталин хотел отделаться от ядовитого для себя груза в руководстве страной и партией. Засыпая, он хотел быть спокоен назавтра. Болея, не руководя государством, он хотел быть уверенным, что помощники не посягнут на власть и не расправятся с ним...

Он всех этих людей видел насквозь. Они отрекались от жен, друзей, правды — они были готовы на все. Про таких в народе говорят: спереди мажут, а сзади (то бишь в душе) кукиш кажут. Худа и опасна была надежда на каждого из них.

Леонид Ильич Брежнев (6 декабря 1906 г.—12 ноября 1982 г.) — генеральный секретарь политбюро ЦК КПСС с 14 октября 1964 года по 12 ноября 1982 года, несчастье Коммунистической партии Советского Союза. Русский, но с заметным украинством в характе-

¹Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советского государственного работника. — М.: Вагриус, 1996. С. 498.

ре и сознании. По слухам, женат был на еврейке. Значит, по израильским законам, дети его становились евреем и еврейкой, как и у Ельцина. Это сказывалось на поведении генсека. В определенных направлениях он был слишком осторожен. Так, когда по заказу «сверху» студия документальных фильмов сняла многочасовой фильм о сионизме «Тайное и явное» — его подноготной, его кровавой сущности, Брежнев этот фильм запретил, хотя к тому времени уже состоялись одна за другой две израильско-арабские войны и сам сионизм был объявлен ООН человеконенавистнической идеологией.

Родился Леонид Ильич в семье рабочего. В 1927 году окончил землеустроительный мелиоративный техникум в Курске. В 1927—1930 годах работал на Урале по землеустроительной части. В 1931—1935 годах учился в Metallургическом институте в родном Днепродзержинске. До 1937 года служил инженером на металлургическом заводе. В мае 1937 года был избран заместителем председателя горисполкома Днепродзержинска. С 1939 года (с 33 лет) — второй секретарь Днепродзержинского обкома партии.

В 1941—1945 годах находился в действующей армии на различных политических должностях («трёпом» воевал). Участвовал в знаменитом Параде Победы. В 1946 году — первый секретарь Запорожского обкома КП Украины. В ноябре 1947 года — первый секретарь Днепропетровского обкома КП Украины. С июля 1950 года — первый секретарь ЦК КП Молдавии.

Вождь последовательно продвигает Брежнева: на последнем сталинском XIX съезде партии Брежнев становится членом ЦК, а после пленума ЦК в октябре 1952 года — кандидатом в члены расширенного политбюро, названного Президиумом ЦК КПСС, очевидно, нужного Сталину для расправы с некоторыми «старыми членами» политбюро. Эти «старые члены»: Микоян, Молотов, похоже, и Ворошилов, а также Берия — как бы поглощались новым расширенным составом политбюро, послушным Сталину до единого нового «члена». При голосовании они перекрывали все голоса «старых членов» политбюро. Сталин готовился прихватить на тот свет немало старопартийных душ...

После смерти вождя, а именно с марта 1953 года, Брежнев в звании генерал-лейтенанта ненадолго занимает кресло первого заместителя начальника Главного политуправления Советской Армии. Участвовал в заговоре против Берии. В 1954 году — второй секретарь ЦК КП Казахстана (первым секретарем на осваиваю-

щихся целинных землях был умный и проницательный П. К. Пономаренко).

Серый, обтекаемый Брежнев, весь настроенный на угодливость, однако не глупый, но и не умный, этот Брежнев без помех поднимается по коврам партийной лестницы. **Как у всех последних генсеков, коэффициент понимания истории у него был ничтожен, ниже только обнаружился у Ельцина.** В феврале 1956 года наш будущий «дорогой Леонид Ильич» становится кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС и секретарем партии, то бишь вливается в узкий круг непогрешимых и неприкасаемых. С мая 1960 года он — председатель Президиума Верховного Совета СССР, затем снова секретарь ЦК КПСС. В 58 лет партийный переворот 14 октября 1964 года возносит его в Генеральные секретари ЦК КПСС и «гении» марксистской мысли.

Клянйся пониже — заберешься повыше. В этом смысле пояница у Брежнева была скроена надежно. Он забрался на самый верх.

Брежнев отличался падкостью на лесть, был очень жаден до власти, избавляясь от любого, кто хоть как-то смел притязать на его власть. Ни одной речи или даже обычного замечания не мог одолеть без чтения заранее подготовленной шпаргалки. Был страстным охотником и любителем пображничать.

При нем бюрократическая система приняла исключительное развитие, сковав движение страны. Брежнев не смог оказать идеологическое противодействие империализму США. Этот слабый, ограниченный человек на переломном отрезке истории страны предопределил ее крушение. Правил в политбюро не он, а его помощники или такие же старцы, как и он, полностью им сломленные и, по сути, прислуживающие ему, что с наглядностью подтверждали торжества дней его рождений. Он был настолько дряхл, — казалось, его можно было носить по частям, а потом в нужном месте собирать. Это был позор страны. Под конец своего правления Брежнев становится маршалом Советского Союза, обладателем пяти Золотых Звезд и многих килограммов орденов. Ходил анекдот о «землетрясении» в Москве: это сорвался с вешалки мундир Брежнева.

Уже с начала 1970-х годов его отличают растущая ветхость и неспособность к масштабному государственному мышлению. Заключительные двенадцать лет государство не имело твердого руково-

дства, которое сумело бы противостоять последнему яростному штурму «холодной войны», предпринятому американцами. Да все они там, в Кремле, оказались в равной мере ответственны за медленное погружение государственного корабля на дно. «Честь» торпедировать этот корабль выпадет сначала Горбачеву, а после косноязычному, но хитрому алкоголику Ельцину.

Брежнев умер в 76 лет рано утром 12 ноября 1982 года — умер совершенно немощным старцем. По сравнению с ним Хрущев в том же возрасте сохранял подвижность и цепкую память.

В 1944 году Владимир Набоков писал в стихах «О правителях»:

...С каких это пор
понятие «власти» стало равно
ключевому понятию «родины»?
Какие-то римляне и мясники,
Карл Красивый и Карл Безобразный,
совершенно гнилые князьки,
толстогрудые немки и разные
людоеды, любовники, ломовики,
Иоанны, Людовики, Ленины,
все это сидело, кряхтя на «эх» и на «ых»,
упираясь локтями в колени
на престолах своих матерых.
Умирает со скуки историк:
За Мамаем все тот же Мамай...

Запутанная, кривая правда, идущая от прямой правды-чаяния народа.

Ленин пошел на сговор с врагами национальной России, однако с единственной целью: использовать обстоятельства и, оседлав власть, раз и навсегда покончить с угнетением человека. Все вышло не так, но многие ли тогда знали, как поступать иначе, как, помимо ужасного революционного насилия (истребления), обуздать его препохабие капитал? Ведь жизнь не на словах трудна и унизительна.

Да и мы не ведаем, как обуздать, хотя приобрели изрядный опыт. Опыт печальный, скорбный, **но не безнадежный...**

Благополучие буржуазной Европы представляется нам в определенной степени следствием искусственных условий, порожденных эксплуатацией третьего мира и вообще отсталой (в хозяйственном отношении) остальной части света. Но вернемся к нашим русско-российским заботам.

Измена руководства партии скрывалась (таилась) в интернациональном учении партии. Изначальная национальная, патриотическая политика не может по своей природе давать ход противонародным действиям. Сама суть национальной идеи исключает накопление предательства. Предательство может присутствовать лишь как чужеродное, природно враждебное исключение.

Общая интернациональная и космополитическая основа марксизма и демократии позволила высоким кадрам партии без всякого риска переметнуться в новую буржуазную Россию, столь родственную масонскому Западу.

И опять эти самые люди, бывшие высокие советские товарищи, всем заправляют, а народ как смотрел голодным и бесправным, так и смотрит. И кресты стоят на его жизни и будущем...

Да к тому ж за последние 100 лет без малого русские и не управляли своим государством. С чего бы?..

Верхи коммунистической партии выдали Россию Западу (не могли не выдать) в конце 1980-х и начале 1990-х годов, что обернулось распадом России и ее денежно-хозяйственным порабощением.

РУССКИМ ЛЮДЯМ ЗАБЫТЬ ЭТО НЕВОЗМОЖНО. НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ — ЗАБЫТЬ.

Поэтому национально-освободительную и социальную борьбу народов России и русских должны возглавлять народно-патриотические силы. Не подставные — коммунистические, сменив лишь вывеску — КПРФ, или демократические — КРО (помните речение Березовского: «В России еврейскому капиталу не хватает только одного — крепких русских кулаков, какими обладает Лебедь»)¹, — а подлинные народные, патриотические силы².

¹ В час пополудни 13 января 1997 года радио «Эхо Москвы» сообщило:

«Генерал Лебедь заявил, что намеревается стать президентом России, так как для этого у него есть 250 млн долларов. Выборы, по его мнению, будут раньше из-за плохого состояния здоровья Ельцина».

² Офицеры спецслужб, которые действуют против патриотов (патриотической России), являются злейшими врагами народа и должны ответить за свои дела в новой, патриотической России, победа которой над «ельцинщиной» неизбежна.

Однако же был построен мир на новых отношениях. И у этого советского мира имелись все предпосылки выжить. Это было вполне реальное противопоставление хищному миру частной собственности, миру угнетения людей и превращения их в покорных работников-муравьев, обладающих призрачной властью выборов и живущих надуманным представлением о демократии, которая уже сейчас целиком заместила на власть капиталов и уже сейчас на все 100% попирает в России закон и справедливость.

Ошибки в способах построения и устройстве советского мира, а также невиданное предательство, сродное по размаху содеянного геростратову поджогу храма — великого творения многого множества людей, привели новую власть к краху и (после крушения) к величайшему обману трудящихся масс всей громадой мировых, капиталистических средств массовой информации, продажной мировой буржуазной исторической наукой, продажной мировой буржуазной литературой и кино.

Народ поет: «...Я молодая, а жить устала...» Коли расширить смысл слов — все мы устали жить, даже самые молодые...

Мечта о социализме не убита. Жизнь на земле устроена жестоко и несправедливо — это видит каждый. Мечта о социализме будет возрождаться и руководить движением народов. Люди не могут согласиться с тем, что нынешние бесчеловечные условия жизни и есть жизнь.

Как опыт существования социалистического государства, Советского Союза, несмотря на все кровавые издержки и хозяйственные срывы, оказало и еще окажет громадное влияние на всю историю человечества. Его положительные достижения не удастся смыть, исказить, затереть или умалить даже самой изощренной информационной лжи.

Герцен хорошо сказал: «Я был сбит с пути. Я работал, чтоб овладеть собой».

Пишу эти строки среди безраздельного торжества разбойного российского капитализма, как якобы единственно оправданного производственного и общественного строя на земле.

«Жестокий образец уродливой мечты...»

Пишу эти строки среди все более явных признаков установле-

ния безграничной власти США (Большого Сейфа) над землей, захвата этой власти мировой капиталистической верхушкой (олигархией). Куда ни глянь — одна безнадежная картина насилия, получившая название цивилизации...

Порой мнится: один я на этом свете — нет ни единой родственной души.

Задача старшего поколения: оставлять землю лучше, нежели она есть. Не поддаваться малодушию. Словами Шекспира:

«Трус много раз до смерти умирает.

Храбрец вкушает лишь однажды смерть...»

Шагаю в этот мрак смерти с огнем в душе...

Но вернемся к краху советского государства. Ошибки в способах построения и устройстве этого нового мира возникли из-за отсутствия мыслителей в советском обществе, исключительно измелъчавшем под властью коммунистической партии. Система сыска и избиения народа уничтожала таких людей на корню, ибо власть не терпела самостоятельности. Таким образом оказались уничтожены все нарождающиеся масштабные умы, а власть — лишена здоровой опоры в сильной мысли, без которой невозможно развитие общества, его самосовершенствование. Коллективное мышление не способно подменить крупную, самостоятельную, а потому дерзновенную мысль, лишенную расчета личных выгод, всю устремленную на благо человечества. Примером такого мыслителя является Д. И. Менделеев — широчайшего размаха ума человек.

Ленин совершил ошибку, исключив национальную составляющую из борьбы и жизни.

Уж во всяком случае, первый отрезок жизни возникшее советское государство просто должно было проделывать ТОЛЬКО в национальном пространстве, которое было унаследовано от Русской империи (а далее национальные различия стирались бы в совместном развитии в веках — естественно и без провалов). Тогда все на земле давно бы уже сложилось по-другому. Вместо интернационализма жизнью государства управляла бы дружба народов.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ОБЛАДАЕТ ОГРОМНЫМ ЗАПА-

СОМ ПРОЧНОСТИ ПО СРАВНЕНИЮ С ГОСУДАРСТВОМ, УСТРОЕННЫМ НА ЧИСТО СОЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ, ОДНОЙ ЛИШЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОПОРЕ.

Очевидно, определенную роль в появлении подобной ошибки уже сыграло происхождение самого Ленина и весь дух марксистского учения как некоего спасения человечества, отрицающего значение национального из-за своих иудейских корней. ДА И САМА ИДЕЯ: СПАСЕНИЕ ЧЕРЕЗ УНИЧТОЖЕНИЕ — ИДЕЯ БОЛЬНАЯ, предполагающая в самой себе срывы и провалы, ибо уничтожение закрывает путь в будущее.

Под сионизмом мы будем понимать нечто большее, нежели закладывалось в это понятие его «отцом» Герцлем.

Сионисты стремятся любое многонациональное государство, независимо от желания народов, привести к состоянию распада на предельно возможное количество самостоятельных государственных образований, то есть предпринимают все для разрушения сложившегося в ходе исторического развития союза народов.

Под сионизмом люди стали понимать и захватническую, хищническую природу верхушки еврейской буржуазии, ее стремление подчинить себе хозяйственно более слабые народы.

В это же понятие входит и представление о еврейском расизме, который утверждает, что евреи — народ исключительный, богом избранный, а все прочие — гойи. Все это как раз и есть расизм, его самые отличительные черты.

За год до кончины 97-летний Каганович заявил в интервью куда более откровенно:

«Евреи постоянно мутят воду и постоянно баламутят народ. Вот и сегодня, в дни крушения государства (СССР. — Ю.В.), они в первых рядах застрельщиков беспорядков... Когда война кончилась, они забыли, кто их спас от гитлеровского уничтожения... Мы повели наступление на космополитизм и прежде всего нанесли удар по еврейской интеллигенции, как его главной носительнице...»¹

Голосу Кагановича вторит голос другого еврея — Виктора Островского, бывшего сотрудника «Моссад»:

«Но вспомните, что умерло еще около 50 млн. и других людей. Немцы пытались уничтожить цыган, различные религиозные груп-

¹Аргументы и факты, № 23, 1990.

пы, русских и поляков. Общее страдание могло стать источником единения с другими народами, а не средством разобщения»¹.

В АБСОЛЮТНОМ ВЫРАЖЕНИИ РУССКИХ ПОГИБЛО БОЛЬШЕ ВСЕХ ДРУГИХ НАРОДОВ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ!

Но по воле мирового сионизма общее страдание не стало источником братства. Заправила сионизма ставят себе совсем другие цели.

Но не все кобылке плясать. Пора быть и в хомуте.

М. И. Михельсон отмечал в своем двухтомном объемистом словаре «Образных слов и иносказаний», удостоенном императорской Академией наук премии митрополита Макария:

Не беда, что ты еврей:
Еврей был — выше всех обид —
И Соломон и Моисей
И наш Спаситель Назарей...
Но есть другой еврея вид —
Наглей нет, алчней меж людей...
В тебе всецело он сидит
*И меж евреями — ты жид.*²

Без любви к человеку нет человека.

Уничтожение души в масонском, сионистски торгашеском свете и есть апокалипсис, есть крушение человеческого начала и есть утверждение в человеке зверя с его низменными жестокими побуждениями. Этот мир в своих недрах породил марксизм и большевизм, являющийся отголоском масонских «мировых» замыслов. Как же давно ОНИ гноили Русское государство.

Пришлые люди заставляют нас оправдываться в своих поступках, привязанностях, пристрастиях, убеждениях — даже за любовь к родной земле. До подобного надо дожить.

В итоге русскую цивилизацию смыкает еврейская, иудейская. Внешнее сходство этой новой цивилизации с русско-российской пока сохраняются, но содержание, смысл замещаются,

¹Островский В., Хой К. Я был агентом «Моссад» — М.: Арт-Пресс, 1992. С. 131.

²Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии / Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1992 год. Том I. С. 682. Текст выделен Михельсоном.

уходят. Россия становится не только еврейским государством, но еврейской цивилизацией. Происходит замещение души народа.

РУССКИЙ НАРОД МОЛЧА И ПОКОРНО ВЖИВАЕТСЯ НЕ В СВОЕ ЕСТЕСТВО.

Через полтора года закончится второе тысячелетие от рождения Христова. Тысячелетие рождения, расцвета, захирения и начала гибели Руси.

Обнаженно-оскорбительными противорусскими замечаниями, а в ряде случаев и едва ли не расистскими теоретизированиями оказалась насыщена российская печать в 1992—1994 годах.

Останкинское телевидение, более чем на три четверти существующее от налогов с русских людей, тоже оказалось в те годы пронизано пошлым и подлым противорусским ерничеством, гадкими историческими измышлениями, откровенным стремлением унижить, а главное — окончательно подавить русский народ, дожать, дабы уже ничего своего не оставалось. Ряд телевизионных передач иначе как растленными и назвать нельзя. Они издеваются над человеком и прямо задуманы для разложения людей. (Об этом немало в моих книгах «Русь без вождя» и «Мы есть и будем», вышедших в 1995 и 1996 годах.)

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

С особенной силой противорусская суть останкинского телевидения проявилась в сентябрьско-октябрьские события 1993 года — в недели расправы с патриотами в Доме Советов на Красной Пресне, когда Ельцин совершил государственный переворот, преступно и противоконституционно расстреляв и разогнав Верховный Совет России¹.

¹Недели за две до расстрела патриотов в Доме Советов на Пресне в Москве срочно пожаловал смертельно хворый президент Франции социалист Франсуа Миттеран. Надо полагать, дабы поддержать Ельцина: не дай Боже, передумает и не отважится стрелять из танковых пушек.

Борис Николаевич отважился...

И бабник Клинтон очень беспокоился, кабы Ельцин не смалодушничал. танков-то сколько под рукой.

Борис Николаевич не смалодушничал...

Даже награды повесил «героям» октябрьской расправы. За «беззаветное» палачество.

Ведь имелся так называемый «нулевой» вариант развязки кризиса. Это одновременное переизбрание Верховного Совета и президента. Ельцин предпочел совершить государственный переворот, расстреляв своих политических противников. **Это противогосударственное, уголовное деяние.**

Никакие 9 января 1905 года не могут сравниться с расчетливым истреблением людей, взятых в кольцо на Пресне, — истреблением массированным стрелковым огнем и танковыми пушками... Ничего, сошло и вообще все сходит, ибо отвечает корневым масонско-сионистским интересам Запада, порабощения им России.

За грошовую прибавку к зарплате карательные части готовы были расшибить не только защитников Дома Советов, но и всю Россию, а за автомашину в награду, — перебить ее, свою русскую Родину, перебить уже до единого младенца. Сытое, рыгающее водкой воинство...

А преступные требования Ельцина расправ (смертных казней) над захваченными в Доме Советов патриотами? Это вынудило генерального прокурора России Казанника уйти в отставку. О причинах отставки он поведал в оппозиционной печати.

«...вся команда президента, как я убедился, формировалась не по профессиональным и личностным качествам, а только на принципах личной преданности. Поэтому эти люди, по существу, находятся в состоянии сговора, а если хотите, даже заговора... **сложилась определенная устойчивая группировка.** И они тесно спаяны, я бы даже сказал, слиты кровью событий октября 1993 года...»¹

«...сразу после октябрьских событий из администрации президента в прокуратуру поступили рекомендации о том, как нужно проводить расследование... следственную бригаду не создавать, выделить всего 5—6 человек следователей, провести расследование за три-четыре дня, всех надо приговорить к смертной казни»².

Время президентства Ельцина войдет в русскую историю как образчик беспримерного предательства интересов Отечества. Он

¹ Правда, 26 апреля 1994 года.

² Общая газета, № 15/40, 15 апреля 1994 года.

и не ведает, что это такое — национальные интересы России, не в состоянии даже просто понять их. Все они под национальными интересами разумеют одно: свою беспредельную власть над Россией и обогащение любым путем. Жадному желанию удержаться у власти любой ценой и посвящены все их усилия. Ещё остаться у власти, еще, еще... Пусть кровь, пусть убийства, пусть ложь...

Полуграмотные люди с дипломами, вообразившие себя реформаторами. Это они-то руководители? Они, ведущие страну от кризиса к кризису, от горя к горю, от достатка и достоинства — к нищете и позору государственной зависимости...

Это их «реформаторскими» заботами дела России теперь решаются не в Кремле, а в Вашингтоне: дать России еще 5—10 млрд долларов или не дать. Это Ельцин и ОНИ довели Россию до такого постыдства, подложив народ под ноги Западу: пожалуйста, вытирайте ноги...

Великие трутни в личине государственных деятелей.

Кабы только трутни...

При Ельцине Россия погрязнет в позоре. Имя русское будет предано осмеянию и поношениям.

Время, когда за русского не заступалось даже свое государство.

Время проходимцев и временщиков.

Бесстыжее время.

Грязью противорусских сцен буквально проросло кино, вот уже почти восемь лет изощряющееся в изображении русских пьяницами, непотребными существами. Великую борьбу русских в 1941—1945 годах бессовестно извращали (и извращают), стараясь доказать, что не наш народ победил гитлеризм и добыл для мира свободу. До сих пор еще продолжается эта оргия издевательств над русским прошлым и русским настоящим.

Фильмы о проститутках, случается, идут днем, идут рано вечером, как и фильмы с раздеванием, сценами любовного соития, оргазмами и прочими нескромными вещами (любовь не имеет ничего общего с той похабщиной, что набит телевизор). И это днем или рано вечером, когда их обязательно увидят дети и подростки. Кого же мы воспитаем?..

Язык большинства фильмов — непотребный, какой-то мусор из грубостей, затейливых ругательств, оскорблений и низостей. Делается все, дабы унижить человека...

Все вместе это — РАСТЛЕНИЕ.

И вообще это «новое российское (но не русское) кино» — непрерывная цепь сплошного безумия, какого-то шизофренического бреда. И лишь когда в кадре оказывается природа — попадаешь на время в психически здоровую обстановку.

Все это не только заданность новой идеологии. Это общее масонско-сионистское извращение жизни. Оно венчает капитализм. Жизнь не только в кино принимает все более душевно нездоровые черты.

Одно неослабевающее своей хватки РАСТЛЕНИЕ, РАСТЛЕНИЕ, РАСТЛЕНИЕ...

Подобное направленное воздействие на человека не может не вести к возникновению совершенно нового человека, в корне отличного от прежнего, — человека весьма сомнительных достоинств.

Так называемый «прогресс» создает уже новый устойчивый вид человека, которым вряд ли можно гордиться. И это сулит людям не лучшее будущее.

Архимандрит Серафим поучал:

«Не бойтесь убивающих тело, а бойтесь тех, кто может душу и тело погубить в геене».

Масонско-сионистское извращение жизни, растворяясь в буднях, уродует человечество во имя прибылей крупного капитала. Здесь культура, искусство — товар. Здесь растление превращает человека в червя, который уже не представляет угрозы миру наживы, миру частных отношений. Нет наций, нет народов, есть ничтожные, погруженные в свои инстинкты люди — это дает возможность захватывать их земли, лишать чувства Родины, обращать в стадо, пригодное лишь исполнять заказную работу.

Превратить человека в слизняка, пыль, животное — сию задачу с успехом решает ныне телевидение, кино, литература, живопись... Этому, в сущности, служат все мастера искусств и всех сте-

пней дарования. И лишь это щедро оплачивает масонский капитализм. Все это я вижу каждый день.

Одно неослабевающее своей хватки РАСТЛЕНИЕ, РАСТЛЕНИЕ, РАСТЛЕНИЕ...

И это свалилось на наши головы после Сергея Бондарчука, Сергея Герасимова...

Самое отвратительное в мировом кино — это игривые поцелуи, нежные объятия и даже соединения влюбленных среди крови и трупов. Для нормального чувства это непостижимо и омерзительно в высшей степени.

Мир эгоизма подводит человечество к трагедии смысла жизни...

И социализм нес в себе немало пороков, иначе бы не рухнул. Важнейший, как мне представляется, заключался в том, что человек был задавлен, человека не было.

Я полагаю, сейчас нет такого социального учения, которое могло бы всеобъемлюще и с убедительностью указывать человечеству на светлый выход из кризиса, хотя отдельные составные части-условия такого выхода все же просматриваются.

Мораль эгоизма, к примеру, не имеет права на существование.

Мораль барыша и накопительства как верховных побудительных начал жизни тоже не имеет права на существование (пусть, кто хочет, исповедует ее, но не возводит в мораль общества). Не могут являться смыслом жизни деньги. Коли так — это тяжелая болезнь общества.

Разумное и осторожное соединение двух систем: социалистической и капиталистической — представляется наиболее приемлемым¹.

В мире частной собственности государство должно играть значительную, даже ведущую роль. Оно должно управлять на-

¹ Подробно об этом и многом другом, очень любопытном и, на мой взгляд, нужном, можно прочесть в моей книге «Русская правда».

правлением движения общества. Оно должно оттеснить крупный капитал, открыв самую широкую дорогу для среднего и мелкого предпринимательства, которые столь действенно организуют производство и столь живо и с наименьшими потерями откликаются на запросы общества.

Как в промышленности, и не только крупной, должны присутствовать группы государственных предприятий, так и в сельском хозяйстве возможны и желательны те или иные виды участия государства.

Государство должно иметь твердую и неоспоримую власть над капиталом, ибо ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС НЕ МОЖЕТ ДИКТОВАТЬ ЖИЗНЬ НАРОДУ.

При слове «цензура» все вздрагивают, но как иначе может быть осуществлена политика воспитания человека?..

Общество должно через государство осуществлять жесткий контроль за направлением своего развития. Все, что складывает мораль общества, а также все средства идеологического воздействия на умы, все воспитание детей и юношества должно находиться под неусыпным надзором государства. В свою очередь, государство должно получать «казак» на определенную политику от общества. Эти две величины должны непрерывно взаимодействовать друг с другом: государство и общество.

Мир поглупел, считая ныне сионизированный капитализм верхом ума, сообразности и справедливости. **Будущее за государственным управлением экономикой.**

В этом нет ничего крамольного. Целесообразность подобного взгляда вынудила генерала де Голля в 1960-е годы провести частичную национализацию во французской промышленности; это, к слову, сделал не только он — делали и лейбористы в Англии. Неудачи преобразований связаны не с ошибочностью подхода, а скверным исполнением задуманного, в том числе и умышленным срывом работы государственных отраслей промышленности (или отдельных предприятий).

Экономика мира в значительной мере будет плановой, или мир погрузится в хаос.

В национальном государстве школа, воспитание людей, высшее образование, культура, наука, физическое здоровье народа, мораль, военная служба должны находиться под контролем государства. Государству должны принадлежать недра земли и воды, космические исследования, железные дороги, авиация, добыча полезных ископаемых, оборонные предприятия, по возможности и крупная промышленность. Ведь в царской России казенные предприятия были весьма распространены.

Жизнь страны должна определять национальная доктрина безопасности.

Поговаривают о созыве Земского собора. Все это, по крайней мере, несерьезно. Разве может режим, который обладает всей полнотой власти, всеми карательными средствами, дать возможность добровольно изжить себя, заменить на другую власть? Ведь власть — это возможность наживы. Кто, в какие времена добровольно отказывался от высшей власти (а ведь здесь идет речь не о человеке, обладающем высшей властью, а о целом режиме — коварном, хищном, преступном)?..

Кабы свой умишко пропил — не беда, а ОН — государство пропил. Все явственнее и явственнее на его лице проступает глупость. Возраст всегда безжалостностью обнажает коренные качества человека. В лице они уже не просто отпечатываются, а лепят его...

Впрочем, в нем это было видно всегда, но игра более молодого лица это как бы запудривала, подгримировывала...

Невозможность делать добро людям мучительна для души. Я о добре для миллионов жизней, не о благотворительности. Я не могу видеть разоренные детские дома, горе людей ранит. Уже укоренившаяся несправедливость в обращении с обездоленными людьми надолго выводит меня из душевного равновесия.

Невозможность помогать людям, невозможность делать добро освобождения от зла жизни как ссылка для моей души, как отрешение от смысла жизни.

Только одному себе, только себе, я не нужен.

ГЛАВА II

Изменили все до одного

Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) — из старинного дворянского рода. Его отец воевал в осажденном Севастополе вместе с Львом Толстым. Десятилетия спустя Толстой отправит его сыну, тогда уже всесильному главе правительства, обширное письмо, изобилующее назиданиями и упреками в неправильном понимании христианского долга, без коего бессмысленно браться за управление государством. Он предлагал Столыпину нравственно самоусовершенствоваться.

Столыпин окончил Петербургский университет. С 1884 года служил в министерстве внутренних дел. В 1902 году Столыпин — губернатор Гродненской губернии, с февраля 1903 года по апрель 1906-го — губернатор Саратовской губернии; за подавление сельских беспорядков Петр Аркадьевич получил личную благодарность самодержца.

26 апреля 1906 года Столыпин высочайше назначен министром внутренних дел. Революцию, как и Дурново, он подавлял со всей решительностью, нередко и виселицами, недаром их прозвали «столыпинскими галстуками». Столыпин заявил: «...сначала успокоение, а потом реформы». Он был человеком непреклонной воли.

Высочайшим указом 8 июля 1906 года Петр Аркадьевич был назначен главой правительства с сохранением портфеля министра внутренних дел.

С согласия самодержца Столыпин разогнал вторую Государственную думу и 3 июня 1907 года изменил избирательный закон в пользу буржуазии и буржуазной интеллигенции.

Указом 9 ноября 1906 года Столыпин приступил к аграрной реформе. К 1 января 1916 года 14 122,8 тыс. десятин земли закрепили в личную собственность 2 008,4 тыс. домохозяев и еще 4698 тыс. получили удостоверительные акты на 2 796,4 тыс. десятин. Таким образом, реформированными оказались 26% крестьянских общинных дворов, 14,7% крестьянского общинного наделного землевладения. Всем этим занималась особая Землеустроитель-

ная комиссия. Законом 11 мая 1911 года предусматривалось первоочередное создание участковых хозяйств: хуторов и отрубов (без переноса усадьбы). Хутора и отруба признавались хозяйственно наиболее целесообразными. Россия повторяла американское фермерское хозяйствование.

Особую роль в реформе занимало переселенчество.

По расчетам Столыпина, все данные меры в течение 20 лет должны были привести к созданию высокоразвитого сельского хозяйства с обеспеченным сытым крестьянством, которое навсегда сделало бы невозможным какое бы то ни было революционное брожение.

Столыпин рассчитывал через преобразование экономики лишить революцию ее опоры в крестьянстве и рабочем классе. В то же время он стоял за ограничения прав самодержца, переустройство монархии по английскому образцу: «король царствует, но не правит».

1 сентября 1911 года Столыпин был смертельно ранен агентом-provokатором киевской охраны адвокатом Мордкой Богровым.

Семья Ленина поддерживала самые добрые отношения с родными Мордки Богрова — богатыми киевскими домовладельцами.

Бывший киевский губернатор, действительный статский советник, камергер Алексей Федорович Гирс запечатлел в воспоминаниях гибель Столыпина — личности легендарной, но несколько спорной в русской истории, ибо в деятельности Столыпина много было от ущемления и даже попрания национальной России.

«1-го сентября 1911 года был четвертый день пребывания в Киеве императора Николая II, посетившего с августейшей семьей мать городов русских, чтобы присутствовать на открытии памятника царю-освободителю и на маневрах войск Киевского округа.

Утро 1-го сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде государя на маневры...

К 9 часам начался съезд приглашенных к театру. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды поли-

ции, у наружных дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены.

В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театре. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведовавшего охраной генерала Курлова, для чинов охраны, по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы (поймка террористки, которая, по сообщению провокатора Мордки Богрова, якобы должна была убить государя. — Ю.В.). В кармане сюртука у меня находился план театра и при нем список, на котором было указано, кому какое место предоставлено.

В 9 часов прибыл государь с дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним, налево, по другую сторону прохода, сел генерал-губернатор Трепов, направо — министр двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес, и раздались звуки народного гимна («Боже, царя храни». — Ю.В.). Играл оркестр, пели хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла «Сказка о царе Салтане» в новой, чудесной постановке...

Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале второго акта, когда государь с семьей отошел в глубь аванложи, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел... Простившись с министром (министром финансов Коковцевым, будущим графом. — Ю.В.), я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6-го или 7-го ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела... В театре громко говорили, и

выстрелы слышали немногие, но, когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастливы умереть за царя». Увидев государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руку и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович (он отвечал за безопасность царя в Царском Селе. — Ю. В.), вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший самосуд: он обнажил шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки прошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. «Каким образом вы прошли в театр?» — спросил я. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18-м ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: «Отправлено в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны». В это время вошел Кулябко (полковник, начальник Киевского охранного отделения. — Ю. В.)... Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: «Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил»...

Проводив государя до автомобиля, я вернулся в театр. П. А. Столыпина уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр продолжал играть гимн. Публика пела «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя», но в охватившем всех энтузиазме (воодушевлении. — Ю. В.) чувствовался надрыв, слышался вопль отчаяния, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку...

Всю ночь, до самого рассвета, провел В. Н. Коковцев у изголовья кровати раненого, в беседе с ним. Видя в В. Н. своего естественного заместителя, изнемогавший от раны Петр Аркадьевич последние силы свои отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни беззаветно любимой им матери-России.

На следующий день государь ездил в Овруч. По выходе из дворца его величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Малую Владимирскую. При входе в лечебницу государь спросил встретивших его врачей, может ли он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с его величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится только что прибывшая из ковенского имения супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, государь пожелал ее видеть...

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули консилиум, с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера, вынес отрицательное решение.

4-го сентября, вечером, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабело, и около 10 часов вечера 5-го сентября он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу, и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5-го сентября находился в Чернигове, 6-го сентября утром он возвратился в Киев на пароходе по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проехал поклониться праху своего верного слуги, жизнь положившего за Россию...

«Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть», — говорил П. А., предчувствуя близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими, и местом его упокоения была избрана Киево-Печерская лавра.

8-го сентября, вечером, печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерск, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и вместе с тем просто...

В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящим с думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими:

«Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия».
Большевики... его (памятник. — Ю.В.) уничтожили...»¹

Сколько же грязи выплескивалось на царя и его жену! Всем миром получали удовольствие от того, что позорили монарха. А планы покушений на его жизнь, одно из которых (савинковское) — на флотском смотре — столь опасно приблизилось к осуществлению?..

Все по наущению либерально-сионистской печати вцепились в трон, раскачивая у кого сколько сил. Все твердили: «Без царя и монархии будет лучше, будет лучше, лучше... Нам бы республику, республику...» И завистливо вздыхали на Европу.

И где же это «лучше»?..

Конец XX столетия. Россия во мгле: или исчезнет в ней, или воспрянет. Все всматриваются в ее уже неясные очертания. Медленно, упорно тают ее такие дорогие черты. Мгла все смыкается и смыкается. Навек уходит, навсегда...

Без России жить?..

Не ждите меня никогда. Не ждите.

Мне без России нет места на этом свете...

Даже книгами к вам не вернусь...

¹ Литература русского зарубежья: Т. 2, 1926—1930. — М.: Книга, 1991. С. 305, 307, 308, 309, 310.

Большую историческую ценность несут воспоминания генерал-квартирмейстера (начальника оперативного отдела штаба Северного фронта Юрия Никифоровича Данилова. Они, пусть односторонне — на «просвещенно»-либеральный (безродный) взгляд, — но весьма выпукло рисуют картину отречения Николая II на станции Дно под Псковом в личном царском поезде, куда пожаловали посланцы Думы — глава (наряду с П. Н. Милюковым) англо-думско-генеральско-масонско-милюковско-гучковского заговора против государя и императора и монархии А. И. Гучков и один из вожаков русских националистов В. В. Шульгин — депутат последних трех составов Думы.

Выколотил же отречение из самодержца, загнанного заговором в февральскую ловушку, главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский с опорой на начальника штаба Верховного главнокомандующего, то есть самого царя, генерал-адъютанта М. В. Алексеева.

Одураченный мир царской России поднял руку на то, что тогда бесспорно (как и доныне) составляло во всех смыслах незыблемую опору национальной России — ее вековое устройство власти, отвечающее ее самым насущным историческим, иначе говоря — национальным, интересам.

«Через некоторое время мы — не помню точно, через кого — получили приглашение государя пройти к нему в вагон.

В прихожей вагона на вешалке висели два как будто мне уже знакомых штатских пальто, — почему-то резким пятном они бросились мне в глаза. «Они уже там», — мелькнуло у меня в мозгу. И действительно, в хорошо знакомом мне зеленоватом салоне, за небольшим четырехугольным столом, придвинутым к стенке, сидели с одной стороны государь, а по другую сторону, лицом к выходу, А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Тут же, если не ошибаюсь, сидел или стоял, точно призрак в тумане, 78-летний старик — граф Фредерикс (министр двора. — Ю.В.).

На государе был все тот же серый бешмет, и сбоку на ремне висел длинный кинжал. Депутаты были одеты по-дорожному: в пиджаках и имели «помятый» вид. Очевидно, на них отразились предыдущие бессонные ночи, путешествия и волнения... Особенно устало выглядел Шульгин, к тому же, как казалось, менее владевший со-

бою. Воспаленные глаза, плохо выбритые щеки, съехавший несколько на сторону галстук вокруг измятого в дороге воротника...

Генерал Рузский и я при входе молча поклонились. Главнокомандующий присел у стола, а я поместился поодаль — на угловом диване.

Вся мебель в гостиной была сдвинута со своих обычных мест к стенам вагона, и посредине образовалось свободное пространство.

Кончал говорить Гучков. Его ровный мягкий голос произносил тихо, но отчетливо роковые слова, выражавшие мысль о неизбежности отречения государя в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича...

В это время плавная речь Гучкова как бы перебилась голосом государя:

— Сегодня, в три часа дня, я уже принял решение о собственном отречении, которое и остается неизменным... — произнес он, волнуясь...

Государь, несколько помолчав, встал, намереваясь пройти в свой вагон. Поднялись со своих мест и все мы, молча и почтительно проводив императора взглядами...

Минуты казались часами.

И вот наконец вошел государь и принес с собою текст манифеста, отпечатанный на пишущей машинке на нескольких белых листах телеграфных бланков. Насколько помню, это и был тот проект, который составляли в Ставке (генералы-заговорщики во главе с начальником штаба Верховного Алексеевым — будущим белым вождем. — Ю.В.), но только несколько видоизмененный соответственно последнему решению государя (не передавать престол сыну Алексею, а «отписать» своему брату Михаилу. — Ю.В.)...

Побеседовав еще несколько минут, государь распростился со всеми, приветливо пожал всем нам руки и удалился к себе в вагон.

Я больше не видел отрекшегося императора никогда (не отрекшегося, а ОТРЕЧЁННОГО, ибо вся эта заговорщическая масонско-либеральствующая нечисть, разбередив Россию, уже и без того подраненную войной, вырвала скипетр и державу из августейших рук. — Ю.В.)...

Все стали выходить из вагона...

Следуя сзади всех, я оглянулся, чтобы бросить последний

взгляд на опустевший салон, служивший неммым свидетелем столь важного события. Небольшие художественные часы на стене вагона показывали без четверти двенадцать. На красном ковре пола валялись скомканные клочки бумаги... У стен беспорядочно отодвинутые стулья... Посредине вагона с особой рельефностью (выразительностью. — Ю.В.) зияло пустое пространство, точно его занимал только что вынесенный гроб с телом усопшего...

Почти 23 года император Николай находился во главе страны, занимавшей одну шестую часть земной поверхности и имевшую население около 170 миллионов человек!..

Выйдя на темноватую, плохо освещенную платформу, мы, к удивлению своему, увидели довольно большую толпу людей, молчаливо и почтительно державшуюся в некотором отдалении от царского поезда...

Все документы были помечены 15-ю часами (три часа пополудни) 2 марта 1917 года, то есть временем, когда императором Николаем II в действительности было принято решение об отречении...

Около трех часов ночи на третье марта депутаты выехали обратно в Петроград. Часом же ранее оба литерных поезда, последовательно, один за другим, медленно и бесшумно отошли от станции Псков в направлении на Двинск, увозя отречшегося (отреченного. — Ю.В.) императора и его свиту в Ставку...»¹

Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) — сын выслужившегося в офицеры (штабс-капитана) николаевского солдата (Николая I), полный генерал, профессор Академии Генерального штаба. В русско-японскую войну 1904—1905 годов — начальник оперативного управления штаба 3-й армии. С 1908-го по 1912 год — начальник штаба Киевского военного округа.

Главкомандующий Северо-Западным фронтом и начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армии в Первую

¹ Литература русского зарубежья: Т. 2, 1926—1930. М.: Книга, 1991. С. 379, 380, 381, 382.

Такое впечатление, будто воспоминания писал не русский, не изнывающее душой за Россию чадо ее, а правоверный масон, да к тому же мямля. Сухое пережевывание трагичнейших событий, за тысячелетие трагичнейших!

мировую войну (с сентября 1915 года), Алексеев оказался втянут А. И. Гучковым в англо-думско-генеральско-масонско-милюковско-гучковский заговор против царя, который, кстати, в неведении своем считал генерала и своей военной опорой; и своим другом («мой косоглазый друг», — с теплотой говаривал государь император об Алексееве).

«Косоглазый друг», не дрогнув, изменил присяге, предал самодержца, всячески способствуя выколачиванию из него отречения.

В историю Алексеев вошел как одаренный русский стратег, душа борьбы с немцами в Первую мировую войну и как один из самых влиятельных изменников, толкнувших Россию в пучину неземных испытаний XX столетия.

После февраля 1917 года и до 21 мая того же года он являлся Верховным главнокомандующим русской армии. Зачинатель белого движения, участник Ледяного похода Белой гвардии через кубанскую степь зимой—весной 1918-го. В Белой армии отвечал за внешние сношения, будучи формально ее «верховным руководителем», но подлинным главнокомандующим являлся генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Алексеев умер в конце сентября 1918 года в Екатеринодаре от воспаления легких. Его дочь, Вера Михайловна, — уже девятистодвухлетняя старуха, прислала мне из Аргентины в начале 90-х годов редкую фотографию своего отца.

Обо всем этом можно подробно прочесть в моей книге «Русская правда» (1999) и отчасти в моей трилогии «Огненный Крест» (1992—1993).

Александр Иванович Гучков (1862—1936) — один из самых злобных врагов Николая II, идейный вдохновитель и непосредственный организатор февральского переворота. Однако до 1905 года по ряду вопросов занимал консервативную сторону.

Крупный московский домовладелец, промышленник, основатель партии октябристов. Почитатель Столыпина. В молодости Гучков участвовал в англо-бурской войне, в России дрался на дуэли. С марта 1910-го по март 1911-го — председатель 3-й Государственной думы; председатель Временно-промышленного комитета — штаба по подготовке февральского переворота. Вместе с Милюковым — глава заговора, которому англичане помогали сколотиться

и который подталкивали к действию. Вместе с Шульгиным Гучков принимал отречение государя императора на станции Дно под Псковом. В первом составе Временного правительства Гучков — военный и морской министр. После уехал на фронт прапорщиком, но вскоре вернулся в Петроград опять плести заговор, теперь корниловский. В 1918-м Александр Иванович бежал в Берлин. Был ненавидим белой эмиграцией. Один из первых губителей национальной России, имя проклятое действительно русскими.

Николай Владимирович Рузский (1854—1918) — полный генерал-и искусный интриган. Участник войн: русско-турецкой 1877—1878 годов и русско-японской 1904—1905 годов. Автор Полевого устава 1912 года. Пользовался известностью в Первую мировую войну, особенно в либеральных кругах. В начале командовал 3-й армией. С сентября 1914-го и по март 1915-го — главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта. Уволился по болезни. Через четыре месяца получил в командование 6-ю армию. С августа 1915-го и по апрель 1917-го — главнокомандующий войсками Северного фронта.

Рузский изменил присяге, будучи одним из самых деятельных участников заговора против монархии. Высказывался в антисемитском духе (о чем вспоминал небезызвестный Симанович), что для либерала и масона было просто удивительно: заговорщиками являлись масоны в гражданских сюртуках и масоны в генеральских мундирах.

Рузский состоял в прямой связи с английскими вдохновителями заговора. Во исполнение заговора, пользуясь тем, что государь император вынужден был остановиться в полосе его фронта на станции Дно, оказал на него беспримерное давление, требуя немедленно подписать отречение. В ряде случаев вел себя с самодержцем непозволительно настойчиво и даже нагло. Во многом благодаря Рузскому Николай II вынужден был согласиться на отречение. Семья с императрицей в Царском уже находилась во власти заговорщиков, брошенные придворными и окруженные натравленной солдатской чернью.

Это, а также опасение ввергнуть страну в гражданскую войну, что делало ее добычей Германии, и уму непостижимая круговая из-

мена заговорщиков-генералов (а они являлись единственной вооруженной опорой трона) во многом predetermined решение последнего русского императора.

Судьба воздала должное Рузскому. 19 октября 1918 года он и ряд других генералов и сановников бывшей императорской России были зверски убиты на городском кладбище в Пятигорске. Их не расстреляли. Их закололи штыками, ножами, измозжили прикладами.

Ленин весьма сожалел о расправе, ведая о республиканских настроениях Рузского от другого изменившего присяге генерала — Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича (родного брата управляющего делами Совнаркома, старого большевика Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича: в 30-е годы старый большевик наладится «стучать в органы» сперва Ягоде, затем Ежову, а после Берию).

Республиканскими генералами революция не прочь была пользоваться.

Когда смотрю на множество фотографий русской эмиграции, где во всем — печаль и обреченность, невольно думаю, что так вам и нужно, господа. Ведь вы все, за ничтожным исключением, предали своего верховного вождя, свою Богом определенную национальную власть и послали его с женой и детьми на расправу-бойню в Екатеринбург.

Это не красные и не Керенский, а вы загубили его. Не белые вы герои, а иуды...

Не ждите меня никогда. Не ждите меня...

Предательство — давно уже одна из профессий не одного человека, а многого множества. Уже Иуда заработал на божественной крови и муках 30 сребреников.

Почти все читали Библию, и почти все продолжают предательствовать.

Поражает и слепота людей. В новой республиканской России (пусть и без красных) им пришлось бы туговато. Они должны были бы столкнуться с напором людей из народа — столкнуться в усло-

виях, когда происхождение, чины и т.п. уже ничего не значили бы. Борьба за место в жизни несравнимо обострилась бы. Их ждала иная жизнь и чаще — не под лучами солнца.

Не могу не написать и о другом. Буду всегда держать в памяти осознание значения личности и личностей в истории, выношенное мной в опыт жизни. Значение сие чрезвычайно велико. Ум и воля взнуздывают историю. Все эти денежно-хозяйственные подосновы событий всегда уступают натиску гения — гения черного или светлого. Для истории это безразлично. **Исключительно подлую, промасонскую роль в русской истории исполнили Гучков, Милюков, генералы Алексеев, Рузский и, конечно же, шут российской демократии Керенский.** Им нет и не может быть прощенья в нашей памяти.

К ним необходимо присоединить и главнокомандующих фронтов, верность присяге которых обеспечила бы сохранение монархии, а стало быть, и в общем счете уберегла бы от последующих громадных, воистину космических потрясений страну и жизнь десятков миллионов людей. Не оказались бы разбиты и снесены в сточную яму истории благополучие и счастье и других десятков миллионов. Не двинула бы русская история через кровавые топи, завалы трупов и позорище убогих правителей. И не стала бы ныне Россия данницей западного мира.

«Прогресс» (передовое развитие) видели в разгроме своей исконно русской власти, стыдились своей власти и своей политической, культурной «отсталости», обезьянничая буквально все с Европы. Гордились сближением с Европой. Становились европейцами, стаптывая с себя все русское и заплевывая все русское.

Впрочем, как и в советское время, при нем, правда, было несколько иначе, но по-своему так же: первыми сочинителями, первыми поэтами объявлялись нерусские люди. Я не хочу обижать этих людей, но это были казахи, татары, узбеки, множество полубесталаных евреев. Все сплошь нерусские... А гонорары? Один из них имел такие, что госбанк не в состоянии был с ним рассчитаться. Настоящие баи, падишахи...

И актеры, певцы... русских счесть по пальцам, а остальные — половодье, нашествие, но опять-таки по преимуществу нерусское...

А русские? Русские блуждали по гэбэшным психушкам, спива-

лись, не имея возможности преодолеть цековские заслоны, цедящие назначенные ими таланты... Что мы ведали о великом Николае Рубцове? Господи, какой же был поэт!

Нерусская, масонско-сионистская работа против моего народа не прекращалась (и не прекращается) ни на минуту.

А тогда, в первые 17 лет нового столетия, «спасали» Отечество от монархии, рвались к парламентаризму, «ответственному министерству». Угрозу видели в самодержцце, который верой и правдой служил Родине и народу...

Изменили ведь все до одного. Вот их имена. Адмиралы Непенин и Колчак. Генералы Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров. И, наконец, великий князь Николай Николаевич — не то длинный недоумок, не то длинный иуда царствующего дома (у него был рост за два метра), старый, опытный интриган и лжец, который не раз клялся государю императору в верности именем Бога.

На всех кровь царя, царицы и их детей.

Все с упоением сбросили Россию под откос.

Не оправдание им, что все, кроме Гучкова, Керенского, отчасти и Милюкова, после прозрели. Уже были изрешечены пулями коммунистов-убийц царь, царица и их дети с верными слугами. И Россия, объятая пламенем междоусобной резни, устремлялась в свое горемычное, окаянное будущее.

Права человека...

Не ждите меня никогда. Не ждите...

Архиепископ Иоанн (Максимович) писал в 1938 году:

«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно, клятвопреступление и Цареубийство. **Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, ВЫНУДИВ** последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. В грехе Цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и

осылку, оставив беззащитным в руках преступников, что уже само собой предопределяло конец. Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов...»¹

Тут необходимо уточнение.

Народ ликовал и был согласен на убийство царя — НАРОД БЫЛ ДОВЕДЕН ДО СЕГО СОСТОЯНИЯ.

Народ долго и упорно растлевали.

Народу лгали.

Народ спаивали.

Народ задурили миллионами листовок, газет, книжек, пьес, брошюр, речей...

Народ натравливали, разжигая и разжигая злобу.

Народ долго, упорно, последовательно взводили на градус ненависти к своей национальной жизни и православию.

Протоиерей Каледа пишет в своем исследовании «Плащаница Господа нашего Иисуса Христа»:

«Образ сентиментального моралиста, любоддея и любимца женщин рисовал Ренан в своей некогда очень популярной книге «Жизнь Иисуса». Он, как и Толстой, отрицал Божественность и чудеса Христа. Его произведение наш выдающийся духовный сочинитель епископ Михаил (Грибановский) назвал «Евангелием мещан»².

Человека, который отдал жизнь за всех, который проповедовал добро и любовь, как единственный спасительный путь для людей, как вообще единственный способ их выживания, представители человечества упорно стараются унижить пошлыми домыслами, лишь бы убраться воистину святой смысл его поступков и поучений, лишь бы так втоптать в грязь, чтобы у него не оказыва-

¹ Иеромонах Серафим (Роуз)... Будущее России и конец мира. — М.: Издание Сретенского монастыря, 1996. С. 11.

² Туринская плащаница. — с проникновением пишет в своей книге протоиерей Глеб Каледа, профессор, доктор наук, ученый геолог, — подтверждает справедливость изречения английского мыслителя Фрэнсиса Бэкона (1561—1626), что малое знание удаляет от Бога, а большое — приближает к Нему».

Сведения о плащанице были скрыты от советского народа почти до самого крушения СССР.

лось последователей. И все это по-масонски выдается за «научные исследования» и «прогресс».

Лев Толстой записал в дневнике: «...греко-русская вера есть одна из самых суеверных и вредных ересей».

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Но правды ради: исконно старая, православная Россия всегда противилась демократии и большевизму. Она видела в «передовой» демократии и большевизме не только революционную, но и чужеземную силу, посягательство на русские земли, страшную наемную силу (силу многоликую, перетекающую свободно из одного образа и одних речей в другой, уже непохожий образ и вроде бы другие речи, но все и всё — ядовитые для национальной России и раздольной, чистой народной жизни).

Наконец, поднялась на борьбу и белая часть России, во многом еще отравленная ядом лицемерного масонства, партийности и продажного западного парламентаризма, а самое кроваво-главное — клейменная отступничеством от своего верховного вождя..

Святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси, говорил незадолго до кончины:

«Все чаще и чаще раздаются голоса... что «только чудо может спасти Россию»...

Грех, тяготеющий над нами, — сокровенный корень нашей болезни... Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей (отчего они и русскими-то перестали быть. — Ю.В.)... Грех помрачил наш народный разум... Грех разжег пламень страстей, вражду и злобу... Да отмоеся вся Русская земля...»¹

Поганые, безродные ручки лапали, марая, втоптывая в грязь, святые русские хоругви...

«Да отмоеся вся Русская земля...»

Однако не отмылась. Еще с вожделием поглядывает на сытую жизнь дядюшки Сэма, многие готовы за такую на все.

И терпят, сносят все, совершенно все...

Это было событие тысячелетней важности — 18 июля 1998 года — захоронение останков Николая II и его семьи, но только по-

¹Россия перед вторым пришествием. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1993. С. 254.

гребали их **идейные** потомки тех, кто отрешил Николая II от престола в конце февраля 1917-го — **все те же демократы**, враги национальной России, все под стать Гучкову, Милюкову, Керенскому... — уроды русской истории.

Недаром Господь отметил Ельцина несмываемым позором взрыва дома Ипатьева — не кто-то другой, а именно он взорвал и даже не позаботился что-то сохранить от дома, хоть какую-то вещь, хотя бы камень...

Именно этот секретарь Свердловского обкома партии, свирепый партийный давила — другие в обкомы не попадали, — со всей возможной старательностью стер память о месте гибели царя.

Невыразимо тягостно было смотреть на этого человека, когда он 18 июля 1998 года держал свечу в Петропавловском соборе и напускал на себя личину скорби.

Он притворяется всю жизнь.

И еще о значении личности.

Кабы советская власть в годы кризиса (1987—1991) выдвинула умного, бесстрашного вождя, она устояла бы, не поддавалась бы нажиму масонской Америки. Имея под рукой могучую армию, могучий Комитет государственной безопасности, развитое, а главное, самостоятельное народное хозяйство и, что очень важно, — всеохватывающие средства массовой (общей) информации, которые позволяли убедительно управлять народным сознанием, такой человек сплотил бы страну и отразил бы все хищные наскоки мировых кровососов.

Система отбирала послушных и бесцветных. Из таких вожди не выходят. Послушные и бесцветные и провалили и свое коммунистическое дело, и, осралив, загубили нашу Россию.

Руководила страной всякая слякоть, ставшая властью не дарованием, а выслугой лет, бюрократическим протиранием штанов. **Чинovníк не способен возглавить стихию народного движения. Природе стихии соответствует вождь — особое состояние духа, особая материя человека.**

Путь России...

Билась, билась. Поднялась к жизни.

Поднялась... чтобы стать удобрением для чужой цивилизации.

ВРЕМЕНЩИКИ

Черви решают твою судьбу...

В феврале 1917-го было убито лучшее, чем владел русский народ: его естественная, национальная жизнь.

Поднялась Россия, вдохнула всей грудью родной прозрачный воздух — и пала. Пала...

Как с этим смириться?!

Отняли у России будущее, ее родную русскую статью и неповторимость.

С того времени и не слышим твой голос. Все якобы твои речи — вовсе и не твои, чужие. Голос, их произносящий, — не русский. Слова русские, но голос не русский, и слова поэтому чужие... Боже, как же пошла и гадка эта речь!..

Растоптана душа России.

Закопали Россию. Плиту навалили.

Господи, как можно не любить Россию?!

Не ждите меня никогда. Не ждите!..

В Романовых шло накопление русского духа, русского склада ума, русского взгляда на свет. Это особенно беспокоило врагов Русского государства.

Самодержец, кстати, и в мыслях не имел обогащаться за счет государственной казны. Он пользовался средствами, особо выделяемыми из нее на Двор, — и не копейкой больше.

Из посмертного издания «Черемуха» («Записки писателя») Михаила Петровича Арцыбашева (1878—1927) — известного русского писателя, оказавшегося с 1923 года в эмиграции, по убеждению — матерого демократа, врага русской монархии:

«...Ибо обман рассеивается, а правда остается...

Нет, русские дети, никогда не забывайте, что сделали с вашей Родиной, с вашими отцами, братьями, сестрами и матерями...

Если мы окажемся способными это забыть и простить, то значит, мы были достойны того, что с нами сделали.

Не слушайте людей, у которых вместо... головы — точка зрения...

Самое подлое и гнусное деяние большевиков — это зверское избивание царской семьи.

Я — не монархист... Не потому считаю я это убийство величайшей гнусностью, что убит был именно царь, а потому, что в этом кровавом акте трусливая подлость большевиков выявилась во всей своей ужасающей гнусности...

Как все это далеко от кровавого мужества Дантонов и Робеспьеров!

Вместо открытого суда перед лицом всего народа — трусливый и темный заговор; вместо поименного голосования — обмен шифрованными телеграммами; вместо зала народного собрания — высокий забор вокруг места убийства; вместо эшафота на площади Революции — подвал в доме Ипатьева...

Предать суду? Но за что судить?

Людовик XVI был судим и казнен не за то, что он был королем, а за государственную измену — за сношение с врагами Франции.

Но и самые озлобленные люди не могли бы предъявить такого обвинения Николаю II, отказавшемуся «открыть фронт немцам», когда это могло спасти монархию, и отказавшемуся подписать позорный для России мир (наподобие преступнейшего Брестского мира Ленина. — Ю.В.), когда это могло спасти его самого. Нельзя же было судить его за то, что, рожденный императором, он твердо верил в свое помазанничество и защищал свое «священное право» на самодержавную власть! За это, конечно, могла его растерзать революционная чернь, но для разумных и честных людей вряд ли было возможно вынести смертный приговор (Арцыбашев позволяет такое недопустимое выражение, как «вряд ли»; это уже оправдание зла и противоречит смыслу его же исповеди. — Ю.В.)...

Преданность!.. Его предали все без исключения, без оговорок и без промедления...

Иначе не могло бы случиться, что на глазах миллионов... полтора года мучили, оскорбляли, убивали несчастного царя и его ни в чем не повинных детей.

А так было.

И мы даже не слышали ни об одной серьезной, а главное — многолюдной попытке к их спасению... Народ остался равнодушен к судьбе империи. Он был поглощен своими делишками. Он неистовствовал в революционном азарте, он грабил, убивал...

Николай II был последним царем. Царем «милостию Божией»,

помазанником, тем царем, о котором русский народ с глубокой и восторженной верой говорил: «Одно солнце на небе — один царь на Руси»!..

Но не нужно клеветать на это прошлое...

...не надо забывать, что самодержавию русский народ был обязан величием и мощью России...

Много было темного и страшного в истории русских царей... Но все они — и этого никто не посмеет отрицать — чувствовали себя ответственными за судьбы России... Что бы там ни было, но глубокой основой каждого царствования был все тот же завет Петра Великого: **БЫЛА БЫ ЗДОРОВА РОССИЯ!** (Выделено мной. — Ю.В.)

И последний русский царь, даже уже лишенный престола, даже уже примирившийся со своей участью, в муках унижения и страха за себя и своих близких, не мог даже и помыслить о том, чтобы ценою позора России спастись от неминуемой гибели. И когда он узнал о большевистском перевороте, когда понял, что близится его собственный конец, он ничего другого не мог записать в свой дневник, кроме краткой и горячей молитвы: **Боже, спаси Россию!**

И страшной смертью своей и всех своих, так горячо и страстно любимых им детей, заплатил он за отказ подписать позорный мир со всемогущим тогда врагом России.

Этого забыть нельзя!..

Я покинул родину не из страха перед террором, не потому, что боялся голодной смерти, не потому, что у меня украли имущество, и не потому, что я надеялся здесь, за границей, приобрести другое.

Нет, я покинул родину потому, что она находилась во власти изуверов... во власти людей, которых я презираю и ненавижу.

Я покинул родину потому, что она перестала быть той Россией, которую я любил, и превратилась в страну III Интернационала, по духу чуждого мне и ненавистного. (Зачем же вы тогда, сударь, ломали русскую власть? И пошто жалуетесь, коли всеми своими потрохами способствовали приходу Интернационала? — Ю.В.)

Я покинул родину потому, что в ней воцарилось голое насилие, задавившее всякую свободу мысли и слова. (Стало быть они, эти свободы, имелись при презираемом вам царе. И насилия при старом «режиме», оказывается, тоже не было — иначе о чем стенать и

слезу ронять?! — Ю.В.), превратившее весь русский народ в бессловесных рабов (Значит, при самодержавии русские не были рабами, не были «бессловесными скотами», а были полноценными гражданами. — Ю.В.)...

Моя родина — это русский народ, со всей его историей, с его величавым прошлым, с его культурой, с его языком, с его поэзией, с его своеобразной красотой.

С тем, что загажено ныне до неузнаваемости.

Чужой дух воцарился над моей страной, и она стала мне временно как бы чужой.

Быть может, чужой останется и навсегда.

Ибо я тоскую... о России...»¹

Народ усвоил от большевизма: капиталисты воруют труд у людей. От капиталистов надо избавиться, как от паразитов.

Пощады не было никому.

Во все правление коммунистов слово «буржуй» являлось едва ли не самым позорным ругательством. Буржуй, то бишь дармоед, кровосос.

«У красного корыта»².

Что и толковать: дружно пали на колени бывшие миряне, дабы сподручнее лакать из корыта. Даже не замечали, что хлёбово-то на крови замешано. Очень многие сразу позабыли (ну, отлетела память...), как и крестное знамение сотворять...

Я насмотрелся: от царя отреклись — затоптали вместе с женой и детьми, зато на Иосифа Виссарионовича принялись молиться. Иосиф Виссарионович затих навеки — заплевали, а погода и все остатки национальной власти на лжерусскую власть взяли да разменяли.

¹ Литература русского зарубежья. Т. 2, 1926—1930. М.: Книга, 1991. С. 433—461.

Предали, забили Россию, а после рыдья рыдали: ошиблись! Презираемое ими самодержавие, оказывается, никого-то не травило и не угнетало, а ежели и отвечало силой, то — защищаясь, только защищаясь.

Вот что за сказ на деле-то выходит...

² Следующая глава страстной исповеди-речитатива Арцыбашева называется «У красного корыта».

Забыли, что не течет река обратно. Не воротить того, что так запросто отдали и отдают, не воротить...

Теперь помирают от нужды и обид, а уж не воротить ничего, ибо нет и остаточка от своей власти, все задарма отдали...

Не ждите меня никогда.

До конца февраля 1917 года в Санкт-Петербурге несла службу особая караульная рота из заслуженных нижних чинов. Ее караулы стояли у подножия памятников Николаю I, Александру III и Александрийского «столпа», увенчанного возлетающим ангелом, — памятника победоносным александровским походам против Наполеона.

Как писал Иван Созонтович Лукаш (1892—1940) — сын отставного солдата (судя по всему, павлоградца), выпускник Петербургского императорского университета и русский писатель в эмиграции, — у нижних чинов сей роты мундир был «форменный, черного сукна в золотой позумент», в зимнее же время полагались валенки.

Пала эта рота заслуженных солдат — ветеранов последних войн Русской империи, как и самодержавие, в подлом феврале семнадцатого.

Вымерзли же и вымерли от голода старики-солдаты — гордость русской армии вскоре после октября семнадцатого. Не ведая ничегошеньки о социалистической революции и не понимая ее, они, раненые-перераненные старики-ветераны и герои последних русских войн, по словам Лукаша, лежали в занесенной снегом ледяной казарме, надеясь до последнего мига, что все же сыщется в империи кусок хлеба им, старым солдатам, что защищали ее.

Не нашлось.

Кому дело до такой малости. Ведь Ленин, по воспоминаниям Горького, обращался к судьбам людей тогда, когда счет им велся на миллионы.

Вымерзли старые солдаты.

Вымерли, родимые.

Царство им небесное!

И уже мы своих стариков в 1992—1999 годах очень спокойно, очень деловито оставили на погибель. Надо же прорываться в новую жизнь. Не без жертв. И затем помойки, все же можно что-то и наскрести. Вон у каждого дома по баку...

Отвернулись и оглохли, ослепли, ровно нет их.

Смертность подпрыгнула тогда, в 1992-м, небывало, нарастая и по сию пору.

Вымирали в крайней нужде прежде всего старики. Многие прежде вынуждены были искать пропитание в помойных отбросах. А после тоже умирали без лекарств и еды.

К какой же справедливости мы тогда смеем взывать? И кто же мы?

Ведь вся наша жизнь взошла на руках стариков, а мы, как и чем оплатили?

Могильными крестами...

То, что делал народ с 1917-го по 1999 год, служит доказательством всегда существующей возможности соращения его — поворота на любые действия. Ни о какой мудрости здесь говорить не приходится.

С помощью же современных средств массовой информации людям доступно внушить все, что угодно. Просто в определенных случаях для этого нужно больше времени и бесстыжей изворотливости.

Свобода предполагает для человека быть чем-то отличным от нуля. Тогда свобода и становится необходимостью. Только тогда, иначе она переходит в свою противоположность и рождает несвободу.

Не ждите меня никогда.

ЧУДЕСА ГОСПОДНИ! КОВАРНОЕ МАСОНСТВО ТРАВИТ, ПРЕСЛЕДУЕТ И, НАКОНЕЦ, УБИВАЕТ ЦАРЯ, ПОТОМ, ЧЕРЕЗ 80 ЛЕТ, ТОРЖЕСТВЕННО ХОРОНИТ. Что уж тут рядить, умеет менять шкуру...

Красные, белые... Те и другие сначала крепко поглумились над старой Россией, монархией, предали и убили своего верховного вождя — царя, кровь которого в одинаковой мере на одеждах красных и белых. Сие отнюдь не преувеличение.

Дерзнуша сотворити, отчего народу телесная и душевная погубели приидоша...

Белые клеймены февральским отступничеством от царя. Все они тогда участвовали в великом празднике «освобождения» народа. Особенную, роковую роль сыграли Гучков и Милюков.

В итоге одни кинулись возрождать национальную Россию, но смогли это проделать уже в эмиграции лишь на словах — в воспоминаниях и художественном слове, посвященном Родине... Другие, это красные, принялись еще глубже закапывать национальную Россию, затолкав в одну могилу с убиенным монархом и покрыв все удушающим саваном молчания, нарушаемом лишь в крайней необходимости бранными выкриками и новыми излияниями лжи — так им Ленин завещал, ложью которого тогда прикрылось злодейство в Екатеринбурге...¹

Ельцин ухитрился в одном лице быть и тем, и другим — и красным, и белым, да еще и американской марионеткой...

В итоге русскую цивилизацию, впрочем, как и всю земную, теперь уже окончательно и навеки смывает иудейская. Во всей этой истории народ сыграл роль подставной силы, исполнив (и исполняя!!) чужую волю, не свою, и расплачиваясь за это несчастной жизнью.

Ведь революционная социал-демократия, совершившая преступление в Екатеринбурге, являлась всего лишь **разновидностью** мирового (и тоже революционного) масонства, всего лишь разновидностью, не более. Она исполнила черную волю верховного масонства, всего только исполнила.

¹Читаем в когда-то очень шумевших «Трех столицах» Василия Витальевича Шульгина (1878—1976) — как мы знаем, он тайком посетил красную Россию в 1927 году, хотя ОГПУ было осведомлено о его намерении и пропустило его через Россию, дабы использовать будущие воспоминания в пропагандистских целях (мол, все не так: Россия под властью большевиков возрождается):

«..Я поднялся еще выше и взял к Михайловскому монастырю (Шульгин посетил свой родной Киев. — Ю.В.). Вот знакомые, старого, волнующего рисунка ворота в Михайловском подворье. Над воротами, где раньше была икона, в рамочке сосновых ветвей торчит богомерзкая рожа Ленина...

Удивительная физиономия у этого Ленина... Да уж, действительно...» (Литература русского зарубежья. М.: Книга, 1991. С. 196).

Национальные черты советскому государству придавал сам народ — его родовая пуповинная связь с прошлой жизнью.

Народ ослаблял многие положения чужеродного марксизма, не отвергая, однако, социальную справедливость, которую тот утверждал, пусть в известной мере, декларативно (заявительно).

Народ сохранял верность прошлому (родной истории), языку, культуре, отчасти и вере. Эта связь ослабляла марксистское содержание советского строя, заставляла его изменяться, делала его все более национальным. **Хотели мы того или не хотели, но Советский Союз был и Отечеством русских.**

Последние два десятка лет советской власти явились напряженной борьбой партийной верхушки за сохранение власти и в несравненно меньшей мере — за безопасность советского государства.

Боже, сколько же нечисти тогда загнездилося на всех уровнях власти!

Высшее руководство слабело, вырождаясь на глазах. Оно даже разучилось говорить без записок, не соображало, куда идти без подсказок. Пожалуй, оставалось лишь застегивать за ними подтяжки... Оно старчески дремало, доживая век, семена «дребненько» от малярии к малярии. За него слишком часто было стыдно.

ГОСУДАРСТВО УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ КАТИЛОСЬ ХОДОМ (ПО ИНЕРЦИИ), ЗАДАННЫМ СТАЛИНЫМ, ЕГО ЭНЕРГИЕЙ И ПРОЗОРЛИВОСТЬЮ. Ракетная, атомная техника, объемные научные разработки, впечатляющее строительство, не только заводов, но и новых городов (где это видано?!), великий (народный) спорт... — все было заложено им. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДВА ПОКОЛЕНИЯ ЛИШЬ ПОЖИНАЛИ ПЛОДЫ ЕГО ЗАБОТ. К слову, это не кто иной, а именно Сталин в 1934 году поставил вопрос о введении кандидатских и докторских степеней для инженеров и ученых. И тогда же он ввел их, что несомненно имело свое значение для создания новых научно-технических кадров.

Великий злодей был и великим тружеником. Он не только усекал жизни — он и созидал с небывалым размахом.

О каких-либо личных жертвах элиты советского государства после Сталина и речи быть не могло. Сталин жертвовал собой в небывало подвижнической работе — в кропотливом труде дни и ночи

до смертного часа, но не считал, что чем-либо жертвует, — для него это было естественно. Он возложил на себя ответственность за благо и безопасность народа. В привычках Сталин был прост, в быту неприхотлив.

Элита, складывающаяся на шкурных интересах, своим никогда не жертвует. Она только берет, однако с беспощадной строгостью требует жертвенности и жертв от народа. Зато она способна вскармливать предателей (на относительно ранней ступени существования СССР в сонм¹ вождей-предателей явно рвался Берия). Советское государство закачалось не по этим («кадровым») причинам, однако разложение правящего слоя государства в очень весомой мере предопределило его крах, ибо вскармливало предателя и матерых сопредателей.

Советское государство рухнуло.

Упорно толкуют об Андропове как о несостоявшемся «эпохальном» руководителе СССР, который не допустил бы ни распада, ни унижения России. Бесспорно, Юрий Владимирович Андропов являлся дельным и незаурядным руководителем, не чета Брежневу, при всем том будучи и мастером интриг.

Руководитель имеет ценность не потому, что сам не допускает зла, а потому, что условия, созданные им, не могут позволить возникнуть злу уже после его жизни, поскольку нацелены на искоренение предпосылок зла. Руководя почти два десятка лет охранными службами, Андропов так и не сумел защитить народы России, хотя властью обладал громадной.

К тому же по странному стечению обстоятельств почти все его выдвиженцы оказались могильщиками советского государства, в том числе и самый главный. Сталин учил: кадры решают все. Кадры все и решили, кадры с «андроповской пропиской». Как в таком случае рядить о крупности? В чем крупность, ежели ты, хозяин самой могущественной на земле секретной службы, не сумел разобраться в тех, кого выдвигаешь на первые роли и с кем затеваешь эко-

¹«Сонм» — довольно редкое выражение, означает «собрание», «множество». — Ю.В.

номическую реформу — ту самую, что стремительно переросла в невиданный погром России?

И он, именно он, Андропов, очутился в числе тех нескольких человек, которые развязали Афганскую войну, породив один из самых острых кризисов, поразивших СССР и ставших одним из основных поводов для развала СССР. Это прямо и очень весомо сыграло на американскую подрывную деятельность. Что же это за прозорливость государственного деятеля? Он допустил самые тяжкие просчеты как в кадровой, так и во внешней политике — и это при наивысшей на земле осведомленности.

Ознакомимся с биографией, в которой достаточно неясного.

Юрий Владимирович Андропов (1914—1984) рано потерял родителей. Отец, инженер-железнодорожник, умер, когда будущий генсек был еще малолетним несмышленишкой. Мать, учительница, снова вышла замуж, но вскоре тоже умерла. Мальчик жил и воспитывался в семье отчима в Моздоке.

Здесь возникают определенные неясности: кто мать, почему избегают называть ее имя? Кто отчим — почему имя его нам тоже неизвестно? И потом, сколько кому лет, как давно все они были знакомы?..

В 1933 году Юрий Андропов поступает в техникум водного транспорта. После окончания техникума — освобожденный секретарь комсомольской организации Рыбинской судовой верфи. Благополучно пережив кровавый террор 1936—1938 годов, Андропов в 1938-м занимает сразу пост первого секретаря Ярославского обкома комсомола — ему 24 года. При той «мясорубке» подобный скачок являлся естественным. Должности освобождались каждый день в великом множестве. В тот год Андропов женится на Нине Ивановне Енгальчевой, которая родит ему дочь Евгению и сына Владимира. В 1940 году Андропов переезжает в Петрозаводск, он уже первый секретарь республиканской комсомольской организации. Вскоре следуют развод и вторичная женитьба.

В войну, по-прежнему возглавляя комсомол республики, Андропов участвует в организации партизанской борьбы. Здесь, в

сплошных топях, озерах, протоках, вообще непросыхающей земле, полчищах гнуса, партизанская борьба являлась полубезумием — делом высочайшего героизма.

В 1944 году Андропов — второй секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР. «Ленинградское дело» задело и эту северную республику. Оказался арестован первый секретарь ЦК КП республики, погибли и другие работники.

Ну, а как наш ответственный партийный работник?

В 1951 году, почти сразу после завершения «ленинградского дела», Андропов уже в Москве на должности инспектора аппарата ЦК партии — ему 37 лет, для такой должности многовато, хотя после всей «ленинградско-петрозаводской» карательной истории смахивает все это одновременно и на прощение, и на поощрение. При Сталине оказаться в аппарате ЦК, да еще после близости к первому секретарю республиканского комитета партии, расстрелянного как врага народа? Это несомненное, хотя и с долей приглядки, поощрение перед новыми назначениями. Здесь опять возникает одна из серьезных неясностей — за что, за какие заслуги последовал перевод в Москву? Кто прикрыл Андропова или в чем он отличился, за что сохранили жизнь?..

При Сталине одним честным поведением отделаться нельзя было, не проходило. А это дело Сталин вел лично, читал все протоколы допросов, все до единого, ибо Вознесенский являлся слишком крупным человеком, впрочем, как и Попков с Кузнецовым.

Зато дальнейшая карьера Андропова развивается стремительно. В 1953 году он переходит на работу в Министерство иностранных дел и возглавляет 4-й Европейский отдел. В 1954-м он получает назначение послом в Венгрию. В Будапеште через два года он принимает самое деятельное участие в подавлении контрреволюционного мятежа.

Весной 1957 года Андропов становится заведующим вторым международным отделом аппарата ЦК партии. Помощниками и друзьями Андропова являлись Г. А. Арбатов, А. Е. Бовин, Г. Х. Шахназаров, Ф. М. Бурлацкий, А. И. Вольский... Как видим, все до единого — деятельнейшие участники горбачевской перестройки. Сам

Горбачев пробивается на высшие посты в партии лишь с покровительства Андропова.

Близким помощником Андропова был и Конрад С., одной из целей которого являлось переориентирование своего шефа с дружбы и союза с арабскими государствами на союз с Израилем. Я сам сие слышал от него неоднократно. Вся эта история развертывалась на моих глазах. Я имел возможность видеть те документы, поскольку они тесно увязывались с китайскими, над которыми я работал. Андропов не стал решать этот вопрос, а переадресовал его на ознакомление министру обороны Устинову, который буквально поднялся на дыбы при одном только намеке на отказ от союза с арабами в пользу Израиля.

Здесь к председателю КГБ и генсеку возникает уже серьезное множество вопросов.

В мае 1967 года Андропов пересаживается в кресло председателя КГБ.

12 ноября 1982 года, в день смерти Брежнева, Андропов становится генеральным секретарем Политбюро ЦК КПСС. К этому он стремился все последние годы.

На мой взгляд, Андропов был жестким руководителем КГБ. Он работал на государство и болел за него душой. В работе он не щадил себя.

К нему стекалась вся информация. Он видел крупные нелады в народном хозяйстве. Его все больше и больше занимает хозяйственная реформа. Он понимает, без нее Советскому Союзу грозят и политические, и экономические потрясения. И диссидентство он не в состоянии подавить, ибо оно опирается на все то же ухудшающееся хозяйственное положение страны.

Вот здесь и происходит сбой. К осуществлению будущей реформы он стягивает научные и политические силы, которые иначе, как разгромными для Советского Союза, назвать нельзя. Один Горбачев чего стоит...

Интернационализм КПСС и КПРФ должен опекаться и восславляться Западом. Интернационализм позволял (и позволяет при замене его на космополитизм, что почти тождественно) зани-

мать любые посты в российском государстве и в любом количестве чужим людям — людям, которым Россия и русские ничего не значат, хотя они находятся в государстве, где русские — основное население, его более 85%, и которые слишком часто просто враждебны русскому началу жизни. Все делает возможным интернационализм и космополитизм.

Интернационализм (космополитизм) превращает Русское государство в государство, где русские не управляют (им, чтобы пробиться наверх, надо до кровавой рвоты потрудиться) и где русским нет места, они — черная работная сила.

В июне 1983 года на Волге пролет моста срезал верхнюю палубу теплохода «Александр Суворов». В тот день шел интересный фильм, о нем пассажирам говорили несколько дней, пока, по сути, всех не убедили пойти смотреть. И все, более двухсот человек, были превращены бетонной фермой в мясной фарш. Свалили на рулевого и штурмана — якобы были мертвецки пьяны. Но дотошливо исследовали их останки. Ни штурман, ни рулевой к спиртному не прикасались.

Куски мяса и кости находили еще много дней, даже тогда, когда вели теплоход за границу на ремонт. Моряки, опытные капитаны, в один голос говорят о диверсии, настолько все прочее не соответствует обстоятельствам катастрофы.

Эта диверсия была началом великого уничтожения Советского Союза. Для сего следовало возбуждать и возбуждать в людях неприязнь, недоверие, ненависть к руководству страны и вообще политическому строю, требования его замены.

Позже последовали катастрофы пассажирского судна «Адмирал Нахимов» и некоторые другие, мы помним их. Погибли сотни людей. Снова катастрофы происходили в совершенно невозможных для них условиях.

Нас погнали в нынешнее ельцинское стойло, ровно стадо. Мы дни и ночи взялись твердить: «Плюрализм!», «Права человека!», «Консенсус!», «Приватизация!», «Советская империя», «Экуменизм!»... Искусно подброшенные и навязанные нам понятия, кислотой разъедающие устоявшиеся представления. И млели перед всем американским и европейским. От колготок или магнитолы впадали в столбняк. Это было оболванивание. Ровно погремушки, мы

дни и ночи гремели чужими словами, до конца не представляя, что же стоит за ними.

Колдуны и прорицатели облепили телевидение и радио. Ошарашенным людям показывали, как со зловещим скрежетом изгибались или срывались со стен сами по себе трубы и батареи парового отопления в домах. «Полтергейст», — внушал телевизор. Вдруг повылезали невиданные прежде педерасты и прочие извращенцы. Шлюх принялись называть путанами. О них запели песни как о людях почетных профессий.

И все радиостанции, все газеты и все каналы телевидения загудели в одну дуду: патриотизм — чувство гадкое, опасное и позорное...

Нет, это было не ветхословие. Все было заложено в программу той ожесточенной психологической войны, которую вели с нами не на жизнь, а на смерть США. Здесь заглавную роль сыграли агенты влияния — целый сонм предателей в государственных должностях, артистических званиях, партийных чинах и высоких ученых степенях. И одновременно незаметно, но быстро происходило ухудшение жизни. Крысы уже приступили к обману и обворовыванию людей.

Что человек совершенно управляемое существо, было понято правителями уже десятки столетий назад. Слово «пропаганда» в буквальном смысле означает «распространение». Древний Рим ввел его в оборот.

В искусство управления людьми это уже сумели превратить как Сталин, так и Гитлер, но в искусство долговременной психологической войны — американцы. Это выдающиеся мастера (мастера со стажем) разрушения других государств и натравливания одних народов на другие.

О смутных временах оставил несколько весьма примечательных строк историк, профессор Петербургской духовной академии Михаил Осипович Коялович в своем известном труде «История русского самосознания...» (труд этот, без веского преувеличения, бесосновно утаивается от русского читателя):

«Смутное время в России было временем наплыва в нее уже не отдельных только лиц и даже не отдельных групп, а целых полчищ иноземцев. Им открыты были все дела России, и они забрались в самые отдаленные и глухие места...»

Россия тогда разлагалась по всем частям и раскрывалась перед

глазами многочисленнейших иноземцев... Наконец, иноземцы в это время были часто главными двигателями наших событий... Это... часто дает возможность изучать их цели, планы касательно России»¹.

Именно в 90-е годы — в самую смуту — Россию опять переполнили иностранцы. Она кишела всякого рода «доброхотами». Большинство из них пожаловало на легкую поживу, но изрядная часть служила коварным целям диверсий, разведки и разложения общества. Это был массивный стальной и холодный клин, вбитый в самую середку горячей плоти России...

Права человека... Вопрос: какого человека, русского ли?..

На воде катастрофы, похоже, устраивала одна и та же бригада. Выявлялся один и тот же почерк: в столкновениях гибли крупные прогулочные суда. Жертвы потрясали своим количеством, а катастрофы — несуразностью, которые прямо свидетельствовали о вырождении власти, неспособности управлять страной. Это очевидно как Божий день: били на это. На это поднимали страну. Пособники прямой агентуры находились на крупных постах в КПСС и КГБ, ибо сумели прикрыть истинные причины катастроф, не дали довести их до страны.

Если подумать, кто были люди той бригады, то не надо архимедова ума, дабы прийти к совершенно определенным выводам. В интересах США было породить в стране обстановку психоза, паники, политической неустойчивости. Похоже, для сего были задействованы крупные силы умельцев по мокрым и тайным делам, брошены огромные средства. За океаном знали, что при Горбачеве сложились такие выгодные условия, которые, вероятно, в будущем уже не появятся. При Горбачеве происходило стремительное, едва ли не

¹Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — СПб.: типография А. С. Суворина, 1884. С. 67—68, 69. Текст выделен мной. — Ю.В.

В моей библиотеке есть названный труд Кояловича. В подавляющем большинстве случаев мне не приходится искать нужные книги. Все они имеются в моей библиотеке, которую я любовно собирал по книжечке с конца 50-х годов. Собрание книг было несравненно богаче, кое-что пришлось продать в «ельцинщину». Имелся в моей библиотеке среди прочих воспоминаний и наиредчайший экземпляр воспоминаний шведского наемника Шаума, но был у меня украден.

ежеминутное разрыхление власти и порядка в стране. Горбачев делал то, что не могло и присниться знатокам борьбы с Советским Союзом в лучших снах. Это народ хорошо подметил: на языке мед, а под языком лед.

Права человека.

Как не вспомнить «Послевоенную доктрину» Америки в изложении Аллена Даллеса — брата госсекретаря США Джона Фостера Даллеса (1888—1959), известного своими крайними воинствующе антисоветскими, противорусскими настроениями: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить... Мы найдем своих помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности... **В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху**, незаметно, но деятельно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников. Честность и порядочность будем осмеивать — они никому не станут нужны. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх... **вражду народов и прежде всего ненависть к русскому народу** — все это мы будем ловко и незаметно культивировать... и лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит... Однако таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способы оболгать и объявить отбросами общества. Будем... опошлять и уничтожать основы народной нравственности».

На это и кладут свою энергию наши недруги. Распинаются в дружбе — и расчетливо гроят нашу страну.

Поразительно, ведь написано это было весной 1945 года (в ту пору Аллен Даллес являлся резидентом американской разведки — УСС — в Швейцарии), и следует признать: большая часть доктрины уже выполнена, с чем и можно поздравить Большой Сейф.

Прообраз ЦРУ — УСС (Управление стратегических служб) возникло 13 июня 1942 года. Росчерком пера президента первым его директором (он же оказался и создателем) был утвержден адвокат Уильям Донован — весьма близкий Франклину Рузвельту человек, который вскоре получил генеральские звезды¹.

Знаменитый советский разведчик Ким Филби рассказывает, как возникло ЦРУ. В годы Второй мировой войны в США действовал, с согласия американских властей, Британский координационный центр — чисто разведывательная служба во главе с Уильямом Стивенсоном. Филби пишет: «Но свои основные силы Стивенсон отдал осуществлению другой идеи: убедить американцев, что для США настало время иметь собственную разведывательную службу... Он сумел вызвать интерес к этому делу у самого Рузвельта...»²

УСС было преобразовано в ЦРУ в 1947 году, включив в себя Центральную разведывательную группу. Первым директором ЦРУ был адмирал Хилленкоттер. Его сменил Аллен Даллес.

Незадолго до убийства 22 ноября 1963 года 35-го президента США Джона Фицджералда Кеннеди (1917—1963) Аллен Даллес возглавлял ЦРУ. Умный, обаятельный и внешне молодежавший, Кеннеди пользовался исключительной известностью. Бесспорно, то был заговор верхушки делового и бюрократического мира Большого Сейфа. Только прямых и косвенных свидетелей впоследствии оказалось устранено более ста душ. Мы тогда лишь успевали вычитывать из газет о новых и новых жертвах невидимого заговора против первого должностного лица США. Позже они угробили брата застреленного президента — молодого сенатора Роберта Кеннеди, бывшего министра юстиции — явного фаворита на президентский пост. Взяли и подстрелили его 5 июня 1968 года на мно-

¹Фараго Л. В сетях шпионажа: Дом на Херрен-стрит. — М.: Воениздат, 1965. С. 127.

²Ким Филби. Моя тайная война. — М: Воениздат, 1982. С. 76, 77.

Представитель УСС при английской разведке в Лондоне Норман Пирсон называл свою службу УСС: «Ух, Сплошной Секс».

голюдной встрече с избирателями в зале отеля. Роберт Кеннеди умрет на другой день — 6 июня. «Стрелочника» — убийцу Сирхана — загнали в узилище до конца дней его...

Комиссию по расследованию убийства президента возглавил председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Выводы комиссии спрятали на сто лет.

Ни один истинный организатор заговора не был назван. Не позволили найти.

Демократия...

Весьма тонко заметил в те дни знаменитый лидер за права негритянского населения доктор Мартин Лютер Кинг (сам скорая жертва снайпера): «...важнее выяснить, не кто убил, а что убило Джона Кеннеди».

Кинг сложит голову 4 апреля 1968 года.

Любопытно, что в энциклопедическом справочнике «Современные США» (М.: Полит. лит., 1988) о Джоне Кеннеди¹ и его брате-сенаторе и кандидате на пост президента США Роберте Кеннеди нет ни одной буквы. Есть о писателях-фантастах, киноактерах, о всех последних президентах США, но о братьях Кеннеди — ни звука (заглянем в перечень редакционной коллегии справочника: Арбатов Г. А., Петровский В. Ф., Примаков Е. М...).

Джон Фостер Даллес являлся одним из директоров международной монополии «Интернейшнл никл компани», председательствовал в опекуном совете фонда Рокфеллера и был связан с крупнейшими монополистическими группировками американской финансовой олигархии. Джон Даллес состоял советником американской делегации на конференции во Франции при выработке Парижского мирного договора в 1919—1920 годах — Версальского договора, знаменитого взрывной силой, заложенной в него стремлением низвести Германию до положения полуколонии стран-победительниц. Германия прозябала, народ — нищенствовал. Логическим следствием сего договора явился взрыв шовинизма и расизма в Германии, а затем и приход к власти (заметим: законным путем) Гитлера со своей партией, что привело к Второй мировой войне.

¹Джону Кеннеди принадлежат хорошие слова, переложенные им из Святого Писания: «По праву справедливости тот, кто не говорит, когда нужно, — теряет право говорить» (Вопросы истории, № 3, 1967). С. 123.

Джон Даллес оказался одной из самых приметных и влиятельных личностей в правительстве президента Дуайта Эйзенхауэра, с успехом избиравшегося на два срока (1952—1960). Своей напористостью он определенным образом затмевал и самого президента, хозяйски заправляя внешней политикой. Сила Советского Союза стала наконец вызывать уважение и естественное желание избежать войны. В последние годы жизни Джон Даллес даже пошел на сотрудничество с СССР. А ведь это он, Джон Даллес, явился одним из отцов противорусского блока НАТО, который был создан 4 апреля 1949 года как орудие Организации Североатлантического договора — **орудие противорусское, поскольку и после крушения Советского Союза блок не прекратил существования, а продолжает давить на Россию, явно ожидая часа, когда можно будет пустить свою бешеную силу в ход. Мы видим, как он это проделывает в Югославии, ни в чем не повинной, кроме законного стремления сберечь свою государственную целостность.**

В своей книге «В сетях шпионажа» Ладислав Фараго, бывший сотрудник одной из секретных служб США, называет его брата — Аллена Даллеса, директора ЦРУ в 1950—1960 годах, — «международным адвокатом с сомнительным прошлым» (С. 128).

Пожалуй, после Франклина Рузвельта среди других президентов США редкостная опытность выделяла четырехзвездного генерала Эйзенхауэра (генерал армии — высший чин в американских вооруженных силах) — Верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе на последнем отрезке Второй мировой войны. Его отличали и житейская, и государственная опытность, а также мудрость уже старого государственного деятеля. Он работал с Рузвельтом, Черчиллем, де Голлем, встречался с нашим Жуковым. Он не опозорил себя участием в шабаше, развязанном сенатором Маккарти и прочими реакционными деятелями во главе с президентом Трумэнном. Ведь именно Эйзенхауэр еще в обстановке противорусской истерии в США, «шпионских процессов», поджигательских выступлений Маккарти, Уолта Диснея, Рейгана и прочих отважился на прекращение войны в Корее.

Президент Эйзенхауэр знал большую войну, знал цену жизни и с искренним уважением относился к русским — чувство обычно ослабленное или вовсе отсутствующее у высших американских должностных лиц. У большинства его заменяет неприязнь или не-

ненависть. «Классовая» ненависть ко всему советскому обычно сочелась или переходила в такую же ненависть ко всему русскому.

Обаятельный и умный Джон Кеннеди не успел проявить себя. Он только заявил о себе, как его убрали... Сильным президентом являлся и Ричард Никсон; кстати, вице-президент при Эйзенхауэре. Надо признать, американские президенты действуют все более в интересах заокеанского шестизвездного нахлебника США, чем собственного народа (особенно это относится к войнам США на Ближнем Востоке). Средства массовой информации, находящиеся в основном под шестизвездным контролем соплеменников заокеанского нахлебника, оказывают тут неоценимую услугу. Они четко управляют настроением среднего американца.

Самым непримиримым «ястребом», который «приидоша» на смену политики сотрудничества с СССР, был прежде всего отпрыск бывшего польского консула в Киеве в 30-х годах «канадо-американо-поляк» Збигнев Бжезинский — один из самых ярых ненавистников РУССКОЙ РОССИИ. Родитель Збигнева в 1938 году получил назначение в Канаду, откуда после окончания Второй мировой войны возвращаться раздумал. Его отпрыск сделал карьеру на наследственной ненависти к России и нужности своего отца за океаном как якобы знатока политики Москвы. Таким там всегда столбовая дорога. В 1953 году Збигнев защитил в Гарварде диссертацию по советологии. В 1958 году получил американское гражданство. Он не бережет себя, очень тужится, неустанно занимаясь «советско-русскими делами», на том и продолжает строиться его карьера. В 1977—1981 годах — помощник 39-го президента США Джимми Картера (в 1999 году Картеру исполнилось 75 лет) по вопросам национальной безопасности. Был и остается врагом России. В 1999 году не то мистеру, не то пану Бжезинскому исполнился 71 год.

В напутствие сим господам отрывок из оды 1747 года Михайло Васильевича Ломоносова, кстати, убежденнейшего монархиста:

«Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел,
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел...»

И еще русские говорят: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати». Очень люблю я эту поговорку. Еще всё, всё впереди...

Гаврила Романович Державин писал в стихотворении «На взятие Измаила» в 1790 году:

«А слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет...
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух...»

Кто же те враги, что устраивали жуткие катастрофы?

У нас нет ответа. Факт в том, что им позволили это делать. Их не накрыли, не наказали, а стране не сообщили правду — это не меньшее преступление.

К слову, я слышал своими ушами от человека из самого близкого окружения Андропова о горьких признаниях «шефа» в том, что КГБ основательно засорен американской агентурой.

Все это не лезет ни в какие ворота, даже высотой до облаков...

А репортажи Невзорова о продуктах, грузовиками выброшенных за город: остро нужные тогда колбасы, мясо и т.п.? Людей прожигало возмущение. «Разве это власть?» — думал каждый о КПСС.

Я так пишу, потому что Россия составляла сердцевину Советского Союза. Били именно по сердцевине, то есть в нас.

И слишком стремительная кончина Андропова тоже наводит на размышления. Да, он был опасно болен, о том убедительно рассказывает в своей книге мной искренне уважаемый Евгений Иванович Чазов, пациентом которого являлся будущий генеральный секретарь КПСС¹. Однако все как-то странно складывалось одно к

¹Чазов Е. Здоровье и власть: Воспоминания «кремлевского» врача. — М.: «Новости», 1992.

Весьма кстати будет извлечение из воспоминаний Чазова и такого толка:

«Моя жена совсем молодой девушкой работала в медицинском управлении Кремля. Однажды ее попросили проводить И.В. Сталина к руководителю одной из зарубежных коммунистических партий, находившемуся на обследовании в больнице. Поднимаясь в лифте, она увидела, что рукав шинели, в которой был Сталин, заштопан. Надо было знать, что тогда Сталин значил для любого советского человека... Вот и парадокс: убийца миллионов, тиран и в то же время — человек, не думающий о собственном благе, лишенный стяжательства, аскет» (с. 6).

Напомню то, о чем я уже писал: страна все время ощущала присутствие вождя. В стране был хозяин — другими словами то настроение людей не передать.

одному. Доселе почти в одно время умирают военные министры СССР, Венгрии, ГДР, Чехословакии... — тоже люди немолодые. Но откуда такая дружность в смерти у всех? Ведь каждый из них при той обеспеченности и бытовых удобствах мог бы без натяжки прожить еще пять-десять и даже пятнадцать лет, а они вдруг все отошли в мир иной, ровно по команде...¹

И что это за «полеты» крупных сановников КПСС из окон на тротуары в дни переворота в августе—сентябре 1991-го?..

Нет, тут все далеко не просто. ЦРУ держало в своих руках вожжи событий. Прославленный КГБ, меч и щит народа, не сработал в самые ответственные дни для государства, может быть, в дни, которые и являлись смыслом существования самой службы вообще. Самые важные дни, единственные не только для КГБ и не только для России. **В эти дни была решена СУДЬБА МИРА.**

В стране уже готовы были кадры «преобразователей». Они разинули рты — и почти все средства информации услужливо выстлались перед ними.

¹Старый больной человек рассказывал мне: «Я служил в аптеке 4-го управления, это кремлевская аптека. Временами приезжал человек. Он был из КГБ. Очень скромно держался. Проходил ко мне. Я был одним из тех, кто составлял лекарства для кремлевской больницы, только для больницы.

Этот человек просматривал рецепты и говорил: «Вот этому больному добавьте в порошок (таблетку, микстуру)...» — и давал мне упаковочку, там уже все было дозировано.

Смысл добавлений заключался в следующем: вместо срочного расширения сосудов лекарство, скажем, вызывало их сужение. А другая часть подобных лекарств начинала оказывать свое действие вообще через полгода или восемь-десять месяцев. Я старался не интересоваться такими больными. Что умирали — знал. Что другие, которые должны были бы поправляться, страдают и положение их необратимо ухудшается — тоже знал. Как не знать? Я просто ни с кем ни одним словом о них не обмолвился.

Я сознавал, в чем участвую, но любое неподчинение или несогласие означало мою немедленную смерть. Я совсем недавно понял: они поставили меня там как своего, рассчитывали на меня, ввели меня в штат и на эту должность, хотя в КГБ я не служил. Изучили меня, раскусили. Как слабого человека, подчинили себе.

Часто задаю себе вопрос «А если бы я был сильной воли, выполнял бы приказы?..» Не знаю. И с сильной волей, наверное, выполнял бы. Понимаете, некуда было деться...»

Некуда было деться.

Вот особо о средствах массовой информации. Изучение поведения сих «средств» наводит на мысль, что **главная агентура Запада была внедрена в печать**. Это и понятно, через печать закладываются людям определенные мысли. Печать управляет поведением людей. Печатью же в Советском Союзе, как и в последние полста лет царской России, в значительной мере распоряжались нерусские люди, хотя почти сплошь носили славянские фамилии. Они и сыграли роль ударной силы.

Печать была использована тараном для сокрушения сознания русского народа в феврале 1917-го и в секретарство Горбачева — в 1985—1991 годы.

Не возражаю. Возможно что-то истолковывается и не так. Но **узловой, корневой процесс развивался по такой именно схеме**. И первым здесь было — раздувание тревоги, страха, острейшего недовольства властью. Свою роль здесь сыграли враждебные радиостанции Запада, которые буквально придавили людей к земле своей осведомленностью и тонкой, умелой подтасовкой фактов, их бесконечной подтасовкой, бесконечным раздражением сознания людей.

Власть качалась. Следовало подключить к опрокидыванию ее большую часть народа. В дни глупого и неумелого до анекдотичности ГКЧП сие и было достигнуто.

А уж что пожаловало на смену кремлевским старцам, даже крахом назвать нельзя. Это непостижимое самоуничтожение Русского государства, падение целого народа в преисподнюю.

Подвели руку народу к своему виску — и нажали на спусковой крючок.

В 1991 году «дострелили-таки» Россию. Дострелили, сучьи дети...

Нет, не дострелили. Пробита грудь, крови натекло... но живы мы. Правда, американец глумится над Югославией и вот-вот приспеет наш черед... Но жива еще Россия!

Завещал нам Серафим Саровский, величайший русский святой:
«Нет нам дороги унывать, ибо Господь все победил!»

Да и впрямь, с Господом-то кого нам бояться? За свет свой русский боремся. Пусть нас совсем мало осталось, русских-то, но головы не склоним, души свои не продадим и не опоганим...

И чуток о большом спорте (за этим словом в СССР прятали профессиональный спорт).

Первыми среди великанов-атлетов XX столетия для меня среди немалого количества достойнейших были: боксер тяжелого веса, партизан из особой бригады, награжденный орденом Ленина, — Николай Королев, которого я любил и почитал; мы были хорошо знакомы (уже будучи пожилым человеком, он рассказывал мне, как мечтает встретиться на ринге с грозным Мохаммедом Али; кстати, Али прислал мне свою фотографию с признанием своего уважения ко мне — я был знаком с ним с римской Олимпиады 1960 года); большой, крепкий (без жира), с открытым русским лицом, Королев боксировал благородно — по сути, в открытой стойке; удары его были сокрушительны — кроме А. Шоцикаса (да и то не всегда), их никто не выдерживал;

бегун на дальние дистанции матрос (после офицер) — Владимир Куц, с ним мы были тоже близко знакомы; какой же это был бегун — имя его гремело по всему белу свету;

величайший и неповторимый Всеволод Бобров (полковник в день смерти) — ослепительная звезда советского футбола и хоккея с шайбой. Горжусь той былой дружбой — смерть на время развела нас. Их имена гремели по всем странам и материкам.

Поклон Вам, мои друзья! Пусть земля будет Вам пухом, родные!..

Все мы были преданы пуще жизни родной земле!..

Еще никогда Россия не была столь унижена и нагло обобра-
на — как мощными мировыми державами, так и просто прохо-
димцами. Создается впечатление, что власть не верит в свою ус-
тойчивость (во всяком случае, сомневается) и стремится нанести
как можно больше урона хозяйству страны и Вооруженным силам.

На уничтожение российских Вооруженных сил, по-моему, ока-
зали влияние четыре основных причины:

— давление США, их желание навсегда стереть мощь России
(не только военную);

— животный страх российских властей перед народом; страх
ответственности за содеянные политические и хозяйственные пре-
ступления; опасения, что армия может стать опорой выступлений
голодного и оскорбленного люда;

— полная неспособность в хозяйствовании, за которой таится хищный умысел;

— разграбленная и пустая казна, отсутствие средств в бюджете; отсюда вымалывание денег у Запада и, как следствие, дальнейшее закабаление России.

В условиях международного разбоя, который учиняют США сообразно своим торгашеско-державным интересам («видам»), Вооруженные силы России должны наращивать свою оборонную мощь, ибо рано или поздно, но США непременно приставят нож к горлу России, как они это сейчас делают в Югославии и проделывали уже не раз в других точках земного шара.

Помните нежные признания Ельцина в дружбе американскому президенту: «Мой друг Билл...» Ельцин их лепетал с экрана телевизора, еще чуть-чуть — и всхлипнет, взрыднет от умиления. Разорил, пустил по ветру силу и богатства России...

США прикрываются международным правом, но международное право не предусматривает вмешательство во внутренние дела иных государств и народов. Этак можно подкупать небольшие кучки населения и устраивать беспорядки (именно так поступили США в Косово, когда взбаламутили албанское меньшинство в Югославии), а после, под предлогом этих беспорядков, вторгаться в другие государства, убивая и сметая все на своем пути. И дробить, дробить государства...

А США именно взбаламутили, именно искусственно вызвали взрыв страстей. Без малого за год до начала косовских беспорядков, в феврале 1998 года, я навестил героя сербского народа доктора Радована Караджича в столице его маленькой республики городке Пале, зажатом горами. В своем кабинете один на один со мной президент Караджич с горечью и тревогой в сердце, что отражалось и на его речи, и на лице, поведал, что американцы готовят национальные беспорядки в Косово, волнения неизбежны, американцы, прикрываясь ООН и НАТО, попытаются еще раз расчленить Югославию.

Я не спрашивал и не успокаивал. Я рассказывал и отвечал на вопросы. Мы верили в наше торжество.

Все это в подробностях он сообщал мне 7 мая 1997 года —

за девять месяцев до самих беспорядков (стало быть, планировали, готовили, науськивали албанское население), да и по опыту нашей страны нам известно, как эти беспорядки ни с того ни с сего взрывали Россию. Американские спецслужбы создавали эти беспорядки. Это они были подлинными вождями войны в Чечне. Русские спецслужбы располагают на сей счет исчерпывающими данными, как, кстати, и о нарастающем вмешательстве во внутренние дела России турецких спецслужб, коим уже давно пора дать по рукам. Но разве это возможно при Ельцине...

«Мой друг Билл...»

В той поездке следовало прорваться через заслоны иностранных спецслужб (к нашей горечи — и через русские), которые руками исламских сепаратистов готовы были с превеликой охотой расправиться со мной. Однако не вышло. Я сознаю, что «пока» не вышло. С генералом Львом Рохлиным «они» и «он» управились очень быстро и очень нагло...

Мы с Караджичем обнялись на прощание. Он — большой, крепкий, и не ниже меня. За его спиной, отливая червленными бликами, наклонно стояли иконы чуть ли не в рост: наши, православные. Господи, даруй нам победу!..

Доктор Караджич известный в Европе врач-психиатр. Осанка, манеры, сдержанная неторопливая речь выдают хорошее воспитание. У него ласковые, мягкие руки. Он владеет русским. Он и я — третьего человека не было, когда говорили мы. В просторной комнате мы находились одни. Вот так бы всегда на нужных встречах...

А после машина с охранником и водителем понесла меня по горным кручам. Ночь, редкие встречные огни, свист ветра в стеклах. Без остановок вперед и вперед!

Прощай, Сербия!..

ООН превратилась в карманную организацию США и служит преимущественно их имперским целям. С интересами бедных стран ООН не считается, а зачастую проводит политику в ущерб их интересам; случается, и просто расправляется с ними. Все это прикрывается правами человека или волей мирового сообщества...

Безлунная ночь. Дороги местами еще не восстановлены и совсем не оснащены световыми обозначениями. Легковая машина рвала глубокую темень. В окнах, срываясь, гудел ветер. В луче света спереди сбоку проскальзывали скалы, глыбы гранита, обрывы

или, казалось, бездонные пропасти, со дна которых мигали далекие огни селений. Охранник и водитель беззаботно смеялись, называя женские имена. Хорошо, когда тебе двадцать. Ветер уносил дым сигарет и их звонкие голоса. Машина визжала тормозами, начинала дрожать, елозить, лихо входя в крутые повороты. Ночь прикрывала нас, ночь уносила туда, где нас не ждали.

Один, второй, третий, четвертый, пятый час — и мы уже на равнине перед Белградом. А вот уже и его огни...

Я спал в гостинице, где хорватским твердым ножом в третью часть дверцы шкафа был выцарапан фашистский знак. Что хорватский, мне пояснил охранник. А я, засыпая, размышлял о странностях геометрии: свастика ныне преобразовалась в многозвездие американского флага.

А теперь, в октябрьские дни 1998 года, мы видим торжество американского засилья. Самостоятельной славянской державе ставят ультиматум. За что? Ведь это ее внутреннее дело, как, скажем, и беспорядки в Ольстере для Великобритании. Ежели вести такой счет, то человечество вправе при любых «этнических» волнениях в США, а они время от времени случаются (мы помним и такое, как в Бирмингеме, — уже не беспорядки, а подлинное восстание угнетенного национального меньшинства), требовать от ООН срочного вмешательства в дела США — немедленного образования «независимой территории для лиц с черным цветом кожи».

Американцы наловчились прятать насилие под флагом международной организации — ООН, покрывая вмешательства в дела других государств рассуждениями о правах человека или праве малых народов на самоопределение.

НАТО и вовсе стало орудием самой разбойной политики. Правда, мы, русские, в своем большинстве на сей счет и не обольщались. Разве лишь такие, как Ельцин... «Мой друг Билл...»

Ведь спокойно, в мирной обстановке объявляется день, когда, возможно, боевые самолеты НАТО начнут истреблять людей. Что это такое?! До чего ж мы дожили.

Переворачивается позорнейшая страница не только в истории США, но Англии, Германии, Франции, Италии...

При генерале де Голле ничего подобного произойти не могло, это был мудрый и ответственный государственный деятель.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ КОСОВО США НЕПРЕМЕННО ВТОРГ-

НУТСЯ В РОССИЮ: ОСВОБОЖДАТЬ ОЧЕРЕДНОЙ ЯКОБЫ НАРОД, А НА ДЕЛЕ — КУЧКУ МЯТЕЖНИКОВ НА ЗАРПЛАТЕ ЦРУ.

США ЖДУТ ЭТОГО ЧАСА, УЖЕ ОЧЕНЬ МНОГО СДЕЛАЛИ ДЛЯ ЭТОГО ЧАСА И ПРЕДПРИНИМАЮТ ВСЕ ДЛЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ ЭТОГО ЧАСА.

«Мой друг Билл...»

Воистину: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

В «Новостях» ОРТ 20 декабря 1998 года в 15.00 мы увидели, как Клинтон выходит из методистской церкви и шагает к автомобилю. В этот миг из толпы звучит громкий возглас: «Будь ты проклят за все, что сделал со страной и в мире!»

«Мой друг Билл...» Он оглянулся, явно ошеломленный и подавленный.

При переделе света — а он уже разворачивается, на Россию напирают своими стальными боками Большой Сейф (США) и ряд западных стран; с другой стороны, к границам рвется ислам, а на Дальнем Востоке исполинской глыбой застыл Китай — все будет решать сила, а эту силу господин Ельцин бездумно и подло разрушает (а может, «думно», может, по заказу?)...

Многолетние и самые достоверные данные российских спецслужб отмечают широчайшее участие (и наращивание этого участия) тайных служб США и НАТО в развязывании национальных беспорядков (конфликтов) на землях России. США предпринимают все, дабы расколоть Россию на несколько десятков мелких государств, таким образом лишив ее самостоятельного значения и безраздельно подчинив собственному влиянию.

Сейчас главные усилия США направлены на отторжение Кавказа от России. После займутся и коренной Россией...

Во всех войнах в России или на ее границах, что были или ведутся, отчетлив след ЦРУ. КАК ЯВСТВУЕТ ИЗ ДОКУМЕНТОВ, ПОДЛИННЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЙН В РОССИИ И ЮГОСЛАВИИ ЯВЛЯЮТСЯ США — И НИКТО ДРУГОЙ!

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Масонство — идеологическое средство капитализма. Мы противопоставляем масонскому Западу и марксистской России свой национальный взгляд на историю. Она, эта история, заметно отличается от общепринятой, но мы уже осведомлены о том, кто писал и пишет «общепринятую», кто за нее платит, присваивает ученые степени, награждает премиями и известностью и, наконец, поручает образование молодежи.

Масонство есть многовековое средство уничтожения национальных государств для их успешной капитализации с последующим подчинением мировой сионистской верхушке. Верховная задача природой своей зложелательного масонства — подавить христианство (там же, где это не представляется возможным, — выхолостить смысл)¹, а также и отучить людей от Родины, переместив полегоньку в мировое сообщество.

Люди, не любящие родную землю, безразличные к ней, и жить-то не имеют права на ней. Родная земля — это мать-кормилица...

Масонство — добровольный отказ от Родины во имя мирового сообщества. Как же на это можно пойти?..

Масонство — чисто буржуазное порождение, одно из основных идеологических средств установления господства на земле сверхкрупного капитала. Масонство уже выступало как скрытое политическое орудие в заговорах и даже в управлении народами на самой ранней ступени промышленнизации Европы — в пору первых буржуазных революций.

Масонство накопило громадный тайный опыт разрушения государств и подталкивания народов к революционным переворотам и так называемым стихийным бунтам. Сей опыт масонство непрерывно использует для подчинения народов мировой денежной верхушке. Рядовая часть масонства выведена из пределов знания его подлинных целей. Эту основную часть масонства, как и народы, одурачивая, погоняют лозунгом «Свобода, равенство, братство!».

¹Русскую эмиграцию, к примеру, потрясали такого рода сообщения из красной России 20-х годов: «Храм под фабрику! Трикотажное заведение в церкви Знаменского монастыря в Москве».

Для коммунистов это означало: сделан еще один шаг к раскрепощению сознания человека.

Масонство прикидывается безобидной организацией чуть ли не для совместного времяпрепровождения. Оно пытается внушить человечеству, и безуспешно, мысль о своей безвредности, но вспомним грозный скандал с итальянской ложей «ПИ-2», потрясший каких-то два десятилетия назад устои Итальянской Республики. Через ложу в единый узел оказались связаны воротилы делового мира, виднейшие политики, начальство тайных служб, главы мафии, армейские генералы... Связи братьев по ложе уходили в недра американских спецслужб. Цель у верховных распорядителей ложи была весьма «скромная»: ниспровергнуть государственный строй и установить диктатуру сверхкрупной буржуазии и военных. Они уже вплотную подобрались к «горлу» республики. За разоблачением «ПИ-2» последовали убийства засвеченных, ключевых фигур черного ордена. Один раз, на мгновение перед народами промелькнула подводная часть громадного айсберга, называемого мировым масонством...

Масонство уничтожало феодализм не во имя благоденствия народов — к заботам о народах оно не имеет никакого отношения. Свет масонства, кующего свое оружие в черных подземельях тайны, мнимый.

Масонство — это лавочка по обеспечению наивысшей прибыли в основном для крупной буржуазии. Масонство было создано нарождающейся буржуазией; деятельность его призвана устранять все, что способно препятствовать извлечению прибыли. История человечества доказала готовность буржуазного государства на беспощадное истребление и уничтожение всего того, что может тому препятствовать, и целых народов тоже. Это истребление и уничтожение подготавливает и проводит преступное масонство. Первая и Вторая мировые войны были затеяны мировой буржуазией ради бешеного обогащения (Вторая мировая война преследовала еще и другую цель — уничтожение Советского Союза).

Масонство — одна из самых лицемерных скрытых организаций. Выбрасывая кричащие демократические лозунги, эта организация проводила и проводит в жизнь самые антидемократические и бесчеловечные установки. Масонство призвано обеспечивать барыш капитализму — более масонство ничто не занимает. Ко

всему вне себя черное масонство настроено враждебно, ибо во всем вокруг усматривает угрозу господству сионизированного капитализма.

Масоны управляют хозяйственно и денежно самыми мощными земными державами. Как главам правительств и президентам им подчиняются армии и секретные службы. Используя государственный аппарат для своих целей, они ведут борьбу со всеми, кто оспаривает их притязания на единоличную, высшую власть на земле.

Масонство — это огромный международный союз во имя преуспевания капитализма и создания единого мирового правительства. В своей верхушечной части черное масонство — это узкое по составу тайное братство (партия) сверхбогачей космополитов.

Масонство призвано обеспечивать политическую устойчивость сионизированного капитализма. По сути, масонство самое из антидемократических орудий буржуазии, ибо его задача — благоденствие капитализма на земле, и ничто другое его не интересует. Масонство решает эту задачу вопреки внешнему демократическому порядку, не останавливаясь перед любыми способами одурачивания и подавления народов.

Масонство обслуживает капитализм, его прибыль и как идеологическое оружие устраивает уничтожение всего того, что мешает господствовать крупному капиталу, но теперь уже капиталу сионистскому.

Еврейство в своей заметной части является вождем, душой и закваской современного капитализма.

Отсюда космополитический облик всего масонства. Как еврейство разбросано по белу свету (и в силу сего уже космополитичное), так и черное масонство, будучи безродно-космополитичным, сохраняет верность своему родителю — самому выраженному носителю капиталистических отношений (впрочем, этот «израильский» родитель более чем националистичен — до отвращения националистичен, назойливо проповедуя всюду и всем о своей избранности, исключительности).

Масонство свою непобедимость видит во владении земными средствами информации, то есть в поглощении всех средств информации внешне независимых стран.

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Российские генералы-предатели (есть такие) давно уже сидят на поводках мирового масонства. Этим псов недурно подкармливают. В образе спасителей народа они придут, дабы подчинить хозяевам капиталов недовольный народ, а непокорных убить.

На многие размышления наводит выражение Березовского — «в России еврейскому капиталу не хватает только одного — крепких русских кулаков, какими обладает Лебедь» (см. А. Коржаков. «Борис Ельцин: от рассвета до заката». С. 437).

Борис Абрамович Березовский являлся членом-корреспондентом Академии наук СССР, имеет более ста печатных работ. Вещь у русских ученых невозможная: чтобы более или менее заметный ученый-математик — и заделался крупным дельцом, воротилой, да еще, по словам бывшего руководителя службы безопасности президента России А. В. Коржакова, просил его убить своего недруга — еврейского банкира Гусинского. В русской науке подобного примера я не помню, хотя у американцев это случалось сплошь и рядом: ученый становился и становится дельцом. Но это у них.

А. С. Попов изобрел беспроволочный телеграф, попросту говоря, радио. Он продолжал заниматься наукой, а Маркони, оспаривающий у Попова приоритет открытия, оказался владельцем процветающей фирмы. Правда, Маркони не был американцем, но и то правда, он не искал громил для убийства Попова...

И вот этот наниматель убийц крутится не с чем иным, как генеральским кулаком для России (Лебедь ему шибко понравился: подходит). А кулак-то для чего? БИТЬ ИМ ЛЮДЕЙ. Этот говорливый дельец-ученый, попрекающий то или иное движение в нацизме, сам пытается действовать на нацистский лад.

Можно еще приводить примеры. Но я хочу подчеркнуть другое: как человек, который «нанимал» службу безопасности президента для убийства своего недруга, смеет выступать по российскому телевидению, поучать политиков и т.п.? У него на это нет даже ничтожного морального права.

Впрочем, это не имеет значения: Ельцин взял и назначил Березовского министром по делам СНГ.

У русских есть поговорка: два сапога пара.

Сионисты, являясь на деле расистами, ибо относят себя к избранному народу (всякая избранность уже по меньшей мере есть неравноправие народов), полны национальной спеси и воинственности, однако они не имеют ничего общего с еврейским народом, который в той же степени, что и другие народы, страдает от произвола своей буржуазии, наиболее хищной и наиболее бессердечной.

Особенность расистской части еврейства заключается в том, что она пролезала везде и всюду и всё, буквально всё заставляла принимать форму, выгодную ей. Она становилась либерализмом, масонством, социал-демократией, ленинизмом и теперь даже... православием...

Фигаро здесь, Фигаро там...

Но есть и другое оружие.

Все самостоятельное, не поддающееся разложению в жизни народов, сионисты, извращая, выхолащивая смысл его или заталкивая на кривые пути истории, превращают в пугало, в страшилище для народов.

Скажем, такой крайний пример: Гитлер был убежденным расистом. Он ставил целью истребление целых народов как якобы неполноценных. Таким народом, к примеру, он считал славян («унтерменшей»). Но ведь все это не имеет ни малейшего отношения к патриотизму, однако сионисты выставляют и представляют нацизм уже событием сугубо национального порядка, чувства и строй идей которого неизбежно ведут к гитлеризму, в любых случаях являются выражением гитлеризма. То есть любое национальное чувство есть чувство коричневое. Но это же бессмыслица!

На этом основании сионисты распространяют понятие нацизма безраздельно вширь, причисляя к нему вообще проявление любого национального чувства, но ведь в основе их прежде всего лежат патриотизм, любовь к родной земле и уважение к другим народам. Таким образом, уже и национальные движения, движения народов, представляются как коричневые, нацистские, головорезные. Это ведь очень удобно: мазнул — и никаких забот. Отмывайтесь.

Люди, перенесшие громадные страдания из-за гитлеризма,

сразу же проникаются невосприятием национального движения. Ведь это же нацизм!

Происходит передёрг: смысл затушевывается, искажается и на его место выпячивается кровавый гитлеровский нацизм (расизм). Замена не только не правомерная, но откровенно рассчитанная на страх людей прослыть фашистами, сторонниками расистских, гитлеровских порядков.

Люди не сознают отличий между гитлеризмом и естественным чувством патриотизма, **единственно защищающим и сплывающим народ в борьбе за свое существование.**

Пугало гитлеризма давно уже стало для мракобесных сионистов одним из первых средств шельмования и подавления национальных движений, борьбы с пользующимися уважением национальными вождями и оправдания погромов национальных государств, превращения их в масонские республики.

К основным задачам масонства, помимо разрушения национальных государств, следует отнести создание **видимости народоправия.**

В условиях, когда капитализм владеет всем сверху донизу, покупает всё и вся, в том числе кресла президентов и скамейки депутатов в парламентах, масонство создает **облыжное (ложное) представление о правах человека, свободе, равенстве, братстве и т.п. декларативной (заявительной) болтовне, никогда, однако, не вспоминая о свободе экономической, без которой нет и не может быть свободы политической и правовой.**

БЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА ЗНАЧИТ НУЛЬ — НИЧЕГО И НИЧТО...

Уже в первую четверть XIX столетия зложелательное масонство поразило русское общество. Привлекает внимание рассказ Александра Николаевича Мотовилова — русского православного сочинителя, дворянина и верного почитателя гордости Русской православной церкви старца отца Серафима (1758—1833).

Окончив Казанский университет, Мотовилов поступил на службу. Вскоре масонская ложа решила привлечь его в свое братство. Предложение поступило от самого симбирского губернского пред-

водителя дворянства князя Михаила Петровича Баратаева — великого мастера Петербургской ложи иллюминатов. За отказ вступить в ложу масоны мстили Мотовилову. Его едва ли не подвели под обвинение в государственной измене, и спасло лишь заступничество министра юстиции¹.

Сталин, если прибегнуть к словесным оборотам своего времени, скорее всего относил масонов к «врагам первого в мире государства рабочих и крестьян». Лет 25 назад я свел близкое знакомство с видным чекистом, сыном бывшего царского полного генерала, который занимался частью масонских дел при Дзержинском и Менжинском. Кое-что он (уже дряхловатый старик) мне порассказал, кое-что и показал... Для черного масонства отсутствовали благоприятные условия в СССР, они появились уже после смерти Сталина в прозападно и просионистски настроенной интеллигенции и, не исключено, — в высшей бюрократии. Таким масоном, к примеру, вполне мог заделаться Александр Яковлев — верховный обоснователь идеологического разоружения советского государства с последующим скатыванием его в ельцинскую яму лжедемократии.

Вообще все, что не вписывалось в представления вождя о мире, Сталин уничтожал. Другого подхода к людям и фактам по документам не прослеживается. Братья-масоны загорали в лагерях или сразу отправлялись под пулю.

Нынешняя Россия исчервивилась в масонских ложах, разорванная в лохмотья правами человека...

Национальное, сердцевинное постепенно выедается. Народ не отдает себе отчета в том, что же это такое, не противится новой жизни, довольствуясь сохранением внешних признаков русского: песнями и танцами нескольких чудом уцелевших при Ельцине хоров, надписями старой русской вязью на бутылочных наклейках с водкой, пивом и квасом, некоторыми экранизациями русских народных сказок и бесконечной матерщиной блатных песен...

Но народность в искусстве — это не кафтан или образная речь простого человека, не танцы или песни, а всегда выражение основных чаяний и душевных переживаний народа, и прежде всего это выражение СМЫСЛА ЕГО ВЕРЫ.

¹ Дивный старец: Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея Руси чудотворца. — М.: Издательство Николо-Перервинского монастыря Русский Хронограф, 1993. С. 147.

Правда, с таким руководством и таким устройством жизни не мудрено и растрясти свои национальные достоинства. Вот уже почти 10 лет терзают душу и плоть народа. В ельцинском государстве хорошо лишь банкирам да... мертвым.

Могучий национальный дух угасает. Русский народ втискивается в лоно европейских народов уже без своего лица, голоса, мыслей, нрава и государственной независимости...

Мировое сообщество...

На что меняем себя?..

Молчишь, Россия. Молчишь...

А молчать как раз и не надо...

В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ СКРЫТА
БОРЬБА ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАД МИРОМ.

Уничтожив, разметав весь самостоятельный, национально-самобытный мир, трон хозяина земли занял сионизированный капитализм. Началось его безраздельное владычество над всем белым светом.

Мировые войны были нужны капитализму, чтобы расшатать власть в национальных государствах и подчинить их себе. Он, этот сионизированный капитализм, и устроил войны. Они принесли ему сказочное обогащение. Реки крови превратились в реки золота. Банки возвысились над миром и стали повелевать народами...

В недалеком будущем верховная масонская власть сведется к безраздельной (и потому безумной) диктатуре кучки господ над всей землей.

Безраздельная власть всегда (!) становится безумной — такова ее природа. За это человечество поплатится. Возможно, своим существованием.

(Власть может сосредоточиваться в одних руках, и она будет разумна и полезна, если это власть наследственно-монархическая и внутри ее имеются рычаги контроля над решениями монарха, как это имело место в русском самодержавии, которое действовало среди особого свода контролирующих и сдерживающих законов.)

Уже сейчас власть сионизированного капитализма над Россией во многом обретает черты безумия. Впрочем, капитализм, лишенный государственного тормоза, всегда несет опасность кровавого безумия, и главная — анархическое разложение общества, полное освобождение от морали...

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ: ЛЮДИ БЕЗ МОРАЛИ — ЭТО РАБЫ.

Капитализм и стремится лишить людей моральных устоев. Ему люди без устоев и без Родины, все это море безродных и безликих существ, — идеальные приспособления для станков и приборов, ибо они лишены политического самосознания и значения, а следовательно, и не способны к сопротивлению перед наступлением капитализма на их самые насущные условия жизни.

Впрочем, конституционные права в государстве, где положение человека определяет богатство, в чистом виде насмешка, ложь, одна видимость. Да, свобода умереть с голода и без лекарств есть. Свобода одичания в одиночестве тоже есть.

Свобода в капиталистическом мире — это выдумка.

В БУРЖУАЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ ПРАВЯТ ВЛАДЕЛЬЦЫ КАПИТАЛОВ, НО НИКОГДА — НАРОД.

БЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛЮБАЯ СВОБОДА — ДЕТСКИЕ СКАЗКИ, УТОПИЯ¹.

ПУЩЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ КАПИТАЛИЗМ СТРАШИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ИХ СПЛОЧЕНИЯ.

Предательство большинством народа Родины и готовность залезть в мировой хомут не поддаются разумению. И все же не следует забывать, что народ долго и всеохватно одурачивали.

В явном виде началось это еще в середине прошлого века XIX, когда газеты и вообще печать стали накапливаться в руках людей, ненавидящих православную и могучую Русь под державой и скипетром.

¹ Иван Андреевич Крылов посвятил свободе примечательное четверостишие:

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Затем в их руках сосредоточилось народное образование.

Затем стал наноситься удар по церкви. Он, собственно, нарастая, наносился уже во весь XIX век. Выкресты (крещеные евреи) стали заполнять все самые важные церковные кафедры; так что к концу XX столетия весь верховный церковный чин на 90% составляют люди нерусские.

Сейчас искусство «промыывания мозгов» приняло изощренно-совершенный характер. В итоге людьми и их мнением крутят, как хотят. Целым народом крутят...

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

ГЛАВА III

Неоправданное внедрение

Иоанн Кронштадтский в проповеди среди революционного брожения 1905 года заявил остерегающе:

«Россия, если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой. И, если не будет покаяния у русского народа, — конец мира близок. Бог отнимет благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами»¹.

И о нашем черном времени вещал преподобный Серафим Саровский, когда Мотовилов спросил его, почему он, Серафим Саровский, «плотью своею в Сарове лежать не будет»?

Старец отец Серафим отвечивал: «...к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиеереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут...»²

Они, архиереи, в этом и преуспеют, лобызаясь ныне с погромщиками России — сплошь выкресты в русских святых местах.

Есть Русская православная церковь, есть Греческая, есть Сербская, есть Болгарская — почему же евреям не устроить

¹Иеромонах Серафим (Роуз). Будущее России и конец мира. — М: Издание Сретенского монастыря, 1996. С. 8.

²Там же. С. 12—13.

свою Еврейскую православную церковь и не иметь касательства к русскому православию?!!

Проповедник епископ Иоанн Смоленский (Соколов) предрекал в середине того же светло-мутного столетия, забеременевшего в России враждой к собственной матери-Родине: «Помни, Россия, что в день, когда ты посягнешь на свою веру, ты посягнешь на свою жизнь».

А ныне православие опасно занедужило церковным масонством — экуменизмом. Призрак экуменической, израилевой ереси грозит отравить последние остатки православной чистоты. А как иначе: сверху донизу службу правят выкресты. Гложут чужие зубы святой престол московский.

Да и слабовата голова у возрожденной православной церкви (случайно ли?..). Душа есть. Она, как-никак, а все же сохраняется в духе учения Христа, в молитвах, обрядах (в основе христианства покоится учение о любви к людям — уже одно это перемогает все рассудочные копания в вере, ибо без любви человечеству просто не выжить), да больше паства несет и сохраняет дух подлинного христианства. Она искренне предана Христу, но не «экуменические» выкресты в высших церковных чинах, «экуменические» растлители веры. Да и какие они служители церкви, почти все залиты таким жиром, что едва перемещаются по храму — и это те, кто должен соблюдать посты и смирять плоть...

У Русской православной церкви нет пастыря. Её поддерживают тени великих святых России.

В итоге душа народа к 1916 году — к третьей године великой войны — стала отходить в чужие руки, да так в них и остается (точнее сказать: бьется, хрипя и плача), лишь отчасти исключая срок правления Сталина, который, правда, до начала 30-х годов еще не укрепился всевластным владыкой России, хотя и обладал высшими полномочиями, а всего будет всевластным лет семнадцать-двадцать.

При соответствующем воспитании человек способен возненавидеть свою семью, способен избить отца, изнасиловать мать (многое из сего стало возможным теперь), словом, предать и замарать всё и вся. Воспитание способно лепить из людей чудовищ. Если к этому добавить нелегкие материальные условия жизни — разложение способно превратить землю в скопище отравленных и опасных самим же себе особей.

Этот мир расчетливых барышников предлагает людям вместо

любви — похоть (нет семьи — нет государства, нет воспитания детей в семье; звериное будет во всходах от таких поколений), вместо добра — хищное преумножение своего достояния. Растление происходит и там, где все имущество, все деньги — гроши в кулачке. Происходило и происходит сознательное разложение народа своим делом, которое уже выше интересов общего (а уж что эти интересы значат для того, кому завтра и вовсе будет не на что поесть или купить лекарства?..).

Человеческая природа слаба, а в такой обстановке (да к тому же без веры!) вдвойне слаба и ненадежна.

Чахнет идеал жизни, становится невозможной поэзия жизни, исчезает свое национальное государство как собрание близких по духу людей, рушится личный быт. Человек пробивается по жизни без семьи.

Бездуховный, продажный мир побеждает, опираясь на животную, сумеречную основу человека — и теснит правду, честь, добро, семью, долг, веру, побеждая и торжествуя. Не запомнили признание князя Жевахова? «Силы... зла не боятся только потому, что безусловное зло вооружено такими малоосознаваемыми средствами, как способность разлагать и растлевать слабую человеческую природу»¹.

И растлили, растлевают — да еще как!..

Коли отвлечься от понятий «сионизм», «масонство», «апокалипсис», то власть в современных светских государствах можно определить как такое устройство жизни, при котором барыш, выгода, накопительство, безнравственность целиком ее, эту самую жизнь, выражают и исчерпывают.

От коммунистического учения меня отталкивало ярко выраженное иудейское начало, тот интернационализм, который не позволял выкорчевывать сионизм из жизни Большой России, более того — оберегал его.

И еще об экуменизме масонствующих иерархов. В 1887 году в Москве поступила в продажу неприметная книжечка — «Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года на Филях под Москвою», составитель Д. Струков.

¹Товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н. Д. Жевахов. Воспоминания: Т. 2, март 1917 — январь 1920. — М.: Родник, 1993. С. 251.

«Давно Наполеон, мечтавший о всемирной монархии, простирал властолюбивые виды свои на Россию, которая одна в Европе оставалась непобедимую и непреклонною ему. Зная, что вера составляет главную опору России, он незадолго перед 1812 г. сделал предложение митрополиту Платону, чрез своего поверенного епископа Блуаскаго Грегора, о соединении Восточной Церкви с Западною; но мудрый Иерарх, отвергнув этот коварный замысел, отвечал, что «мысль о сближении двух церквей совершенно противна духу Русского народа, который столько привязан к своей вере, сколько поникнут обязанностию сохранить ее во всей целости, что всякая перемена может сделаться для русских оскорбительною и пагубною». Но это покушение Наполеона тем не кончилось...»¹.

Очень показательный пример для новой масонствующей церковной знати России, всячески втискивающей русское православие в синагогу.

Ныне посох патриарха проторяет дорогу к экуменизму, да и некоторым вещам похуже. Передо мной бумага за подписью патриарха Алексия. Это распоряжение патриарха от 25 января 1993 года за номером 175 с грифом «конфиденциально». Распоряжение направлено Высокопреосвященному Питириму, митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому, председателю издательского отдела Московского патриархата.

Читаем:

«Ваше Высокопреосвященство!

Считаю нецелесообразным публиковать на страницах журнала Московского патриархата выступления Митрополита Санкт-Петербургского Иоанна, напечатанные в светских изданиях...

Патриарх Московский и Всея Руси
АЛЕКСИЙ».

Пламенное слово великого патриота земли русской митрополита Иоанна пользовалось громадным уважением, а сам он был почитаем народом. В глазах русских он воплощал собой религиозную идею и совесть России, именем Бога служил ее возрождению. Да разве выкресты (не все, разумеется) да экуменисты — эти церковные масоны, прислужники западных разрушителей России позволяют

¹Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года на Филлах под Москвою/ Сост. Д. Струков. — М., 1887. С. 3.

патриоту России творить волю Божию?.. Как же они радовались, когда Господь Бог забрал его к себе (из канцелярии митрополита я и получил бумагу патриарха).

Я не ставлю иных целей, помимо защиты своего народа. В этом и только в этом моя единственная «вина».

Я всегда помню те миллионы русских, которые в разные времена (столетия) приняли смерть за свою землю, за веру, за свой народ — я все время готовлю себя к тому, чтобы принять это не хуже, быть достойным их и в смерти.

Вернемся к книжечке Струкова (эти разрозненные листочки я переплел с особым чувством).

Читаем о нашей жизни два века назад:

«Козни, втайне устроенные Наполеоном, вполне открылись. Он вооружил против России Европу от Мадрида до Варшавы... воинство из двадцати народов вторглось в пределы нашего Отечества... Царь, известив всем сословиям о грозящей царству... опасности, призвал их на защиту веры, Отечества, Престола и свободы. «Я с вами... — сказал он. — Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

...речь, произнесенная Наполеоном... в Дрездене:

«Венценосные друзья Франции!.. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты Орлами Франции (на французских знаменах красовались характерные «наполеоновские» орлы, а личным гербом Бонапарта были пчелы. — Ю.В.). Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мной одинаково. Я хочу и поражу древних тиранов Европы. Я держал свое слово и теперь говорю: прежде шести месяцев две северные столицы Европы (Москва и Петербург. — Ю.В.) будут видеть в стенах своих победителей Европы».

Летом 1812 года гул грозных шагов Наполеона по России становился в Москве слышнее и слышнее...»

Для оправдания нашествий на Россию всегда толковали о русских «тиранах». Гитлер (1889—1945) повторил то же самое, но привнес и свое, назвав нас еще и «расово неполноценными», а посему не заслуживающими жизни.

29 мая 1812 года по старому стилю генерал-губернатором Москвы был назначен друг незабвенного Суворова граф Федор Ва-

ильевич Ростопчин (1763—1826) — муж, безусловно, решительный и дельный.

Как человек решительный, человек действия, Суворов говаривал: «Уступаю диалектику денщикам». Суворов презирал болтовню. Он решал историю мужеством прямой борьбы. Он знал, что такое победа: перед ней склоняют головы все.

При императоре Павле Петровиче, в 1798—1801 годах, граф Ростопчин руководил русской внешней политикой. В Москве лета 1812 года он сделал очень много для возбуждения общественного мнения против французов. Правда, в возбуждении общества, особливо людей самого простого звания, он часто был шумлив и лубочен.

Когда до Ростопчина дошла наглая речь Бонапарта, произнесенная в Дрездене перед титулованными правителями Рейнского союза, граф распорядился напечатать ее, что вызвало возмущение русских. Еще бы, хозяин Европы называет их «древними тиранами» и похваляется отнять у них родные столицы. «Хочу наказать варваров», — заявляет французский император. В той же речи он «повелеваеши» правителям Рейнского союза «удвоить свои ополчения»¹.

Надо сказать, все обращения Наполеон сочинял сам. Никто и никогда за него не написал ни буквы.

Гордыня снедала этого человека.

¹Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года на Филах под Москвою. С. 4, 27, 32. Курсив мой. — Ю.В.

Сталин говорил: «...наш гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления».

Пушкин в 1836 году, уже незадолго до смерти, писал в статье «Объяснение»:

«Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул (титулование, наименование, прописание. — Ю.В.): спаситель России; его памятник: скала Святой Елены! Имя его не только священо для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, Русские, что оно звучит Русским звуком?»

Михайло Юрьевич Лермонтов писал в драме «Станный человек» в 1834 году:

«А разве мы не доказали в 12-м году, что мы русские? — Такого примера не было от начала мира... Мы — современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родились вместе с русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам».

5 апреля 1813 года Михаил Илларионович Кутузов (1745—1813) присутствовал в Гайнау на совете императора Александра I (1777—1825) и короля Пруссии, откуда и направился в Бунцлау, где располагалась главная квартира русской армии. По пути престарелый фельдмаршал простыл и слег. 16 апреля того же года высшей славы России сердце его перестало биться (числа названы по старому стилю). Он был немощен, но представился от душевного надрыва, вызванного захватом французами Москвы. Какое русское сердце не обливалось тогда слезами!..

«Император Александр писал... вдове Кутузова: «Благодарное отечество никогда не забудет заслуг, и Европа и весь свет не перестанут ему удивляться, и внесут имя его в число знаменитых полководцев. Не вы одни проливаете о нем слезы, с вами плачу я, плачет вся Россия»¹.

Светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов женился в 1778 году на дочери генерал-поручика Бибикова Екатерине Ильичне. Имел сына, «умершего во младенчестве, и 5 дочерей».

Возле той филевской избы офицеры гренадерского корпуса установили верстовой столб, который оказался свидетелем грозных событий, в том числе и памятного всем совещания первых генералов русской армии 1 сентября 1812 года. На столбе были закреплены две мраморные доски, на одной можно было прочесть:

«На совете фельдмаршал высказал: с потерюю Москвы еще не потеряна Россия, поставили первую обязанностью сберечь армию, сблизиться с подкреплениями и самим уступлением Москвы приготовить неприятелю неизбежную погибель и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге, закончил он Совет: «Так я вижу, что мне придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества и приказываю отступить»².

К слову будет сказано, гробница Наполеона в Париже — дар России. Она вся сработана из огромной глыбы карельского мрамора.

Знаменитый военный теоретик Карл Клаузевиц (1780—1831) доказал, что Наполеон в России действовал совершенно правильно. Наполеон потому потерпел поражение, писал Клаузевиц, что в

¹Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года на Филях под Москвою/ Сост. Д. Струков. — М., 1887. С. 4, 27.

²Там же. С. 32.

России существовала крепкая власть и народ ей был безоговорочно предан. Поход Наполеона был обречен заранее.

Из стихотворения Гаврилы Романовича Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года»:

...Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край Росса весь,
Но, буйные! Где сами днесь?

.....
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;

Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты...

«ПРИКАЗЪ ВОЙСКАМЪ.

Ребята!

Передь вами памятникъ, свидетельствующий о славномъ подвиге вашихъ товарищей! Здесь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 летъ передь симъ, надменный врагъ возмечталъ победить Русское войско, стоявшее за Веру, Царя и Отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Немана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ — и мы вошли въ Парижъ!

Теперь настало время воздать славу великому делу. И такъ да будетъ память вечная безсмертному для насъ Императору Александру I, — Его твердою волею спасена Россія; вечная слава падшимъ геройскою смертию товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примеромъ намъ и позднейшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему ГОСУДАРЮ и общей матери нашей Россіи.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

*Лагерь при селѣ Бородинъ
26-го Августа 1839 года»¹.*

¹Гвардейская артиллерия в Бородинском бою. — СПб.: составил и издал Павел Потоцкий, 1912. С. 4.

... Из слова Даниила Заточника: «Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему...» Для главы государства очень важная мысль.

И он же, Даниил Заточник, поучал нас из конца своего XII века: «Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрого желают блага, а глупого — пира в доме...»

Но безжалостный удар по национальным государствам наносится (и будет наноситься) и с другой стороны.

В духе коммунизма не только отрицание достоинств, да и самого смысла национальных государств (с заменой их на космополитически интернациональные), но уничтожение их, а следовательно, и подавление веры, дробление первородной глыбы русской культуры и, хочешь — не хочешь, ослабление народа, ибо **нация и народ неразрывные сути одного явления**: сообщества людей, говорящего на одном языке и имеющего общую историю и судьбу... Поэтому после революции и в гражданскую войну столь глумились над церковью, над русской культурой (в немалой мере все это повторилось в начале 90-х годов), в частности над литературой, называя ее дворянским пережитком, вознося Писарева и закидывая грязью даже Пушкина. Этому с усердием предавалось и самое крупное объединение литераторов — революционное, руководитель которого Авербах будет прибит Сталиным.

Леопольд Леонидович Авербах (1903—1939) являлся одним из «отцов»-основателей ВАППа — Всероссийской ассоциации (ну и слово — почти «писсуар»... запачкали русский язык до омерзения!) пролетарских писателей. Из 5-го класса гимназии, прямо из-за парты, он ловко пересаживается на огненно-красного скакуна революции: надо же просвещать народ, а заодно и... руководить им. И стремена есть, и шашка сносить головы: слава великой диктатуре пролетариата! Их, авербаховской диктатуре! Однако уже кое-что становилось по-другому, не как, скажем, в 1918-м или 1924 годах, — и это «кое-что» начисто проглядел кучерявый комсомолец...

Леопольд Леонидович (по слухам, родственник семейства Гаухманов) почти тут же оказывается членом ЦК комсомола 1-го со-

зыка и секретарем Московского комитета РКСМ. Затем перебрасывает себя за границу — в Коммунистический интернационал молодежи (КИМ). По возвращении редактирует журналы и газеты, среди них — журнал «Молодая гвардия». А тут приспело время для руководства и русско-российской литературой («времечко», «сегоднячко» коли выразаться в излюбленной ими «ласкательной» манере; «хохмочки», « послушайте сюда, маэстро: а ну-ка музычку!») или вот такой перл: «почему ты на меня смеешься?»). Даже еще не 30-летний Леопольд Львович сколачивает ВАПП и приступает к вынесению приговора (оценок) всей русской классике, при этом производит изрядный шум. Опыт он обобщает в до смешного серьезной книге «Современная литература и вопросы культурной революции» (звучит явно по-хунвэйбиновски, впрочем, и по-ленински). Недоучившийся школяр, обойденный даже средним образованием, определяет судьбы литературы — это вполне в духе их ленинской революции. Кто только не плевал в душу русского народа...

А тут на нем приостановил взгляд генеральный секретарь ЦК ВКП (б), очи у него были желтоватые, с прищуром — вроде как столбняк от них приключался. Люди враз цепенели. Так и плясал огненно-красный скакун диктатуры под своим сердитым седаком с усами. Школу идейных убийств сердитый всадник проходил у самого Ленина. Ленин очень высоко ставил своего усатого ученика. Под урез жизни учителя тот удивит его самого...

Сталин свято следовал заповеди учителя: «...Политика, боящаяся насилия, не является ни устойчивой, ни жизненной, ни понятной». Любая власть может утвердить себя только кровью — иначе быть не может. Не щадить никого и ничего — на том будет стоять Сталин! Во веки веков — **никого и ничего!** Словом, родство с семейством бывшего первого президента красной России не уберегло молодого жокея революции¹. Усох в заключении пламенный Авербах, а погода и вовсе дематериализовался. Проглядел, что сидел к тому времени уже на осле да лицом к хвосту...

Еще до дематериализации недотридцатилетний Леопольд

¹ «Отец сионизма» Герцль говорил, что еврейство порождает огромную массу посредственной интеллигенции. Согласимся с ним.

Авербах ухитрился имя свое втиснуть в «Литературную энциклопедию» 1929 года. Наравне с первыми именами русской и мировой литератур красуется: читайте, кто был и каков есть Леопольд Леонидович Авербах.

А как по-другому? Чья нынче власть на землях бывшей «тюрьмы народов»?..

Национальная культура не исключает естественного взаимопроникновения культур. Но на земле этот процесс искажен. Мы приветствовали бы взаимопроникновение, но не подавление одной культурой другой или даже всех других — подавление с опорой на хозяйственное и военное превосходство, то бишь подавление силой, а не действительным культурным превосходством. Происходит принудительное исключение национальной культуры из обихода, настойчивое вытеснение и замена ее чужеродной, низкопробно-массовой.

Уничтожение народа другой культурой.

Как и все советские люди, я прожил свой интернациональный отрезок жизни. Национальное сознание уродливо сочеталось с интернациональным, не родным, не русским. Я разорвал пути марксистского безразличия к Родине и вернулся к своему народу и своей земле. Но правды ради: я никогда не был равнодушен к Родине. Имя моей Родины, ее скорбь и величие заставляли бешено колотиться сердце. Не было для меня ничего выше, чем святое имя — Россия!

Моя Россия!

Мы были неразлучны, и я лягу в могилу с твоим именем... Родина моих дедов и отцов. Отечество моего языка, моего счастья, моего страдания и моей любви, самое высокое небо моего почитания...

Жизнь моя!

Родина моя!

Умаление одной составляющей (в данном случае национальной) неизбежно бьет по другой — народу, что и происходило при советской власти. Именно поэтому русский народ оказался столь ослабленным после 74 лет, казалось бы, народной власти.

А в общем, безнациональная среда проявила и будет проявлять себя самой нестойкой, неспособной к сплочению народа. Она

не имеет корней в прошлом народа, а также в культуре, обычаях. Малейшая неустойчивость в «обстановочке» — и такое государство уже трещит, крениится...

В истории революционной и масонской Франции такое явление, как генерал де Голль (1890—1970), представляется из ряда вон выходящим. Он появился вопреки всем условиям, как напоминание о том, от чего люди отрекаются и что зовут. Он был одержим страстью к Франции.

Это он писал: «Сдержанность, характер, величие — эти условия престижа необходимы для осуществления усилий, которые не очень нравятся большинству»¹. Де Голль все время готовил себя для высшего поста во Франции. Он смолоду начал выработать в себе определенное поведение. Он знал: ему придется взять на себя власть в самое черное для Франции время. Об этом де Голль не забывал ни на минуту. У нас бы его упекли в «психушку».

Даже в мире западных демократий генерал сумел доказать исцеляющую силу национальной идеи и вождя для спасения и оздоровления государства.

Франция долго была «больным человеком» Европы. Она и рухнула под первым ударом Гитлера, а после войны должна была превратиться в американскую полуколонию. Не Бидо, не Блюм, не Рамадье и не Рейно или Миттеран подвинули Францию к независимости, достойному миру и положению великой державы, что, кстати, имеет самое непосредственное отношение к жизненному уровню народа.

Нынешняя Франция обязана величием Шарлю де Голлю, ему одному. Кстати, он был пламенным и идейным поборником могучей личной власти².

¹Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. — М.: Международные отношения, 1973. С. 83.

²Де Голль очень высоко оценивал русский народ, когда пророчески предрекал, говоря о Гитлере 30 июня 1940 года (за год до нападения его на Советский Союз): «...он не сможет удержаться от искушения решить судьбу России, и это будет началом его гибели...» (Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. С. 153.)

Через год фюрер напал на Россию.

Русский народ тогда был другой. С теперешним у того, ушедшего в землю, ограниченно мало точек соприкосновения.

Распознавшись со своей блестящей историей и культурой, Франция, презрев заветы великого генерала, уже почти целиком растворенная в выходцах из других народов и все более подходящая на США, эта Франция, с каждым днем решительно отдаляясь от своего национального образа, проваливается в космополитическое, безродное будущее. Выходцы из других народов дробят и ослабляют национальные силы и дух страны, поскольку им достаются лакомые куски от богатств ее души и тела. А ведь не они строили эту страну, и не они веками проливали за нее кровь.

И еще, что имеет отношение к нашим дням.

На заседании правительства 13 августа 1963 года де Голль стучал кулаком по столу, выкрикивая:

«Правительство ничего не делает, чтобы помешать росту цен. Мы в разгаре инфляции. Великая страна не может существовать без стабильной валюты. Или мы спасем франк или нас всех выкинут. Я даю вам пятнадцать дней для принятия решительных мер»¹.

Де Голль отмечал у англичан неотвратимое отмирание чувства нации. Уразуметь сие несложно. Англия всегда являлась опорой для масонских, космополитических идей и сил всего света. Отравление сознания не могло не произойти. Зато сионизированный капитал чувствовал себя на островах превосходно со времен Английской буржуазной революции середины XVII века, времен лорда-протектора Оливера Кромвеля (1599—1658). До Второй мировой войны Англия являлась, по сути, штаб-квартирой мирового сионизма с его идеями подавления национальных государств. После 1945 года мировой сионизм организационно перемещается в США. Он и сейчас, помимо Израиля, сохраняет базовое положение в США, которые во многом подменили свои национальные интересы на интересы Израиля.

Сколько вспоминаю себя маленьким, самым замечательным, что и по сию пору единственно хранит память, была... красота — красота неба, красота травы, красота инея, красота солнца, красота раскаленного металла, красота птицы, красота песни...

¹ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. С 423.

Подрастая, я не мечтал о власти над людьми, богатстве, чинах или славе. Над всем преобладало, все стирая или умелчая, поклонение, восхищение красотой — и красотой женщины тоже. Красоту женщины я заметил едва ли не в первые свои сознательные лета, еще ребенком, — и оказался смят ею и покорен.

Красота — вот что имело для меня смысл и значение, вот ради чего стоило жить.

И еще. Молодой Чехов писал брату: «Ничтожество свое надо сознать перед Богом, природой, умом, красотой, но не перед людьми».

И он же в зрелые лета говорил: «Фарисейство и произвол царя не в одних только купеческих домах и кутузках, а их приходится встречать в науке, литературе и даже среди молодежи».

Я встретил эти высказывания Чехова на рассвете жизни. Они так задели — всю жизнь держу их в памяти.

Пережив жизнь, скажу: «Самое трудное — во всю жизнь оставаться человеком». Тяжесть дней и лет, горе и жесточенность так властно подводят к черте «оправданной» черствости и скотства. Господь уберегал меня от этих последних подлых шагов. Чело мое не опозорено низостью поступков. Я с ясной душой делаю свои шаги, все ближе и ближе черта жизни и смерти...

Ленин беспощадно разрушал старый мир. Под его развалинами гибли и русская национальная государственность. Это ему принадлежат слова, сказанные с трибуны на 2-м конгрессе III Интернационала в августе 1920 года: «Но убеждать недостаточно. Политика, боящаяся насилия, не является ни устойчивой, ни жизненной, ни понятной»¹. Чего-чего, а насилия вождь не боялся — и, не унима-

¹ «Конгресс» — словечко иностранное, обозначающее «съезд», но пущей важности более соответствует слово «конгресс» (пригнуть человека важностью иностранного словца, что против него значит просто «съезд»?). Употребление иностранных слов свидетельствует о скверном знании родного языка и пренебрежительном отношении к русской культуре вообще да еще — о холуйстве перед всем иностранным. Язык ныне целенаправленно приспособливается под неоправданное использование иностранных слов — это одно из промежуточных состояний в переходе к единому всемирному государству. Национальные языки подавляются вполне сознательно, но с помощью полчищ национальных простофиль — добровольных губителей родного языка.

ясь, обильно хлестала кровинь из тела народа. Новый, ленинский мир можно было утверждать только с новыми людьми, не людьми русского прошлого, воспитанных не на русской истории, и не людьми русской, православной веры. А после Ленин настроил государственную машину на создание вообще новых людей и народа из них — нового народа, советского. И заходил, зарокотал штамп выработки миллионов этих людей.

В итоге в 90-е годы в России из всепоглощающего материализма вылупится хищный, бездушный, утробно-низменный мир.

Без культуры невозможно воспитание человека. В основе же культуры покоится язык. Поэтому вторжение наднациональной культуры, а в ее личине выступает американская, начинается с языка. Наблюдается неоправданное умаление родного языка, **неоправданное внедрение чужих слов при полной возможности выражения их смысла родной речью** (просто так сдают родной язык).

К примеру, сплошь и рядом говорят и пишут «ситуация», хотя это слово отлично заменяется русскими, родными словами. «Ситуация» — это уже *общее слово*, размытое множеством смысловых оттенков. Использование *общих слов*, возьмем «ситуация», приводит в русской речи к неточности, расплывчатости изложения. Посудите сами: «ситуация» — это «обстановка, положение, случай, события, происшествие, обстоятельства...»

Как видим, язык теряет точность и определенность, то бишь качество, способность к более выразительной речи, опускаясь до самых общих уже не слов, а слов-понятий. Это то, от чего каждый народ с развитием культуры, прежде всего речевой, уходил, развивая образность, выразительность и точность языка. Таким образом, мы утрачиваем силу языка.

Что весьма показательно, на древнерусском «язык» означал «народ, племя, люди».

Никто не щадит русский язык, зачастую даже коренные русаки.

Ленин все клал под революцию. Порой он до неприличия «потребителен» («утилитарен»), сообразуясь исключительно с насущной, голой пользой. Для него, скажем, нет графа Толстого — не-

сравненного мастера слова. Есть Толстой — «зеркало русской революции», выражение крестьянского недовольства. Именно это важнее всего для Ленина. И так во всем. Ленин был нацелен на победу и все подчинял победе, явно впадая в крайность. Искусство может очень многое делать с людьми; ни одна политическая речь, ни одна политическая книга и близко на это не способны. Хотя есть люди, которым формулы, будь политические или математические, доставляют наслаждения больше, нежели, скажем, все шедевры музыки...

Ленину нужна победа. И потому — все для пользы революции, все от революции. Брак — только с революционеркой; женщина страсти — только революционерка; сочинители для души — только те, что от революции, чтоб звучал булат бунтарской мысли, чтоб были выразителями народного брожения (Лев Толстой, Горький...); песни отдохновения, как и стихи, — лишь революционные. Все связывалось с революцией, ничто и ничего не существует вне ее...

А что до искусства, после исполнения своей задачи, мы, революционеры, его и приберем за ненужностью. Помните у Юрия Павловича Анненкова в воспоминаниях? Ленин позирует ему в Кремле и рассуждает об искусстве: «Я знаете, в искусстве не силен... искусство для меня, это что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! вырежем. За ненужностью...»¹

А Гегель искусство относил к высшей потребности духа.

Ленин являлся воплощением обнаженного вульгарного материализма. Для него в людях как бы не горело огня души, веры, высокой поэзии чувств. Он видел лишь столкновение интересов, борьбу материальных выгод, сцепление различных расчетов — и ничего более. Для всех православных он предстал жутким воплощением антихриста.

Жизнь жестоко отомстит вождю. Она отторгнет его.

Хочет того человек или не хочет, но жизнь на протяжении мно-

¹ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Т. II: Цикл трагедий. — Париж: Международное Литературное Содружество, 1966. С 269.

гих поколений доказала (после Ленина, как и отчасти до него), что без веры человек опускается, скудеет добром и любовью, превращается в голый, бесчувственный механизм.

У человека есть несколько вещей, ради которых он живет: любимая, дети, мать, отец и Родина.

Человек так устроен, что не способен жить лишь по голым расчетам, жить без души (только планы строительства, только производство, только партийный билет, только...). В советском государстве господствовали материализм и рационализм.

Новый мир Ленин стягивал стальными обручами новых, невиданных законов и неограниченным, всепроникающим насилием. Все несогласное захлебывалось и тонуло в крови или в страхе никло ниц.

Ленин управлял страной с несомненным умением и поразительной самостоятельностью (и самонадеянностью тоже). Не оглядываясь и не сомневаясь, он уверенно кроил новое социалистическое государство. За него никто не составлял планы, никто не писал речи и не определял политику. Он все делал сам.

Этот деятельный, пронцательный и предприимчивый человек не курил, не пил, не сквернословил, не предавался чревоугодию (разумеется, и не кривлялся клоунски, как нынешний убогий владыка России), не упивался властью и не развратничал (чувство к Инессе Арманд не в счет, оно представляется искренним; эта женщина была уже немолода, родив и успев вырастить пятерых детей от мужа-фабриканта Арманд).

Смертельно болея еще до первых дней Октября (болезнь загнездилась задолго до 1917 года), Ленин держался с уверенным достоинством вождя, единственно в речах оставаясь торопливым и не по-русски суетливым. Вообще в нем проглядывала резкость в движениях, нервность, часто и нетерпеливость, он перебивал собеседников, не всегда дослушивая. Скорее всего, торопливость и некоторая суетливость являлись выражением напора огромной энергии. Ею Ленин был наделен в избытке.

Речь у Ленина была книжная, не живая и вовсе не образная.

До обострения болезни Ленин работал дни напролет, прихваты-

вая и от ночей. Не перед народом (он был лишен преклонения перед такими химерами), но перед своей идеей он чувствовал себя обязанным. С дня казни старшего брата он как бы присягнул революции. Он исполнял долг, но не просто долг. Он был влюблен в этот долг. Таким путем он принесет человечеству счастье. Оно у него в руках. Никому другому это уже не удастся.

Революционная демократия могла утвердить себя только кровью. Не щадить никого и ничего! Ленинское управление государством зиждилось на суровом, почти изуверском принуждении. Все непокорное его, Ленина, воле искоренялось, превращаясь в прах.

Страдания души русского народа, муки народа его не занимают как мистический вздор, литературные и поповские выдумки...

Еврейско-азиатская природа Ленина обладала неземной энергией и живучестью. Особенно сие бросается в глаза в мгновения его смерти. Казалось, он измучен тяжелейшим недугом, подточен, исчерпаны жизненные силы и дух, он должен покорно и тихо угаснуть, но ничего подобного! В мгновения смерти температура рывком подскочила к 40°, тело сковала судорога нечеловеческой крепости; он весь невероятно напрягся, задрожал — не человек, а горячий-горячий камень...

И выронил меч...

Он умер спустя неполные 41 год после обывательски мирной кончины Маркса (1818— 1883), который меж забот и строк «Капитала» ухитрился обрюхатить служанку, а Энгельс взял вину на себя...

Меч с неистовостью вздел над головой народа Сталин. Отсутствие правильного образования и воспитания оставляло меты на многих делах и суждениях Сталина, но человек он был совершенно необычный. И неправду говорят, будто обычно он был груб и бездушен.

Находим у Черчилля в воспоминаниях о сентябре 1944 года:

«На конференции в Думбартон-Оксе (конференция выработала основы будущей ООН. — Ю.В.) не было достигнуто никакого соглашения, однако я ощущал острую потребность повидаться со

Сталиным, с которым, я всегда считал, можно поговорить по-человечески»¹.

Своими юношескими воспоминаниями не могу не отметить общее настроение людей. В тот год, когда Сталин затихнет, мне исполнится восемнадцать. Та жизнь и те дни намертво впаялись в меня: они слишком разнятся от всех других лет, дней и времен. То было время единства народа, неподдельного воодушевления народа, сознания того, что все мы пробиваем путь в новый свет, где будет достойная жизнь для каждого. В большинстве своем люди работали не за страх, а за совесть. Награды правительства расценивались как великий почет. Таких людей уважали и выделяли. Что Сталин живет и занимается делами, страна ощущала по особому четко-напряженному ритму работы. Страна крепла с каждым днем. После смерти вождя у всех было такое настроение: поживи Сталин еще 20—30 лет, что, естественно, было невозможно, — и мы оказались бы первыми в мире по всем показателям благосостояния. При том труде это становилось неизбежным. Вера в Сталина была бесконечной. Ее трудно сейчас даже передать словами. А это очень много значит для жизни государства и особенно — народа. Такой народ способен добиться всего — ничто его не остановит, ничто...

В старости Сталина тоже сразит инсульт. Он будет хрипеть и биться на диване около четырех суток. Он затихнет навек через

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война: Т. VI: Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. С. 208.

Черчилль писал:

«...Всеобъединенные нации во главе с Англией и Соединенными Штатами, сбитые с толку одним лишь дерзким жестом Сталина и Молотова, это — плохое зрелище. Конференция, созванная Соединенными Штатами и Англией без России, но с участием всех Объединенных наций будет означать, что России дан резкий отпор. К тому же военная мощь Англии и Соединенных Штатов в настоящее время более велика, чем военная мощь России, и охватывает почти весь мир за пределами русской территории и завоеванных государств-сателлитов. Можно не сомневаться в том, на чьей стороне будут надежды человечества...» (С.708).

Черчилль везде и всюду искал повод для злобно-решительного противодействия любым усилиям СССР.

29 лет после кончины Ленина — в десятом часу вечера 5 марта 1953 года¹.

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает...

Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы.
Глохает царства алчна смерть,
Скользим мы бездны на краю...

Державин, 1779.

С тех дней я храню пачку газет и журналов. Все те дни до одного — в памяти: и доныне вижу все.

При Ленине, и особенно при Сталине, Россия была необычайно политизирована. Народ живо интересовался международными событиями. Газеты, сотеннотысячные издания самых разных книг шли нарасхват, только выставки на прилавок. Очень многие семьи выписывали по две-три и более газет. Люди с высшим образованием, как правило, выписывали несколько литературных журналов. Непрерывно возрастала и техническая грамотность народа. Технические журналы являлись уделом далеко не только профессионалов.

Мы были в действительности самым читающим народом.

Мы превращаемся в невежд-тряпичников.

В пятницу, 6 марта 1953 года, «Правда» (№ 65 (12633)) поместила обращение «От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР»:

¹Берия более 13 часов не допускал врачей к Сталину. Это был исключительный вклад в смерть вождя. За эти часы, особенно самый первый час, можно было поспеть с действенной помощью.

Берия вкруговую был человек зложелательный — вечно всё и всех выслушивающий паук, на всех у него были досье. Сталина он называл «стариком».

**«КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ,
КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.**

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом во Второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира.

Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира...»

В «Медицинском заключении о болезни и смерти И. В. Сталина», напечатанном на первой странице того же номера «Правды», читаем:

«В ночь на второе марта у И. В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг (в его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза. В результате этого наступили паралич правой половины тела и стойкая потеря сознания...

Во вторую половину дня пятого марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться: дыхание сделалось поверхностным и резко учащенным, частота пульса достигла 140—150 ударов в минуту, наполнение пульса упало.

В 21 час 50 минут, при явлениях нарастающей сердечно-сосудистой недостаточности, И.В. Сталин скончался.

Министр здравоохранения СССР
А. Ф. Третьяков

Начальник Лечсанупра Кремля
И. И. Куперин

Главный терапевт Минздрава СССР профессор
П. Е. Лукомский...

Сталин еще стыл и стыл, ожидая похорон, а уже завязывалась борьба за власть. Это верно: когда черный бык падает, сразу появляется много людей с большими ножами...

Там же, на первой странице «Правды», было напечатано сообщение «Об образовании комиссии по организации похорон... И. В. Сталина» во главе с Н. С. Хрущевым.

На последней, четвертой странице теснились сообщения о войне в Корее, обычные для каждого номера газет тех лет.

6 марта 1953 года «Правда» сообщала об оборонительных боях и трех сбитых американских самолетах, а также «варварских налетах американской авиации на города и села Кореи». Американцы сбрасывали огромное количество бомб на мирные города. Тогда они применили новинку: бомбы-мины, направленные на истребление населения (американские самолеты сбивали русские).

Третье, последнее сообщение о войне в Корее (1950—1953) открывал заголовок — «Зверская расправа американской военщины с военнопленными». Оно рассказывало об обычном американском навыке убийств и издевательств над китайскими и северо-корейскими пленными.

Газеты тех лет много рассказывали о поведении американских солдат и офицеров: расправах и глумлениях над мирными жителями, садистских изнасилованиях, зверствах, убийствах, сно-

ва — зверствах, убийствах, и снова — насилиях, зверствах и всегда — убийствах, убийствах и убийствах...

Уже много десятилетий спустя мы узнали о подвигах наших летчиков в Корее, которые господствовали в небе. Наша авиация оказалась на порядок выше американской. Они боялись нас.

Основная часть народа кончину Сталина восприняла с болью. Само собой, водились люди, которые хоронили Сталина с радостью, но смею засвидетельствовать — такие тогда и не проглядывались, да и зная нынче нашу скрытую историю, можно без натяжки утверждать: их было очень мало, с ноготок, да они и не смели подать голос. Их просто снесли бы, и не только чекисты, а сами люди...

Естественно, такое единодушие обеспечивала и машинно-безжалостная 35-летняя чистка. Сказывалась и невиданная дотеле идеологическая обработка общества. Но только этим нельзя было объяснить неподдельное горе народа, не впад в серьезнейшую ошибку.

В памяти всех были живы воспоминания о самой опустошительной из войн, в которой народ выстоял и победил вместе со Сталиным. Народ очень быстро познал гитлеризм.

Сталин не верил сообщениям о надвигающемся нападении. Из одного места, да разные вести, — это уже подвох.

Как 22 июня 1941 года, так и в предыдущие месяцы Сталин проявил величайшую политическую и военную слепоту, равную преступлению, которая обошлась народу великой кровью и великими страданиями, и все же народ простил это вождю. Годы общей борьбы с германским нашествием нераздельно сплестили вождя и народ.

20 июня 1941 года — за два дня до нападения на Советский Союз — рейхсминистр по делам восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг на закрытом совещании так определил цели оккупационной политики:

«...Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов (СССР. — Ю.В.) кормить и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств... русским... определенно... предстоит пережить очень тяжелые годы»¹.

¹Нюрнбергский процесс Т. III. — М.: Госюриздат, 1958. С. 403.

Русские должны быть истреблены, а 31 млн из тех, что уцелеют, — изгнан за Урал. Таким образом, будет покончено с Россией и русскими.

Из некоторых воспоминаний следует, что Сталин оказался потрясен бессилием Красной Армии не меньше, нежели самим нападением Гитлера. Им выпестованная армия откатывалась, гибла, но врага остановить не могла. И еще пленные — сколько же их? Как эти люди смеют поднимать руки?..

Худое начало легко и скоро не исправляется.

Те первые недели сорок первого...

Стена огня и жара, рычание танков, рев авиационных моторов, грохот взрывов — земля рывком уходила из-под ног, хлопки выстрелов и чужая повелительная речь — все подавляло волю людей, гнуло к земле...

Красная Армия гибла. Она с беззаветным мужеством сражалась, пятилась, сдавалась в плен, бежала и снова, снова поворачивала в штыки...

«За Сталина! За Родину!»

Красная Армия истекала кровью...

Горел, пылал воздух. В космах огня исчезали земля, леса, вода, исчезали, проваливаясь в искрах пожарищ целые поселки, кварталы городов...

Тысячи, десятки, сотни тысяч людей, детишек умирали каждый день, каждую неделю... Враг наступал. Трупы никто не погребал. Их бросали и уходили. Такого еще не было.

Надвигалось самое опасное и гибельное: ужас мог отнять у людей волю.

Немцы захватывали деревню за деревней, город за городом, столицу республики за столицей. Казалось, спасения нет. Уже всех смиряла... от морей, гор, снегов и до песков и океанов германская мощь — смирит и теперь! Европа, закованная в цепи, опускалась на колени, бились только героические Югославия и Греция (позже зашевелится Франция)...

«Вир марширен... тиффер унд тифер инс руссишен Ланд...»

Имперский «комиссар» Украины Эрих Кох внушал немцам:

«Мы — народ господ! Мы должны сознавать, что даже самый

простой немецкий рабочий в тысячу раз ценнее с расовой и биологической точек зрения, чем здешнее население».

Кох наставлял немцев: «...биологическая сила их (славян. — Ю.В.) может быть ослаблена вследствие введения в их рацион большого количества махорки и водки»¹.

И, наконец, фюрер Великогерманского рейха все сводил в одно емкое определение: «Мы тогда победим Россию, когда украинцы и белорусы поверят, что они не русские».

Накатывалась черная сила величайшей сплоченности. На колени, Россия!..

«Я спрашивал себя, — писал Георгий Жуков, — как и чем должен ответить врагу наш народ за беды, которые фашисты сеют на своем кровавом пути? Мечом и только мечом, беспощадно уничтожая злого врага, — был единственный ответ...»²

Пусть земля горит у врага под ногами!

И земля горела...

Первый «танковый» стратег Великогерманского рейха, будущий начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гудериан, а его войска действовали на самой заточке клина, устремленного на Москву через Орел, Мценск и Тулу, отмечал, что к исходу ноября 1941 года общие потери германских войск с начала русской кампании достигли 743 тыс. человек. Это составило 23% общего количества германских войск, которые при вторжении насчитывали 3,5 млн солдат и офицеров (*Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата.* — М.: Воениздат, 1954. С. 245).

Карать наглого пришельца и насильника!

Наши солдаты крепче сжимали оружие. Карать без всякой пощады! Чтобы ни один не ушел с русской земли!

¹ Орловский С., Острович Р. Эрих Кох перед польским судом. — М.: Изд. межд. отношений, 1961. С. 9, 221.

У Коха было партийное удостоверение № 90, а всего немцев — членов гитлеровской партии — насчитывалось к 1945 году 10 млн. На суде Кох показал: «...партийные удостоверения с золотым значком выдавались с 1-го до 100-тысячного номера. Партийные удостоверения от 1-го до 100-го номера были оставлены в распоряжении фюрера...» (С. 235).

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: Т. 2, 10-е изд. — М.: Новости, 1990. С. 123.

Восточный фронт сожрал миллионы жизней немецких солдат и офицеров. Как пели о немцах в одном фильме времен Великой Отечественной: «Мой друг, когда вернешься из России, не позабудь свой череп под мышкой принести...»

И еще.

Вторая мировая война принесла Круппу, Тиссену и другим воротилам германской экономики по 100 марок дохода с убитого, будь он немцем или русским.

Снова, как и в 1914—1918 годах, сказочно обогатился и американский капитал, который из любой крови любого народа извлекает для себя золото.

О том, как американцы собирались воевать, со всей четкостью обрисовывает беседа президента Франклина Рузвельта со своим старшим сыном Эллиотом.

«Ты представь себе, — поучает Рузвельт сына, — что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и в меньшей степени англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент... мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами... Я думаю, что момент будет выбран правильно».

Они выберут свой «момент», а покуда предпочтут воевать «тушенкой», наживаясь на беде. А после с помощью русскоязычных проводников западного влияния в России наладятся утверждать, будто это они, янки, поломали хребет Гитлеру.

После поездки в СССР Эллиот отметит в своей книге «Его глазами», что «для русских лозунг «все для войны» означает действительно все для войны — в самом буквальном смысле слова».

Он же передает и рассуждения Черчилля на официальном обеде, данном президентом Рузвельтом на борту американского линкора «Аугуста» в бухте Арджентия (что на Ньюфаундленде) в августе 1941-го, рассуждения о способности России выстоять под ударами Великогерманского рейха (таким было официальное наименование Германии Гитлера):

« — Русские! — в тоне Черчилля послышался пренебрежитель-

ный оттенок, но затем он, казалось, спохватился. — Конечно, они оказались гораздо сильнее, чем мы когда-либо смели надеяться. Но кто знает, сколько еще...

— Значит, вы считаете, что они не смогут устоять?

— Когда Москва падет... Как только немцы выйдут в Закавказье... Когда сопротивление русских, в конце концов, прекратится...»¹

Москва не пала. Немцы не вышли в Закавказье. Сопротивление русских не прекратилось, но продолжало нарастать с каждым днем.

И русские вошли в Берлин, а не немцы в Москву.

К ноябрю 1943 года США (Большой Сейф) уже приняли решение о вторжении в Европу.

Американцы придавали государственное значение захвату Берлина первыми:

«...по пути в иранскую столицу, — указывает переводчик вождя Валентин Михайлович Бережков (безусловно, знаток первой величины советско-англо-американских отношений 30—40-х годов. — Ю.В.), — президент Рузвельт созвал в кают-компании ближайших помощников и поделился своими соображениями насчет второго фронта.

«Советские войска, — сказал он, — находятся лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют реку Днестр, что может осуществиться в ближайшие две недели, Красная Армия окажется на пороге Румынии».

Президент сделал вывод: пора действовать.

«Американцы и англичане, — пояснил он, — должны занять возможно большую часть Европы. Англичанам отводятся Франция, Бельгия, Люксембург, а также южная часть Германии. Соединенные Штаты должны двинуть свои корабли и доставить американские войска в порты Бремен и Гамбург, в Норвегию и Данию. Мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин следует занять Соединенным Штатам».

Примерно в это же время Рузвельт распорядился подготовить

¹Эллиот Рузвельт. Его глазами. — М.: Иностр. лит., 1947. С. 46, 68—69, 215.

специальные авиадесантные соединения для захвата столицы «третьего рейха».

Рузвельт и Черчилль были едины в том, что дальше откладывать вторжение нельзя, иначе советские войска могут продвинуться слишком далеко на Запад...¹

И, наконец, день «Д» — армада судов и боевых кораблей двинулась от острова Уайт через Ла-Манш к Нормандии. 6 июня 1944 года американские, английские и французские войска высадились на побережье Франции. Тянуть далее с высадкой было опасно. Русские громили Гитлера, уже прижав к рубежам, с которых фюрер напал на Советский Союз. Закаленные в боях русские дивизии грозили захватом Европы, ибо врага следовало изгонять из всех уголков Европы. Теперь тянуть и не нападать оказывалось жизненно опасно для капиталистических демократий Запада. Советская идея могла утвердиться на землях Европы. Черчилль и так предпринял все, дабы русские воевали в одиночестве, ибо нельзя было принимать всерьез войну в Африке и прочие блошинные укусы.

Личный врач Черчилля лорд Моран в своих воспоминаниях рассказывал о том, как Черчилль обрек народы Большой России сражаться один на один с Великогерманским рейхом².

25 лет Моран как доктор опекал Черчилля. Это давало Морану основание писать о нем вполне обоснованно. Из признаний Морана мы узнаем, что Черчилль «использовал все свое искусство, все красноречие, весь свой огромный опыт, чтобы оттянуть этот несчастный день» — день открытия второго фронта. Секретарь военного кабинета говорил Морану, что задержка с открытием второго

¹ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 261.

² Lord Moran. Churchill taken from diaries of Lord Moran. The Struggle for Survival. 1940—1965. Boston, 1965.

Союзники всегда воевали техникой. Как указывает Черчилль в своих воспоминаниях, «за 24 часа 6 июня союзная авиация совершила более 14 600 вылетов. Наше превосходство в воздухе было столь велико, что в течение дня противнику удалось сделать лишь ОКОЛО СОТНИ ВЫЛЕТОВ». (Текст выделен мной. — Ю.В.)

Немцы не пустили бы американцев и англичан в Европу, имея такую же авиацию. Вообще военные успехи США обычно достигают подавляющим превосходством в технике и в ее количестве.

фронта «была самым большим достижением Черчилля после того, что он сделал в 1940 году».

Однако сам Черчилль, как замечал Моран, «никогда не ставил себе в заслугу задержку вторжения во Францию», ибо боялся, «чтобы потомки не сочли его ответственным за затягивание войны...».

Черчиллю важно было добыть победу и обескровить Россию, чтобы после войны наступить ей на горло. Он и оттягивал открытие второго фронта (подростком я помню: это являлось самым заветным желанием людей, на устах у всех был всегда один вопрос: когда союзники откроют второй фронт?). Как писал один русский писатель, мировые пожары успешно тушили русской кровью.

Кабы только тушили, а то ведь вскоре полезли с удавкой...

Страх перед проникновением советских армий в центр Европы вынудил Черчилля пойти на открытие второго фронта, отнюдь не желание помочь русским побыстрее разгромить Великогерманский рейх. Первостепенной заботой Черчилля становится задержка советского продвижения в Европе.

Вот пример, так сказать, навскидку, без всякого поиска.

5 мая 1945 года Черчилль сообщил своему министру иностранных дел Идену:

«...Мы направляем в Копенгаген по воздуху небольшой отряд для удержания позиций, а остальную часть Дании сейчас быстро занимают наши стремительно продвигающиеся бронетанковые колонны. Поэтому, учитывая радость датчан, а также презренную покорность капитулировавших гуннов (немцев. — Ю.В.) и их показную приверженность к нам, мы, как мне думается, преградим путь нашим советским друзьям также и в этом пункте...»¹

И поскольку таких возможностей было очень немного и они в большинстве своем не были подвластны Черчиллю, он сосредоточивает усилия на втягивании в войну Турции. Немцы тогда нападут на турок, и завяжется новый узел борьбы, но уже под носом у Советского Союза. Он поневоле и затормозится в своих боевых действиях.

Когда же это не удастся, Черчилль переключает свои усилия на

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война: Т. VI: Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. С. 509—510.

доказательства необходимости высадки союзников не во Франции, а на Балканах, дабы перерезать путь Красной Армии. Но у американцев имелись свои планы...

Ныне эти страны-миротворцы рвут Югославию на части.

И, наконец, Эллиот слышит из уст отца-президента следующее замечание:

«Он (Черчилль. — Ю.В.) смертельно боится чрезмерного усиления русских...»

К словам президента Рузвельта следует добавить слова недоброжелательства Черчилля к России. Уинстон Черчилль не только страшился усиления русских, но и ненавидел их (он унаследовал ненависть от своего отца — министра лорда Рандольфа Генри Спенсера Черчилля (1849—1895), воспитанного на ненависти к России британской верхушки общества, прежде всего — премьер-министра Дизраэли, еврейского националиста на верховном должностном посту Великобритании), о чем свидетельствуют взгляды Уинстона Черчилля еще до Февральской революции. Он предпринимал все, дабы помешать императорской России и не выполнить обещания союзников перед ней, прежде всего по Дарданеллам (об этом подробно в моих книгах «Русская правда» и «Великая Отечественная»)¹.

Уинстон Черчилль — это сосредоточенное выражение масонского отношения Запада к России. Как следует из воспоминаний Черчилля о Первой мировой войне, после октября 1917-го стержневой задачей для него и верховных кругов Великобритании становится «подчинение бывшей русской империи», ибо «это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Покорить

¹Эллиот Рузвельт. Его глазами. — М.: Иностр. Лит., 1947. С. 187.

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфильд (1804—1881), будучи министром финансов Великобритании в 1852-м, а также в 1858—1859 и 1866—1868 годах, по существу, возглавлял правительство. Кроме того, являлся премьер-министром в 1868-м, 1874—1880 годах. Проводил резко выраженную противорусскую политику. Дизраэли вообще отличала почти животная ненависть к России. Этот лорд способствовал возникновению русско-турецкой войны 1877—1878 годов. О его еврейском национализме, отливающим всеми цветами огблтелого еврейского шовинизма части еврейского народа, о его противорусской враждебной политике подробно писал Федор Достоевский в своих дневниках. Писал, дабы мы не забывали...

Россию... мы можем лишь с помощью Германии» (вот где корни мюнхенской политики сговора с Гитлером Невилла Чемберлена)¹.

Большую Россию им все же удастся расчленить с помощью предателей и вопреки воли народов, ибо всесоюзный референдум незадолго до черного беловежского сговора 1991 года четко выявил настроение всех людей жить единой страной.

Так была нарушена воля народов. Ведь референдум проводится для выяснения воли народа. По сути, референдум всегда акт законодательный.

Этим законодательным актом пренебрегли и в Беловежье, что в Белоруссии, совершив варварское расчленение Советского Союза — расчленение Великороссии, то есть Великой России, Большой России. Совершили сие каиново дело Ельцин, Кравчук, Шушкевич...

Без сталинского государства — именно такого устройства жизни народа — одолеть Гитлера было бы решительно невозможно².

СТАЛИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЯВИЛОСЬ ЗАКАЗОМ ИСТОРИИ, КАК И САМ СТАЛИН. Он был вызван историческими условиями жизни, чтобы остановить Гитлера, за которым в Россию вламывался Запад, — это было его, Сталина, историческое предназначение, для сего Провидение вывело его к руководству Большой Россией. Все прочее — лишь приложение к этому сердцевиному, чего и по сию пору люди никак не в состоянии усвоить, копясь в другом Сталине — Сталине на других путях и измерениях, несравнимо более мелких, нежели Сталин — меч против Гитлера, не видя в Сталине ту последнюю попытку Запада силой и свирепостью насилия покорить великую Россию — Великороссию (один из первых стратегов Великогерманского рейха генерал-полковник Гудериан писал, что «Гитлер хотел добиться низвержения России беспощадной жестокостью»³).

Действовало Провидение (если угодно: стечение исторически предопределенных условий и событий), и действовал Ста-

¹Черчилль. Мировой кризис. — М., 1932.

²Во главе национал-социалистической партии Гитлер встал в 1921 году. Партия была основана рабочим-столяром Антоном Дрекслером в 1920-м.

³Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. — М.: Воениздат, 1954. С. 433.

лин — слишком часто обычный человек, к тому же пожираемый властолюбием. Все вместе и являлось вождем.

Без варварского террора Сталин никогда не сумел бы собрать в те ничтожно сжатые исторические сроки страну для отпора Гитлеру. Революция превратила страну в хаос, в великий хозяйственный беспорядок и груды дышащих на ладан заводов и фабрик. А ведь следовало не только восстановить разрушенное, не только осовременить производство, нарастить его мощности, но и заново создать совершенно новые отрасли промышленности, к тому же на высочайшем техническом и научном уровне. Сталин со всем этим справился, но получил за это титул палача, которым он и являлся.

Сталин все время стремился к расширению владений России (в своем кругу Сталин очень часто говорил не «Советский Союз», а «Россия»). Он был одержим желанием восстановить ее в пределах Российской империи — империи русских царей. Ленин раздавал земли, Сталин — возвращал. Так, настоятельным требованием генералиссимуса союзникам перед окончанием Второй мировой войны была передача Карса и Ардагана Советскому Союзу, как бывших частей Российской империи, потерянных после октября 1917 года (с легкой руки свет-Владимира Ильича).

«Фюрер всегда прав» — так в Великогерманском рейхе строились отношения вождя с «массаами». В особых обстоятельствах, как война например, подобная установка имела смысл и была исторически оправдана.

Точно на таких же установках строились отношения Сталина с народом («массаами») — и это тоже было оправдано, ибо государство возникало и существовало в чрезвычайных, особых условиях. Без вождя оно почти полностью утрачивало возможности к выживанию.

Это доказал и де Голль, единолично возглавивший борьбу французов за возрождение Франции.

Сталин, что бы о нем ни писали, какие бы ни складывали доказательства, какими бы бумагами ни потрясали, встал наперекор потоку огня, смятения и смерти. Не щадя никого и ничто, он сковал народ в меч высочайшей крепости. Меч, сверкнув, вознесся высо-

до-высоко над просторами России — и врагов настигло возмездие.

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Сталин противопоставил немецкому сплочению русское — необычайной твердости и убежденности. Но только он, великий вождь, способен был это сделать — и никто иной, а без сплоченности и величайшей веры в свое дело победа недостижима.

Чтобы победить врага, надо умирать.

Врага можно остановить только кровью. Прежде всего кровью — своей и врага.

Нужно быть очень сильным духом — тогда народ выстоит (это относится далеко не только к воспоминаниям о войне 1941—1945 годов). В войну с Гитлером люди теряли сыновей и дочерей, отцов, матерей и братьев, но заставить их смириться с гитлеровской неволей (властью) по-прежнему было невозможно. За исключением жалкого меньшинства, люди не молили врага о мире — мире под сапогом завоевателя и хама. Пламя священной борьбы и мести пережигало боль утрат. Все поднимались на борьбу. Дух народа оказался чрезвычайно высок. Но только так, невзирая на потери, страдания, и можно победить и побеждать.

Пришли на чужую землю — здесь все и останетесь! Кровь за кровь! Смерть за смерть! Ни шагу назад!..

Биограф Гитлера Джон Толанд писал: «Но самым болезненным сюрпризом для немцев были не потрясающие резервы Красной Армии, а ее стойкий боевой дух»¹.

От вождя зависит сопротивление народа. Есть могучий духом вождь — и сопротивление народа неистовое и самоотверженное. Народ с именем Сталина на устах победил, что неопровержимо доказывает значение вождя для русской истории.

Тогда мы часто слышали сурковскую песню:

...Смелого пуля боится, смелого штык не берет...

Смелый пронесит, как знамя, светлое имя вождя...

Можно проклясть это имя в общем, есть за что. И войну Сталин несоразмерно утяжелил лишними жертвами, что отмечал в воспоминаниях Георгий Жуков (1896—1974). Но без Сталина страна не

¹ Джон Толанд. Адольф Гитлер: Кн. 2. — М.: Интердайджест, 1993. С. 338.

выстояла бы. Без него народ был бы наполовину (или более того) замучен, истреблен, а другая, выжившая часть, была бы превращена тевтонами в тягловый скот. **Проклясть Сталина было за что, как чтить и почитать — для сего тоже имелись все основания, да еще в избытке.**

Народ и Сталин — эти два понятия неразрывны для тех лет. Они навечно сплавлены в единое возвышенное целое. «Сталин наша слава боевая...»

Народ благодарно обращался к образу вождя¹.

Гитлера Сталин презирал более всего за то, что тот позволил собой играть западным демократиям и 22 июня 1941 года повернул против Советского Союза. Разве вождем народа можно играть? Какой же ты тогда вождь?..

Нашествие сгнуло в огне, запаленном Гитлером.

Это был величайший миг в жизни русского народа.

Народ оказался сильнее Сталина. Несмотря на те раны, которые он нанес ему, народ выстоял и дело защиты своей земли довел до победы.

Конечно, народ уцелеет и после новых потрясений 90-х годов, но ужмется количественно и утратит свою национальную и государственную независимость и СУТЬ. Он уже сейчас находится не под властью своих русских людей (хотя такой руководитель, как Лебедь, может быть и русским, но власть-то может оказаться почище самой кабально-изошренной иностранщины).

И духовно, нравственно народ станет другим.

Одинокая Россия...

Не верьте титулованным болтунам, лакейски превозносящим боевые успехи США.

США и Англия технически помогли Советскому Союзу. Кроме

¹Сразу после Великой Отечественной войны, мы, суворовцы, пели, отбивая шаг:

...Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
И сотни тысяч батарей, за слезы наших матерей,
За нашу Родину: «Огонь! Огонь!»...

того, американцы поставили много продовольствия. Но кровь проливали главным образом русские, белорусы, украинцы и югославы.

Поляки потеряли много людей, но по преимуществу не в боях, а в германских лагерях массового уничтожения населения. В боях же основные потери народов, воевавших против Великогерманского рейха, приходятся на Советский Союз, а в Советском Союзе — на русский народ, доля которого в общих потерях народов России составила около 66%.

Героически дралась с немцами и Греция.

Партизанская борьба русских, белорусов, украинцев, сербов, греков и поляков стоила немцам большой крови. Однако никто не пролил ее столько, сколько русские.

Известнейший в свое время американский публицист Уильям Манчестер отмечал в своем документальном исследовании «Оружие Круппа»:

«С Советским Союзом дело обстояло совсем иначе; по нацистским представлениям, план «Барбаросса», как обозначил фюрер войну на Востоке, представлял собой «крестовый поход» против злейшего врага национал-социализма. «Когда начнется «Барбаросса», — заявил Гитлер своим генералам утром 3 февраля 1941 года, — мир затаит дыхание и не найдет слов». И действительно, даже сейчас для этого трудно найти слова. Размах наступления, полная неразборчивость в средствах его вдохновителей и преднамеренность всего совершавшегося были и остаются единственными в своем роде.

Еще в январе 1941 года торговый атташе американского посольства в Берлине узнал о «Барбароссе» и о разрабатывающихся планах экономической эксплуатации Советского Союза после победы. Планы эти были подробными и устрашающими, так, как в начале марта (того же, 1941 года. — Ю.В.) фюрер объявил, что «война против России будет войной, которую нельзя вести рыцарскими методами. Это будет борьба идеологий и расовых различий, а потому ее надо вести с еще неслыханной, безжалостной и непреклонной суровостью».

«Война на Западе никогда не достигала той свирепости, ка-

кая отличала ее на Восточном фронте, потому что нигде больше зверства не чинились столь продуманно и организованно...»¹

Редко западный человек способен на такие слова. Очень редко. Он, этот человек, все время проходит выучку у западной печати, насквозь продажной и лживой. Мы насмотрелись на ее российскую разновидность у себя дома.

Обратимся к книге американского историка Герхарда Вайнберга — автора обширного исследования «Мир под ружьем: глобальная история Второй мировой войны» (*At Arms A Global History Of World War II*-by Gerhard L. Weinberg, Cambridge University Press, 1994). Его мнение особенно ценно, поскольку в своем исследовании Вайнберг рассматривает все новые многочисленные данные, появившиеся в последние два-три десятилетия и, как правило, не вошедшие в прежние, признанные основополагающими труды по Второй мировой войне.

Находим у Вайнберга такие признания:

«Когда 22 июня 1941 года Германия и ее союзники вторглись в Советский Союз, характер войны изменился в нескольких отношениях. Одно изменение, которое не сразу всеми было осознано, но которое совершенно очевидно в ретроспективе (при взгляде, обращенном в прошлое. — Ю.В.), состояло в том, что именно с этого мгновения и вплоть до окончания войны в Европе в мае 1945 года большинство сражений всей войны происходило на Восточном фронте. На этом фронте сражалось и погибло больше людей, чем на всех остальных фронтах по всему земному шару, вместе взятых...

¹ Уильям Манчестер. Оружие Круппа: История династии пушечных королей. — М: Прогресс, 1971. С. 283. Текст выделен мной. — Ю.В.

Книга, отличаясь высокой документированностью, написана мастерски. Одну из глав Манчестер назвал: «Промышленники нанимают Гитлера», прямо указывая на виновницу всех потрясений на земле — страсть к наживе (прибыли), основное движущее начало капитализма.

Но прежде, по решению родни Кеннеди, Манчестер написал книгу об убийстве века — убийстве президента Джона Кеннеди, вызвавшую недовольство его клана. Она появилась в Нью-Йорке летом 1967 года. «Убийство президента Кеннеди» также была издана в Советском Союзе (Уильям Манчестер. Убийство президента Кеннеди. — М: Прогресс, 1969), но, на мой взгляд, не удалась этому одаренному сочинителю-документалисту.

К февралю 1942 года из 3,9 млн советских солдат, захваченных немцами в плен, погибло подавляющее большинство — 2,8 млн человек. По меньшей мере четверть миллиона из них были расстреляны, а остальные умерли из-за ужасных условий, в которые они были поставлены немцами.

И какие бы сказки ни рассказывали участники этих ужасных деяний или их апологеты (защитники предвзятых утверждений. — Ю.В.), тщательное изучение современных свидетельств не оставляет ни малейших сомнений в том, что эти жестокости в гигантских масштабах осуществлялись добровольно, даже с энтузиазмом (воодушевлением, восторгом. — Ю.В.) германской армией, полицией и гражданскими властями...

Как показывают последние исследования, число жертв составило около, а возможно, и свыше 25 млн человек. Из них **военнослужащие составили самое большое одну треть**. Это показывает особенность войны в целом: число жертв среди гражданского населения превосходило число погибших военных. Китай потерял примерно 15 млн человек...»

Народы Советского Союза, отмечает Вайнберг, особенно пострадали от гитлеровского нашествия. **«Его жертвы были самыми большими среди всех воюющих сторон, а физический ущерб, нанесенный городам, промышленности и транспортной системе, оказался просто чудовищен**. Помимо этого ущерба, в районах, охваченных военными действиями, была дезорганизована (нарушена, расстроена. — Ю.В.) вся экономика, изношено промышленное оборудование, а на долю населения выпали невероятные страдания...

В международных делах результат (итог. — Ю.В.) войны состоял в том, что именно та страна, которую немцы собирались стереть с лица земли вместе с большинством ее граждан, стала и была признана одной из доминирующих (господствующих. — Ю.В.) держав земного шара. Территория ее расширилась, влияние возросло, а статус (правовое положение. — Ю.В.) стал незыблемым. **Вместо того чтобы быть сокрушенным, Советский Союз сам сыграл главную роль в сокрушении Германии**, продвинулся в Центральную и Юго-Восточную Европу и стал одним из основателей Организации Объединенных Наций со статусом великой державы, получив место постоянного члена в Совете Безопасности. Вместо того чтобы быть превращенным в посмешище, Советский Союз стал

внушать уважение и даже страх. Трудно себе представить более коренное изменение статуса страны по сравнению с 1917 или 1939 годами. Потом пришел и день, когда некоторые могли поставить под сомнение гениальность того, кто привел страну к гибели миллионов своих граждан, но в то время Сталин выглядел как **самый большой победитель на войне...**¹

Великая Отечественная война высветила значение патриотизма. Никакие социальные идеи не способны были так воодушевить, так толкать людей на самопожертвование, как любовь к Родине и преданность народу. Марксисты допустили серьезнейший промах, когда, объявив патриотизм классовый, буржуазной отрывкой, смели это святое чувство в одну кучу с мусором разных якобы изживших себя буржуазных понятий («у пролетария нет Родины», и все в таком роде...).

Использование же национального чувства для подготовки и ведения захватнических войн вовсе не означает его порочности. Ведь демократическое голосование слишком часто приводило и приводит к власти негодяев, из сего не следует, однако, что всякое голосование есть зло.

В 1941-м святое чувство любви к Родине подняло наши народы, спаяв в породу необыкновенной твердости. В огне борьбы от этой глыбы отламывались куски, она обуглилась и местами дала трещины, но сам монолит остался непреодолимо прочным.

Именно о святое чувство любви к родной земле, преданности своему народу и разбилось, захлебнулось в крови исключительное по свирепости германское нашествие. Ибо род, наРОД берегут жизнь и землю своего края — своей отчины. В тысячелетиях они полили эту землю обильной кровью, защищая отчину от захватчиков и поработителей. Они породили самобытную, значительнейшую культуру и язык. На родной, отчей земле они построили все для уверенной и обеспеченной жизни. Вера, история, культура, язык народа (страны) воспитывают из поколения в поколение людей благородных и мужественных. А все это и создает предпосылки для устройства жизни на достойных началах.

Национальная жизнь — это наибольшее приспособление

¹Геннадий Шишкин. ИТАР-ТАСС //Компас, № 69. Текст выделен мной. — Ю.В. Перевод книги Вайнберга донельзя засорен иностранными словами.

народа к той среде, в которой он находится, в которой ему суждено быть. Всякий отход от национальной жизни есть нарушение естественной среды, есть ослабление сопротивления и устойчивости народа. Поэтому силы зла для уничтожения или покорения народа всегда прибегают к удушению и погашению его национальных признаков. Именно это творит сейчас с нами мировое сообщество во главе с безродным Большим Сейфом.

ЕСЛИ МЫ ПЕРЕСТАНЕМ БЫТЬ РУССКИМИ, МЫ СТАНЕМ ПОКОРНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ЛЮБОЙ ЧУЖОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ВОЛИ.

Даже Сталин в официальной переписке с американским президентом не в состоянии скрыть свою горечь, когда пишет 7 апреля 1945 года:

«Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на Западном фронте объясняется только лишь тем, что они были разбиты. Немцы имеют 147 дивизий на Восточном фронте. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с Восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на Западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то незначительную железнодорожную станцию Земляница в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Маннхейм и Кассель. Вы согласитесь с тем, что такое поведение со стороны немцев является более чем странным и непонятным»¹.

А как могло быть иначе, если Великогерманский рейх видел своего смертельного врага не в США или Англии, а в России? И ведь это Гитлером владела мысль о «братском английском народе». На Востоке они воевали не вполсилы, а по-настоящему, да еще с заданием истреблять народ как «недочеловеков». И не щадили никого, даже детвору.

По данным немецкого секретного архива, обнаруженного в мае 1945 года во Фленсбурге (куда переместилось высшее руко-

¹ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. I. — М.: Гос. изд. полит. лит., 1957. С. 322.

водство Великогерманского рейха после самоубийства фюрера), свыше четырех пятых всех убитых и почти три пятых всех пропавших без вести в сухопутных войсках Германии на 30 ноября 1944 года пришлось на советско-германский фронт¹.

Уже после вторжения англо-американо-французских войск в Нормандию 6 июня 1944 года Черчилль отправил Сталину 27 сентября 1944 года очередное послание, в котором можно прочесть:

«...Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от Вождя героических русских армий. Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника (чем союзники. — Ю.В.)...

Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательство Советов в японскую войну, как было обещано Вам в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью... Я был бы рад приехать в Москву в октябре (1944 года. — Ю.В.)...»²

Опречь души были для Черчилля такие вот признания успехов русского оружия.

Конференция в Тегеране между главами СССР, США и Англии состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 года.

«Количество американцев, погибших во всех войнах, — заявил американский писатель Ричард Бидлак, работавший над книгой о Ленинграде в войну 1941—1945 годов, — равно количеству ленинградцев, погибших в блокаде».

Генерал Эйзенхауэр, выслушав рассказ о Ленинграде, сказал сыну: «Ни один американский город не выдержал бы этого».

Дуайт Дейвид Эйзенхауэр (1890—1969) — генерал армии, с декабря 1943 года — Верховный главнокомандующий экспедици-

¹Урланис Б. Ц. История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994. С. 210, 211.

²Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. 1. — М.: Гос. изд. полит. лит., 1957. С. 260.

онными силами союзников в Западной Европе. В 1953—1961 годах — президент США. При нем разыгралось дело Фрэнсиса Пауэрса с последующим наступлением нового охлаждения в отношениях между СССР и США. Это он, единственный в последней истории США, предупредил американский народ об опасности если не захвата власти военно-промышленным комплексом США, то господствующего влияния его на политику Вашингтона.

В ходе уборки Ленинграда весной 1942 года на улицах города были подобраны **12 тыс.** трупов, вмерзших в снег и лед.

На 1995 год, по официальным данным похоронных служб Ленинграда, в блокаду оказались похоронены уже **1 млн 93 тыс.** человек. Однако официальный подсчет не смог отразить подлинное количество погибших. Полный учет потерь дает цифру в **1 млн 900 тыс.** К ним надлежит прибавить еще **900 тыс.** солдат, павших в боях за Ленинград.

И сравните потери убитыми США за всю Вторую мировую войну (и на германском, и на японском фронтах): 264 599 человек¹.

Да разве им дано судить о мере наших мук и жертв и всей нашей жизни вообще! Там, в США, и вообразить не могут, что мы несем в себе, что мы есть такое. Впрочем, им на все плевать, был бы навар, барыш...

Для справки: в Первую мировую войну безвозвратные потери Германии составили **2 млн 36 тыс. 897 солдат и офицеров².**

Безвозвратные потери включают офицеров и солдат, убитых, умерших от ран и болезней, в том числе и в плену.

Путаницу создают отдельно приводимые цифры убитых или убитых с умершими ранеными, или общие потери, оные включают безвозвратные потери вместе со своими пленными и пропавшими без вести.

Россия недоевела более года до капитуляции Германии в Компьене 11 ноября 1918 года. Ее безвозвратные потери составили 1 млн 811 тыс. человек³.

США потеряли **52 тыс.**, что в три раза меньше совокупных по-

¹ Урланис Б. Ц. История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994. С. 162.

² Там же. С. 470.

³ Там же. С. 160.

ть таких маленьких стран, как Сербия и Черногория. Количество убитых американцев составило лишь **1%** от всего количества убитых в странах противогерманского блока (36 тыс. 700 солдат и офицеров)¹.

США воевали золотом, своей экономикой, ничего другого не принося на алтарь борьбы. Однако эта страна берет на себя смелость (это мягко говоря) не только поучать всех, но и силой оружия принуждать исполнять свою волю.

Количество солдат и офицеров русской армии, погибших от ядовитых газов в 1915—1917 годах, составило **11 тыс.** человек.

Германия потеряла от газовой войны около **3 тыс.** человек (среди тех, кто был жестоко отравлен газом, и даже на время ослеп, оказался и будущий фюрер Великогерманского рейха ефрейтор Адольф Гитлер).

Англия потеряла **8 тыс. 109** человек.

Франция — **8 тыс.**²

Россия и в этом убойном деле первенствовала. Ее никто не щадил — ни враги, ни союзники, а свои правители, как ни странно, — вообще никогда. Свои правители выступают в русской истории одними из самых пуших растратчиков народных жизней.

ЛЮДЕЙ РУССКИХ НИКТО НИКОГДА НЕ ЩАДИЛ.

Вклад России в победу оказался самым значительным. Никто никогда об этом не пишет и не говорит. Русские это должны знать. Победа в Первой мировой войне была куплена самыми значительными жертвами России. Неблагодарный Запад смел тогда шпынять и поносить Россию за выход из войны (после октября семнадцатого). Ему было мало русской крови.

Это повторится, но в неизмеримо больших размерах во Вторую мировую войну, которая, если исходить из положенных за победу жизней, вообще оказалась выиграна благодаря России, выступившей тогда под личиной Советского Союза.

¹ Урланис Б.Ц. История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994. С. 176—179.

² Там же. С. 231.

Мировые пожары, действительно, с успехом тушили русской кровью.

Мало кто сознает, что Россия в отличие от союзников воевала в одиночестве. У нее не было ни одного сухопутного союзника (лишь с 1915 года — Румыния, тут же разбитая немцами). 1 августа 1914 года Россия разом оказалась лишена ввоза и вывоза грузов морем (потому столь остро и стоял вопрос о завладении турецкими проливами). Все сухопутные границы оказались перекрыты вражескими армиями. Лишь с севера, через Романов-на-Мурмане¹ и Архангельск, Москва поддерживала связь с миром. Романов-на-Мурмане срочно оборудовали и достраивали. Через Кольский полуостров спешно тянули железную дорогу. Перешивали узкоколейку от Архангельска до Вологды. Нет, Россия не распалась под ударами врага. Она сражалась. Ее свалят революции 1917 года.

Увенчает Первую мировую войну Версальский мир. Он будет подписан 28 июля 1919 года в Версале под Парижем и среди прочего утвердит сионистские притязания на Палестину. Для арабского народа это будет означать величайшую из трагедий. Отныне арабов станут кровью изгонять с родных земель, потому что на клочке их несколько тысячелетий назад жили древние евреи. Но если по такому счету вести дела, то все народы должны взять друг друга за горло из-за земельных тягб. В Версале, вопреки всем обычаям и законам, было произведено насилие над миром².

¹Город Мурманск расположен за Северным полярным кругом в 1967 км от Москвы в зоне вечной мерзлоты; незамерзающий порт на скалистом восточном побережье Кольского полуострова.

Основан в 1916 году при создании морского порта и прокладке железной дороги. До апреля 1917-го назывался Романов-на-Мурмане. С 1921 года — центр Мурманской области. В недавнем прошлом — начальный пункт Северного морского пути.

²Бывший агент «Моссада» Виктор Островский рассказывает в своей книге о тайных операциях израильской разведки:

•Тот факт, что антисемитские группы существуют, не является оправданием, потому что если вы заглянете внутрь самого Израиля, то увидите антипалестинские группы. Следуя нашей логике, у палестинцев должно быть право запасать оружие и создавать группы бдительности. Но мы их называем террористами» (Островский В., Хой К. Я был агентом «Моссад». — М: Арт-Пресс, 1992. С. 131).

Право убивать есть только у израильтян. Арабы же должны только повиноваться.

Нелишне обратиться к воспоминаниям бывшего кайзера Вильгельма II:

«Америка извлекла из мировой войны (Первой мировой. — Ю.В.) значительные выгоды: она сосредоточила у себя почти 50% всего мирового золотого запаса, и теперь уже не английский фунт, а американский доллар определяет валютный курс во всем мире... Для нас, конечно, очень печально, что Америка осуществила свое выгодное дело, находясь не на стороне Центральных держав (то бишь Германии. — Ю.В.)»¹.

И проясняется, для кого и кем делаются мировые войны: кто стоит за событиями, ведущими к войне, и кто их подстегивает. Нет, ИХ лиц никогда не увидите. Они нанимают тех, кто восседает в президентских, министерских покоях. Это их лакеи...

Однако сообразить, что к чему, — можно. КТО ВЫИГРЫВАЕТ ОТ ВОЙНЫ?..

Война оказалась для США (Большого Сейфа) самым доходным делом. Кровь-кровинь превосходно переплавляется в золото.

О'кей, мистер Браун, у вас там «нормальный бизнес»...

Почитаемый мной Евгений Викторович Тарле в своей особо ценной фактами работе «Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг.» указывает:

«Чтобы понять, до какой степени война обогатила Соединенные Штаты, достаточно сказать, что от начала существования этого государства (с первого года президентства Вашингтона) до начала войны 1914 г., т.е. за сто двадцать пять лет в общей сложности, перевес вывоза из Соединенных Штатов над ввозом в них из других стран исчисляется в 9 с небольшим миллиардов долларов, а тот же перевес за время с августа 1914 г. до капитуляции Германии в ноябре 1918 г. равняется 10,9 миллиарда долларов. Значит, эти 4 года и 3 месяца войны были с точки зрения торгового баланса выгоднее для Соединенных Штатов, чем в общей сложности все сто двадцать пять лет (1788—1914) всей их предшествующей исто-

¹ Вильгельм II. Мемуары: События и люди: 1878—1918. — М.; Петроград: изд. Л. Д Френкель, 1923. С. 127, 155. У меня воспоминания Вильгельма II в двух разных изданиях. — Ю. В.

рии... Уже в 1919 году золотой запас Соединенных Штатов превышал 3 миллиарда долларов... с тех пор он не перестал расти...»¹

Тут ничего не надо растолковывать. С того берега шли штормовые волны на белый свет. Шли и продолжают идти...

Там решаются судьбы людей.

Отвлечемся на представление Тарле.

Евгений Викторович Тарле (1875—1955) окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896); в 1903—1917 годах — приват-доцент Петербургского университета; в 1913—1918 годах — профессор Юрьевского университета; с 1917 года — профессор Петроградского университета.

Знание языков и независимое материальное положение позволили Тарле еще задолго до Первой мировой войны основательно поработать в архивах крупнейших европейских столиц.

В конце 20-х годов при разгроме Академии наук Евгений Викторович оказался сослан в Среднюю Азию. К тому времени он уже имел ряд интересных работ, среди которых обращала на себя внимание работа по Ирландии. Ему грозило печальное будущее, может быть, участь Сергея Николаевича Вавилова. Однако еще до ссылки Сталин, что называется, положил свой желтый глаз на обрусевшего француза. При подготовке расправ над некоторыми учеными (часть их будет расстреляна) и в ходе самого разгрома Академии, когда, надо полагать, решалась и судьба Тарле, а решал подобные вопросы только лично генеральный секретарь ЦК ВКП (б), Сталин уже выделил Тарле из общего множества титулованных ученых. Он понимал значение исторической мысли в СССР накануне величайшего столкновения с Гитлером и подпадающей под его влияние Европой. Тарле, безусловно, являлся крупнейшим историком и к тому же обладал хорошим слогом. Сталин навсегда оставил в ссылке академика С. Ф. Платонова — крупнейшего русского историка, но быстро вернул Тарле. Ссылка, очевидно, была нужна как некая дрессировка.

С прямого вмешательства вождя член-корреспондент Академии наук СССР Тарле был возвращен из ссылки и, пользуясь всеми

¹Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения: Т. V. — М.: АН СССР, 1958. С.371. Текст выделен Тарле. — Ю.В.

привилегиями крупного ученого, опять стал работать в Москве. Сталин распахивает перед ним двери всех архивов.

Под непосредственным наблюдением вождя он создал выдающиеся работы по Французской буржуазной революции, в том числе «Наполеон» (1936) и «Талейран» (1939) — оные имели серьезный успех и за рубежом. Тогда же Тарле печатает «Нашествие Наполеона на Россию» (1937), «Нахимов» (1940), отдельные работы об Ушакове, Кутузове. Все эти произведения выходили очень большими тиражами, и читающая публика их знала и ценила. Помню, как еще в школьные лета (года за три до кончины Сталина) я и отдельные мои товарищи зачитывались книгами Тарле. Их хорошо знали, на них ссылались историки на уроках, с опорой на них снимались исторические кинофильмы.

К русскому патриотизму в «досталинский промежуток» своего творчества Тарле относился с долей либеральной насмешливости. Сталин помог ему избавиться даже от подобия насмешливости.

В годы Отечественной войны Евгений Викторович издал двухтомную историю «Крымской войны». Тарле входил в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецких варваров. За свои работы был трижды удостоен Сталинских премий, что тогда было сверхпочетно, имел правительственные награды, которые в ту пору тоже пользовались широким уважением народа. Он являлся почетным доктором Сорбонны, университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, членом-корреспондентом Британской академии. Думается, за высокий патриотический накал произведения Тарле в последующие годы постепенно оказались забыты и вовсе не имели отражения в школьных учебниках. **Нынешние же учебники Сороса вообще излагают не историю России.**

В тяжелые лета для нашего народа произведения Тарле стояли за нашу Родину. При всем том они не имеют ничего общего с агитками — это очень серьезные самостоятельные исследования, написанные порой изысканным слогом.

Мы, русские, храним благодарную память о нем.

Не следует думать, будто гитлеризм — явление исключительное. Его составные части в том или ином виде присутствовали в последней истории немецких государств и вновь возникшей Германской империи (с января 1871 года). Три кайзера успели взойти на

ее престол, прежде чем 11 ноября 1918 года последний из них — кайзер Вильгельм II — бросив отчий престол, сбежал в Голландию (подробно об этом есть в моей книге «Русская правда»).

Не случайно председатель влиятельного «Пангерманского союза» Генрих Класс разработал в июле—августе 1914 года документ о будущем устройстве мира, в котором можно было прочесть: «Россия должна снова обратить свое лицо к востоку, и ее необходимо вернуть к границам эпохи Петра Великого». Военные цели кайзеровского правительства лишь незначительно будут отличаться от требований господ генрихов классов.

Это была давно выношенная установка германского империализма. Однако за ней стоял не только сам этот империализм с оголтелой жадной захвата русского сырья и рабской рабочей силы (в Германии уже с третьей четверти XIX столетия привыкнув писать о русских как о «недочеловеках», «унтерменшах»), но и многовековой кризис перенаселенности страны, ищущий разрешения в захватах на Востоке для создания нового жизненного пространства («лебенсраума»).

После Гитлер закрепит все эти хищные устремления в своем программном документе — «Майн кампф», который воплотится в зверское истребление русского и других народов Большой России.

Перенаселенность Германии сказывалась уже в XVII столетии. Невозможность устроиться в родной стране выталкивала саксонцев, баварцев, пруссаков и т.д. во все возрастающих количествах в другие страны Европы. При Екатерине II немалое количество их переселится в Россию. В XIX веке немцы начнут переселяться в США, Африку и Южную Америку, где в некоторых странах их влияние будет опасно велико.

Вот эта перенаселенность Германии с наличием под боком Большой России, раскинувшейся на одну шестую земной тверди, очень заводила немцев. Они считали нас самостоятельным народом, которым после Петра I успешно правили они, немцы: помещики, генералы, ученые, придворные и даже одна великая императрица, да и последних царей согревала немалая доля немецкой крови. В правящем же слое России доля немцев соперничала с русской.

Со временем немцы наладятся утверждать, будто русская государственность — плод немецких усилий. Сами по себе славяне — следствие скрещивания кочевых народов. В расу такой народ сложиться не может. Гитлер тут «наведет порядок», сначала — пером, а после — пулями и виселицами.

Неспроста хоть и красное, но все же русское знамя взвывает над рейхстагом. Здесь, кроме защиты от посягательства, таился и сокровенный исторический смысл национального утверждения, национального первородства...

Мы — русские! Мы породили себя к современной жизни — и никто другой!

Большой Сейф.

Мы пристрастны к США? Мы несправедливы к «великой заоканской демократии»?

Среди стран, которые возмущались США или даже выражали ненависть, мы отыщем Францию де Голля, могучий Китай, Филиппины, Вьетнам, многие страны Центральной и Южной Америки, ряд африканских и арабских стран, Югославию, а теперь и значительную часть народов России... Ни одна страна даже близко не может похвастаться таким неприятием себя, как США (даже Израиль). Стало быть, в политике и отношении к другим народам присутствует нечто, что вызывает у народов отторжение сего рая на земле.

Это нечто — хищничество и насилие, которые свойственны американскому империализму. К насилию он прибегает без всякого стеснения и ограничений. Именно американский империализм стоит за спиной беловежского расчленения Советского Союза, за чеченской войной и многими другими противорусскими делами. Именно Большой Сейф все плотнее и плотнее сдавливает нас броневым кордоном НАТО — своей карманной военной организацией, ибо подмятая и обезличенная масонская Европа уже давно ничего не значит в мировой игре. Ее гонят, как стадо, к любому задуманному решению.

Захватническая политика США напрямую связана с захватом новых рынков сырья и сбыта. Все сладенькие утверждения демократии ничего не значат, коли речь заходит о барышах.

Отдадим должное словам Данинга, напечатанным в первом

томе Марксова «Капитала», поистине золотые слова, стоит запомнить их:

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение (даже противозаконное. — Ю.В.), при 20% он становится оживленным, при 50% — положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹.

В США, которые нам подобострастно навязывают за образец, всем правят деньги. Власть здесь лишь с виду выборная. Деньги определяют смысл людей (то, чего ради они живут и страдают) — и ничто иное. Нет Бога иного для этого общества, нежели банк.

Здесь смысл человека выражается только деньгами. Человека нет, есть лишь его денежное выражение. Товар — деньги — товар...

При такой морали общество не может не скатываться к вырождению, и оно вырождается, затягивая в омут и все человечество.

«Нет такого преступления» — и американская морская пехота высаживается в любом уголке земного шара, не считаясь с международными законами, не говоря уж об обычаях...

Права человека...

Большой Сейф ведет борьбу за подчинение всей земли, за утверждение на ней его, американско-масонских порядков. Всякая самостоятельная политика вызывает у американцев животную ненависть. Они привыкли сосать кровинь из народов всего земного шара — ведь всюду лежат «сферы их жизненных интересов», как они называют другие страны. Поэтому они считают законным вмешиваться в их жизнь, даже вторгаться в их пределы. И все во имя того, чтобы сосать кровь из живой плоти народов и земель, им не принадлежащих.

Правительство России, которое отважится даже на крохотку независимой политики, обязательно встретится с могущественным и всесторонним противодействием Большого Сейфа. А если быть последовательным, то в конечном итоге не народы России из-

¹Маркс К., «Капитал». Т. 1; 1967, с.770.

бирают своего президента, а США, то бишь мировая верхушка из сверхбогачей. Это не дешевая агитка — действительность много горше и унижительней. Большой Сейф наловчился ставить на колени каждого, кто проявляет строптивость.

Но вернемся к кончине Сталина.

В «демократических» фильмах и книгах непрерывно изображают героями врагов Сталина и советского государства. Складываются впечатления, будто страна кишела его врагами. Но это бред. Как страна «бурлила» против Сталина в 1920—1930 годы, не ведаю, не жил тогда или был слишком мал. Однако в 1940-е и 1950-е страна монолитом, взламывая все, следовала за вождем. Особенно вознесла Сталина победа в Великую Отечественную войну. Он стал величайшим героем народа.

Те, кто был против Сталина, составляли ничтожно незаметный процент. О лагерной же России народ не слыхивал. Плотно все было закупорено.

Это искажение правды — представление прошлого из одних врагов Сталина. Было крепкое государство, был вождь, за которым преданно следовал народ. Весь народ. Исключения являлись чересчур незначительны, дабы их принимать в расчет. По-другому не было. По-другому сейчас выдумывают.

Я помню то время. Народ горой стоял за Сталина — вот правда тех лет. И эта правда усиленно стирается, искажается, изгоняется из памяти людей...

Сталин.

Никогда и никого больше народ так не хоронил. Это исторически бесспорное обстоятельство. И не только Москва вышла на улицы и запрудила центр. В столицу ехали, летели, спешили десятки тысяч людей, несмотря на заслоны вокруг города. Никто им не приказывал это делать, как и тем сотням тысяч москвичей, которые двинулись к Колонному залу Дома союзов.

Никогда и никого больше народ так не хоронил. Как современник тех событий (в тот год я поступлю в военную академию), смею заверить: распоряжений провозжать вождя никто не отдавал. Это

был стихийный порыв. Это было горе. И не обыватели вдавливались и вдавливались в центр города, а люди с переполненной горем душой. Тогда и стряслось непредвиденное: в давке оказалось задавлено множество людей. Получилось вроде кровавой тризны по вождю...

Вообще кончина Сталина потрясла не только своим смыслом, но и неожиданностью. Люди ничего не ведали о здоровье Сталина. Все видели одно: Сталин всегда присутствует на всех официальных торжествах. Ни единого исключения-пропуска вообще за все десятилетия не было. Из сего следовал вывод о его несокрушимом здоровье. Народ сжился с его именем. Подсознательно складывалось впечатление, будто Сталин вечен. И вдруг!..

Вслед за кончиной Сталина оборвалась жизнь и президента Чехословакии Клемента Готвальда (1896—1953). Его настолько потрясла внезапная смерть Сталина — чехословацкий руководитель скончался 14 марта 1953 года от скоротечного воспаления легких сразу после похорон Сталина, на которых присутствовал. А хоронили Сталина после четырех дней траура в понедельник, 9 марта 1953 года. Заводы, фабрики и машины включили гудки. Я стоял возле училищного окна на третьем этаже. В Саратове оттепель сменила поземка. Машины на улице Ленина под окном остановились в тот миг, когда стал опускаться гроб, и принялись сигналить. Тогда на площадях и важных улицах непременно работали громкоговорители. Они и передавали все, что творилось на Красной площади.

В день, когда скончался Сталин, умер великий русский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891—1953). Думаю, будь он жив, известие о смерти Сталина не огорчило бы его...

За несколько недель до смерти вождя испустил дух его верный секретарь и пёс-соглядатай генерал-полковник Лев Захарович Мехлис (1889—1953).

Что еще приметного произошло? Народ в дни смерти Сталина с изрядной неприязнью косился на посольство США. Оно тогда занимало красивый дом напротив Кремля на Манежной площади. Американцы отделались очень сухим соболезнованием...

Ныне Сталина особенно поносят те, кто, придя к власти, ска-

зочно обогатился. Им надо оправдать себя, как и тем, кто разваливает Русское государство.

Сталин умер, ничего не оставив детям и внукам. Что касается сталинского террора, то **новые господа развязали не менее масштабный террор — террор экономический**. Жертвы его стремительно уравниваются с жертвами Сталина, а как иначе оценивать **4 млн человек неестественной убыли** лишь за шесть неполных лет (1992— 1998)?! **Это просто-напросто убитые люди**. За годы, приходящиеся на сталинское правление, цифра жертв нынешнего экономического террора превысит 15—20 млн душ.

Не пристало новым хозяевам страны попрекать Сталина. Такое право есть у народа, но не у них. **Свободу, которую они дали народу, — свобода работать без зарплаты и свобода умирать без гроша...**

Мало желать добра и любви. Тот, кто правит, должен жить с ощущением конечности бытия. Ощущение смерти не должно покидать его.

Тогда решения будут не суетны.

Тогда все дела будут на весах вечности.

И добро тогда неизбежно.

Кто одержим земным, кто ищет богатства, наслаждений, власти, обладания другими людьми, тот не может быть вождем, тот осверкнет свои поступки корыстью и нечистой игрой страстей.

Помни о смерти, живи с ощущением ухода из жизни — и будешь очень ценить жизнь, дорожить каждым днем и не станешь унижать людей. Если так — ты приведешь народ к процветанию и тебе будет дано счастье видеть народ спокойным и довольным. И будет жизнь.

БЕРЕЧЬ НАРОД — ВОТ ЕДИНСТВЕННАЯ ЗАБОТА ПРАВИТЕЛЯ.

Гегель считал, что к всемирно-историческим личностям мораль неприменима.

Вождь должен строить свою славу и почитание к себе — в противном случае ему не бывать вождем. Близость обедняет, уменьшает славу и почитание — и Сталин строго дозировал свое появление на людях.

Сталин старательно возводил здание своей славы и своего почитания. Без всего этого невозможна борьба народа.

Однако для себя большой человек должен сторониться, внутренне бежать от славы. Иначе он может быть страшен для народа.

Человек власти соткан из противоречивых свойств. Связывает их душа. Нет ее — и нет вождя, нет его идеи, нет огня, связывающего его с народом. Все же западные поучения тысячелетий как раз считают отсутствие души в правителе вообще основным требованием к человеку власти. Западные представления в слишком многом не соответствуют взглядам и привычкам русского, особенно на верховную власть. Достаточно почитать молитву «О даровании православного царства». Православная церковь закрепляла свой, русский взгляд. Взгляд этот с наибольшей полнотой выразил великий князь Александр Ярославич (1220—1263), за победу над шведскими рыцарями в 1240 году на реке Неве прозванный Невским. Через два года, 5 апреля 1242 года, он разгромит немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера, остановив их доселе успешное продвижение на восток. Александр Ярославич, еще в большом здравии и силе принял монашеский сан. Постриглась в монахини и его жена. Душевное являлось наиболее важным для сего великого правителя, причисленного православной церковью к лику святых¹.

Запад, однако, упрямо навязывает свой образ жизни. Что ж это за колонизаторские замашки: ломать другие жизни под свою?.. Не без умысла, всё конечно, ибо Запад давно уже стремится изменить характер русского народа под свои интересы.

Если русский народ поднимется за вождем, это будет вал небывалой высоты и сокрушающей мощи. Никто и ничто не устоят. Именно так произошло в 1941—1945 годах.

А тогда народ был благодарен вождю за то, что он не положил страну к стопам хозяев мировой экономики — США (нет, не будет натяжкой или злобствованием называть эту страну Большим Сей-

¹Став великим князем владимирским в 1252 году, Александр Ярославич умелой политикой удерживал монголо-татар от новых разорительных набегов на русские города. Войдя в соглашение с Норвегией и Литвой, он устроил поход в Прибалтику, отбросив шведов и ливонских рыцарей от русской земли, чем надолго обеспечил ее безопасность на западе.

фом, название точно отражает нутро и дух американской цивилизации), после войны абсолютно господствующих и повелевающих всем миром, кроме сталинской Большой России в образе Советского Союза.

Народ видел, что жизнь заметно изменяется к лучшему.

Народ чувствовал себя под защитой могучей власти, которую воплощал собой Иосиф Сталин. Жизнь и покой народа защищали победоносные Вооруженные силы — гроза и смертный ужас всех недругов Большой России. Служба в армии была почетна. Милиция самоотверженно боролась с расхитителями народного добра, бандитами и ворами. Разгул вооруженного бандитизма оказался сведен на нет уже к концу 40-х годов — и это после того обилия оружия, которое оставалось на полях и в лесах сражений. Правда, настоящей основы для бандитизма не было (и впрямь, что значит социалистическое государство рядом со свинствами общества частной собственности). Присутствовала лишь порочная природа человека. Собственность была прочно государственной. Личная — чересчур незначительна, дабы из-за нее ставить на кон свободу или даже жизнь, хотя ставили...

В обществе, где каждый мог найти работу, проституция находилась под запретом и наказывалась как одна из разновидностей злостного тунеядства. Все виды полового извращения закон преследовал (на подлостях и мерзостях никто не делал деньги).

Народ гордился своим Отечеством.

Народ искренне переживал смерть Сталина.

«Повесть временных лет» глаголит о смерти князя Владимира в июле 1015 года: «...сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе».

Именно так и было все во вторую седмицу марта 1953 года. Тяжелая рука правителя не всегда воспринимается народом как бедствие, если она оделяет по праву и закону, если она защищает по своей святой обязанности и если правитель держит себя достойно (не пьянствует, не мочится прилюдно, не дирижирует оркестром в хмельном угаре, не кривляется в выступлениях, ровно умалишенный, и не лжет без конца). Некоторое представление об этом дает письмо от одного из моих читателей летом 1993 года. Я привел его в своей книге «Мы есть и будем» на 262—263 страницах.

«Уважаемый товарищ Власов!

Читаю и перечитываю твои статьи в газете «Советская Россия». нравятся они мне правдивостью, смелостью. Но кое-что и недоумение вызывает. Опять эти набившие оскомину выражения «казарменный социализм», «командно-административная», «реки крови» и т.д.

Семьдесят лет прожил, но ни одного дня не жил в казарменном социализме, если не считать армейские казармы. А без командно-административной системы мы не выживем. Что с кровью — так она и тогда лилась, льется и теперь.

Возрождается КПСС? Я в партию вступил в 1945-м, а вышел из нее в 1970 г. Только вступал я в ВКП (б).

А тогда партия была другой. И разлагаться она начала не в 60—70-х гг., а в послевоенные годы... Не плюйте на историю. Живите для народа. Добейтесь того, чтобы президента, если такая должность сохранится, народ приветствовал бы, любил бы, верил бы ему, как в свое время верил своему вождю.

Я сталинист, как сейчас таких называют. Но я им не был обласкан.

Я простой рабочий (был) — пенсионер. Не нажил капиталов. 70 лет прожил, но не смог приобрести приличной одежды. С августа 1942-го по май 1943-го (два месяца в госпитале) — непрерывные бои, в мае новое ранение, десять месяцев в госпитале. С апреля 1944 г. снова в армии. Крови пролито много. Вшей покормил вдоволь — но ни одной награды.

...г-н Чубайс на всю страну утверждает: «Пусть выживет сильнейший!»

Этот волчий закон хорош для шахтеров (тогда они раскольнически шли на сговоры с правительством Ельцина. — Ю.В.) и предпринимателей всех мастей, но не для врачей, учителей, пенсионеров и вообще всех остальных, в т.ч. и армии.

Г-ну Шумейко как-то сказали, что раньше цены были очень низкие, на что он ответил, что и зарплаты были символические.

Докладываю: в 1941-м, перед войной, я, 17-летний рабочий на заводе, получал сначала 450 руб., потом 650 руб.

На базаре картошка была 3 руб. (мера: 16 кг), мясо было 3 руб. кг. Подсчитай, что чего и сколько я мог купить на эти деньги.

Плохо было с промтоварами. Это было.

Но я был сыт. Я не думал о том, что буду кушать завтра. И дети мои почти даром посещали д/сады, были в п/лагерях, даже на Черноморском побережье.

Попробуй сейчас!

Т. Власов! Написал тебе просто так, от души. Накипело, а поделиться не с кем. Извините за почерк. Руки больные. Прошу прощения за текст.

Дашь новые интересные публикации, только без «тирании» в прошлом.

г. Волгоград.

Шешин Н. И.»¹

Нравится нам или нет, но смерть Сталина убедительно показала любовь народа к нему, а последующие десятилетия лишь подтвердили сей факт с неизменностью. У народа свое понимание руководителя. Оно в корне расходится с пониманием интеллигента, и тем более прозападно настроенного. Народ определяет свое отношение от буден жизни: справедливости труда, забот, надежности существования, наименьшего произвола властей, невозможности жировать преступникам и махинаторам от власти и воров, **то есть всей тяготы жизни.**

По смерти Сталина к мечу жадно и нетерпеливо потянулось сразу несколько рук, рукоять ухватила рука не национального вождя. Да и откуда ей было взяться там... национальной?..

Грозная тень вождя с недоумением взирает на нас из прошлого. Тот ли это народ, с которым он возродил великую державу, сломал хребет гитлеровской Германии, выстоял перед «атомным» шантажом заросшей салом Америки?..

¹ Письмо Н. И. Шешина не первое и не последнее. В 90-е годы я получил тысячи и тысячи писем и телеграмм. Еще столько же не дошло... по умыслу властей, разумеется...

Неужели вся история людей — это только метания из одной крайности устройства жизни в другую?

ГЛАВА IV

Всепроникающая глупость

2 ноября 1917 года (по старому стилю) бывший военный министр Александр Иванович Верховский напечатал письмо в горьковской «Новой Жизни», которая тогда прочно и надолго заняла противоленинскую сторону:

«Я глубоко возмущен тем, что меня, не спросив, включили в список министров (Совет Народных Комиссаров. — Ю.В.). Ни в какие соглашения с большевиками я не пойду, так как люди эти, все обещая, ничего не дадут. Вместо мира — междоусобная война, вместо хлеба — голод, вместо свободы — грабежи, анархия и убийства.

Мир может дать только правительство, признанное всей страной. Крестьяне, юг, казачество соглашения с большевиками не признают.

Я боролся за активную политику мира, но никогда не пойду вместе с людьми, у которых руки в крови от предательского убийства.

Мы должны спасти страну от анархии. Нужно бороться за порядок, а большевики ничего, кроме позора, не дают».

Это была и позиция генерала Духонина.

Верховский сразу же после обнародования письма рванул в Ставку. 4 ноября он уже в Могилеве вместе с В. М. Черновым — вожаком разношерстной партии эсеров, и видными эсерами Шохерманом и Фейтом. Все они выступили на заседании Общеармейского комитета у Перекрестова. Материальную силу новой власти пытались сломать словоговорением. Россия продолжала захлебываться словами.

Из Бюллетеня № 16 от 12 ноября 1917 года, выпущенного Общеармейским комитетом при Ставке:

«Вчера утром в Ставке получено было сообщение, что назначенный Советом Народных Комиссаров на должность Верховного главнокомандующего прапорщик Крыленко решил выехать в тече-

ние дня через Псков и Двинск в Ставку, лично завязав по дороге в Двинске мирные переговоры с немцами, для чего он распорядился приготовить пять офицеров, знающих немецкий язык.

Выехал прапорщик Крыленко из Петрограда в 16 час. 30 мин. и вечером прибыл в Псков:..»

В субботу 18 ноября Ставку покинули иностранные военные представители генералы Бартер (Англия), Лавернь (Франция) и Ромей (Италия).

Генерал Духонин Ставку покинуть отказался, заявив, по воспоминаниям А. Дикгоф-Деренталя: «Совесть моя чиста! Я действовал все время с демократией (различными войсковыми и гражданскими комитетами. — Ю.В.) и на благо родины. Я не могу бежать. Я не Керенский!..»

В ночь с 18 на 19 ноября генерал Корнилов ушел из быховского заточения под охраной верных текинцев. Тогда же власть в городе принял на себя Военно-Революционный Комитет под председательством Усанова.

19 ноября Могилев покинули последние роты ударников (сплошь офицерские, сплошь настроенные монархически). Опоздай они — и быть большой драке.

С воцарением недели, в понедельник 20 ноября около одиннадцати утра к Ставке прошел первый из прибывших петроградских отрядов — столичные солдаты запасного гвардейского полка. Через час на улицы города вступили и матросские отряды. Как пишет очевидец тех событий Лелевич, «в черных папахах, широких темных шинелях, с винтовками за плечами, они казались воплощенной мощью»¹.

20 ноября Крыленко (1885—1938), партийная кличка — товарищ Абрам, издал приказ:

«Именем революции ко всем солдатам революционной армии и флота.

Товарищи! Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя...»

И далее из работы Лелевича:

¹Лелевич Г. Октябрь в Ставке. — Гомель: Гомельский рабочий, 1922. С. 87—90.

- «26 ноября в новой газете «Революционная Ставка» № 1, появилось следующее сообщение:

«В 10 часов утра 20 ноября Верховный главнокомандующий Крыленко со своим личным штабом вступил в Могилев. В помещении Военно-Революционного Комитета тов. Крыленко был встречен «Марсельезой» хора трубачей Георгиевского батальона и делегациями. После обмена приветствиями Главковерх отправился в Ставку, чины которой были подвергнуты накануне домашнему аресту... Накануне ночью генерал Корнилов... бежал из Быхова с четырьмя охранявшими его эскадронами текинцев... Со станции (могилевской. — Ю.В.) было получено известие, что возбужденная толпа окружила вагон Главковерха, куда был приведен для обеспечения его личной безопасности генерал Духонин (для последующей расправы в Петрограде. — Ю.В.)... Возбужденная группа матросов и солдат собралась около вагона и скоро многотысячная толпа... стала осаждать вагон... Генерал Духонин был вытасчен разъяренной толпой и убит... Вечером чины штаба Ставки, арестованные домашним арестом в гостинице «Бристоль», были освобождены и вернулись к исполнению своих обязанностей... Начальники отделов Ставки и весь ее состав были представлены новому Главковерху. Они единодушно обещали работать на пользу армии...»¹

Отголоски ураганных событий. Книжные прочерки вместо живых людей. Тени бурного движения в буквах и строках...

А ведь это были живые люди, каждый одержимый своей идеей и страстью. По-настоящему мы и не знаем их. Мораль того времени и события со всем множеством сложнейших обстоятельств поняты и знакомы нам лишь отчасти. Теперь из своего «далёко» мы самоуверенно судим их (я не исключаю и себя).

Из воспоминаний уполномоченного ДПТУ Западных железных дорог Евгения Прокопца:

«В дни, предшествовавшие вступлению советских отрядов в Могилев, могилевцы бегали справляться о новостях на вокзал (те-

¹Лелевич Г. Октябрь в Ставке. — Гомель: Гомельский рабочий, 1922. С. 87—90.

леграфное агентство перестало работать, онемели и газеты. — Ю.В.). С такой целью пришел я на вокзал под вечер 20 ноября 1917 года — в день вступления войск тов. Крыленко.

Когда я вышел на перрон, мне сразу бросился в глаза поезд, составленный из классных вагонов. Перед ним волновалась толпа, залившая перрон. В толпе то тут, то там мелькали бурые папахи матросов. Говорили, что в одном из вагонов находится арестованный генерал Духонин. Раздавались угрожающие возгласы, требующие немедленного расстрела пленника...

Я обошел поезд и подошел к вагону с другой стороны. Здесь тоже волновалась громадная толпа... Толпу составляли крестьяне, матросы, солдаты — все прибывшие с воинской платформы... Неожиданно на площадке, где только что стоял Духонин, появился высокий, здоровенный матрос в огромной бурой папаче... Не дослушав его, я перешел на перрон по другую сторону поезда.

Вдруг в толпе молнией пронеслась весть, что Духонин убит. Толпа хлынула на другую сторону поезда, откуда я только что ушел. Возникла страшная давка.

Матросы из охраны поезда стали разгонять толпу, и, когда она поредела, я увидел перед вагоном какую-то окровавленную массу. Это был труп Духонина...

... после речи матроса толпа снова потребовала Духонина. Его вывели, с него сорвали погоны, и тот же высокий матрос ударом немецкого штыка (узковатого тесака чуть ли ни в полметра длинной. — Ю.В.) сбросил его в толпу, которая с каким-то стихийным... криком (упоения. — Ю.В.) растерзала бывшего главнокомандующего. Я слышал, как находившийся тут же крестьянин заметил: «Так ему и нужно собаке! Его и хоронить не надо. Его в помойную яму нужно спустить...» Это был суровый огонь фанатизма и классовый ненависти»¹.

Революционная демократия жаждала крови. Большевистские газеты не зряшно потрудились. Почти каждый в России уяснил тогда: без крови народная свобода не может утвердиться. Настало время пустить под нож имущие классы и офицерство.

Ленинское прославление насилия, внедрение классовой розни делали гражданскую войну неизбежной. Гражданская война

¹ Известия Гомельского губкома, № 15.

давала превосходную возможность для очищения общества по-ленински, поскольку уже все можно было списывать на необходимые меры. Ленин и прочесал русское общество самым частым гребнем террора. Бывшие имущие сословия вовсе исчезли, поредел и массив «трудящегося и эксплуатируемого народа», декларацию от имени которого примет III Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (10—18 января 1918 года). Этот же съезд и объявит Россию Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой (РСФСР), лишив ее тысячелетнего первоородного имени.

Ленин... Люди подобного закала не часто встречаются...

А теперь посмотрим, откуда пришли эти тучи с кровавыми ливнями. Что и как притекало в программы и сознание большевизма и их вождя — Ленина.

Послушаем голоса их пророков и предтеч.

Париж.

Дантон! Великий муж революции! Голосина у него, по преданию, был не дай Боже...

26 ноября 1793 года Жорж Жак Дантон (1759—1794) выступает в Конвенте. Он говорит о революции и терроре:

«...Народ требует, чтобы террор был поставлен в порядок дня, но он хочет, чтобы террор был применен к действительным врагам Республики, и только к ним, то есть к аристократам, эгоистам, заговорщикам и изменникам, агентам иностранных правительств, но народ не хочет, чтобы всякий, кто родился без революционного пыла, в силу одного этого считался виновным...

Единственно, чего народ хочет теперь, это — сильного и энергичного правительства...

Покараем виновных и покараем беспощадно — и народ признает, что мы достойны его...»¹

3 декабря 1793 года Дантон, выступая в клубе якобинцев, заявляет:

«...Конституция должна безмолствовать в тот момент, когда народ занят уничтожением и устрашением своих врагов посредством

¹ Жорж Жак Дантон. Избранные речи. — Госизд. Украины, 1924. С. 85, 86, 89—91, 95—97.

революционных действий... Но, граждане, я предостерегаю против тех, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультрареволюционные меры... конституция должна безмолствовать...

Я всегда буду идти об руку с народом...»¹

24 января 1794 года Дантон выступает в Конвенте. Он говорит о революционной законности:

«Граждане... Революцию нельзя творить в геометрических формах. Революционные меры неминуемо — хотя бы временно — тяжело ложатся даже на честных граждан...

Будем помнить, что, слишком прислушиваясь к голосу справедливости, мы рискуем впасть в опасность чрезмерной снисходительности и дать таким образом оружие против себя нашим врагам...

Итак, воспользуйтесь... моментом, чтобы направить верные удары против врагов родины, избежать ошибок или исправить их...

Я предлагаю сосредоточить все наше внимание на том, каким образом обеспечить правосудие, — скорое, верное и без ущерба для революционного движения...

Национальный Конвент только потому победил своих врагов, что он был истинно народным...»²

Все это слово в слово мог сказать Ленин. Это вдохновляло Ленина, укрепляло в сознании того, что капитализм — тот враг, который не уйдет с исторической сцены по своей воле. Нужен заступ могильщика. Ленин с яростью вогнал заступ в землю...

Интересны выступления Дантона на темы: «По поводу домашних обысков», «Республика единая и неделимая», «Париж — народная столица», «Налог на богатых», «Твердые цены на хлеб», «Революция и террор», «Семья и школа»...

Робеспьер уточнит Дантона, заявив, что «террор есть не что иное, как быстрая, срочная и непреклонная справедливость».

В сентябре 1793 года Конвент издаст декрет: «Поставить террор в порядок дня!»

¹ Жорж-Жак Дантон. Избранные речи. — Госиздат Украины, 1924.

² Там же.

Один из призывов якобинцев утверждал: «Уничтожая негодяев, мы тем самым защищаем жизнь целых поколений...»

Дантон будет казнен своей любимой революцией. 5 апреля 1794 года под крики толпы на Гревской площади гильотина срезает ему голову. Крупная, тяжелая башка с выпуклым лбищем, еще открытыми гневно выпуклыми глазами, толстыми губами (до последнего мига они изрыгали отборный мат) и курчавыми волосами грузно скатится в корзину.

Кто теперь прокричит о революции столь оглушающе громко, как эта башка? После покойного Мирабо ее хозяин был, слов нет, вторым оратором Франции.

Палач Сансон ухватит ее за волосы и высоко поднимет: пусть каждый полюбуется: сам Дантон! Его башка!..

Кровь ручьем лилась с обрезка шеи. Лицо превращалась в синюю маску...

Париж в ту пору населяли 600 тыс. человек¹. Сотни тысяч глоток в тот день наверняка орали: «Да здравствует революция!»

Сансон улыбался: еще бы, его рука держала голову короля Людовика XVI (гражданина Капета), потом Марии Антуаннеты, потом... да вот Дантона!..

Каждую Сансон потом швырнет в корзину.

Потом... потом он будет держать голову самого Робеспьера. Сансон запомнит: с утра стояло невозможное июльское марево. Все таяло от нещадной жары, когда он взводил лезвие гильотины над головой Робеспьера. Вождь якобинцев производил впечатление если не сломленного человека, то ко всему безучастного. Он не замечал ничего — ни рева переполненной площади, ни смертного блеска лезвия над головой, ни своих товарищей, ждущих за ним казни. Робеспьер, казалось, был погружен в одну упорную мысль, самую последнюю мысль. В тот день ему было 36 лет...

Дантон лишился головы в 35 лет. Его второй жене, Луизе Желе, не исполнилось и семнадцати. Он очень был жаден до жизни, этот юрист...

¹К примеру, лишь в 1830-е годы Петербург будут населять 450 тыс. человек, из них, кстати, 200 тыс. крепостных (забавно писали в старину: не двести рублей неустойки, а два ста рублей неустойки).

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон...

Державин

Наполеон вспоминал на Святой Елене:

«Марат был умен, но немножко сумасшедший... Он боролся один против всех. Вообще это был очень странный человек и... крупная историческая личность... Немногие люди имели больше... влияния на исторические события. Марата я люблю, потому что он всегда был искренним и говорил, что думал...

Робеспьера никогда вполне не узнает история, это был настоящий предводитель партии...»¹

На Святой Елене Наполеон не жил, он ожидал смерть, и она пришла, когда он был совсем не старый...

И снова глубокая ночь. И снова свидание с самим собой, лицом к лицу.

Чаще всего очень тяжелые свидания...

Ван Гог говорил: «Я не умею сдерживаться. Мои убеждения настолько неотделимы от меня, что порой прямо-таки держат меня за глотку»².

Я чувствую: мои — крепко держат меня за глотку. Такая хватка — и смерть не разожмет...

В книге тюремно-колымских воспоминаний сына священника, а по выпавшей невозможно горькой судьбине — летописца и узника десятилетий (!) гулаговской Руси Варлаама Тихоновича Шаламова читаем (случилось это в самое начало 1940-х годов):

«Несколько месяцев назад младший лейтенант Постников задержал беглеца — вести на Кадыкчан за десять-пятнадцать кило-

¹ Вычитал я это из «Вестника Европы» за 1899 год.

И он же, Наполеон, говорил на Святой Елене, поджидая смерть: «Когда дело заходит о заговоре, все позволительно».

² Джон Ревалд. Постимпрессионизм. — Лд.-М.: Искусство, 1962. С. 32.

метров ему не хотелось, и младший лейтенант застрелил беглеца на месте...

Не утруждая себя доставкой задержанного заключенного на Аркагалу, молодой лейтенант Постников отрубил топором обе кисти беглеца (несомненно, еще теплые и мягкие живой кровью. — Ю.В.), сложил их в сумку и повез рапорт о поимке арестанта.

А беглец встал и ночью пришел в наш барак, бледный, потерявший много крови, говорить он не мог, а только протягивал руки (культы. — Ю.В.)...

Постников был светлый блондин... северного, голубоглазого, поморского склада — чуть выше среднего роста. Самый-самый обыкновенный человек... Помню, вглядывался я жадно, лоя хоть ничтожную отметку... ломбровозского типа (преступной предопределенности от рождения. — Ю.В.) на... лице младшего лейтенанта Постникова...»¹

Напрасно Варлаам Тихонович вглядывался: он стоял перед «самым-самым обыкновенным человеком». Неправедное, лихое время сделало обычных людей подобными зверям. Предупреждал же Достоевский, что без Бога все станет возможным.

Революционная демократия могла утвердить себя только кровью: через кровь сделать народ и государство другими. Поэтому Сталин ничего особенного и не совершал. Он обратился к привычному опыту революций, предусмотренному марксизмом, — произволу (диктатуре пролетариата). Именно неограниченный террор обеспечивал сохранение власти. Это было в полном согласии с догмами Маркса и Ленина. Сталин допустил лишь одно отклонение от буквы учения: распространил террор и на своих соратников, заодно и на карателей, а народ он продолжал бить так же, как Ленин и все прочие (возможно, размах все же оказался пошире). Вот это избиение души и тела революции Сталину до сих пор простить не могут, особенно русскоязычная часть пострадавших, густо обсеменявшая-таки новую Россию, хотя русских погибло много больше.

Будь Сталин против революционного избиения народа (террора), он не ввел бы в обиход пытки, не держал бы на ответственных постах таких отъявленных негодяев, как Ягода, Ежов, Берия и т.п.,

¹ Варлаам Шаламов. Перчатка или КР-2. — М.: Орбита, 1990. С. 192.

да и вообще не стал бы большевиком, стержень в учении которых — безграничное насилие и уничтожение Отечества (замена его на искусственный советский патриотизм и искусственную общность людей под наименованием «советская»).

Государственное убийство оказывается настолько заурядным делом — не будет преувеличением присказка: раз, два — и слетела голова!

Революционное избиение, террор, революционное насилие, диктатура, карательные действия... — слова бумажные, свыклись с ними. А людей унижали, мордовали, пытали, насильовали, загоняли в лагеря и землю. Сколько народа извели, сколько общих расправ, будничных, деловых... Сколько жизней загноили, сгубили, в муках сжили со свету, сколько страха посеяли...

Новую нравственность вбивали страхом. Но никогда никто не утвердит ни одного морального правила страхом.

Такой вождь был дан Провидением. И вот с таким выстояли в Отечественную, и после — под атомным шантажом высокомерного Вашингтона...

Имела Россия прежде своего вождя. Он народ берег. Его с женой и детьми убили («Выведи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плюну!..»).

Так что сами выбрали отца-владыку. Не случайно он таким оказался. Приходится платить по счетам истории.

— Все ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит...

А.Блок

Когда Сталин видел угрозу своей власти, даже ничтожную, он не выбирал между законом, интересами страны и собой. Он всегда убивал.

Впрочем, Лярошфуко принадлежит изречение: «Порою из дурных качеств складываются великие таланты». Это очень соответствовало жизни Сталина. На единовластии он создал неразрушаемый государственный монолит, скрепленный кровью миллионных жертв.

Иван Грозный назидал: «Видишь ли яко апостол страхом пове-
леает спасать...»

Варварский патриотизм Сталина.

Но все это не касалось молодости, не касалось страстей лю-
дей. Люди влюблялись, страдали, тайком верили в свое бессмер-
тие. Сочиняли стихи. Слушали музыку. Пели. Завороженные красо-
той, встречали восходы и жили вполне довольные собой. Жизнь
никак нельзя было назвать унылой...

Да, наше вчера было дивно:
Речь затихала в речах, губы теснились к губам!

Гете. Свидание

Сталин по своим ссылкам имел достаточное представление о
народе, живя в самом пекле его. Вынес представление о том, что
люди только уважением платят за твердость, граничащую с жестоко-
стью. И даже просто кровавая жестокость ими весьма почитается.

Впрочем, жестокость вождя была осенена идеей. Она не была
голым удовольствием мясника. Здесь упоение мясника рождалось
из великих философских и социальных формул о счастье и буду-
щем человечества.

Сталин принял государство от Ленина. Он должен был действо-
вать по догмам марксистского учения. Не мог не действовать так,
ибо все здание государства рабочих и крестьян покоилось на при-
нуждении. А это было именно государство рабочих и крестьян, не
только имевшее, но и принявшее со временем еще более уродли-
вый вид. Избиение народа здесь значилось под именем диктатуры
пролетариата, а диктатура всегда есть неограниченное насилие.

**СТАЛИН ДОЛЖЕН БЫЛ УБИВАТЬ, ЧТОБЫ ГОСУДАРСТВО СО-
ХРАНЯЛО ПРОЧНОСТЬ.**

*Быстро сгущаются сумерки ночи, а там, наверху, еще дотлевают
день. Матово светит жнивье, за ним — черная полоса леса, над ко-
торым стынет ровное голубовато-серое небо с одинокой звездой.*

Долго смотрю на звезду...

Словно с собой встретился...

Современное кино, холуйски обслуживая демократию, всячески опрощает и карикатурит сталинских палачей, хотя они и без того были не ангелы. Ремесло было такое.

Да, было шкурничество. Да, процветало личное, порочное, страшное. **ОДНАКО ВСЁ ВСХОДИЛО НА ФАНАТИЧНОЙ ИДЕЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫЛА УВЕНЧАТЬ ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГА И СПРАВЕДЛИВОСТИ — ГОСУДАРСТВО КОММУНИЗМА.**

Все проистекало из идеи.

Это демократическое кино не показывает. Оно действует по морали общества частной собственности. Мое, свое гнусно вылезает над жизнью.

Все светлые душевные установки, все благородные порывы и устремления частный интерес проедает в лохмотья и дыры.

По мне, так лучше жить беднее, чем в грязи и крови собственности.

О том, что все проистекало из идеи, современное кино умалчивает. Оно лишь старательно грязнит и грязнит прошлое, погребая в нем идею.

В основе великих и кровавых потрясений первой половины XX столетия БИЛАСЬ ИДЕЯ.

К слову, советская власть всеми средствами опекала и защищала идею.

Брат мамы, Василий Данилович Лымарь, казачий офицер, был сражен под Царицыном (Сталинградом, Волгоградом) в июне или июле 1919-го (у красных там заправлял Сталин).

Моего отца, офицера ГРУ, после первой командировки в Китай (1938—1940 годы) командование решило представить к ордену Ленина — тогда высочайшей награде, но отдел кадров воспротивился, выдав черную справку о родственнике, — убитом казачьем офицере. Отцу поставили условие: отказаться от жены, разойтись, что почти на 100% означало бы арест моей мамы, — и тогда он будет награжден, а успешное продвижение по службе обеспечено.

Отец сказал, что об этом и речи быть не может. Его вызывали в другие кабинеты — и все выше, выше, но он везде повторял одно и то же.

Беда обминула нашу семью. Маму не тронули, но орден папа не

получил. Он получит орден Ленина в конце Великой Отечественной войны, как и другие ордена. Мама, Власова Мария Даниловна (8 августа 1905 года — 16 января 1987 года) — в девичестве Лымарь, — всю жизнь хранила память о муже и нашем с братом отце — Власове Петре Парфеновиче (4 сентября 1905 года — 10 сентября 1953 года)...¹

Странными оказались последние десятилетия советской власти. Несуразицы, кабы не сказать больше, поражали государство настоящими болезнями. Чтобы принизить творческую мысль в СССР, затормозить его научное и техническое развитие, происходит, к примеру, всяческое умаление умственного труда. Иначе, как умысел, это и определить нельзя. Под партийные рассуждения о возвышении значения рабочего заработка инженеров начинают неуклонно сокращать, доводя их до зарплат рабочих. Это было откровенное извращение здравого смысла, посмеих над трудом и способностями человека. Врачи, учителя, научные работники, инженеры и т.д. получают наравне с рабочими, а зачастую и того меньше.

Какой тогда смысл в образовании? Знания, которые можно получить лишь упорным трудом в старших классах школы и высших учебных заведениях, а для многих еще и в аспирантуре, являлись прямой дорогой к нужде. Мысль становилась ненужной. Это было разложение общества.

В определенной мере оно сказалось на позиции инженерно-технической интеллигенции, да и интеллигенции вообще, в годы смены хозяйственного и политического уклада в России после 1991 года.

Партийная власть была всепроникающей. Она касалась всех сторон жизни и вмешивалась во все дела (вплоть до того, кто с кем спит). В начале 1970-х годов я в очередной раз оказался в здании ЦК на Старой площади по делам издания своего «Особого района

¹ Четыре фамилии сошлись в моем роду: Власов (дед по отцу), Бабкина (бабушка по отцу), Петриченко (дед по матери) и Лымарь (дед по матери) — воронежский крестьянский род и древний казачий род, ушедший после разгона Запорожской Сечи на Кубань.

А жен себе казаки в остаток XVIII века и первую половину XIX века за калым брали у горцев (свободных русских женщин не хватало, а крепостные не могли идти за казаков). Сопредельные горские народы не шибко ценили девочек и охотно отдавали их в жены казакам.

Китай» (сей «свиток» издавался по особому решению Секретариата ЦК). По коридору навстречу шла молодая женщина в коричневом брючном костюме (тогда эти костюмы только входили в моду). Открылась дверь, и вышел какой-то чин с папкой. Увидев женщину, он уставился на нее, не шевелясь; погода принялся корить за то, что она посмела явиться в ЦК «в подобном одеянии». Он раскипятился и уже почти орал: «Как, вы оформляете выезд в загранкомандировку?! Да вас туда пускать нельзя! Я постараюсь, чтобы вы никуда не поехали! Появиться в таком наряде в ЦК! Это же распутство, разврат, дискредитация советского человека! Где ваш партийный билет?..»

Власть, как и глупость, была всепроникающей.

Варлаам Тихонович был одаренным сочинителем. Страдания не затушили в нем творческую искру — чистую, светлую и бескорыстную. Таким мог быть только сын священника, только чадо русской православной церкви-мученицы. И после каторжной жизни он снова обратился к перу и оставил книги-свидетельства уму непостижимой свирепости человека, убожества и благородства духа и несчетных мытарств простых людей, от веку превращенных в быдло, что измученно тащит и тащит чередующихся на своем горбу наглых господ.

Но главное в этих книгах — та непонятная терпеливость, способность до смертного мига сносить то, что сносить нельзя, сносить не полагается, что не станет сносить ни одно животное. Это «свитки» книги о бесконечном людском терпении.

Значит, горела, теплились, чадила, но не гасла в душах надежда.

Значит, мрак в душах был не полный, не все пожирала чернота. Значит, в душах всходило и заходило солнце жизни. Ведь так хотелось жить...

Боль за судьбу родной земли не покидает. Она мешает писать, искажая порой оценки.

Вожди прошлого представляются мне не бумажными призраками — безликим набором сухих строк. Они являются передо мной как бы во плоти. Каждый день мы сходимся в беседах о России. Каждый день я слышу их убежденную речь, вижу те очень важные бумаги — единым росчерком они обрушивают на Россию град мер, от которых по просторам ее бежит стон и миллионы людей приходят в

движение. И даже Россию уже после трудно узнать. Я вижу залы, которые они распалаяют огнем своих слов.

Я разглядываю и разглядываю их «непреклонность». Что за ней, что стоит за ней?! Откуда эта непоколебимая уверенность в своей правоте, готовность посылать в огонь и землю миллионы жизней — откуда это? Я пытаю и пытаю их расспросами: что они знают о России? Знают ли...

Вся громада народа поворачивается в соответствии с их словами...

Я вижу и тех людей — людей из моего детства и моей юности. Все они родились в прошлом, XIX столетии. Именно они — в основном они — участвовали во всех главных и роковых событиях первой четверти XX столетия. Я всех их видел, знал. Им в последнюю революцию семнадцатого было двадцать-тридцать. Тем из них, кому в 1917-м было двадцать-тридцать, в пору моей юности, в 1950-м, было всего около шестидесяти, а мне сейчас шестьдесят три. Я знал людей, которые видели, слышали Николая II, не говоря о тех, кто встречался с Лениным. Как жадно я их всегда расспрашивал. Я все стремился приблизить то время, чтобы разобраться, понять...

Всех тех давно умерших великих людей я вижу и слышу. Их шаги, жесты, речь не оживают, а живут постоянно в моей памяти. Я вхожу в их кабинеты, залы, где они поучают людей...

Каждый день я вопрошаю их об одном и том же. Ведь даже после злодейского убийства последнего русского императора было время — мы вырвались из хищных объятий хозяев мира. Выскользнули из западни. Уже распрямились...

Было такое время, было ведь!..

Мы стояли на семи ветрах, но никто и ничто не могло сломать нас...

Народ...

«Товарищи, — говорил С. М. Киров (1886—1934) незадолго до своей гибели, — много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры для того, чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, как мы с вами, опира-

ясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма».

Советская власть рухнула, но слова Кирова не выглядят близорукой похвальбой. **Капитализм, каким мы его знаем, не может быть и никогда не будет будущим человечества, ибо противочеловечен.** Не будет им и советская власть такой, какой сложилась она на русско-российских землях в 1917—1991 годах.

В заключительном слове на III Азербайджанском съезде Советов 1 декабря 1923 года Сергей Миронович сказал с особым смыслом:

«Принято думать, что половина населения Азербайджана снимает свою чадру. Это глубокая ошибка. Чадру носит не только половина населения Азербайджана...

90% нашего населения до сих пор пребывает в чадре темноты, невежества, безграмотности — надо сказать прямо — культурном невежестве... Нужно добиться всеми средствами, силами и мерами, чего бы это ни стоило, чтобы «чадру» эту дольше не носили».

Киров высветил одну из **важнейших причин будущей трагедии народов России.** Это невежество заставляло народ поддаваться на заведомо лживые телевизионные и президентские посулы даже тогда, когда нужда становилась уже делом 80—90% людей. Народ голосовал — и закреплял господство кучки нечистоплотных людей над Россией, закреплял превращение ее в нищую страну. Народ сменил сапоги на лапти, даже не лапти, а просто лыко.

Народ сам себя лишил будущего¹.

Этого Киров не мог знать, но говорил о невежестве, которое может становиться непоправимой бедой народа. И оно стало такой бедой.

Теперь вся обстановка, все порядки в новой буржуазной России способствуют укоренению невежества. Образование все более становится запретным плодом для молодых людей. Само отношение к образованию и науке обещает буржуазной России увязание в болоте безграмотности и культурной дикости. Это, как ничто другое, приготавливает нам черное будущее...

Великая сила невежества — невежества и... алчности, которая дремлет в людях и стаскивает их на самые кривые и ухабистые до-

¹ Ведь в июле 1996-го достаточно много людей голосовало за Ельцина или Лебеда, который предательски передал голоса своих избирателей Ельцину.

роги жизни. Алчность неистребима. В человеке она способна преодолеть даже страстное любовное влечение, но очень редко — алчность.

Человека поманят призраком улучшения жизни, откроется возможность «прибарахлиться» или изрядно нажиться — и ничего от убеждений в людях не остается. Завороженные призраком посулов, бредут, как слепые и глухие, к собственной беде и никого не хотят видеть или слышать. (Даниил Заточник еще в XII веке наставлял: «Очи мудрого желают блага, а глупого — пира в доме...» — ежели бы пир-то был возможен, а то посулами добиваются покорности народа.)

Поэтому политика должна строиться на материальном расчете. Это ее самая первая заповедь, иначе народ уведут другие силы.

Ленин был любознательным и, в общем-то, приветливым. Это был живой человек. Он не носил себя, скажем, как Брежнев, исполненный почтения и важности к собственной персоне, своего рода человек-шкаф.

Ленину были по душе слова из басни:

Орлам случается ниже кур спускаться,
Но курам никогда, как орлы, не подняться...

И Ленина отнюдь не снедало тщеславие. Он был властолюбив, но без сего чувства нет вожака. Да и кто лучше самого учителя-вождя ведает цели и смысл учения и уж точно не позволит их перевернуть?..

Последние месяцы сознательной жизни Ленина были омрачены, помимо других очень неприятных открытий, пониманием того обстоятельства, что социалистическому государству свойственна бюрократия в ее самом неприятном и порочном виде. Быстрым и точным механизмом действия представлял Ленин новую народную власть, ибо вся она состоит из людей идейных, казалось бы, уже одним своим происхождением лишенных шкурных интересов.

Где здесь место бюрократизму, казенщине, взятке, волоките, халатности и тем более воровству?..

И это было еще одно утопическое заблуждение вождя. Он создавал власть под безгрешных, отмытых от любых пороков людей революции.

Как это ни странно, с жестким, трезво-расчетливым политиком и бездушным карателем уживался мечтатель.

Было, есть и будет противоречие между трудом и капиталом, которое обостряется при войнах до вражды, до глубочайшей взаимной ненависти, до революционной страсти народа смести, стереть «богачей-угнетателей» с лика земли.

Самой первой причиной Гражданской войны, конечно же, нужно признать небывалое обострение (до нестерпимой нужды) материального состояния народа (это был выход не от одной лишь мировой войны и не столько, а следствие валом нарастающего всеобщего беспорядка безвластия и неразберихи, опаснейший итог уже самого развала экономики под властью буржуазных демократов во главе с Керенским и К^о). Ленин довел и без того крайне неустойчивое положение в стране до степени политического и хозяйственного кризиса. Под воздействием ленинской агитации и пропаганды противоречия между трудом и капиталом преобразовались в непримиримые и клокочущие ненавистью.

Народ жаждал крови и богатств, которыми владели капиталисты, дворяне и служилое чиновничество.

Он жадно слушал Ленина, ибо хотел иметь в деле истребления имущих классов надежного руководителя.

Он угадывал и видел в Ленине вождя классовой войны.

Ленин!!.

В истории возникают обстоятельства, при которых бунт или революция становятся единственным выходом. Когда на противной стороне все капиталы, вся карательная мощь, все средства информации (в столь непомерно раздутом виде они существуют в основном для оболванивания людей, непрерывной промывки мозгов, дабы не могла и не смела зародиться даже искорка собственного сознания), когда эта противная сторона обрекает народ на нужду, страдания, прозябание, нагло грабит народ, попирая его

разум и волю, остается лишь одно: **всеобщее гражданское неповиновение**. И это не противоречит законам человечности. А как иначе образумить паразита?..

Однако бунт и революция лишь тогда достигают цели, когда не являются стихийно-слепыми. Это с блеском доказал Ленин. Любый социальный взрыв должен и может быть управляем. Без своей организации, без четко выраженных целей, без своих руководителей и совершенно надежного, закаленного верховного вождя он окажется обречен на поражение, которое неизбежно обернется безудержной резней трудового народа и будет означать не только черное торжество захватчиков власти и угнетателей, но и возрастание зла. Поражение умножит и закрепит зло на неопределенное время¹.

Без своей организации, без вождей, без суровой, идейной дисциплины, без мужественной, жертвенной борьбы до последнего дыхания победа недостижима.

Все это внешне не согласуется с христианскими заповедями. Но ведь нужда — та же петля на шее народа, то же удушение людей. Чтобы дышать, чтобы выжить, петлю необходимо сорвать — это непреложный закон жизни. Добровольного умирания в природе не бывает (исключения чрезвычайно редки) — таким создал землю Вседержитель. **Даже проамериканская Организация Объединенных Наций в декларации утверждает правоту выступлений против угнетателей...**

¹ В 1960-е годы власть в Индонезии попыталась захватить компартия, движимая «идеями Мао Цзэдуна». Она являлась второй или третьей на земле по численности. Москва выступала против революционного авантюризма, за что непрестанно уличалась и Пекином Мао, и Гаваной Кастро в ревизионизме (в данном случае — в перерождении). Далее мы лишь читали крайне скупые, отцеженные сообщения еженедельника «За рубежом».

Террор был развязан один из самых безумных. Индонезийских коммунистов армия и полиция резали, топили, вешали, стреляли несколько лет — пожалуй, на миллионы и более голов. Генеральный секретарь компартии Айдиг скрылся в джунглях, где и был растерзан. С тех пор и доньяне Индонезией правит генерал Сухарто — вдохновитель и дирижер сего библейского побоища.

Все эти евневичи, поляковы, ерины, панкратовы и компания готовы танками утопить народ за малейшее недовольство — они уже с успехом проделали сие в октябре 1993-го. Накोलотят виселиц аж на всю Тверскую, Ленинградский проспект и по Шереметьево. Герои октября...

Господь не может возбранять стремление выжить¹.

Идеолог американской демократии Томас Пейн (1737—1809) вместе с французским якобинством утверждал право народа на революцию, если народ угнетен. Вместе с Джефферсоном он решительно высказался за отмену рабства.

Томас Джефферсон (1743—1826), как и Пейн, выступал против религии, был убежденный атеист. Джефферсон отстаивал идею суверенитета народа, его право на революцию, а также права на «жизнь, свободу и стремление к счастью». В 1800—1804 годах Джефферсон был президентом США.

У нас попирается не только право на счастье, но и даже на существование, которое превращается в одну голую нужду, бедность, игру преступности и ничтожество каждого, кто не имеет денег. Люди живут тяжело и надрывно, а главное — без всякой надежды на будущее.

Права человека...

С утра 26 января 1934 года Иосиф Сталин читал отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б). Он стоял на трибуне перед микрофоном в полувоенном костюме и произносил слова негромко, спокойно, почти без выражения, бесстрастно пережидая взрывы одобрения:

«...Среди этих бушующих волн экономических потрясений (только-только начал отпускать свою удавку мировой кризис невиданной длительности и мощи. — Ю.В.) и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира...»²

В декабре вождю исполнится пятьдесят пять, а тогда, в январе

¹К сведению, за семь последних лет президентства Ельцина население России сократилось более чем на 4 млн — самая масштабная война не уносит столько жизней.

В страхе за свою власть Ельцин непрерывно тасует руководителей ФСБ. Он разваливает армию и наращивает мощь войск министерства внутренних дел, дабы эти войска защитили его от народного гнева и презрения.

Презренная власть. Власть на крови, нужде и обмане.

«Всенародно избранный...»

²Сталин И.В. Соч. Т. 13. — М.: Госиздат. полит. лит., 1951. С. 283, 292, 293—294, 296—298.

1934-го, оставались десять месяцев до убийства Кирова, до оснований потрясшего государство и народ невиданным валом террора, и еще шесть лет и пять месяцев — до сокрушительного нападения гитлеровской Германии, по общему убеждению всех за границей, неотразимо-смертельного для Советского Союза.

Очень живой, сильный, невероятно отзывчивый на каждое событие и слово, Сталин на трибуне являл собой воплощение бесстрашия и воли.

Слова точно рассекали плотную ткань воздуха:

«...Дело явным образом идет к новой войне...

...победу фашизма в Германии (Адольф Гитлер пришел к власти 30 января 1933 года. — Ю.В.) нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии (у нас сейчас — горбачевщины. — Ю.В.), расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам (карательным приемам. — Ю.В.) управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны (не всё так: германскому народу следовало покончить и с кабальным Версальским миром, который не карал Германию, а превращал в бесправную полуколонию стран-победительниц. — Ю.В.)...»¹

Лишь почти незаметное переступание с одной ноги на другую выдавало и нетерпение, и волнение генерального секретаря ЦК ВКП (б). Он переживал хлопки, крики одобрения и снова обращался к залу, который с совершенно непонятной и незнакомой нам теперь жадностью ловил каждое его слово и каждый вздох.

На френче не было ни орденов, ни знаков. Всем видом Сталин давал понять, что ему это не нужно. Он — вождь рабочего государства, которому не к лицу похвальбы властью и богатством. Он говорил с массивной, приземистой трибуны, украшенной гербом первого на земле государства рабочих и крестьян:

¹Сталин И.В. Там же.

«...Как видите, дело идет к новой империалистической войне, как выходу из нынешнего положения...

Они думают разбить СССР, поделить ее территорию и поживиться за его счет...

Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной...

Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран (а мы — капиталистическая страна. — Ю.В.), доведенный до отчаяния... становится на путь революции. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия... чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян.

Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна неминуемо попасть в безвыходное положение, что ее конец... уже предопределен... Это глубокая ошибка. Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции все же не приходит, так как нет налицо революционной партии... достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки. Было бы неразумно думать, что подобные «случаи» не могут иметь места¹.

Все, о чем говорил Сталин, сбылось, а многое имеет обжигающее отношение к нашим дням, бьет в нас.

В Сталине ныне все более стала проглядывать интересная сторона, которую затмевал видеть нам гнев. Мы были оскорблены и потрясены террором сталинского «секретарствования», да и не только им. Меня тоже поразили гнев, не мог не поразить, как и не может оставить, остынуть до сих пор. Ведь я жил в то время, когда из тюрем и лагерей сотнями тысяч хлынули на свободу бывшие политзаключенные и просто жертвы карательного порядка. Читать сейчас — одно, а слушать из уст бывших эзков 40 лет назад о зло-

¹Сталин И.В. Соч. Т. 13. — М.: Госиздат. полит. лит., 1951.

действиях и мытарствах — совершенно другое. Все представление о мире переворачивалось...

Теперь же, в наши дни, та другая сторона, что была тогда задержана гневом, вырисовывается достаточно выпукло. Она все более и более привлекает внимание. Она — в правде оценок Сталина, исключая, разумеется, его «кибернетические», «генетические» и прочие «научные» оценки. Политические же оценки Сталина доказывают ныне свою верность почти на 100%. Это был гениальный политик. Да, коварный, да, жестокий, но гениальный.

Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль и Шарль де Голль происходили из старинных аристократических родов, почти королевских.

Сталин, Мао Цзэдун и Гитлер имели одно общее: все трое из ничтожества поднялись к руководству могучих держав.

Сталин затмевал всех. Он был такой могучей личностью —azole него все и всё мнились бледными тенями. Если и были в его окружении люди знаменитые, то главным образом потому, что находились рядом со Сталиным. Исключение, пожалуй, составлял Георгий Жуков.

Валентин Михайлович Бережков рассказывает о впечатлении, которое произвел на него вождь, когда он увидел его впервые — в конце сентября 1941-го, на позднем обеде в честь Бивербрука и Гарримана в Кремле. Бережкову тогда было 25 лет — память была молодой, цепкой:

«...вошел Сталин. Взглянув на него, я испытал нечто близкое к шоку. Он был совершенно не похож на того Сталина, образ которого сложился в моем сознании. Ниже среднего роста, с землистым усталым лицом, изрытым оспой. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Одна рука была короче другой — почти вся кисть скрывалась в рукаве. Неужели это он? Как будто его подменили!..

На портретах и в бронзовых изваяниях, в мраморных монументах, на транспарантах праздничных демонстраций и парадов... мы привыкли видеть его, возвышающегося над всеми...

А он вот, оказывается, какой, невзрачный, даже незаметный человек. И в то же время все в его присутствии как-то притихли. Медленно ступая кавказскими сапогами по ковровой дорожке, он

со всеми поздоровался. Рука его была совсем маленькой, пожатие вялым.

То были самые тяжелые дни войны...»¹

Здесь Сталин изнурен руководством войной. Он исхудал, не спит, в работе почти круглые сутки, а немцы все ближе и ближе — и их не осадить: всепожирающая лава из огня и стали.

Сотни тысяч советских людей в плену, сотни тысяч уже в сырой земле. Армия за армией гибнут в боях, а свастика насаждает, насаждает...

Спустя всего два месяца, в конце декабря 1941-го Сталин спокойно заметит министру иностранных дел Англии сэру Антони Идену: «Русские были два раза в Берлине, будут и в третий раз...»²

И о «трусости» Сталина, о том, какой была охрана. Об этом гуляло и гуляет немало пересудов.

Читаем у Бережкова:

«Даже внутри здания Совнаркома его повсюду сопровождали два охранника. С таким эскортом Сталин приходил и к Молотову.

Нередко бывало, что, выходя из секретариата наркома (Молотова. — Ю.В.) и поворачивая за угол, чтобы пройти в свою комнату, я видел, как из-за противоположного угла показывался знакомый охранник. И каждый раз это приводило меня в смятение. Нет, то не был страх. Я был убежден, что мне лично ничем не грозит такая встреча. Но появлялось непреодолимое желание спрятаться... я прижимался спиной к стене и ждал. Процессия медленно проходила мимо. Я бодро произносил: «Здравствуйте, товарищ Сталин!»

Он молча, легким движением руки отвечал на мое приветствие...

В служебных апартаментах Сталина царил деловая, спокойная обстановка... Некоторые авторы сейчас утверждают, что всех посетителей, даже Молотова, перед кабинетом вождя обыскивали, что под креслами находились электронные приборы для проверки, не спрятал ли кто оружие. **Ничего подобного не было.** Во-первых, тогда еще не существовало электронных систем, а во-вторых, за все почти четыре года, что я приходил к Сталину, меня ни разу не обыскивали и вообще не подвергали каким-либо

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 12, 214, 215, 216, 217, 221.

²Там же.

специальным (особым. — Ю.В.) проверкам. Между тем в наиболее тревожные последние месяцы 1941 года... каждому из нас выдали пистолет. У меня, например, был маленький «вальтер», который легко можно было спрятать в кармане... По приходе в Кремль на работу следовало спрятать пистолет в сейф. Но никто не проверял, сделал ли я это и не взял ли оружие, отправляясь к Сталину...»¹

Безусловно, попытки убить Сталина предпринимались непрерывно и с самых разных сторон. Но на вождя, светоча народа, никто не смеет поднимать руку — и Сталин хранил все попытки убить себя как высшую государственную тайну.

Без славы (определенного культа) руководителю сложно повелевать людьми, особенно в годы, когда людям необходимо жертвовать собой, чтобы народ выжил. Слава — одна из первых составляющих в управлении людьми.

Поражает другое. Ведь Сталин учился в духовной семинарии. А в душе его не проскакивала даже искорка христианского сострадания к людям.

Нет и таких слов, чтобы дать название отношению Сталина к ним: не содрогнувшись, и даже не замечая, пережигал жизни целых поколений. Вместо России до самых звезд пылало сатанинское кострище...

Но в том-то и правда: люди эти сами с охотой пошли на расправу с царем, а вместо него им вполне по своему смыслу история поставила вождем уже другого человека. Им оказался Иосиф Сталин. Разрушитель и творец...

Есть свидетельства того, что Сталин относился к народу с презрением. Однако роптать на подобное отношение не приходится. Сами облачились в кровавые одежды. Сами казнили царя и царицу с детьми. Сами вызвали к жизни своих вождей.

И о рукопожатии Гитлера.

«Фюрер подал каждому руку, — вспоминает Бережков свое первое посещение с Молотовым Гитлера в новой рейхсканцелярии 12 ноября 1940 года. — Его ладонь была холодной и влажной,

¹ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993

что вызывало неприятное ощущение... Рукопожатие было вялым и невыразительным. В этом была схожесть со Сталиным — он совсем плоско и безучастно подавал руку»¹.

О тех гостях Сталина на «позднем обеде».

Гарриман Уильям Аверелл — из влиятельного еврейского банкирского рода, совладелец ряда компаний и финансовых корпораций. В 1940-х годах хорошие деньги сколотил на горнолыжном спорте на Западе США. Это он первым в мире ввел кресельные подъемники. С вступлением США во Вторую мировую войну руководитель важнейшего Управления по ленд-лизу — многомиллиардных военных поставок США союзникам (я много слышал о нем, мой хороший знакомый в годы войны, будучи в Вашингтоне, неоднократно встречался с Гарриманом как руководителем названного Управления; после смерти Рузвельта Гарриман занял выраженную противосоветскую сторону, впрочем, иначе и быть не могло). В 1943—1946 годах — посол в СССР. Пользовался широким доверием президента Рузвельта. В правительстве президента Джона Кеннеди, а после и какое-то время и в правительстве президента Линдона Джонсона (годы президенства: 1963—1969), он занимал пост заместителя госсекретаря Дина Раска. Гарриман родился в 1891 году, скончался в начале 1990-х, прожив более ста лет.

Бивербрук — состоятельнейший делец, неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Черчилля; в военном кабинете Черчилля — министр авиационной промышленности, государственный министр, министр снабжения, лорд-хранитель печати (1943).

Черчилль, готовясь как-то к встрече со Сталиным, решил ни в коем случае не вставать сразу, а уж погода не спеша и поздороваться. После он вспоминал, что не помнит, как сам очутился на но-

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 12, 214, 215, 216, 217, 221.

гах. А Черчилль был большой человек, которому не занимать было воли, самомнения и самообладания.

Черчилль, располагая исчерпывающими данными о сталинском избиении народа, счел нужным в память о Сталине произнести речь в английском парламенте. По сути, он отнес Сталина к величайшим творцам истории — что и толковать, старый ворон мимо не каркнет. И это не было преувеличением. От его, Сталина, решений, внешне часто незначительных и неприметных, — «малюпасеньких» (слово это несколько дней назад трогательно пробормотала, играя на скамейке в парке, маленькая девочка), порой ходуном ходил весь мир, а облик событий вдруг принимал обостренно-мировой смысл.

Как видим, и Черчилль, и Сталин называли себя «слугами народа».

Черчилль являлся достойным вождем английского народа в годы Второй мировой войны. Он сделал очень много для своей Родины. Тем более незаслуженно-тяжким оказалось поражение на выборах в июле 1945 года. Английский народ просто вышвырнул его, что до сих пор многим непонятно, ибо народ продолжал питать к нему великое уважение. О том свидетельствует и посмертная надпись на плите, встроенной в пол Вестминстерского собора у самого входа: «Помни о Черчилле» — хочешь не хочешь, а склонишь голову, читая письма. В этом соборе погребены все великие мужи Великобритании.

Тот день поражения на выборах.

Читаем в его труде о Второй мировой войне:

«...перед самым рассветом я вдруг проснулся, ощутив острую, почти физическую боль. Существовавшее до сих пор подсознательное чувство, что нас победили, вспыхнуло во мне с новой силой и охватило все мое существо. Я ощутил, что все напряжение великих событий, в обстановке которых я сохранял «силу полета», сейчас прекратится и я упаду. Я буду лишен власти определять будущее. Исчезнут те знания и опыт, которые я накопил, тот авторитет и доброжелательство, которое я завоевал в столь многих странах».

26 июля 1945 года, передав свои полномочия Клементу Эттли, Черчилль обратился с прощальным посланием к Великобритании:

«...Мне остается только выразить английскому народу, от имени которого я действовал в эти опасные годы, свою глубокую благодарность за непоколебимую, неизменную поддержку, которую он оказывал мне при выполнении моей задачи, и за многочисленные проявления его благосклонности к своему слуге»¹.

В последних словах за внешней почтительностью скрыт горький упрек англичанам — об этом я размышлял, долго стоя у вестминстерской плиты и стараясь при этом не мешать людям, ведь плита помещена на самом проходе. Черчилль, Сталин, Рузвельт, Чан Кайши, Мао Цзэдун, нашествие Великогерманского рейха на Россию, Гитлер, Муссолини, Петэн, Антонеску, Хорти, Павелич, Квислинг... наша радость победы — я хорошо помню то утро 9 мая сорок пятого (как и день 22 июня 1941-го)... Движения громадных масс разных народов... Трибунал в Нюрнберге... Сталин... А теперь неохватное горе обрушения нашей Родины...

Аки прах, аки дым...

Остается добавить, что рядом с Черчиллем его политический победитель лейборист Клемент Ричард Эттли (1883—1967), который в годы Второй мировой войны занимал посты лорда-хранителя печати, а позже и заместителя премьер-министра по делам доминионов в правительстве Черчилля, явил собой очевидное ничтожество — народ нередко позволяет себе странные решения, причем не всегда себе на пользу. Утверждают, будто победа лейбористов была ответом английского народа на черчиллевскую проимпериалистическую политику, пренебрегающую интересами простых людей. Может быть. Но я думаю, что это было желание сотен и сотен тысяч английских семей, мужчин которых Черчилль не торопился распускать по домам после победы над Великогерманским рейхом.

Мои родители, будучи в Бирме в начале 1950-х годов, столкнулись на дипломатическом приеме с Эттли; по единодушному мнению обоих, он производил впечатление заурядной, скорее даже серой личности...

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война: Т. VI: Триумф и трагедия. М.: Воениздат, 1965. С. 633, 634.

ГЛАВА V

Власть над всем светом

1 декабря 1917 года газета «Революционная Ставка» обнародовала пространное «Положение о демократизации армии» (правильнее бы назвать «О деморализации армии»). Оно утверждало выборность командного состава. Власть в Вооруженных силах переходила к выборным комитетам. Упразднялись офицерские чины, звания, ордена и погоны. Вколачивался могильный крест во все то, что было русской императорской армией.

11 декабря все того же года Общеармейский съезд единогласно избрал Н. В. Крыленко Верховным главнокомандующим.

«Крыленко, эпилептический дегенерат, будущий общественный прокурор и самый отталкивающий тип из всех, с кем мне приходилось встречаться среди большевиков...»¹ — отозвался о нем английский разведчик Брюс Локкарт.

В 1938 году Николай Васильевич Крыленко будет казнен Сталиным за «ненужность», а между прочим, душа первых поддельных (подставных) сталинских процессов. Вождь возьмет и зачеркнет его имя в списке синим карандашом (вождь любил синие карандаши — я видел подлинники документов с его рукой; там отчерки толстовато сделаны именно синим карандашом; читать сталинскую руку легко, он писал разборчиво). И поехала горбатенькая «эмка» с чекистами к дому, где обдумывал свое житие Николай Васильевич.

«Кто в тереме живет?..»

В тех же воспоминаниях читаем о ленинском любимчике Радеке (я уже приводил данный отзыв Локкарта в своем «Огненном Кресте»):

«Еврей, его настоящее имя Собельсон... Маленький человечек с огромной головой, с торчащими ушами, с гладко выбритым лицом (в те дни он еще не носил этой ужасной мочалки, именуемой бородой), в очках, с большим ртом с желтыми от табака зубами, в котором всегда торчала большая трубка или сигара, он всегда был одет в

¹ Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри: Мемуары британского агента. — М.: Новости, 1991. С. 236.

темную тужурку, галифе и гетры... По внешности он был нечто среднее между профессором и бандитом...

Когда мир (Брестский. — Ю.В.) был ратифицирован, он чуть ли не со слезами восклицал: «Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русские, мы бы перевернули мир...»¹

Им бы все мир переворачивать...

И это был ближайший сподвижник Ленина, назначенный им среди немногих в вожди русского народа. Вождь, презирающий русский народ...

Ленин народ не презирал, но относился к нему, народу, как средству, которое должно обеспечить торжество его утопических планов.

После разгрома Ставки Михаил Константинович Дитерихс командовал армией и фронтом у Верховного правителя России адмирала Колчака. По отстранении от командования генерал получил 17 января 1919 года приказ правителя руководить расследованием убийства отреченного императора и его семьи. Без настойчивости Дитерихса вряд ли мир проведаль бы, что стряслось в действительности тогда, в угольно-темную, сатанинскую ночь с 16 на 17 июля 1918 года в пышущем летним жаром Екатеринбурге. Пять месяцев следствие возглавлял такой юрист, как Николай Алексеевич Соколов (1882—1924). Весь добытый следственный материал до последнего слова Михаил Константинович обнародовал летом 1922 года во Владивостоке в ныне ненаходимой книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» (у меня были самые широкие связи в букинистической Москве 1950—1960-х годов, но я эту книгу выудить не сумел, а ее искали для меня по-настоящему; правда, был риск получить за такое «срок» — сие, безусловно, могло сдерживать розыск, но мне находили политически не менее опасные книги. — Ю.В.)».

В предисловии Дитерихс отмечал:

«... убийство это выдвигается из ряда обычных большевистских злодеяний той эпохи на степень события национального значения (то есть события, имеющего прямое отношение к националь-

¹ Локкарт Р.Г. Брюс. История изнутри: Мемуары бринатского агента. — М.: Новости, 1991. С. 234, 235.

ной судьбе русского народа. — Ю.В.)... эти убийства совершенно исключительны и не только для русского народа, но и для всего мира.

Мир часто не видит правды, не хочет правды и не любит правды... Заставить мир убедиться в правде — это задача, кажется, бесцельная...

Убийства Членов Царской Семьи и других Членов Дома Романовых представляются убийствами совершенно исключительными...

Это были преступления идейные, фанатичные, изуверские, но совершавшиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане от Христианского русского народа.

Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление...

Прямая линия династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась — в Ипатьевском доме города Екатеринбурга...

Мы знаем, что Германия не смогла одолеть своих противников в честном, открытом бою; тогда, не брезгуя средствами борьбы, она бросила на наш фронт и тыл подлейшее из орудий борьбы, ужаснейший из ядов — яд политический, яд большевизма, заразу анархии. Но сама стала жертвой нанятых ею для этой борьбы рабов.

Мы знаем, что народ советской России и до сих пор не знает, что совершили его властелины; какие кровавые, зверские преступления навязаны ему ныне историей и волей его теперешних вождей. Но мы знаем и то, что над Романовыми не было народного суда, и вожди не посмели прибегнуть к нему для своих целей...

С политически-гражданской точки зрения в мире бывают Цари, которые по своей натуре призваны царствовать, но бывают Цари, которые по своей натуре призваны быть мучениками царствования. Ко вторым относится и покойный бывший Император.

Но с точки зрения идеологии русского народа, есть еще и другая сторона — духовный символ, олицетворяемый в фигуре Царя... свержение Царя, который в мировоззрении народа является еще и помазанником Божиим, представляется преступлением «по духу», затрагивающим все историческое, национальное и религиозное мировоззрение народа и выбивающим из-под его ног нравственные устои жизни и быта. После этого он, естественно, легко

впадает в крайности... МЫ ВСЕ ПОВИННЫ В ТОМ, ЧТО НАРОД ОКАЗАЛСЯ НЕ С НАМИ, А С ПРИШЛЫМИ, ЕМУ СОВЕРШЕННО ЧУЖИМИ НЕХРИСТЯМИ...»¹

Народ был доведен ленинской пропагандой и агитацией до иступления, до истерии, до какого-то психического угара и потери человеческого облика. Помните, как и что кричал вокзальный комиссар в Екатеринбурге Василию Васильевичу Яковлеву (будет казнен Сталиным 16 сентября 1938 года под фамилией Константина Алексеевича Стояновича), что с рассветом 30 апреля 1918 года доставил из Тобольска царя, царицу и их дочь Марию. Я забыть эти слова не могу. Вокзальный комиссар выкрикивал: «Яковлев! Выведи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плюну!»²

Жил-был народ праведник...

Свобода, равенство, братство!

Свобода от всего.

Хвост налево, хвост направо...

Равенство всех в безответственности перед родной землей, перед несметным трудом и подвигами предков и пращуров. Согласие на другое лицо для себя и народа, на другие песни, на другую речь. Нет отныне твоих напевных песен, нет твоей русской речи...

¹Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. — М.: Скифы, 1991. Т. I С. 17, 18—19, 20. Текст выделен мной. — Ю.В.

²Шофёр П. Т. Самохвалов, что в тот день увез из вагона в дом Ипатьева августейших пленников, показывал в контрразведке адмирала Колчака 20—21 ноября 1919 года:

«...Я хорошо помню. Государь был одет в шинель солдатского сукна, то есть цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было; помнится мне также, что пуговицы на его шинели были защитные. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна, с козырьком также защитного цвета и таким же ремешком. Государыня была в черном пальто... Княжна также была в каком-то темном пальто. Их посадили в мой автомобиль... Командовал здесь всем делом Голощекин...» (Соколов Н. А. Убийство царской семьи. — Баку: Азербайджанский фонд культуры, 1991. С. 145.)

Самохвалова, как причастного к убийству царя, белые расстреляют. Шая Исаакович Голощекин будет казнен Сталиным.

И братство — все на твоей земле топчется и захватывается другими людьми, даже целыми народами. Все, чем владели твои деды и пращурсы, — уже не твое. И земля — уже не твоя, а того, у кого водятся кредитные карточки и деньги, а у тебя их нет и не будет. Следовательно, не будут твоя земля твоей, твои города — твоими... Все станет не твоим (уже стало)... Холуйничай, работай на черных работах, твни из себя жилы: теперь ты уже не хозяин своим лесам, полям, рекам. Ты всегда будешь выполнять чужую волю — волю тех, у кого капиталы... А у русских их на 90% нет почти никаких.

МИЛОСТЯМИ ДЕМОКРАТИИ И ДЕМОКРАТОВ ТЫ, РУССКИЙ, — НАРОД-БОМЖ. За тебя вообще все решают, ты здесь лишний...

И мы это допустили. Свободня!

Безмерно прав Михаил Константинович: **«МЫ ВСЕ ПОВИННЫ В ТОМ, ЧТО НАРОД ОКАЗАЛСЯ НЕ С НАМИ, А С ПРИШЛЫМИ, ЕМУ СОВЕРШЕННО ЧУЖИМИ НЕХРИСТЯМИ».**

Михаил Константинович сердцем переживал крушение Родины, безвозвратную утрату ее единства и могущества, что всегда оборачивается утратой независимости, которая уже давно стала призрачной для России. Она лишилась ее не сразу, но... лишилась — уже при нас лишилась. Мы допустили.

И важнейший вывод, узловой для данной книги.

Соединение национального устройства жизни с социально справедливым устройством ее — вот наш идеал.

Как показала история советской России, национальный вид существования народа несравнимо более крепок и естествен, нежели только социальный — свободный (раскрепощенный), но обязательный труд в коммунистически интернациональной среде.

Хотя как в национальной среде, так и сугубо социальной (коммунистической) присутствует положительное общее, это общее — забота о благополучии трудового народа (жизненном ядре нации — определение, которое ввел я и которое гораздо шире и целесообразнее коммунистического определения). Здесь коренное расхождение — в путях достижения благополучия народа.

НАИБОЛЕЕ ПРОЧНОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА ЗА НАЦИОНАЛЬНЫМ ВИДОМ СУЩЕСТВОВАНИЯ НАРОДА. ЭТО КРОВАВЫЙ И НЕОПРОВЕРЖИМЫЙ ОПЫТ ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА В XX СТОЛЕТИИ.

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ СВОДИТСЯ К СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ВЛАСТИ ВО ВСЕХ ЗВЕНЬЯХ, НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО В ВЫСШЕМ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОЛЖНО ОХВАТЫВАТЬ ВСЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО СПРАВЕДЛИВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ ДОЛЖНО ИДТИ РУКА ОБ РУКУ С НАЦИОНАЛЬНЫМ ВОЗРОЖДЕНИЕМ РОССИИ.

Жизнь государства должна определять национальная доктрина безопасности. Это внутренняя и внешняя политика — ежедневная, долговременная и стратегическая, что проистекает из вековых национальных интересов. Цели ежедневной политики внешне могут не совпадать (и даже расходиться) с интересами стратегической. Без такой доктрины государство подобно кораблю без руля и ветрил в штормовом море. Оно не может не подчиняться чужой воле и случайным обстоятельствам.

России, чтобы не рухнуть под тяжестью неоплатного внешнего долга, сотворенного безответственной и насквозь вороватой властью демократов, необходимо снова вернуться к самодостаточности, не абсолютной (она невозможна), но во многом исчерпывающей.

«Все российские нувориши сколотили себе состояние за счет бюджетных денег» (то бишь прямого ограбления государства), — пишет в своей книге «Мракобесие» Валерий Андреевич Стрелецкий, бывший начальник отдела «П» Службы безопасности президента. Этот отдел занимался коррупцией в аппарате правительства. Так что полковник Стрелецкий знал, о чем пишет. За каждым словом — служебное расследование и документы. Ни одного утверждения без документов.

Он следующим образом завершает исследование: «То, что происходит сейчас в стране, иначе как царством тьмы и невежества в экономике, политике, науке и культуре назвать нельзя. Одним словом — мракобесие...»¹.

¹Стрелецкий В. Мракобесие. — М.: Детектив-Пресс, 1998. С. 300, 301. Кстати, «шпион» на древнерусском означало слово «шиш». Почему бы не вернуть его в обиход? Уж очень оно выразительно и не звучит архаично. Зачем нам иностранные слова «шпион», «агент», «филёр»?..

Как отменно звучит «шиш»!

Очень емкое определение для всего ельцинского президентства.

Что примечательно: ни по одному делу, представленному в книге Стрелецкого, а они все документированы, не было принято никаких мер. Воры, шпионы и взяточники продолжают служить на ответственных постах в президентских и правительственных учреждениях власти.

Вор вора покрывает. Признаться, мы уже с этим свыклись.

Строй, который плодит торговлю детьми на панели, славит разврат, извращения и удачливых бандитов, не платит зарплату, попирает законы и праотеческие обычаи; строй, при котором крупнейшие воры и взяточники, известные всей стране, служат на самых высоких государственных должностях, строй, при котором телевидение способствует растлению людей, — такой строй противочеловечен, опасен и преступен¹.

В Русском национальном государстве, в котором, кстати, уже все нации, кроме русской, определили себя как самостоятельные (а чеченская, татарская, башкирская и др. на всех парах устремились к конфедеративному союзу с Россией, то есть, по сути, отделению от нее), обязательно должны быть русское национальное телевидение и русская национальная печать (коли ей сложно выжить — государство обязано принять на себя основную часть расходов). Это одно из самых важных условий существования национального государства (имеется же такая печать и телевидение у татар, чеченцев...).

Армия должна отойти от идеологии наемничества и стать русской национальной армией — защитницей народов России. Это не исключает наличие ряда соединений, набираемых по найму, но идеология должна быть патриотическая.

Государство должно всемерно поддерживать национальные культуры народов России, прежде всего — русскую, как скрепляющую все остальные культуры. Русский язык, другие национальные языки, как и национальная музыка, театр, литература, кино, музеи, должны оберегаться и поддерживаться всеми средствами.

¹Прознал о русскоязычной «продюсерной» организации, обслуживающей кино и телевидение, под названием «Иван!». Это немецкие оккупанты звали нас Иванами — и били, стреляли нас...

В искусстве, которое тоже могуче составляет человека, составляет народ, нацию, особенно в кино и телевидении, русских представляет чужой народ (по сути, израильский). Какие же идеалы народа, его обычаи, веру, привычки он, израильский народ, мог представлять (и представляет)? По преимуществу еврейские, по духу совершенно не русские...

И НИКТО НЕ ДОЛЖЕН МЕШАТЬ ЛЮДЯМ ЖИТЬ ТАК, КАК ОНИ ХОТЯТ. ТАКОГО ПРАВА БОГ НЕ ДАЛ НИКОМУ.

Сионизированный капитализм к исходу XX столетия предельно обострил борьбу за существование. Каждый воюет против всех. Это убедительно отражает американское кино, в котором борьба за деньги отвергает всякую человечность. В приглашение к оголтелому насилию выродилось американское кино. Под видом воспитания в людях мужества из Большого Сейфа во множестве высыпаются бесчеловечные фильмы и книги, воспитывающие не людей, а хищников и насильников. Да здравствует свобода быть свиньями!

Народность в искусстве — это не кафтан или речь простого человека, не танцы или песни, а всегда выражение основных чаяний и душевных переживаний народа и прежде всего это выражение СМЫСЛА ЕГО ВЕРЫ.

Образование должно воспитывать граждан России, а не безродных отщепенцев, безразличных к участи родной земли, жалких и слепых подголосков других народов и государств. Образование должно учесть исторический опыт и дать иной, соответствующий скрытой правде смысл минувших событий.

Решение национального вопроса начинается с прихода к власти национального правительства. Это такое правительство, программа которого предполагает возрождение и укрепление национальных основ государства, прежде всего жизненно-го ядра нации.

Россией должно управлять русское национальное правительство, как выражающее основные чаяния и характер народа. Иностранцы и чужеземцы пусть правят в своих странах, ведь все они, по сути, другой народ, противоестественно вкрапленный в коренные народы России и ослабляющий как национальное единство русского народа, так и узы дружбы народов России.

Других целей, как создание блага для людей, русская национальная политика не преследует.

В то же время если человек с уважением относится к русской истории и русской культуре, ценит и бережет ее, уважает веру народа, живет одной жизнью с русским народом, служит России — его происхождение не имеет значения, он — наш, он — русский.

НАРОДЫ СОЕДИНЯТСЯ В ОДНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО — ЭТО НЕИЗБЕЖНО. В ЭТОМ СОЕДИНЕНИИ ДОЛЖНО СПЛАВИТЬСЯ ЛУЧШЕЕ ВСЕХ НАРОДОВ. НО НАРОДЫ НЕ ДОЛЖНЫ СОЕДИНЯТЬСЯ УНИЧТОЖЕНИЕМ ОДНОГО ИЛИ РЯДА НАРОДОВ.

БОЛЕЕ СИЛЬНЫЕ НАРОДЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВРЕМЕННЫМ ОСЛАБЛЕНИЕМ ДРУГИХ НАРОДОВ ДЛЯ ИХ ПОДАВЛЕНИЯ И УДУШЕНИЯ. ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ РАВНОЕ СОЕДИНЕНИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР, НО НЕ БЕССЛЕДНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ НАРОДОВ.

Пока же без крепкой национальной общности народ не в состоянии выжить. Другие механизмы сплочения людей пока не действуют, **ИХ НЕТ!**

Человечество обитает в замкнутом пространстве. Каждый сознающий себя народ дорожит своим пространством. Оно залог его безопасности и развития.

Из-за недостатка пространства (а это с неизбежностью предполагает отсутствие работы и бедность — они сопутствуют перенаселенности) уже более века постоянно покидают родную землю китайцы, японцы, ирландцы, поляки, немцы, прибалты, итальянцы, финны... США на три четверти состоят из такого рода переселенцев (а другая четверть, наверное, — политические беженцы).

Европа оказалась перенаселенной уже в Средние века. В мировых войнах немцы пытались добыть землю у славянских народов на Востоке. За счет России созданием государства «Сибирь-Горы» от Владивостока до Байкала Япония пыталась вырваться из тесноты на своих островах.

Берегли русские свою землю, а теперь Россия застыла в смятении перед большим разделом своих земель. Расчленение под разными предлогами и по разным поводам состоится непременно.

Собственно, вся русская история — это защита своих земель, защита от попыток раздела страны. Не убереглась. Не уберегли.

Царь Всея Руси и великий князь Иван Грозный писал беглому князю Андрею Курбскому: «Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять».

Свободная и самостоятельная жизнь требует независимости государства. Как может быть независимым государство, ничего не производящее и не имеющее армии?

Призовем Бога в свидетели своей правды и правоты.

Россию растащат. Это вызовет обеднение и дальнейшее сокращение народа. Русские будут существовать как крохотный вымирающий народец.

Чтобы удержать земли за собой, нужна могучая рать, у нас ее нет. Остатки армии и флота Ельцин упорно доразрушает. Он потерял представление, в каком мире и в какое время живет, и, как истый член Мальтийского ордена, давно уже обитает в едином мировом пространстве без наций и государств, воспаря там над вымирающим русским народом...

Большие свободные просторы — величайшее из благ. Оно было добыто для нас предками. Россия — земля, исполненная величавой красоты. Каждой пядью такой земли особенно надо дорожить, да и полита она до самой последней пяди потом и кровью наших пращуров — полита, чтобы мы могли жить, не считая крохи земли и воды вокруг.

Наша русская земля надежно защищена от природных напастей: сокрушительных океанских ураганов, землетрясений, извержений вулканов, губительных разливов рек.

Что Европа по сравнению с нашим изобилием и устойчивым бытом?..

Летописи хранят описания природных бед, терзавших соседнюю с нами Европу. Всего один пример. 15—17 января 1362 года на Голландию и северную часть Германии обрушилось наводнение. Шторм небывалой свирепости погнал океан. Шторм совпал с бурным морским приливом, вызванным новолунием. Люди не видели волн подобной высоты.

Навсегда исчез под водой Рунгхолт — один из самых крупных торговых портов того времени. В Эдомсгарде утонуло за ночь более 7 тыс. жителей. Море снесло множество домов и семь храмов.

В общей сложности погибло около 100 тыс. человек. При той численности населения Европы это очень много, в пересчете на наше время, пожалуй, не менее 1,5—2 млн душ. Над 25—30 км плодороднейших земель океан сомкнул воды.

Почти каждое столетие здесь повторялось нечто похожее¹.

Землетрясения не щадили Европу:

10 января 1510 года — Баварию,

24 января 1556 года — Баварию и Австрию,

15 сентября 1590 года — Центральную Европу...

Поочередно на различные части Европы приходились подземные удары: Италия, Венгрия, Германия, Австрия, Греция, Швейцария, Португалия (1 ноября 1755 года, в одно из жутчайших землетрясений, Лиссабон перестал существовать)... На Руси за несколько веков было отмечено всего одно землетрясение, причем незначительное, — в Нижнем Новгороде в 1596 году².

Наша русская земля — самая надежная на земле. Она стоит прочно и удобно для жизни.

Задача подавления народа — прежде всего в подавлении его языка. Только язык народа-господина, народа-повелителя (американский) будет развиваться, богатеть новыми образами и словами. Язык же подавляемого народа (а это наш русский язык) будет упрощаться, все более насыщаясь словами и оборотами языка-победителя. Со временем язык поработанного народа (а это мы, русские) почти целиком заместится на язык народа-хозяина, и люди привыкнут объясняться в пределах физиологических потребностей, ибо уже ничего духовного для языка не останется. Такой язык, в конце концов, вымрет — это неизбежно.

Стоит припомнить обращение Аввакума к царю Алексею Михайловичу:

«Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек! Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах...»

Заповедь всех поколений русских: беречь родную землю, беречь родную культуру, беречь родной язык, не уступать свою речь воинственному напору других языков... Что язык? У нас идет все-

¹ На суше и на море. — М.: Мысль, 1974. С. 377—378.

² Эйби Дж. Аж. Землетрясения.. — М.: Недра, 1982. С. 251—252.

общее разоружение армии. Милости просим, господи! Предъявляйте «исторические» права, восстанавливайте «справедливость» — и забирайте, что хотите... Кто следующий?..

Нет другой такой страны: у нас на тысячу километров будет меньше полдивизии. Вот это защита!

Раскуют Россию, как расклевали Югославию. **Дорога к нам для американской военщины лежит через Югославию — это всем русским надо помнить.**

Художник Ганс Грюндиг назвал свои воспоминания о Германии 1914—1946 годов «Между карнавалом и великим постом». Я мог бы назвать свои — «Между великим порывом и безумной оргией жадности».

Мир перевернувшихся ценностей.

Поскольку я лишен «голоса», хочу доказать, что и книгами можно обуздывать черные силы и поднимать на борьбу патриотов. Не бояться клеветы, угроз, пустоты вокруг себя и не отчаиваться среди торжества тварей...

Нет денег, дабы выпускать книги.

Однако никто, никогда, кроме смерти, не смирит меня.

Теперь мы уже знаем: демократия в России — это история государственного разграбления и предательства России.

Родина, мы ничего не забыли из твоих тысячи лет! Мы помним все-все, помним до единого дня!

Наша Родина.

Наша Россия.

Всякая нечисть измывается над народом — боль, унижения, страдания непереносимы. Захватчики власти, **извратив волю народа**, топчут народ. От могил тесно на русских кладбищах, а гробы все несут и несут во славу реформ — пусть богатые станут еще богаче, а бедные — беднее! Земли под могилы хватит...

Родина!..

До сих пор победа на мракобесной масонско-сионистской стороне по ряду причин. Первостепенные из них — сосредоточение основных капиталов (прежде всего банковского) у сторонников всемирной просионистской власти, а также обладание всё теми же

людьми почти всеми земными средствами массовой (общей) информации, в том числе литературой и кино.

К месту будет повторение высказывания Жевахова: «Силы... зла не боятся только потому, что безусловное зло вооружено такими малоосязаемыми средствами, как способность разлагать и растлевать слабую человеческую природу».

Черное масонство, то бишь весь сионизированный мир, побеждает и ставкой на человеческие слабости. Оно непрерывно разлагает мораль и людей, добиваясь своих коронных целей в переустройстве общества. Переиначивая речение Жевахова, можно утверждать, что космополитизм, масонство, сионизм и прочее производное от них выделяют злое, нечистое начало в человеке и доставляют ему торжество. «Такого явного, такого бесстыдного утверждения зла человечество еще никогда не видело»¹.

Изменение мира, прежде всего морали, культуры, под направленной ломкой национальных государств замечали и замечают многие люди. К примеру, знакомясь еще в 1976 году с книгой известного немецкого натуралиста, борца за сохранение животного мира Африки доктора Бернгарда Гржимека, я отметил для памяти страницу 159-ю, на которой можно прочесть:

«Наши идеалы за последние десятилетия изменились: успех имеет тот мужчина, который умеет «делать» деньги. Во времена наших дедов и бабок все это еще выглядело иначе. В те времена туго набитый кошелек отнюдь еще не давал доступа в любой дом и вообще куда угодно»².

Сионизированная космополитическая буржуазия, денежно владычествуя над народами, разрушает собранный человечеством мир, растлевая и преобразуя в свой торгашеский, с низменными побуждениями и запросами, с похотливым отношением к женщине и безмерным поклонением золотому тельцу: на земле одно божество — счет в банке, прочее — тлен и трава.

В связи с этим возникает необходимость того, чтобы главным

¹ Жевахов Н.Д. Воспоминания. — М.: «Родник», 1993. Т. 2. С. 251.

² Гржимек Бернгард и Михаэль. Серенгети не должен умереть. — М.: Мысль, 1976. С. 159.

Из слова Даниила Заточника. Он же говорил: «...а богатый разодетый да глупый — что шелковая наволочка, соломой набитая».

банкиром всегда являлось государство, а не люди, которые чаще всего оказываются случайными для его судьбы.

Оценки мировой культуры, национальных культур, а также истории (потока жизни в тысячелетиях) да и всех ее сторон (как человечества, так и отдельных народов) сложились в прокапиталистической либеральной масонско-сионистской колодке. Эти оценки господствуют в энциклопедиях, учебниках, научных трудах, искусстве (господствовали они и при советском социализме, будучи порождением определенной среды и определенных воззрений, свойственных и социализму). Мы все находимся под гипнозом этой «колодки», не смея сделать ни одного самостоятельного шага, да и просто неспособные на такой шаг, уже со школьных лет лишённые самостоятельного сознания.

Ход разрушения национальных государств шагает рука об руку с ходом непрерывного возрастания богатств в верхушке мировой элиты, которая уже прямо подступает к «созданию» мирового государства и смешению народов в одно стадо, из которого будут выбиваться (и уже выбиваются) все несогласные.

Высказываний на сей счет хватает. Еще в 1950 году Джеймс Варбург (надо полагать, представитель известного еврейского банкирского рода) заявил: «Нравится вам это или нет, но мы будем иметь мировое правительство — или с общего согласия, или ПУТЁМ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ»¹.

Это верно. Народы ныне не сливаются естественным ходом истории в одно сообщество, а их сливают в один мировой народ «путем применения силы» — прежде всего экономического принуждения, но это не значит, что не используются и военно-политические средства. Средства эти изощренны и разнообразны.

Что ж только ОНИ не вытворяют с Югославией — этим зеркальным отражением России... Расщепленная, ослабевшая и обедневшая, эта православно-славянская держава, сестра России, подвергается экономической блокаде, издевательствам, уг-

¹Примечательно, что на чемпионате мира по футболу во Франции летом 1998 года командам было запрещено выступать со своими национальными эмблемами на майках. Из всех команд лишь одна Норвегия осмелилась выступить с национальной эмблемой на груди.

розам и нападениям под флагом НАТО. Разведки НАТО и США устраивают национальные обострения (как в Косово), что дает империалистам повод для доколачивания многонародной Югославии.

В чем же вина Югославии, прежде всего Сербии, как главной крепящей силы Югославии? В чем она провинилась перед Европой и Большим Сейфом — США, которые и лежат-то за тридевять морей от Белграда?..

Сколько ни ищи — нет этой вины.

США будут громить Югославию до тех пор, пока она не станет соответствовать хозяйственным и военным интересам США. Ничего другого там нет.

Ростки даже малейшей политической самостоятельности Югославии, а следовательно, и России, подавляются США под разными отвлеченными предложениями, в основном под видом замирения национальных неурядиц, которые они сами же тайно и разжигают. Американцы в буквальном смысле хозяйничают в этой стране, скорее топчут ее. Надо помнить: то, что сейчас происходит в Югославии, завтра будет в России. Отсюда должно проистекать поведение каждого русского по отношению к югославским событиям и делам. Мы должны выступать против американского произвола единой сплоченной силой, ибо уже завтра ОНИ ворвутся в нашу страну.

Сенат США самозванно объявляет вождей национального сопротивления Югославии доктора Радована Караджича и Слободана Милошевича военными преступниками.

Тогда давайте запрячем в тюрьмы президентов США, госсекретарей и генералов за применение во Вьетнаме ядовитых веществ, безумные бомбежки городов и деревень, сотни тысяч убитых гражданских лиц, за разбой, пытки и насилия американской военщины по всему Южному Вьетнаму (как в Сонгми), за нападение на мирную Гренаду, за нападение на Кубу в заливе Кочинос, за уничтожение и мор мирного населения Ирака...

Россия должна не расслабляться, а крепить свою национальную оборону, ибо эти «защитники прав человека» непременно сунутся к нам с десантами, пушками, кораблями, напалмом, блокадами, провокациями и прочим проамериканским кровавым дерьмом...

ЭТО И ЕСТЬ МИРОВОЕ МАСОНСТВО, МИРОВОЙ СИОНИЗМ И МИРОВАЯ ЛЖЕДЕМОКРАТИЯ, А ВСЕ ВМЕСТЕ — МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СВЕРХБОГАЧЕЙ, ОБЪЯТЫХ ЖАЖДой НАВСЕГДА ЗАКРЕПИТЬ СВОЕ ГОСПОДСТВО НАД ЗЕМНЫМ ШАРОМ, НАД НАРОДАМИ ВСЕХ СТРАН.

Мир должен соединиться на другой основе и, разумеется, не под властью международных сверхбогачей. Лица, приходящие к власти на выборах, меняются, но это те же сверхбогачи или их представители. Сама же власть не изменяется.

Народ все время дурачат призраком выборов, которые не имеют ничего общего с действительными выборами. Я участвовал в президентских выборах: к власти способны пройти только представители крупного банковского капитала.

Сверхкрупный капитал рвется к наследственному обладанию властью над всем светом. К власти вообще будут допускаться лишь те лица, которые устраивают сверхкрупный капитал. Все честное, самостоятельное выбивается еще на ДАЛЕКИХ ПОДСТУПАХ к власти.

С 1959 года я сознательно посвятил жизнь изучению причин и подноготной Октября и вообще бед России.

Роятся, роятся мысли и все об одном: доколь будут расклеивать Россию да еще гордиться этим?..

Но есть, есть живая вода для убитой души народа — эту величайшую тайну несет в себе Родина-мать!

ГЛАВА VI

Свобода быть свиньями

Дитерихс так оценил события февраля 1917 года:

«С 27 февраля, с момента крушения той формы, которая в представлении либеральной интеллигенции (масонской и демократической на сионистский лад. — Ю.В.) рисовалась деспотическим правлением, Россия неудержимо катилась в бездну.

Большие умы были «западнические», а не русские (какие же они большие? — дутые умы, начётнически-книжные, без своей мысли умы. — Ю.В.). Среди интеллигенции было много людей с рус-

ской душой, но дух был нерусского христианина... пусть были крупными умственными величинами русской интеллигенции... слишком ясно, что что-то было ими упущено... что-то непонято именно в народе «земли русской», что... повергло народ в бездну и залило на вечные времена святой кровью Православных Мучеников православный русский люд и славную, исключительную историю государства Российского» (Дитерихс. Т. II. С. 12—13. Текст выделен Дитерихсом).

Свержение монархии подготовила и сделала возможным вся российская интеллигенция. Это дело ее рук.

Февральский переворот лишил Россию исторического вида власти, выстраданного и сложившегося в ходе тысячелетней борьбы за свое место и достойную долю на земле, что не могло не подорвать коренным образом основы народной веры.

Что сие значит, народы России окончательно не только осознали, но и испытали в полной и разрушительной мере к концу XX столетия, поистине могильного для русского народа. Это обернулось глубочайшим до неузнаваемости изменением облика народа и, как следствие, превращением его в удобный «материал» для корыстных целей воротил мировой экономики. **Свобода, равенство, братство! — дабы умирать за прибыли капиталистов.**

В безуспешных поисках денег для газеты и русского патриотического движения (не подставного и не балаганного) я встретился с крупным предпринимателем. На мой вопрос, поставленный в несколько отвлеченном и грустном виде: «Неужели совершенно нет патриотически настроенных людей в вашей среде?» — он ответил: «На уровне больших денег все изменяется. Люди становятся ворами и предателями. Убеждаюсь в этом каждый день».

Деньги почти мгновенно преобразуют личность. Человек меняется до неузнаваемости. Вместе с человеком решительно меняются и его убеждения.

Толстому денежному мешку Родину заменяет счет в банке. Народ для него существует лишь для того, чтобы извлекать прибыль. Это всего только среда, которая обеспечивает поступление прибыли. У среды не может быть души и желаний — она существует лишь для того, чтобы доставлять капиталисту прибыль.

Для капиталиста выгода — все, человек — ничто. Как отмечал Данинг: «...При 100% (прибыли. — Ю.В.) — он (капитал. — Ю.В.) по-

пирает все законы. При 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти».

ХРИСТИАНСТВО И КАПИТАЛИЗМ ПО КОРЕННОМУ, УЗЛОВОМУ СМЫСЛУ НЕСОВМЕСТИМЫ, ВЗАИМНО ИСКЛЮЧАЮТ ДРУГ ДРУГА.

Здесь сам уклад жизни умерщвляет веру, а с нею и душу.

Скорбные строки:

«Въ дни великой борьбы съ внешнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу было угодно ниспослать Россіи новыя испытанія. Начавшіеся внутри народа народныя волненія грозятъ бедственно отразиться на дальнейшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до победнаго конца.

Жестокий врагъ напрягъ последнія усилія, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. В эти решительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совести облегчить народу нашему тесное единеніе и сплоченіе всехъ силъ народныхъ для скорейшаго достиженія победы и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть...

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Николай.

2 марта 1917 года, 15 час., городъ Псковъ.

Скрепилъ министр императорскаго двора

Фредериксъ»¹.

Милюков, Гучков и К^о вкупе с англійскими друзьями чувствовали себя хозяевами Россіи всего около двухъ месяцевъ — и уже с апреля зазвучалъ требовательный голосъ Ленина, да громче, гром-

¹Русская свобода: Документы и заявленія, освещающіе государственный переворотъ: Выпускъ I. — Петроградъ: Типографія «Правды», 1917. С. 4—5.

че!.. Мир, земля, рабочий контроль на заводах! Да здравствует революция социалистическая! Диктатура пролетариата, классовая борьба во имя слома старой Руси, интернационализм, мировая революция — и расцветет новая жизнь.

Ленин доказал, что такое слово. Его книги не могли проникнуть в толщу народа, да и сложны были для обычных людей. Они становились известны двум-трем десяткам тысяч профессиональных бунтарей. Однако сами идеи закладывались в оборот общества. И когда созрели условия для захвата власти, эти идеи, размноженные газетами, полыхнули степным палом. Мир без царей, капиталистов и Бога!.. Всегда впереди шествует слово. Так было и будет при любом развитии науки и техники. Слово бьет молнией, а после обрушивается ураган разъяренного народа. Долой насилие богачей!..

Народу внушали, будто его счастье украдено. Голос вождя все набирал и набирал силу, пока не остался лишь он один — никто не был слышен за его срывающимся фальцетом, от других голосов — лишь обрывки шепота да лепет. А ленинский был слышен каждому: через благо разрушения к благу райской жизни! Потерпеть немного, помаяться — и грянет сытая и раздольная жизнь.

Народ, твоё счастье украли, твоё счастье проедают и проматывают уже многие столетия, а ты нищ и гол! Под красные стяги! Вперед, Россия!

Украли счастье!.. Господи, украли!..

Народ в гневе схватил винтовку и двинул за украденным счастьем. Над родной землей взметнулось пламя, в небо полезли жирные дымы. Под жаром огня и дыма слышались теперь только хрип, вой, стон и торжествующие крики. Небо уже было не голубым, а черным. Днем за ним не проглядывало солнце, а ночами все окутывала непроницаемая, душная мгла — ни звездного проблеска или лунного блика в воде. Везде всепоглощающий запах тлена...

«Эта земля была наша, пока мы не увязли в борьбе», — поет Борис Гребенщиков. Смысл в этом есть.

Да... надо быть Лениным, дабы отправиться за счастьем через

уничтожение людей. Перестрелять, перевешать, заживо закопать, заморить голодом несколько миллионов (пусть в несколько раз больше) — и не возникнет отныне препятствий для достойной жизни.

Однако личный опыт заставляет людей все более терпимо и терпимо относиться к ленинскому приему достижения справедливости.

Сионизированный капитализм не просто творит преступления — он их плодит, поскольку их воспроизводит сама природа общества. Они из самой сути капитализма, как выражение вечной обжорной устремленности капитализма за наивысшей прибылью. Все ничто перед прибылью, даже семья, даже мать, отец... Прибыль свята. Ведь уже при 100% прибыли капитализм «попирает все законы», а «при 300 % — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти». На колени перед моим богатством!

В итоге сама природа устройства капиталистического строя лишает достатка миллионов и миллионов людей, а саму жизнь пронизывает неизбывная тревога за будущее.

И это жизнь?

Нигде, ни в одном из миров нет такого потрясающего безразличия к человеку, как при капитализме. Прибыль — все, человек — ничто.

И это называется жизнью?

Капитализм каждым часом своего существования убивает христианство.

Благополучная жизнь в США и некоторых других странах, которые выставляются как образец, — не достижение капиталистического строя, а во многом, очень во многом — следствие ограбления ими почти всего бела света...

Одной лишь экспансией доллара (подчинением доллару национальной экономики, по сути, заменой национальной валюты на долларовую) США ограбили Россию на сотни миллиардов долларов. Это с их поддержки у власти в России закрепился режим «всенародно избранного»...

Высокий жизненный уровень Большого Сейфа, коим всячески попеняют другие страны, а прежде всего нас, — не есть достиже-

ние какого-то особенного американского капитализма, а есть прямое следствие ограбления народов. США поставили в зависимость от себя хозяйства почти всех других государств, вынуждая работать в выгодном для себя направлении и объеме. Они непрерывно покупают лучшие умы в науке, обеспечивая себе высший технический уровень производства. В американских университетах и научных лабораториях преподают и работают крупнейшие ученые из России, Индии, Европы, Южной Америки, Австралии... При всем этом уровень преподавания точных наук в средних школах США заметно уступает народному образованию России, которое и по сию пору является одним из самых передовых в мире.

Цивилизация США примитивна. Нельзя путать ее с богатством страны.

США — самая извращенная, самая преступная, самая грубая страна. Подавляющее большинство современных фильмов и книг — настоящее искусство вырождения, образчики сквернословия и хамства; нет такого гнусного порока, в который они не посвятили бы людей. Язык многих фильмов и книг бесстыден и пошл — и этот язык с готовностью подхватывает молодежь. Разжигание темных, животных побуждений обычно для Голливуда. Кино, как и книга, — всегда товар. Его надо продать. Что ж, вполне капиталистично и демократично. Товар — деньги — товар... Свобода, равенство, братство...

Изрядная доля фильмов и книг является самым настоящим наставлением по совершению убийств, изнасилований и ограблений. Похоже, убийства, мучительства, драки — одно из наслаждений для общего американского зрителя, уже изрядно развращенного и подпорченного гадкими зрелищами, так же, как и сам показ рупов, крови, ран, подробностей изнасилований и пыток. И это общество, которому должно подражать человечество?..

Теперь же этот мутный поток грязи обрушился на нас. И даже не существует такого правительственного органа в России, который следил бы за зрелищами и «кинотоварами». На ряд фильмов и книг, безусловно, следует наложить запрет — здесь и вопросов быть не может.

Разумеется, какая-то доля американских кинотоваров, очень

незначительная, пронизана человечностью, но это именно доля, и незначительная, которая не меняет общей картины.

Искусство смягчает нравы.

Американское искусство (искусство Большого Сейфа), напротив, ожесточает и огрубляет до непотребства. Нравы его отвратительны.

Впрочем, американское искусство и не задается какими-то моральными целями. Товар — деньги — товар...

Чем дальше время, тем более ощутимый вред наносит американское кино, «желтая» литература и пресса сознанию и душам людей.

Российское кино из последних сил тужится не отставать от американского. Люди, народ ему безразличны.

Высокая преступность на земле и половые извращения во многом обязаны «просветительской» и «воспитательной» роли Голливуда. Капитализм готов погрузить людей в навоз самых мерзких чувств и поступков — лишь бы это приносило доход.

Мы обладаем редкой возможностью сравнить жизнь при социализме и капитализме.

Что бросается в глаза, так это то, что собственность, частный интерес, нажива делают людей преступными.

Им никто Бог, хотя они часто носят крестики и усердно молятся.

Им ничто совесть. Они всё, совершенно всё ломают под свой интерес, пропади хоть весь народ и вся земля — вышел бы сейчас навар...

Облик человека искажается. Общество принимает больной смысл и вид.

В обережении от перекосов в морали и зла хищного частного интереса должно стоять на страже государство — хранитель человеческого и человечества.

Поэтому столь строго недопустимо сращение личного интереса и дела с государственной службой, особенно на высших ступенях государства, где люди должны быть совершенно лишены своего, собственнического интереса и жить лишь на государственную зарплату.

Всякое другое отношение приведет государство (и уже привело множество государств) к гниению.

Я не сомневаюсь, в будущей социалистической жизни человечества (а она неизбежна) будет существовать истовая заинтересованность каждого в своем труде. Более того, в том или ином виде будет сохраняться частная собственность и будет со всем уважением представлен и собственнический интерес, ибо он вкоренился в природу человека, слишком часто выражает его суть, да и хранятся в нем благодатные семена большого, искреннего и изобретательнейшего созидания — зачем же его топтать?

Это как раз то, с чем столкнулись Ленин и Сталин, а после — и их последователи и что решить по-настоящему ни те, ни другие так и не сумели, полагаясь на голое принуждение. Поэтому, когда принуждение ослабло, стало исчезать и советское государство. Именно здесь должен был проходить поиск для совершенствования и очеловечивания социализма.

Но все это — пока будущее, хотя и не столь отдаленное, в которое желательно вращать без крови и потрясений.

Желательно, но не всегда это зависит от нашей воли...

Голод, нужда, отчаяние устанавливают свои порядки...

Демократия и космополитизм — идеология сионизированного капитализма, средства расчистки пространства для него. Чем глубже, энергичнее развитие демократического сионизированного капитализма, тем охватней преступность, наркомания и торговля телом. Этот строй не имеет будущего, это тупиковый ход истории, а точнее — его временное состояние.

За всеми американско-масонскими кинолентами проглядывает изуверская борьба за деньги: любой ценой выкарабкаться, подняться в зажиточный слой общества. По сути, идет незатихающая классовая борьба неимущих против имущих, только принявшая **уродливый вид.**

С другой стороны, все обилие киногероев-одиночек, борющихся с социальным злом и бандитизмом, есть выражение неспособности закона обуздать преступность и алчность общества.

В то же время масонские США — и мировой жандарм, и мировой поработитель народов.

На земле властвует правило: «Что нравится Америке, должно нравится всем».

Это правило для рабов, не для свободных народов. Россия по таким правилам еще не жила.

В СВОЁМ БОЛЬШИНСТВЕ АМЕРИКАНЦЫ — МОРАЛЬНО ГОЛЫЕ ЛЮДИ, НИЧЕГО НРАВСТВЕННОГО, ДУХОВНОГО И БЛАГОРОДНОГО ОНИ ДАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ НЕ В СОСТОЯНИИ, КАК И ИХ «ВЕЛИКАЯ ДЕМОКРАТИЯ», ГНИЮЩАЯ И СМЕРДЯЩАЯ НА КОРНЮ.

Товар — деньги — товар...

Власть при демократии покупают, власти народа нет. Правят деньги.

В 1950-е годы швед Эрик Лундквист очень выразительно назвал свою книгу об Индонезии и Новой Гвинее: «Дикари живут на Западе». Но не в джунглях Новой Гвинее или Амазонии, а на европейском Западе и в США. И эти дикари казнят свободу, любовь, независимость и Родины всех других народов. Как же дружно они навалились на Югославию! Именем НАТО — бомбы, пули, блокада!..

В сообщениях мировых агентств о жертвах террористов обычна общая цифра, однако с обязательным отдельным указанием на то, сколько американцев при этом пострадало. Жертвы других национальностей часто и не упоминаются. С американской точки зрения, они того не заслуживают.

Демократия современного капитализма отменяет Родину, мужество, честь, порядочность, ибо это мешает обогащению.

О нации (национальных интересах) демократия вспоминает лишь тогда, когда возникает необходимость в очередной раз залезть народу в карман.

Кажется, пора проветрить помещение...

Ленин был одержим мыслью об освобождении человечества от тирании частной собственности. Его одержимость закалилась в пламени мести за любимого старшего брата. Ленин был очень живой человек, и гибель брата не могла не потрясти его. Марксизм оказался тем смертоносным оружием, которым юный Ленин решил поразить несправедливое устройство общества. Он действовал с редкостной целеустремленностью.

Мужество Ленина — не дежурные слова. При ранении он проявил самообладание и физическую выносливость. С открытыми,

тяжкими ранами, изливающими кровь, властно отстранив водителя Гиля, он без чьей-либо помощи единым духом взбирается по лестнице на третий этаж в кремлевскую квартиру, дабы не испугать кровью и самим известием о ранении родных, ведь они еще ничего не знали. По мнению доктора Розанова, эта бравада весьма усугубила последствия ранения, но она свидетельствует в пользу ленинского духа. Это был вождь.

То, чего страстно желал, он добился. Отомстил за брата. Выкорчевал, испепелил частную собственность на одной шестой земной суши. Не дожил Ленин лишь до «конечной цели мировой революции», как тогда писали. До сего дня не дожил никто, поскольку не было мировой победы угнетенных всех стран мира.

Наступили диктатура сволочи, время подонков русской жизни. Искусство болеет, чадит, источает заразу. Русская литература умерла, родив уличную пошлость.

Ограбление народа достигло такого уровня, что без возвращения награбленного существование государства невозможно, но это вопрос особой политики и решение его за народом. Важно не скатиться в новую резню.

То, что сейчас происходит, не есть необратимое разложение народа. Если бы патриотические силы получили хотя бы на полгода телевидение, народ стал бы неузнаваем, как и его энергия, которая сделала бы неузнаваемым этот, казалось бы, окоченевший в завнодушии ко всему мир.

В борьбе за народ, за сохранение его государственности и государственной целостности я не обратился к наглому шовинизму или расовому высокомерию — эти чувства природно враждебны мне.

Я обратился к светлому разуму и гордости русских людей.

Я хотел лишь одного, чтобы они сбросили тяжкий сон навеянного обмана и соединились во имя достойной жизни — тогда им не будет страшен никто и нигде, и никогда.

Мы должны бороться с властью обмана — это наша верховная задача.

Иван Александрович Ильин (1882—1954) — по-настоящему крупный мыслитель, преданнейший русский патриот, религиозный философ, автор работ о Гегеле. Иван Александрович был выслан из СССР в 1922 году, жил и преподавал в Берлине. Выслали большевики, за ними выслали и нацисты: с приходом к власти Гитлера Ильин оказался отстранен от профессорской деятельности с запретом печатать свои работы. В 1938 году он перебрался в Цюрих, где и умер спустя 16 лет. В Швейцарии Ильин написал ряд книг, в которых исследует причины краха национальной России и возможности ее возрождения, к коим относятся: «О грядущей России», «Путь к очевидности», «О сущности правосознания» и др.

Он писал:

«...Пальмы и баобабы не всюду растут на воле... страусы не могут жить в тундре... республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!) — нам не указ и не образец. Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобо-соблазнимость русского народа — и десятилетиями демагогировали его (сбивали с толку лживыми посулами, извращениями фактов. — Ю.В.). И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый прирост... Подпиливали столбы и воображали себя титанами, «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи...»¹

Стихия евреев — демократическое государство с парламентом, где все дела и порядки устраивают деньги (обеспечивают место в парламенте, «делают» президента, избирательную кампанию,

¹Ильин И. А. О грядущей России. — М.: Воениздат, 1993. С. 111—112.

идут на подкуп, взятки, словом, всем заправляют деньги. Это — настоящая диктатура денег. Эгоизм правит здесь свой бал на всех широтах и меридианах. Человек здесь унижен, ибо его ценность определяется денежным выражением — и ничем иным. Они потому любят революцию, любят разорять государства, что это дает возможность им забирать власть и устраивать все на выгодный для себя лад.

Демократическое государство имеет исключительное изобилие средств («добровольного» одурманивания сознания граждан, при котором они искренне «убеждены», что действуют вполне самостоятельно, в то время когда поступают согласно невидимой ими дирижерской палочке господствующего класса).

Стихия русских — единовластие. Здесь царят закон, первородство способностей человека (а не хищничество), преданность Родине и чувство достоинства.

Мы живем сообразно своим убеждениям и не можем стать другими. Наша история, все пережитое наложили на нас неповторимый отпечаток: плохой ли, хороший, не в том дело. Наши различия с Западом слишком значительны и проходят не по внешним признакам, а по корневым вопросам бытия. Насилие Запада над нами не может обернуться изменением нашего сознания; оно лишь калечит наше сознание; не приближает его к западному, а уродует русское сознание. Насилие над русскими и Россией лишь углубляет пропасть между народами.

Разумеется, идеальной власти в природе не существует. Для каждого народа существует своя власть, которая наиболее соответствует его нраву, обычаям, вере, культуре и прошлому.

Демократия не может быть для всех народов лучшей властью, в противном случае это извращение.

В 1990-х годах Россия окончательно переродилась в еврейское государство.

И еще. Борьба сионистов за права национальных меньшинств исходит не из любви к ним. Они, эти меньшинства, прозябают под властью масонско-сионизированных правительств в нужде, ничем не отличной от всех предшествующих, если не более худшей. Превеличенное выдвижение нацменьшинств к политической жизни ведет к ослаблению значения, веса главной организующей нации

и способствует продвижению сионистов к важным государственным постам. Ничего другого за внешним демократизмом сионизма не стоит.

27 марта — 2 апреля 1922 года в Москве проходил XI съезд РКП (б). Это был последний съезд с деятельным участием Ленина. Помимо решения других важных вопросов, съезд ввел должность генерального секретаря и избрал им Сталина.

IV конгресс Коммунистического Интернационала открылся в канун пятой годовщины Октябрьской революции и проходил с 5 ноября по 5 декабря 1922 года в Москве. В работе конгресса приняли участие 408 делегатов из 58 стран.

5 ноября — в день открытия — делегаты заслушали речь Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Ленин только что оправился от жесточайшего майского удара и заново освоил речь. На случай выпадения из памяти отдельных слов около сцены посадили подсказчиков.

Это было последнее публичное выступление первого вождя всех русских революций и бунтов. Заметно исхудавший, в кожаной куртке, он говорил не без труда, всякий раз прищелкивая пальцами, когда не сразу мог подобрать подходящее слово. После окончания выступления за кулисами его обнял Бухарин. Николая Ивановича поразила исхудалость Ленина. Рубашка на Ленине была совершенно мокрая, на лбу выступали капли пота.

Однако свою речь вождь произнес сам и всю, до последней буквы.

Это был настоящий боец. Он умел сражаться на трибуне. Умел нести в себе пули врагов. С достоинством нес ненависть врагов, не отступая от классовой борьбы ни на шаг. Он только строил обходные пути, ставил другие слова, но лишь для того, чтобы сохранить коренной смысл классовой борьбы, в котором он никогда никому не уступал ни единого знака. Ленин умел управлять всей кипучей, непокорной массой своих помощников и соратников. Он был безжалостен со всеми, кто не укладывался в его схему мира...

Уже через месяц после выступления на IV конгрессе Коминтерна Ленина по нарастающей потрясут новые мозговые удары. Его разобьет паралич, но речь он сохранит. И только 9—10 марта

1923 года, то есть через 4 месяца, последний и самый мучительнейший удар лишит его речи и, по сути, разума. В ту жуткую для него мартовскую ночь он будет метаться, просить о помощи, почему-то все время вспоминая Йод (может быть, как память от ранений в августе 1918-го?..).

Развязку напряженно ждали Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сталин. Каждый мечтал оказаться первым, кроме, пожалуй, Каменева. Каменев не страдал чрезмерным властолюбием и просто следовал за Зиновьевым. Все эти иудеи сцепятся между собой после смерти вождя («свой своего не познаша»).

Сталин не в счет. Он и не иудей, и он не «сцепится» — он истреблял всех, кто оказался на его пути, всех до единого. Они все для него были чужие, что, в общем-то, являлось правдой. России национальной, народной все они были чужие — истые кровососы. Масы от революции.

Главный масон от революции, Ленин (убежденный истребитель всего русского) скончался 21 января 1924 года.

Бухарин вспоминал в годовщину смерти диктатора:

«Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, — Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побледнело, раздался хрип, рука повисла. Ильича, Ильича не стало».

Смерть Ленина, как и его останки, была превращена в огромное политическое предприятие. Каждый день возносил главного октябрьского вождя выше и выше, рождая в окружающих богоподобные чувства.

Сталин применит знаменитую тактику уничтожения соперников по частям. В год смерти Ленина каждый из них был слишком велик для Сталина. Без опаски смертельно подавиться он не мог проглотить ни одного из них.

Сталин собьет всех в одну кучу и общим навалом одолеет Троцкого. Сталин вычистит его из партии, а погодя и из жизни вместе с его приверженцами. Затем Сталин собьет новую группу — и расправится с Зиновьевым и Каменевым. А уже после в одиночку добьет Пятакова, Радека, Бухарина, Рыкова и др. — это для него будет вроде забавы...

Через 14 лет после смерти Ленина в партии не останется ни одного деятеля, способного даже в чем-то самом ничтожном соперничать со Сталиным.

Уход Ленина в небытие будет сопровождать ожесточенная борьба по национальному вопросу — с русским «великодержавным шовинизмом».

Орджоникидзе, как представитель центра, поведет себя в Грузии резко, не позволяя местной власти перечить требованиям центра. В одном из споров он кому-то из местных партийных царьков съездит по физиономии. Это потрясет Ленина, столь безобразно крутого в расправах с русским народом и церковью, а тут вдруг такого чувствительного на затрещину Орджоникидзе.

Ленин тускнеющим оком усмотрел в этом «русский великодержавный шовинизм», которому надо как можно скорей и основательней повыдергать зубы, — приблизительно так выразится он.

Что Ленин под урез своей жизни не верил Сталину, сомнений не вызывает, что Ленин хотел ссадить Сталина с его «поднебесных» должностей, тоже не вызывает сомнений (это его, Ленина, слова: «Сталин заключит гнилой компромисс и обманет»). В последние месяцы Ленин старался сделать как можно больше для ослабления Сталина.

Совсем не удивительно, что именно национальный вопрос становится узловым в последние месяцы сознательной жизни Ленина и что он явился причиной столь непримиримо-резкого размежевания в самой верхушке партии.

Сталин занял прорусскую позицию, не выраженную, не выпяченную, но Ленин ее сразу уловил своим острым нюхом искусного политика-интернационалиста. Ленин оказался потрясен не только изменой Сталина, как он считал, лично ему, Ленину (тот самый «гнилой компромисс» был заключен в апреле 1922 года, перед самым закрытием XI съезда партии, когда Ленин вопреки воли большинства, которое склонялось к кандидатуре самостоятельного и умного работника РКП (б) Ивана Никитича Смирнова (1899—1936), протолкнул на пост генерального секретаря Сталина; в ту ночь Ленин проговорил со Сталиным почти до утра). Ленин был потрясен возможностью перехода партии на национальные позиции — это было для умирающего вождя жизненной катастро-

фой (и впрямь лучше было умереть). Всю жизнь он воспитывал партию в интернационально-безродном духе, всю жизнь бредил красной республикой с мировым правительством во главе, под нее соглашался оставить от русских одну десятую часть, остальных принести в жертву возвышенной цели.

Троцкий прямо говорит, имея в виду Сталина, что командной позицией в 1922—1923 годах завладели «национал-социалистические чиновники»¹. Лев Давидович горел страстью разделаться с ними, понимая в душе, что сила все же останется не за ним, а за ними. Об этом свидетельствует вскользь брошенное замечание: «Насколько прочна была бы эта победа (его, Троцкого. — Ю.В.), вопрос другой». Властно брали свое национальная сущность народа, необходимость его выживания, требование отказа от национального подавления и исчезновения, которые столь разыгрались при безродной власти Ленина, да вряд ли и безродной, уж очень она косила под революционное еврейство, как и пальцы, засунутые Лениным по привычке в проемы жилета...

Национальный вопрос как проклятие встает у изголовья теряющего память Ленина. Это не случайный поворот событий. Внезапное возникновение национального вопроса имеет исторический и провиденциальный смысл. Нация отказалась умирать и перерождаться в безродную космополитическую толпу — и она по-своему заявила о том. Весь смысл этого национального «сбоя» в партии тогда не был осмыслен его участниками до конца, но позже именно отказ от национальной природы приведет, в конечном итоге, к краху безродную и безнациональную КПСС и все социалистическое движение.

¹Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии: Т. 2. — М.: Книга, 1990. С. 219.

Вообще теоретическая разница между Лениным и Троцким после семнадцатого года, несмотря на все ухищрения социалистических схоластов ее доказать, в главном, установочном неразличима. Оба эти героя диктатуры пролетариата составляли в делах и взглядах на настоящее и будущее единое целое.

Сталин нес, кроме заряда марксизма, и чисто немарксистское понимание национальной природы человечества. Сталин не сразу становится национал-коммунистом. Пока эти идеи только бродят в нем, не определяют его политику. Поэтому Сталин укрепляет федерацию народов России, которая уже сама по себе с неизбежностью предполагает распад России. Ленин и Троцкий означали национальный крах России, и, в общем, крах состоялся.

Катастрофа была неизбежна, она была заложена в самом учении, в коренном непонимании смысла национальных процессов в мире. То, что не хотело гибнуть, и не должно было гибнуть исторически. Процесс уничтожения наций от начала и до конца — искусственный, служащий корыстными целям сионизированного капитала.

ЛЕНИН, ЖЕЛАЯ СРАЗУ ПЕРЕПРЫГНУТЬ В БЕСКЛАССОВЫЙ МИР, ГДЕ ГОСУДАРСТВО БУДЕТ НЕ НУЖНО И ОТОМРЕТ, ОКАЗАЛСЯ ФАНТАСТОМ, ВЫДУМЩИКОМ И, КАК ТАКОВОЙ, ОБРЕК НАРОДЫ РОССИИ НА МУЧЕНИЯ, А РУССКИЙ — НА ВЫМИРАНИЕ И УТРАТУ СВОЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПОД УДАРАМИ БОЛЕЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ НАРОДОВ И КАПИТАЛОВ.

Разумеется, он это сделал не сознательно, но нам от этого не легче.

Вся ленинская держава покоились на национальном основании, а он сего не замечал. Это национальное было раскрашено в красные цвета и покрывалось пятиконечными звездами — и главный октябрьский вождь принимал это за настоящую новую Россию, но то была лишь оболочка, глубоко под ней билось русское сердце. Остановить его — означало убить Россию.

Создание единых экономических пространств пока отвечает экономическим интересам не человечества, а всего нескольких могучих капиталистических держав. Прочие же сотни государств, теряя свои национальные свойства, превращаются в обыкновеннейшие рабочие площадки — совершенно беззащитные как в культурном, так и военном отношении народы с национальными прережитками. И в итоге воздействия массовой культуры (порождение все тех же сверхдержав — экономических гигантов) постепенно сходят с исторической сцены, пополняя уже не безработных каких-то стран, а гигантскую мировую толпу, имя которой — безродная рабочая масса, рабчее стадо.

Управление такими массами людей чрезвычайно удобно, ибо лишенные национальных корней, они без труда поддаются любым идеологическим воздействиям, суевериям и вообще любому расколу, любому шантажу.

Национальная культура, родная история, родной язык и т.д. являются одним из самых сильных средств защиты национальных народов от порабощения.

Уничтожение, размывание, ослабление указанных составляющих ведет к культурному, а затем и экономическому порабощению народа.

Империализм в образе главных, самых могущественных империалистических государств превращает все страны вокруг в удобрение для развития и утверждения своей культуры (прежде всего языка — опаснейшего орудия захвата других стран), процветания своего народа.

Без патриотизма не может быть народа, исключено сохранение национальной культуры — это альфа и омега развития цивилизации вообще.

Всякое подавление культуры есть прежде всего подавление народа. И, наоборот, всякое подавление народа есть прежде всего подавление культуры. Это закон.

Национальная идея и идея интернационализма-космополитизма несовместимы, чужеродны одна другой.

Через идею интернационализма происходит идеологическая смычка коммунистической и демократической идеологий по ряду важных вопросов.

Кто выступает против патриотизма, против национальной сплоченности, против полноценной национальной культуры — тот и есть враг, ибо лишь врага способна огорчить и напугать национальная стойкость и непобедимость народа.

Коммунизм с его безродным интернационализмом и капитализм с его безродным космополитизмом — **две могучие лапы одного зверя**, удушающего национальные государства, превращающего народы в бессмысленное скопище людей, не помнящих родства, посему не ведающих любви к отчему краю и своей речи. Им и соответствует культура роботов.

Пренебрежение марксистов национальной жизнью, национальной природой каждого народа, уверенность, будто коммунизм со стиранием всех национальных и социальных отличий наступит через 20—30 лет (и это прежде всего сам Ленин, это он так считал и так говорил! Сколько же здесь кабинетного доктринерства!), привело к трагедии народов России, прежде всего русского, в ко-

торый обезличивание вбивалось с особым усердием, дабы он не встрепенулся, не поднялся на дыбы, не повернул против власти, разрывая всё и всяческие постромки.

Марксисты, не ведая и не чуя (да и кому это дано?) исторического времени, предполагали, будто национальная природа народов на ущербе и вот-вот отомрет, доживая последние годы. Поэтому в 1917 году они не сомневались, что пробил последний час Русского национального государства, за которым наступит черед и всех остальных, а посему надлежит подавлять, вытравливать все национальное, способствуя созданию некоей космополитической, безродно-отвлеченной, синтетической, оторванной от живой жизни общности людей (уже не народов!). Такое могло зародиться лишь в головах людей, десятилетиями не имеющих родной почвы под ногами, да к тому же зараженных догматизмом марксизма и ученой самоуверенностью.

Самодовольство доктринеров обернулось невиданными людскими потерями, исковерканными судьбами целых поколений. А незамечен оказался всего-то «пустяк»: национальная сторона жизни.

Национальную жизнь просто списали.

В своем опыте над поколениями живых людей марксисты отказались учитывать и понимать живую ткань национального бытия, ее роль и задачу в истории. Марксисты решили в своих книгах и перенесли на живую жизнь, будто историческая роль национальных государств исполнена, государства эти выработались, хотя их роль пока еще не исполнена и выполняет свое важное назначение в жизни народов, жизни людей вообще. И вот с 1917 года в бывшей императорской России насильственно пресекается национальная государственность и в жизнь вторгаются чужие, жестокие законы и правила. Опыт потерпел крах, но национальное государство марксисты в России успели смертельно подорвать, что оборачивается ныне разобщенностью и другими тяжкими болезнями народа, уже заметно обезличенного и физически надорванного.

Где и когда произойдет слияние всех народов, установит сам ход жизни, но не доктринерские выкладки и топор палача...

Три великие европейские империи (Россия, Германия, Австро-Венгрия) пали, распавшись на **национальные государства**, —

и марксисты (прежде всего социалистические и социал-демократические правительства) этому всячески способствовали, вроде бы не отдавая себе отчета в том, что это и есть те самые национальные чувства, которые они призваны не принимать во внимание, которые якобы отмирают и уже не играют заметной роли в жизни народов. Жизнь же вокруг, напротив, доказывала, что национальное чувство по-прежнему остается тем главным, узловым, что образует и соединяет народы, что определяет их жизнь. Нельзя было более наглядно и властно показать государственную силу национальной жизни народов. Но марксисты все это будто бы и не заметили. Как-то странно скользнуло все это мимо их сознания, в котором прочно свил себе гнездо постулат Маркса о гибели национальных государств.

Более того, марксисты талдычат о скором отмирании государств вообще, ибо в обществе начнут исчезать классовые противоречия. Но, как оказалось, классовые противоречия **не единственное**, что определяет необходимость государства (в советском государстве многие противоречия стерлись, а необходимость крепкого государства не исчезла, и дело было не только в капиталистическом окружении). Сама природа человечества, сами задачи, которые стоят перед человечеством, да и многое что другое требуют жизнеспособного государства. **Наоборот, властной особенностью XX века явилась растущая необходимость развития и укрепления государства вопреки всем бредням марксистов.** Именно поэтому в 1923 году Сталин на обложке ленинской книги «Государство и революция» написал: «Теория изживания (государства. — Ю.В.) есть гиблая теория», что означает: всякий, кто ослабляет государство, поступает вопреки ходу истории.

(При Ленине выход «Жития Аввакума» был бы невозможен, а он вышел при Сталине и в самые напряженные годы перед великой войной.)

Ленин истово служил «гиблой теории», не укрепляя Россию для достойной и безопасной жизни, а готовя Россию к новым потрясениям во имя мировой революции, разоряя и губя ее национальную жизнь, чем сразу ставя ее в невыгодное, более слабое положение перед всеми другими государствами.

Что до социальных преобразований, Ленин видел их только в безнациональном пространстве, опять-таки не отдавая себе отчет

та в том, что самую жизнь пока еще со всей силой определяет национальная природа человечества и что в этом не только отрицательные, но и замечательные стороны, что история не отказывается от национальной жизни, а сохраняет ее.

Ленин и помышлять не смел о том, что **ИМЕННО В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕЖИТ ЕСТЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ.**

Напичканный книжными доктринами, оторванный от жизни утопист, Ленин упрямо поворачивал против жизни, калеча и уродуя великое Русское национальное государство и великую русскую нацию. Вообще вся социалистическая подкладка деятелей от марксизма коренится на отмершем в них самих национальном чувстве — это говорит об их безродном существовании, принадлежности к народу без родины.

Ленин, карая одной рукой зло капиталистическое, другой рукой насаждал зло разрушения национального государства. Кстати, карал зло капиталистическое во многом и бессмысленно, вопреки законам общества, что заставит его поспешно отступить (по сути, бежать) в НЭП, но прежде повергнув народ в нищее, бедственное состояние — а кто за это ответит?! Что это за лабораторные опыты на живом теле народа?!

О России Ленин отзывался всегда в пренебрежительных тонах, не иначе как (возьмем наугад):

«Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии...»¹ (Поклон Англии от Ленина до самого пола.)

О какой любви и гордости за родную культуру и историю здесь может идти речь?

Какое понимание судьбы национальной России для этого эмигранта (беглеца-разрушителя), давно уже потерявшего всякую связь со своей землей (эта связь удушливо перепрела, распалась от десятилетий жизни вне Родины)? Для него все европейское, что вне России, безоговорочно — культурное и цивилизованное (это роднит его с нынешним демократическим отребьем России, которое только и знало и знает, что измываться над русской историей и народом, для которых Россия — это всегда только пьяный мужик).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. С. 115.

Отсюда полное безразличие к разгрому своей бывшей Родины, поощрение этого разгрома, ледяное равнодушие к национальному прошлому страны, которое не могло не распространяться и на народ.

Господи, как же мы могли десятилетиями заучивать его 55-томные писания — все противорусские, все отмеченные мерзостью предательства России в 1914—1917 годах?

Как могли заучивать эти утопически-масонские бредни?

Чему удивляться, что у нас такая судьба, коли в кровь и мозг народа три четверти столетия вливалась отрава...

Вся же любовь Ленина к социалистической России исходила из расчетов советизации мира, превращения его в безродную космополитическую общность людей посредством насилия.

Вот для сего насилия нужна была социалистическая Россия и понятие о «социалистическом Отечестве». Это был с ног до головы книжник-доктринер. Любви к своему народу у него не просматривалось, ибо народ он сопрягал с понятием нации, а это означало подавление народа до состояния полной потери культурной и исторической памяти, полного уничтожения в людях всего национального, то есть пагубного вмешательства в ход истории, насилия над историей, прежде всего жизнью трех поколений народов России.

«Моя дорогая Родина!» — разве можно было услышать такие слова от Ленина? Да никогда! Скорее небо рухнуло бы на землю и солнце рассыпалось бы на бесконечность огненных брызг...

И взгляд церкви на государство. Здесь мудрость тысячелетий. «Что такое государство? — спрашивает протопресвитер Георгий Граббе. — Это есть высшая форма общежития, какую постигло до сих пор человечество... Государство по существу своему есть установление Божественное. Назначение государственной власти состоит в том, чтобы убеждением или принуждением **обуздывать зверя в человеке** и устраивать общественный порядок, обеспечивающий свободу и справедливость как для каждого человека в отдельности, так и для всего общества. Власть необходима для падшего человека как противодействие греху. Без нее жизнь превратилась бы в хаос, даже в ад. Тут обыкновенно пользуются словами апостола Павла: «Нет власти аще не от Бога, сущия же власти от Бо-

га учинени суть». Власть, учит церковь, как божественное установление, есть по существу своему добро, но и как всякое другое Божие создание, обладающее свободной волей, она может отступить от указанного ей назначения и превратиться в свою противоположность, то есть во зло. Уже простой здравый смысл подсказывает нам, что нельзя относиться с одинаковым чувством уважения и к законному правителю, сознающему свою нравственную ответственность перед Богом и людьми, и к тирану, силою захватившему кормило правления и руководящемуся в своей деятельности личными страстями.

Наконец, если судить о власти по признаку ее внешней силы, а не по внутренним ее нравственным достоинствам, то легко можно поклониться зверю, то есть Антихристу «которому дана будет власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем...».

Государство диктатуры пролетариата с христианской точки зрения — чистейшая апостасия (отступление от веры, измена ей. — Ю.В.) во всех областях материальной и духовной жизни. На историческую сцену выступила религия человекобожия, развитие которой неизбежно приведет, по мысли апостола Павла, к ужасающим перспективам международной жизни и появлению лжемессии, человекобога-зверя (2 Сол. 11,4; Апокы. 13 гл.).

Христианство и ленинский марксизм не сходятся в определенных «добра» и «зла» — они несоединимы.

Ленин для всех выставлялся святым. А о тех, кто исчезал в тюрьмах, людям внушали, что это враги, часто оно так и было.

Агитация и пропаганда все теснее спланивали народ.

«Завтра будет во сто крат лучше!» — убеждали газеты.

Сталин в своей длинной кавалерийской шинели грубого сукна казался воплощением справедливого смысла борьбы народа. Коммунист — нет выше звания на земле. Выше голову, товарищ!..

В том же, 1924 году — год смерти Ленина — канонерская лодка «Красный Октябрь» снимет с острова Врангеля иностранцев, которые решили обжить богатую пушниной землю. Канонерка доставит их туда, откуда они будут выдворены из пределов СССР, которым являлся и далекий остров. Это не то, что при Ельцине русские острова от голода готовы сами идти «под японца».

Канонерка была послана по сталинскому распоряжению. Ленин сего сделать уже не мог, покоился пока еще в деревянном мавзолее, да и не в его духе, раздадчика русской земли, сие было.

В истории коммунистической России были три коммунистические партии, которые коренным образом различались одна от другой:
коммунистическая партия Ленина, просуществовавшая условно до 1925 года;

коммунистическая партия Сталина, просуществовавшая до 1956 года (XX съезда КПСС в феврале 1956 года);

коммунистическая партия вырождения, просуществовавшая до сентября 1991 года.

Небезынтересно бросить взгляд на «водочные дела» в советской России. Нам поможет Варлаам Шаламов.

«Эта водка-рыковка — первая сорокаградусная, которой внезапно стало торговать государство, выпуск ее наделал немало шума и в Москве. Ведь в России с 1914 года, с войны, был сухой закон, а в революцию даже самая мысль, что государство (рабочих и крестьян. — Ю.В.) может торговать водкой, отвергалась. После Гражданской Россия знала только самогонку, и немало славных страниц вписано тогдашней милицией в борьбе с самогоноварением...

А Рыков, ставший после смерти Ленина председателем Совнаркома, подписал... Я сам помню, своими глазами видел разбиваемый водочный магазин на Тверской пьяной толпой (в жажде доступной теперь водки. — Ю.В.). На Пушкинской площади толпа окружила милиционера, велела ему плясать, и милиционер плясал»¹.

В государстве должны быть созданы не карательные, а медицинские средства изживания пьянства, денно и ночью должна действовать умная и крепкая противоалкогольная пропаганда на основе общенациональной программы борьбы с пьянством и наркотиками. Ни в коем случае нельзя в кинофильмах, книгах и по телевидению показывать пьяницу и выпивоху в радостных, сочувственных тонах.

¹Шаламов В. Перчатка или КР-2. — М.: Орбита, 1990. С. 40.

В молодости я увлекался чтением книг предтечей социализма, его утопистов. У меня даже подобралась целая библиотечка: Дезамми, Годвин, Мабли, Сен-Симон, Фурье, Кампанелла, Томас Мор, Оуэн... Тогда, кстати, выпускали их серией. Большинство из них разочаровывало детскостью вымыслов. Обычно в продолжении жизни я перечитывал книги, эти — никогда, кроме Томаса Мора.

У Томаса Мора есть слова, от которых я не могу отказаться и доньне, которые, наоборот, засветились вещим смыслом именно сейчас.

«Итак, рассчитывая на снисхождение, я должен все же сказать одно: все остальные правительства, которые я вижу или знаю, — это заговор богатых. Притворяясь, что управляют народом, они лишь преследуют собственные цели всеми способами, с помощью всех возможных ухищрений. Они делают это прежде всего для того, чтобы можно было в безопасности сохранить все, что они так нечестно нажили, и затем, чтобы можно было заставить бедняков трудиться за самую низкую плату и угнетать их, как угодно»¹.

Есть и будет только так. Они, хозяева нашей жизни (те, кому принадлежат все основные капиталы страны, созданные трудом народа), научатся говорить другими словами, видимость их «забот» о народе будет очень правдоподобно представляться средствами массовой информации, которые принадлежат им и которыми они управляют. Они всегда будут сосать кровь из людей, истребляя неудобных. Только дальше их власть станет несравненно более опасной. Они окончательно заберут власть над миром, она уже и сейчас почти вся принадлежит им...

Ленин не страшился ответственности. Он взвалил на себя весь груз решений и не пытался даже прятаться за чьи-то подписи. Да ему и в голову это не пришло бы. Зачем? Ведь дело идет об обществе справедливого труда, о достойном устройстве жизни, о будущем людей. В чем оправдываться? Себе он ничего не берет. Он расчищает дорогу от паразитов и угнетателей.

¹Томас Мор (1478—1535) — английский социалист-утопист, литератор, депутат парламента, председатель палаты общин, лорд-канцлер Англии. За отказ принести присягу королю Генриху VIII как главе церкви был обезглавлен.

Разве во всем этом нет глубокой правды?..

Но не будем спешить, взглянем на все с другой стороны.

Лозунг марксистов, страстно принятый Лениным: «У пролетария нет отечества», — разложил не только сознание рабочих.

Родины нет, есть революция! Есть мировое государство трудящихся!

Через интернационализм в мозг и плоть России проникало, просачивалось все чужеродное.

В 1917 году вся противорусская нечисть могла торжествовать. Народ сам отказывался от Родины.

Большевизм рушил опорные понятия нации.

Это распахивало ворота России для проникновения и порабощения ее Западом (прежде всего и главным образом — мракобесным сионизмом) и чрезвычайно ослабляло ее. Все это было не столь заметно и угрожающе, покамест в стране господствовала суровая сталинская диктатура.

Национальное чувство не чудодейственное средство в мире социальных зол и преступлений. Оно всего-навсего помогает народу сохранить себя в борьбе за место на земле. Именно оно, и лишь оно, помогает провести социальные преобразования с опорой на тысячелетний опыт народа.

Патриотическое чувство всячески поносят и высмеивают нынешние масонские хозяева США и Европы. Оно заурядный повод для острот и разного рода унижительных намеков и сравнений. Кроме страха, злобы и невежества перед все сметающей силой патриотизма, за этим ничего не стоит.

Именно патриотизм, национальное чувство сохраняют все замечательное и самобытное на земле. Человечество во все времена, и в нынешние тоже, обязано им своей цивилизацией и самыми высокими образцами мужества, любви и благородства, что совершенно не соответствует низменно-торгашеским идеалам и содержанию нынешнего общества.

Для строительства счастливой жизни вовсе не обязательно было мордовать народ снизу доверху. Ленин же успел в этом, как никто в земной истории.

Поэтому мы толкуем о национальной составляющей, о пространстве, замкнутом ею, в котором должны происходить все социальные преобразования. И сам путь в более справедливое будущее должен быть иной — не через истребление, не партийную догму и суровое стеснение жизни.

Этот шаг с бережением народа мы сделать в состоянии. Другие же шаги будут делать другие поколения. У них может быть своя, совершенно отличная оценка мира. Мы из своих могил не можем им приказывать.

Дверь в новый мир не должна мокнуть от крови, и около нее не должна болотиться кровинью земля.

Но отпор врагу будет всегда беспощадный.

Мы всегда будем помнить, чем обернулась демократия в России и что же она такое и откуда пошла эта история государственного разграбления и предательства.

Эта демократия даже замечательные стадионы Москвы превратила в громадные базары. Она, эта демократия, только и занята тем, что бы и кого бы еще продать, это ее существо, весь исподний смысл прав человека.

Моему отцу шел тринадцатый, когда в 1918-м завязалась Гражданская война. Мой дед, бабушка и отец жили тогда в Воронеже. Однажды я спросил, это было году в 1948-м:

— А что запомнилось более всего о той войне?

Отец повозил ложкой в стакане, он любил чай с ложкой хорошего портвейна. Задумавшись, какое-то время молчал, всматриваясь в прошлое, после сказал неторопливо (он всегда говорил неторопливо):

— *Как бежали белые в 1919-м. Буденовцы ворвались в город под утро. Крики, выстрелы... Я выскочил на крыльцо. Мама тянет назад за руку — так и осталась в памяти та картина... Белые выбегали кто в чем. Вся улица в бегущих людях, некоторые на лошадях, но тоже в кальсонах или полуодетые, но чаще всего в белье... белом нательном белье... Лишь кое-кто бежал с винтовкой или пистолетом. А с другой стороны в улицу врubaются красные — все верхами.*

Клинком полоснет — и кровь на белом, валится кулем... Красные дружно, в одну грудь кричат «ура»! И рубят с разворота... Белые кричали от ужаса. В предрассветной мгле завис на одной ноте стон, вой и победный рев.

Это ворвалась Конная армия Семена Михайловича Буденного (в 1960-м маршал Буденный вручит мне орден Ленина)...

Вожди.

Сталин вяло пожимал руку очередному посетителю, пристальное высвечивая его желтыми глазами. Усы прятали выражение губ. Сталин неторопливо усаживался и ждал. Отчеты он требовал краткие и доказательные. Если работник допускал ложь, Сталин почти мгновенно наполнялся острым раздражением. «Никого не щадить, тогда сам будешь жив», — похоже, таким было одно из его правил.

Хрущев никак выше председателя колхоза подняться не должен был, да и то следовало бы его беречь от побоев односельчан за страсть к неосуществимым прожектам, которые ставили бы колхоз на грань разорения.

Брежнев создан был служакой полковником — не более того, а судьба зачем-то закинула его под самые облака на кресло генерального секретаря ЦК КПСС.

И, наоборот, сапожник Сталин был создан управлять страной. У него все получалось. Кровь не в счет, сами согласились на нее, убив царя с семьей. Другого порядка захотели.

Получили этот порядок.

Разорение казацкого быта, поборы, расстрелы, Гражданская война привели к крайней нужде и ослаблению людей. Продотряды и войска, то красные, то белые, выметали все подчистую. С наскока брали и зеленые, что тысячами хоронились в плавнях. Зажиточные прежде станицы если не нищенствовали, то бедовали. От тифа в 1919-й и 1920-й полегли, пожалуй, каждый четвертый или пятый.

Зимой 1920-го мамину сестру — Юлию Даниловну — поразил жесточайший фурункулез. Тетя Юля была еще маленькой, она ослабела пуще других, и люди говорили, что она может потерять ноги —

их изъели сплошные язвы. Не было ни йода, ни мазей, ни бинтов — вообще ничего не было. Зато хоронили каждый день...

Весной, по первому теплу, маленькую Юлю вынесли на крыльцо греть ноги. Ее любимый пес обнюхал ноги и принялся заботливо вылизывать, вычищая язвы до ямок, едва ли не до самых костей. Мой дед Данило (отец мамы и тети Юли) велел не прогонять его. Назавтра все повторилось, как и еще через день, а после язвы стали затягиваться...

Более трезвое исследование содержания власти Ленина выявило для Запада бессмысленность разгрома большевизма и советского государства (на том первом промежутке его устройства). Расчет давал Западу утешительную картину России.

Новая ленинская власть повела политику лютого подавления народа: это с неизбежностью должно было завершиться его обескровливанием. Эта власть окончательно уничтожала веру — ту веру, что тысячелетием сообщала России невероятную крепость. Духовно мертвый народ не способен к борьбе за свою землю и свою самостоятельность.

Автономизация бывшей империи русских должна была обернуться ее распадом. Установка на самоопределение наций, замена губернского деления России на национальное (до мельчайшего национального округа) разрывало Россию на части куда более успешно, нежели любая из победоносных войн против нее.

Большевизм беспощадно уничтожал национальное государство — естественного врага мракобесного сионизма и масонства. Во веки веков национальное государство прежде всего означает самостоятельность его политики и независимость экономики. Поэтому и стали ломать и крутить национальные государства любыми способами.

Большевизм прививал русским космополитическое сознание, подмалеванное под интернационализм.

Воспитывая из русских безбожников (атеистов), большевизм превращал их в безродных космополитов, растапывая национальный патриотизм, заменяя его на поддельный эрзац-патриотизм во имя советской власти.

Большевизм уничтожил власть русских над страной.

Русская власть погибла вместе с последним русским императором.

В недрах масонско-сионистских обществ, в узком кругу воротил мировой экономики, предтечей мирового правительства, вызревало понимание того, что ленинский режим вполне приемлем.

Пока большевизм безжалостно дробит Россию, он выполняет ИХ заветную работу — в этом проявлялась определенная общность большевизма и либерального масонства. Недаром на их знаменах начертаны одинаковые лозунги: свобода, равенство, братство!

У тех и других была одна цель: мировое государство, мировое правительство. Пусть большевики расчистят к нему дорогу на одной шестой части суши. Остальную заботу примет на себя Запад... разгромив большевизм. К тому времени большевизм уже сделает свое.

Это постепенно уяснили первые политики Запада, но не все.

Итак, когда большевизм сыграет свою роль, его надо убрать.

По мере роста нацизма в Германии зарождался и план сокращения советской России.

Фюрер будет ударной силой Запада.

К тому времени большевизм уже окончательно сделает свое: обескровит Россию, разорит и подготовит к национальному разделу. Это докажет вся английская политика 1930-х годов, особенно премьер-министра Невилла Чемберлена.

Все способы раздвинуть границы Германии на протяжении веков кончались неудачами. Было пролито много германской крови, как и крови соседей; страдания и скорбь народов были несказанно велики. Тогда германская нация исторгла из своего нутра Гитлера и гитлеризм: фюрер мечом и волей даст жизненное пространство ему, великому народу.

Не дал, однако, хотя Гитлер и был одарен политическими способностями. Он решил привести германский народ к благополучию через преступления и насилия. Поражают воля и целеустремлен-

ность этого человека, вознесшегося из нищеты к руководству одной из самых предприимчивых и организованных наций на земле.

Осечка для Запада получилась на Сталине, который сотворит непредвиденное: соединит марксизм с национальным прошлым России (правда, довольно куце, сохранив в неприкосновенности интернациональное, марксистское образование).

Сталин возродит в идеологии лишь некоторые черты национальной России.

САМА ИДЕЯ БЫЛА ОЧЕНЬ ПРАВИЛЬНАЯ. ИМЕННО В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕЖИТ ЕСТЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ.

У Сталина это выйдет уродливо: в общей куче механически будет соединяться несоединимое. Но он чутьем уловит настоящую необходимость привнесения национальной политики в социалистическое интернациональное государство. Если присовокупить к Сталину принятый у людей ярлык для оценки убеждений, он был **национал-коммунистом**. Звучит несколько диковинно, но это так.

Именно национальная политика и национальная идеология делают государство устойчивым, по сути, несокрушимым.

Как показала история России, национальный вид существования народа является **самым прочным**. Коммунистическая идеология в своем очищенном виде не способна устоять под ударами истории, которые, однако, с успехом переживает национальная власть. **Соединение же этих двух составляющих: национальной и социальной — дает государственно-народный сплав необычной твердости.**

Третья составляющая — **вера** — сообщает этому сплаву людей духовную и нравственную мощь и непреоборимость.

При всех сталинских извращениях люди тогда были другие. И молодежь — она не ставила целью обогащение. Следовательно, и народ качественно был другой. Это сейчас в продажном кино и книгах представляют ту жизнь как цепь безобразий и животного, утробного быта. Не было этого. Прославлялись разум, честь, совесть, труд, семья, доблесть военного, подвиг во имя народа.

Теперь же продажное кино старается стереть последнюю память о тех годах и подsunуть, утвердить другую правду...

Была установка на жизнь, на борьбу за счастье народа, а не на растаскивание государства и личный эгоизм (себялюбие).

Была установка на жизнь.

Перемогал русский народ марксизм, строил жизнь ближе и ближе к своим представлениям. По сути, народ непрерывно переиначивал марксизм в пользу национальной идеи, делая его удобнее для жизни, то есть человечнее.

Марксизм — это заводить ум России на чужой ход.

Уже сам факт существования народа утверждал национальную идею. Потому и побеждал марксизм в России, что в него был вложен русский дух. Он очеловечивал казарменную догму.

Партийная машина крайне неохотно, но поддавалась незримо народному нажиму (скорее даже требовательному народному стону-жалобе). Не только условия жизни в 1925 году или в 1937-м, или, скажем, в 1949-м, но и в хрущевском 1958-м (я тогда установил свои первые рекорды) никак нельзя сравнить с обстановкой последних десяти лет правления Брежнева. Это зловонное десятилетие даже отдаленно не напоминает их (кто хвалит его — или не жил в другие времена, или корыстен).

Я смею это засвидетельствовать: в 1949 году я был достаточно взрослым, вступил в комсомол¹.

Оппозиция Сталину в Советском Союзе в 1920—1930-е годы на деле являлась одним из видов борьбы Запада и со Сталиным, и с Советским Союзом. Лишь такой человек, как Сталин, мог устоять в поединке одного со всем миром. Оппозиция страшилась Сталина, действуя против него в основном запретными приемами, от которых после всячески отрециввалась.

Оглядываюсь.

Мужики гурьбой шагают после обеденного перерыва, впереди — дядя лет сорока двух пыхает «Беломором». «Петр, — окликает его смеющийся голос, — ты чо так согнулся? Вот до чего доводит молодая жена...»

¹Пустяк: с того года — грома семидесятилетия Сталина — я был вынужден носить очки, успев уже изрядно затупить зрение — за книгами простирался безбрежный мир (в старину его называли светом), я лишь успевал находить новую увлекательную книгу, тогда это была не простая вещь.

Но вернемся к осознанию Западом того, что большевизм выполняет ИХ работу (подчеркиваю: на временном промежутке становления советского государства).

Еще белую эмиграцию поразило изменение отношения Запада к большевизму. Вспомним, что отмечал тогда Жевахов:

«Иван Бунин пишет: «Семь лет, прожитых мной в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренне: да где же вы, совесть мира, прозорливцы, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с вами, в цивилизованной Европе, в христианском мире?!»

Иван Шмелев пишет: «Помнятся случаи и не столь трагичные, как с Россией... Почему же теперь — молчание? Или заснула совесть? Или весь мир — пустыня? И вопль оттуда, и русские голоса оттуда — лишь глас вопиющего в пустыне? Почему не слышат? Почему не чувят? Почему десять лет — молчание? Необъяснимо. Непонятно»¹.

И княже Жевахов ставит точку:

«Цель жидов достигнута. Россия повержена, и жида над нею властвуют якобы по последнему слову социалистического учения. Какой же может быть вопрос о пересмотре этого положения, хотя бы русский народ и страдал безмерно? Пусть себе страдает во имя торжества жидов и социализма»².

Дробление национальных государств на составные части имеет свою историю. Сатана быстро сообразил, как можно народы лишать силы, как могучее государство превращать в жалкую россыпь бессильных лоскутных государств.

Лоскутными государствами можно понукать, из их населений можно без опасений гнать семь потов во славу своей наживы. С лоскутными государствами, даже если они и не столь малоразмерны, уже можно не считаться.

В духе западноевропейского либерализма собирались действовать декабристы из «Союза спасения», и это было как раз то, чем занялся большевизм — коммунисты во главе с Лениным, Троцким и Сталиным. Такова действительность истории:

¹ Жевахов Н.Д.. Воспоминания. — М.: «Родник», 1993. Т. 2. С. 315.

² Там же.

«...некоторые, как Пестель, готовы были раздробить всю Россию на федеративные области, причем не скупилась прибавлять к инородческим областям — русские, как новгородскую и тверскую к балтийским губерниям, а в пользу... Польши поступались русским народом западной России»¹.

Как видим, декабристы тоже делят Россию на национальные образования и тоже не прочь раздавать русские земли. Декабристы поголовно являлись масонами. Наиболее крайнее крыло их видело пример для себя во Французской буржуазной революции (1789—1794), особенно в якобинстве, идеями и делами которого в значительной степени питался большевизм (и вырос на этих идеях и делах, как и на борьбе Парижской коммуны — высшего образца для Ленина).

Якобинская диктатура — время высшего подъема Французской буржуазной революции (с 31 мая 1793 года по 27 июля 1794 года). Вождями ее были Максимилиан Робеспьер (1758—1794) и Жан Поль Марат (1743—1793). Остальные, кроме Дантона, лишь заражались их энергией.

Марат будет заколот кинжалом в ванной, которую он принимал каждый день по многу часов, стараясь умерить зуд экземы. Заколола его молодая женщина — Шарлотта Кордэ. На вопрос председателя трибунала: «Кто внушил вам такую ненависть?» — она ответила: «Мне не нужно было ненависти других, достаточно было моей собственной».

Робеспьеру снесла голову гильотина на другой день после крушения его диктатуры и ареста в Национальном собрании.

Якобинцы дали миру пример революционного избиения народа.

Под западноевропейским либерализмом можно разумеать и масонство, и достаточно вызревший тогда уже сионизм, пока еще догерцлевский, пока еще робкий, но уже через полвека по-своему заявивший о себе Европе устами Кремье. Корни ленинизма и

¹Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1884. С. 176.

Одна из величайших русских книг.

коммунистической партии произрастали не только из западных социологий и философий, но и масонства (свобода, равенство, братство и т.п.), и иудаизма, точнее, сионизма с его программой деления многонациональных государств на мельчайшие национальные составляющие, то есть разорения устоявших крупных государств — подлинных политических и хозяйственных национальных крепостей, которые было очень нелегко сокрушить сионизированному капитализму. Они их взламывали и губили, разжигая национальные страсти. Хороши же мы были б, занимаясь разжиганием национальных страстей в США...

По части разрушения национальных государств, прежде всего России, марксизм-ленинизм (большевизм) помаленьку взял отовсюду, но взял самое ядовитое и убойное, ибо он мечтал о победе, только победе — и как можно быстрее. Он даже не мечтал, а требовал у истории победы...

Запад не сразу, но помалешеньку стал усваивать мысль о совершенной схожести работы большевизма со своими целями (поначалу он стремился непременно задушить большевизм).

На это же указывал и Борис Викторович Савинков на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР 27—29 августа 1924 года в Бутырском остроге:

«..Я был в таком положении, что знал всех английских, французских, итальянских, японских и других министров, всех тех, кто управлял в то время европейскими делами...

Например, очень упорно, очень много говорили англичане со мной о том, что желательнее образовать независимый Юго-Восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом... Я в этом чувствовал запах нефти.

...для меня было совершенно ясно, что они, конечно, стремятся получить возможно большие выгоды...

Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны... А то, что под этим скрывалось, следующее: как минимум, вот нефть — чрезвычайно желательная вещь, в особенности нефть. А вот как максимум — ну, что же, русские подерутся между

собою, тем лучше. Чем меньше русских останется, тем слабее будет Россия. Пускай красные дерутся с белыми возможно дольше, страна будет возможно больше ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придем и распорядимся.

Поэтому на ваш вопрос я ответил, что в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше и чтобы они могли сделать из России свою колонию. Никаких благородных целей я там не вижу...

Какую цель они (поляки. — Ю.В.) преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся между собой. Чем больше Гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет встать на ноги...

На террор люди идут только тогда, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, что когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что служишь своему народу, то идешь. Террор требует огромного напряжения душевных сил, а вот этого теперь нет...

За чужой спиной я никогда не прятался. Ответственность брал на себя целиком.

...я думаю, что все иностранцы, каковы бы они ни были... равны. Что Пуанкарэ и Мильеран равны Эррио, что Черчилль и Ллойд-Джордж равны Макдональду, а Муссолини — Пилсудскому... главное — это их мысль о России, что вот была великая, огромная страна, а теперь она разгромлена, ослаблена. Так вот, с их точки зрения, как я уже говорил вам, они это ослабление очень приветствуют, и этим объясняется в огромной степени их политика...

...не был я врагом народа. И вся моя мечта, вся моя жизнь была в том, чтобы до последнего вздоха послужить ему»¹.

«...и этим объясняется в огромной степени их политика...»

Звезда, как общий государственный знак США и советской России, уже прямо указывала на родственную связь масонской Америки с РСФСР — бывшей РУССКОЙ РОССИЕЙ. Кто предложил звезду в качестве государственного знака России, знал это совершенно определенно.

¹Процесс Бориса Савинкова. — Берлин: издание журнала «Русское Эхо», 1924. С. 70, 72, 76, 88, 89, 101—102, 104, 106, 117. Все это стало возможно без власти царя.

При всем том нельзя забывать и отрицать, что в советском государстве присутствовало много хорошего и достойного. Гений союза народов России перемог многое из большого и ненормального в большевизме.

Декабрь 1998 года. Читаю на стене вагона метро красиво отпечатанный листок для вразумления нас, русских: «Здоровый нищий счастливей больного короля». Замечаю внизу чью-то нетвердую подпись шариковой ручкой: «Значит, Россия страна счастливых».

В свою очередь, Ленин указывал на подлинный характер интервенции. Она вовсе не та, что мы привыкли знать из учебников истории и прочих книг. Кроме того, необходимо отметить, что через европейские социал-демократии и их вождей Ленин имел прочные связи с Западом. Это приобрело очень важное значение в гражданскую войну.

Итак, Ленин писал:

«Не мы победили, ибо наша военная сила ничтожна, а то победило, что державы не могли пускать в ход против нас свои силы...»¹

Высказано коряво и не о том, о чем идет речь, но важно другое. Важно признание того, что капиталистическая часть света не боролась смертным боем с ленинской Россией. Для него, этого света, во имя КОНЕЧНОЙ цели временно можно было смириться и с классовой проповедью большевизма. Кроме классовой проповеди, все остальное, в общем-то, устраивало масонский западный мир, ибо происходило в русле их воззрений или где-то поблизости. Самое важное — Россия переставала быть могучей православной империей; следовательно, становилась податливой во всех отношениях и под всеми нажимами. Нужно лишь подождать — и Россия станет такой. Вывести ее на подобное состояние — вот задача ближайшего будущего. Пусть большевизм сделает свою работу. Мы его сменим другим строем, вся работа над этим впереди. А пока — советская Россия (а вскоре объявится и Гитлер как средство унич-

¹ Ленин В. И. Собр. соч. 4-е изд. Т. 42. С. 22.

Нет, здесь дело не в одной всемирной поддержке Октября.

тожения большевизма), которая благодаря Сталину, но против ИХ желаний, снова принимала отчетливые национальные черты...

После погрома Октябрьской революции Россия оказалась обессилена. С ней можно было творить что угодно. Ведь всего 40—50 тыс. бывших пленных чехов и словаков, настроенные в основном проэсеровски и сведенные в легион Временным правительством, хозяйничали на землях России от Волги до Владивостока всю вторую половину 1918 года и почти весь 1919-й, искалечив и убив десятки тысяч русских мужчин, женщин и детей. Страдальческий лик России был ими основательно измазан кровью (после десятки тысяч чехов окажутся в вермахте Гитлера и снова сподобятся топтать Россию¹). Правда, владения легиона непрерывно сужались, но он заставил до предела напрячься красную Россию — до такой степени оказались подорваны ее силы.

Распад бывшей Русской империи представлялся неминуемым, как и порабощение славян с запада Гитлером, а с востока — императором Японии Хирохито (в своих секретных выкладках Токио предусматривал образование государства «Сибирь-Го» в границах от Владивостока до Байкала — это показал на документах Токийский процесс над главными военными преступниками²).

Без жестокого взнуздывания России Сталиным государство русских в тех условиях перестало бы существовать.

Запад решит покончить с советской Россией армиями Гитлера. Что подобное соображение присутствовало в политике Запада и что

¹ Летом 1943-го в мгновенном встречном гранатном бою двух поисковых разведгрупп, советской и немецкой, мой будущий товарищ по страсти к штанге оказался ранен. Когда он очнулся, увидел вплотную с собой немецкого унтера. Тот тоже купался в крови. Увидев, что советский солдат смотрит на него, унтер в страхе моляще стал твердить: «Мама — чех, папа — чех! Мама — чех, папа — чех!..»

² Международный суд над главными японскими военными преступниками заседал с 1946-го по 1948 год в Токио и состоял из представителей 11 государств: СССР, Китая, Индии, Австралии, США, Великобритании, Франции, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии и Филиппин. 12 ноября 1948 года был вынесен приговор: Тодзио, Хирота, Итагаки, Кимура, Мацуи, Муро, Доихара должны задохнуться в петле, остальным отбывать различные сроки тюремного заключения. 22 декабря 1948 года смертные приговоры были приведены в исполнение. Через год с небольшим, в марте 1950 года, американцы выпустят из тюрем многих из осужденных военных преступников.

именно оно взрастило Гитлера как противокommунистическую, противорусскую силу, сомнений быть не может. Да и куда больше, ведь в «Майн Кампф» фюрер на весь свет провозгласил себя непримиримым врагом коммунизма, а захват русских земель назвал целью своей, да и вообще исконно германской восточной политики. Когда это сорвется, когда Россия вдруг окажется могущественным государством, капиталистический мир вступит с Советским Союзом в смертельную схватку, провозгласив ее устами Черчилля в Фултоне (при жизни об Уинстоне Черчилле говорили, что он полуамериканец и стопроцентный англичанин). Несколько месяцев в зиму 1945—1946 годов Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874—1965) провел в США, встречаясь с новым президентом США Гарри Соломоном Трумэн (1884—1972). Черчилль по самым жгучим установочным вопросам согласовывал свою будущую речь с Трумэном. Опыт противоборства с Россией требовал новой организации мира.

Наконец, они отправились в город Фултон (штат Миссури), где в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 года достопочтенный сэр Уинстон Черчилль и прочел свою печально знаменитую речь, о которой можно сказать старинными русскими словами: яд отрыгаеш и подобно псу лаяти...

На выборах летом 1945 года Черчилль потерял полномочия главы правительства, однако по-прежнему сохранял пост главы Консервативной партии Великобритании — одной из самых влиятельных политических сил в стране. Как враг России, Черчилль вызывает у меня и уважение. Этот государственный муж был наделен недюжинными способностями политика, обладал широкой натурой и вообще самыми разнообразными дарованиями — этим признаком действительно выдающихся личностей.

Я помню: тогда непривычно много говорили о выступлении Черчилля в Фултоне. Газеты, все без исключения, рассказывали о нем. Имя его словно поселилось в эфире. Очень быстро оно стало ненавистно нашим людям. Его везде называли поджигателем войны номер один, на что Черчилль очень обижался. Карикатурами на Черчилля пестрели советские газеты и журналы до самых последних дней Сталина: мне очень нравились работы Бориса Ефимова. Изрядной неприязнью наших людей пользовался и Гарри Соломон Трумэн (годы президентства: 1945—1953). Незавидного росточка, в сером костюме, к которому он, видимо, питал пристрастие, он весьма походил на озабоченную домовую мышь. Хороша же мыш-

ка... под атомными грибами Хиросимы (6 августа 1945 года) и Нагасаки (9 августа 1945 года). Атомными ударами по Японии Трумэн рассчитывал запугать СССР, поскольку Япония к августу сорок пятого уже была сломлена и приняла решение о капитуляции.

Прозрачно намекает на возможность новой, «атомной» политики и Черчилль, политики запугивания Советского Союза угрозой атомного нападения.

Узнаем из его воспоминаний о впечатлении от первого испытания нового оружия:

«На следующее утро самолет доставил полное описание этого грандиозного события (доставил 18 июля 1945 года в Потсдам, где проходило совещание Сталина, Черчилля и Трумэна; сам взрыв был осуществлен 16 июля. — Ю.В.)... Взрыв был ужасающим... Так, значит, вот что даст возможность быстро закончить Вторую мировую войну, а пожалуй, и многое другое»¹.

Это «многое другое» — разговор с позиции силы, а при неговорчивости русских — решимость сжечь Советский Союз дотла.

После вступления в войну Советского Союза сопротивление Японии вообще оказывалось бессмысленным. Трумэн очень спешил сбросить бомбы до формального окончания войны: Сталин должен склонить голову перед могуществом Большого Сейфа.

Но как завито вязью слов в древней русской летописи: «Бог не дал дьяволу радости».

Сталин был против войны как во все 1920—1930-е годы; так и после пяти неполных лет Великой Отечественной. На мирную политику Сталина выводило народное хозяйство страны. После Гражданской войны (дикого самоистребления русского народа) нужно было заново и в кратчайшие сроки воссоздавать промышленность, и не только воссоздавать, а и развивать совершенно новые отрасли (а это предполагало высокую научно-техническую базу — и Сталин создал ее!). Следовало строить мирные жилища, приводить в порядок железные дороги, немедленно прокладывать новые. И это в условиях неизбежного столкновения Советского Союза с Германией. Требовала мира и коллективизация, крайне опасная недовольством и брожением крестьянства.

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война: Т. VI: Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. С. 602.

Неожиданна оценка коллективизации, данная самим вождем. Он ставит ее даже выше напряжения Отечественной войны!

Валентин Михайлович Бережков оказался основным переводчиком на встрече Черчилля со Сталиным в Москве в грозовой середине августа сорок второго. Враг выходил к Волге у Сталинграда. Страна стонала под трупным напором нашествия.

«На столе появлялись все новые блюда и разнообразные напитки. Черчилль понял, что предстоит обильный долгий ужин...

Среди других тем был затронут и вопрос о коллективизации в Советском Союзе.

— Скажите, — поинтересовался Черчилль, — напряжение нынешней войны столь же тяжело для вас лично, как и бремя политики коллективизации?

— О нет, — ответил «отец народов», — политика коллективизации была ужасной борьбой...

— Я так и думал. Ведь вам пришлось иметь дело не с горсткой аристократов и помещиков, а с миллионами мелких хозяев...

— Десять миллионов, — воскликнул Сталин, возведя руки. — Это было страшно. И длилось четыре года. Но это было абсолютно необходимо для России, чтобы избежать голода и обеспечить деревню тракторами...

Названная Сталиным цифра репрессированных крестьян в период коллективизации примерно совпадает с той, которая в последнее время упоминалась в советской прессе....

— Что же, они все были кулаками? — спросил Черчилль.

— Да, — ответил Сталин и, немного помолчав, повторил: — Это было ужасно тяжело, но необходимо...»¹

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 318, 319, 175—176.

«В Ялте Сталин, Черчилль и Рузвельт договорились, — пишет Эллиот Рузвельт как свидетель той конференции в Крыму, — что в целях безопасности СССР на Тихом океане он должен получить право на Курильские острова и на южную половину Сахалина» (Эллиот Рузвельт. Его глазами. — М.: Иностран. лит., 1947. С. 239).

И тут же Эллиот вспоминает слова отца — президента США Рузвельта о Севастополе, который тот осматривал накануне: «...после отступления немцев в городе остались всего шесть неразрушенных зданий» (Эллиот Рузвельт. С. 239).

Такой тогда была вся Россия от Ленинграда до Новороссийска. Руины и могилы...

Сталин не сказал, да и ни к чему это вышло бы, что из-за коллективизации была введена паспортная система (в 1929 году) с обязательным указанием места прописки. Тогда же были введены карточки на продовольствие и талоны на одежду. Жить на карточке можно было лишь впроголодь.

Иван Михайлович Гронский (1895—1985) — сын убитого в «Крестах» эсера из савинковской Боевой организации (вскоре после покушения на петербургского градоначальника генерала фон дер Лауница); сам эсер-максималист, а после мятежа левых эсеров в июле 1918 года уже большевик, знавший Ленина; после — секретарь одного из губкомов партии, заведующий отделом кадров Московской партийной организации, искусный оратор, образованнейший марксист, редактор «Нового мира» и «Известий» (за ним редактором стал Н. И. Бухарин); главный организатор первого съезда советских писателей, автор метода социалистического реализма (именно он, а не Горький), а затем и многолетний узник ГУЛАГа, прошедший через пыточные тюрьмы Москвы; один из немногих, кто, выдержав самые изощренные мучения, не показал ни на кого и на суд пошел с определением: «виновным себя не признал».

Я знал Ивана Михайловича с 1958 по 1985 год. Я очень многим обязан ему, очень. В нем Россия потеряла одного из своих выдающихся руководителей, которым ему не позволила стать наша горемычная история.

В 1931 году Иван Михайлович, будучи редактором «Известий», проезжал по Украине. То, что он увидел, потрясло его. Гронский встретился со Сталиным и рассказал о диком голоде, дикой нужде, о гибели тысяч и тысяч людей. Сталин крайне нервно воспринял рассказ. Вождь подытожил их разговор так: крестьянство объявило войну советской власти, мы должны сломать его сопротивление, другого пути нет, и партия не отступит от избранного на коллективизацию курса; крестьяне будут гибнуть до тех пор, пока не примут нашу программу и нашу волю.

В 1931—1932 годы нужда и недоед, уже переходящий в голод, поразили и городскую Россию.

Бережков рассказывает:

«Чтобы скоротать путь, я спускался... прямо к Бессарабскому Рынку (в Киеве. — Ю.В.)... Никогда не забуду, как мне приходилось

переступить через замерзшие и припорошенные снегом трупы... К утру их убирала милиция. Но в ранние часы, когда я шел на завод, эти скорбные холмики из закорчевенных человеческих тел и тряпья всеяли ужас...

Любые деньги не спасали. Продукты попросту отсутствовали. Отец и мать страшно исхудали, а я вообще превратился в скелет...

Ничего хорошего жизнь не сулила¹.

Недоедание и карточки сохранялись и в 1933—1934 годы. Лишь 1 октября 1935 года карточки были отменены, но вскоре после начала Великой Отечественной войны снова введены (в июле 1941-го) и действовали до 16 декабря 1947 года.

Но еще до коллективизации жизнь для слишком многих была впроголодь, а временами невыносимо голодная.

Василий Витальевич Шульгин свидетельствует о России 1927 года:

«...Против меня, под образами, сидела старая хохлушка, бедная. И с ней девочка лет десяти. Они пили чай — порцию. Ели хлеб. Девочка встала и подошла ко мне. Я хлеба своего не доел. Она привычным голосом попросила:

— Дайте кусочек хлеба.

Я дал. Она пошла к другим столам. Кто дал, кто нет. Девочка, собрав кусочки, пошла к бабушке, уселась, и стали допивать чай.

О, пролетарии всех стран!..»²

И в другом месте, по соседству:

«Таким образом социализм пока дал следующий результат. Интернациональный (космополитический, безродный. — Ю.В.) коммунизм уничтожил все и вызвал повальный голод. НЭП, т.е. попытка вернуться к старому положению, но не совсем, — вернул жизнь, но тоже «не совсем», а именно: жизнь стала вдвое дороже, чем была при царях.

Итак, если вы хотите... претерпев годы каннибальских мук получить в награду жизнь вдвое хуже... соединяйтесь под стягом ленинизма!..»³

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 175—176, 318, 319.

²Литература русского зарубежья: Т. 2, 1926—1930. — М.: Книга, 1991. С. 223.

³Там же. С. 223.

А ведь впереди людей снова ждал тягчайший голод (он уже успел посвирепствовать и в Гражданскую войну).

Худо показалось с царями, так дожили до зверских голоданий аж в первой трети XX столетия, когда Европа, отъевшись, вообще стала призабывать, что это такое.

Шульгин, боровшийся всю жизнь против советской власти за возрождение монархии, вплотную подойдя к 99 годам жизни, скончался за 15 лет до крушения Советского Союза. Не думаю, чтобы это принесло ему радость, ибо крушение влекло за собой распад и небывалое, в сущности, катастрофическое обнищание дорогой его сердцу России. Он стремился ей помочь всем, чем мог, принеся в жертву жизнь взрослого любимого сына, но слишком часто Василий Витальевич бил мимо мишени.

Сталин осознал, что будущая война явится войной моторов. Необходимо было немедленно строить сотни современных заводов — и без всякой помощи Запада. Обедневший, измученный Первой мировой, а затем Гражданской войнами народ — и никто другой — должен был дать и средства, и труд для создания новой промышленной базы. Основная тягота легла, однако, на плечи не рабочего класса, а крестьянства. Оно было принесено в жертву будущей победе. **Сталин укрепостил его.**

Сталина попрекают за эксплуатацию народа в двадцатые и тридцатые годы — от его труда государство присваивало очень многое безвозмездно (зато присваивало действительно государство, а не кучка богатеев, прорвавшихся к власти, которая ныне не платит людям зарплаты и пенсии, кладя выгоды от задержки себе на личный счет).

А какой выход имелся у Сталина? **Его не было.** В условиях неизбежной и скорой войны, которая требовала могучей промышленной базы, выбирать не приходилось. Война назревала с каждым часом. Сталин отодвигал ее всеми доступными средствами — каждый месяц, каждый год мира приносили стране заметный прирост силы, иначе говоря — защиты.

Еще пуще страна нуждалась в мире после 1945 года. Немцами она была сожжена и разрушена до последнего фонарного столба

от Ленинграда на Неве и Сталинграда на Волге, до Новороссийска на Черном море — площадь, равная почти всей Европе.

Годы сотрудничества с Америкой и Англией в схватке с Германией, предварительные беседы с Рузвельтом вселили в генералиссимуса (а по военным знаниям и опыту Сталин действительно являлся генералиссимусом) надежду на серьезную денежную помощь Запада в восстановлении СССР, на это, кстати, рассчитывал и чуткий на поживу Уолл-стрит.

Поворот небывалой крутости был заложен Трумэнном сразу же после кончины (убийства?) Франклина Делано Рузвельта 12 апреля 1945 года (он умер на сеансе позирования американской художнице)¹. Недаром Сталина столь встревожила, обеспокоила и огорчила смерть Рузвельта (1882—1945). Он без всякого промедления посылает в Вашингтон Молотова: генеральному секретарю важно знать, не изменятся ли планы союзника.

Политика Рузвельта отличалась большей разумностью и, я бы сказал, честностью, хотя и он «засовывал за пазуху атомную бомбу» как средство будущего запугивания Советского Союза (иначе зачем скрывать ее секрет²). Это в июле сорок первого Рузвельт сумел провести в конгрессе большинством всего в один голос закон о призыве на военную службу, без которого американские вооруженные силы очутились бы в сложном положении с нападением Японии 7 декабря 1941 года. И это он, Рузвельт, заявил на сове-

¹«Президент Рузвельт скончался внезапно в четверг 12 апреля в Уорм-Спрингс, штат Джорджия, — написал в воспоминаниях Черчилль. — Ему было 63 года. После полудня, когда с него рисовали портрет, он внезапно упал и в тот же вечер скончался, не приходя в сознание» (Т. VI. С. 448).

Ни слова сочувствия. Черчилль в душе недолюбливал Рузвельта, полагая, будто тот слишком часто плетется на поводу у Сталина. Но Рузвельт не шел на поводу у Сталина. Пользуясь условиями войны, Рузвельт последовательно усекал могущество Британской империи в пользу Америки, о чем можно прямо прочесть в воспоминаниях старшего сына президента США. Для сего президент США иногда становился за спину Сталина.

²Начальник Манхэттенского проекта генерал Гровс так определил его смысл: «Спустя две недели после того, как я возглавил этот проект (а это было в разгар Второй мировой войны. — Ю. В.), у меня не было никаких сомнений, что Россия наш враг, и Манхэттенский проект осуществлялся на этой основе. Я во все не придерживался распространенного в стране мнения о России как о доблестном союзнике... Конечно, об этом докладывалось президенту».

щании с Черчиллем в бухте Арджентия в августе 1941-го: «На Севере не должно быть дальнейших посягательств». Президент имел в виду посягательства Японии на восточные земли России.

После 12 апреля 1945-го планы США изменились необычайно: от сотрудничества к военному противостоянию, окрещенному вскоре «холодной войной», что и наводит некоторых историков на мысль об устранении Рузвельта, хотя уже на конференции в Ялте (4—11 февраля 1945 года) Рузвельт производил впечатление человека, совершенно изнуренного, очень больного (это можно заметить и на документальной ленте о Ялтинской конференции). А тогда, в апреле сорок пятого, Молотова недостойно грубо встретил Гарри Соломон Трумэн — вице-президент США, принявший на себя полномочия президента. Сталин уразумел: Запад не только отказал в помощи для восстановления, но и хочет использовать ослабление Советского Союза после войны для того, чтобы поставить его на колени.

Со Сталиным такие номера не проходили.

Ничто не менялось в их отношении к России, все оставалось как в известном двустишии:

Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола...

Упрекают, будто при Сталине жилось бедно. Не Сталин выбрал бедную жизнь, а Запад не дал советской России подняться к зажиточной жизни. Сначала безумствовал Гитлер, после — американский империализм в «холодной войне».

Бережков вносит очень важное уточнение:

«В заключенном летом 1943 года на Квебекской конференции соглашения, подписанном Рузвельтом и Черчиллем, отмечалось, что атомная бомба явится «решающим фактором в послевоенном мире и даст абсолютный контроль тем, кто обладает ее секретом. Президент и премьер-министр обязались не передавать третьей стороне никакой информации «без взаимного согласия»¹.

Соглашение было подписано приблизительно за полгода до

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 283, 232, 233, 178.

Тегеранской конференции — встречи Сталина, Черчилля и Рузвельта в конце ноября 1943 года, на которой, кстати, переводчиком оказался Бережков. Смысл соглашения очевиден: после войны зажать Советский Союз в тиски политической силы, то бишь загнать на колени.

Сталин принял вызов США, иного выхода не существовало.

«Укреплять и обороноспособность страны, чтобы не повторился 1941 год, — вот генеральное настроение Сталина после Великой Отечественной войны», — отмечает писатель Карпов в своей книге о великом полководце, русском самородке «Маршал Жуков. Опала» (М.: Вече, 1994).

Сталин повернул страну на этот новый путь и добился победы.

Страна восстановила народное хозяйство (кстати, отменила хлебные карточки 16 декабря 1947 года — раньше всех европейских государств), создала атомное оружие и приступила к созданию ракетной техники. А с конца 1940-х годов стал неуклонно возрастать и жизненный уровень народа.

Опять-таки представляют интерес свидетельства бывшего переводчика Сталина Валентина Михайловича Бережкова. Кто ближе стоял к тем событиям?..

«...до 1940 года ситуация (положение. — Ю.В.), по крайней мере в больших городах, пришла в норму. Так же было и в послевоенные годы, после того как в 1947 году объявили денежную реформу и отменили карточную систему. Только первую пару недель наблюдались очереди. После этого, благодаря постоянному притоку продуктов, ажиотаж исчез, и торговля пришла в норму. Крестьянам снова разрешили держать домашний скот и увеличили приусадебные участки.

В одной из бесед с Микояном я спросил, каким образом такой результат удалось достичь в 1935-м и 1947 годах? Он ведал тогда не только внешней, но и внутренней торговлей и хорошо знал, как это делалось.

— Прежде всего, — объяснил он, — путем строжайшей экономии и одновременного наращивания производства удалось накопить большие запасы продуктов и товаров народного потребления. Сталин лично следил за этим и строго наказывал нерадивых производственников. Провели огромную работу по доставке всего

этого к местам назначения, оборудовали склады и холодильники, обеспечили транспорт для развоза по магазинам, особенно в пиковый первоначальный период, когда люди еще не поверили в стабильность рынка. Заранее отремонтировали и красиво оформили магазины, мобилизовали продавцов на специальные курсы. И строго предупредили работников торговли, что за малейшее злоупотребление, сокрытие товара и спекуляцию те ответят головой. Пришлось нескольких нарушителей расстрелять. Но главное — не растягивать снабжение, не выдавать его по чайной ложке, а выбросить в один день во все промышленные центры. Только это могло дать нужный эффект.

Сейчас некоторые наши исследователи утверждают, что тогда снабжали только Москву и еще два-три крупных города. Это неверно. Летом 1935 года мне пришлось с группами интуристов побывать во многих городах. Я специально (особо. — Ю.В.) заходил в магазины, смотрел, чем торгуют. Везде был хороший ассортимент (набор. — Ю.В.) продуктов и товаров. А главное — отсутствовали очереди и никто не приезжал в крупные города за продуктами.

Конечно, тогда были специфические (особые. — Ю.В.) условия. Был страх и были жестокие расправы с нарушителями правил торговли. Вероятно, принимались и меры по ограничению въезда посторонних в города. Но параллельно шло и улучшение положения в деревне. Разрешили иметь в личном хозяйстве крупный рогатый скот, поощряли работу на приусадебных участках. Да и колхозникам, не видящим иного выхода, находившимся в тисках железной дисциплины, пришлось работать на обобщественных полях лучше, чем раньше.

Если перечислить продукты, напитки и товары, которые в 1935-м и 1947 годах появились в магазинах, то мой советский современник, пожалуй, не поверит. На деревянных кадках стояла черная и красная икра по вполне доступной цене. На прилавках лежали огромные туши лососины и семги, мясо самых различных сортов, окорока, поросята, колбасы, названия которых теперь никто не знает, сыры, фрукты, ягоды — все это можно было купить без всякой очереди и в любом количестве. Даже на станциях метро стояли ларьки с колбасами, ветчиной, сырами, готовыми бутербродами и различной кулинарией. На больших противнях были разложены отбивные и антрекоты. А в деревнях в любом дворе в

жаркий день, так же как и при нэпе, вам выносили кружку молока или холодной ряженки и не хотели брать деньги...

Надеясь на лучшее будущее, люди верили, что он (Сталин. — Ю.В.) приумножает богатства страны для блага народа. Однако у Сталина было своеобразное представление о «богатстве страны».

В его понимании оно не имело никакого отношения к тому, как жил народ. Люди могли быть нищими, лишь бы государство становилось богатым. Вот и интуристы, под бдительным присмотром гидов, видели только «процветающее государство», которое им и старались продемонстрировать. В итоге они уезжали из страны, не получив ни малейшего представления о действительных условиях жизни в Советском Союзе...»¹

Однако, по словам Бережкова, нэпмановского «изобилия достичь не удалось».

Мирное развитие давало Советскому Союзу неоспоримое преимущество. Он очень быстро набирал хозяйственную мощь, но мощь независимую ни от кого.

Трумэн пользовался неприязнью не только у наших людей. Читая в романе «За рекой в тени деревьев» нобелевского лауреата по литературе американца Эрнеста Хемингуэя (1899—1962) — всю жизнь почитал я этого писателя:

«...я никогда в жизни не носил галстука бабочкой и никогда не был прогоревшим галантерейщиком (как Трумэн. — Ю.В.). Нет у меня данных, чтобы стать президентом. Я даже оппозиции не мог бы возглавить, ведь мне не приходится подкладывать под зад телефонные справочники, когда меня фотографируют (видимо, из-за малого роста Трумэн мог бы подкладывать или подкладывал толстенные телефонные справочники. — Ю.В.)... **Теперь ведь нами правят подонки.** Муть, вроде той, что остается на дне пивной кружки, куда проститутки накидали окурков. А помещение еще не проветрено, и на разбитом рояле бренчит тапер-любитель...»².

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 283, 232, 233, 178.

²Хемингуэй Э. За рекой в тени деревьев. — М.: Иностран. лит., 1961. С. 161—162. Текст отмечен мной. — Ю.В.

Так что в моих оценках не столь уж много пристрастия, есть правда времени. Ее же затирают из последних сил, дабы переиначить мировые события. Все свалить на Сталина, благо что бывший семинарист был тяжел на руку. Вот и поверят...

Атомный шантаж, гонка вооружений, «холодная война»... — слова-то бумажные, а за ними — натуга, горе!.. Как те чувства передать? Только Гитлера с плеч сбросили, только повели плечами, чуть распрямились, а на плечи снова не зверь, а зверище насел...

А горе было-то... Досыта не ели до конца сороковых. Дорожили каждым куском хлеба и сахара, каждым глотком молока. Штаны, рубашки латали, штопали, носили до ветхости... И обмылок берегли... Каждая новая пара обуви — радость, ее обсуждали. Гордились новой обувью. Сперва надевали по праздникам. Ламповый радиоприемник — событие, его водружали на почетное место в доме. Не каждая семья и могла купить, слушали тарелку-транслятор. Копейку за копейкой откладывали, чтобы скопить на брюки, на часы, на велосипед или книгу. Кто имел фотоаппарат или велосипед, на виду был...

А нас впрягли в новую гонку, новые непомерные расходы средств, новую трату сил, новое натяжение дисциплины труда и быта... Для того и были аресты и лагеря, дабы в зародыше не допустить недовольства или жалобы на тяготу жизни — она еще крепче придавила, пригнула, аж зарябило в глазах...

Даже стону не давали вырваться: стоять всем народом, стоять!.. — называлось это капиталистическим окружением.

А те... за океаном, были сыты, обуты и с презрением глядели на нас. Вся земля была у них в ногах, но только не мы....

Права человека...

Весь белый свет зиждется на лжи.

Победа СССР над Гитлером чрезвычайно подняла авторитет Сталина в мире. Ни тогда уже покойный Рузвельт, ни Черчилль, ни де Голль не могли с ним соперничать.

Какой была Европа после мая 1945-го? Что мы помним о ней, — вернее, чему позволили остаться в нашей памяти после бесконечных «промывок мозгов» телевидением, газетами, радио и всей оравой прислужников Запада?

Почти все упускают из памяти силу и мощь сталинизма как во-

площени социалистической идеи. Это была правда пострадавшего, гордого народа, сумевшего, по сути, в одиночестве отразить не только своего самого могучего врага, но и врага человечества. После поражения Германии и Италии влияние СССР и коммунистических идей (а это во многом олицетворялось в Сталине, было нераздельно с ним) захлестнули свет. С окончанием войны капиталистическая система очутилась в опаснейшем кризисе.

Красный Китай с его громадным населением отвоевывал у гоминьдановцев уезд за уездом, провинцию за провинцией, пока 1 октября 1949 года не провозгласил свою победу.

Левые силы господствовали в Европе, и это наводило ужас на масонский Большой Сейф. Наиболее внушительны оказались успехи левых сил во Франции и Италии.

Во Франции компартия во главе с Морисом Торезом обрела такую силу — уже нельзя было собирать правительство без ее участия. Лишь национальный гений генерала де Голля предотвратил крах буржуазной Франции и возникновение просоветской Франции.

В Италии компартия во главе с Пальмиро Тольятти (Эрколи) становится ведущей политической силой. Не займи поспешно Италию англоамериканские войска, она тоже вполне могла стать просоветской. Вооруженный народ Италии настроен был резко прокоммунистически и противокапиталистически. В апреле и мае 1945-го Италия тонула в море красных знамен. Всюду звучали рабочие и коммунистические марши. Рабочий «Интернационал» бывшего рабочего Пьера Дегейтера (1848—1932) — он написал музыку — шествовал в тот год вместе с весной.

В Югославии, далеко выдвинутой в Европу, уже торжествовала советская власть. Тито железной хваткой собрал все народы своей страны в единый союз.

Европа вся: большая — и малая, срединная — и западная, северная — и южная — становилась прокоммунистической и просталинской. Сталин являлся вождем большинства людей. Расположение рабочего класса Европы принадлежало Советскому Союзу. Рабочий класс верил в правоту социализма. Имя Сталина было у всех на устах.

Надо иметь в виду, что коммунисты 1940-х — начала 1950-х годов и коммунисты 1980-х годов, — в сущности, от разных партий. Я бы сказал, неузнаваемо разных. Партийный коммунизм 1980-х

и 1990-х годов — это в худшем виде оппортунизм и буржуазный реформизм. Зато он позволяет ничем не рисковать жожакам, более того, наслаждаться дарами жизни. Они вымаливают уступки с трибун и в приемных министерств, а то и входя в реакционнейшие правительства Ельцина и отлично приживаясь в них. Да и сам Ельцин откуда?.. Прямохонько свалился из политбюро...

Гнилые потомки борцов...

А тогда, после 1945-го, коммунистическое движение пробуждалось в таких уголках земли (и далеко не только на средства Москвы), где совсем недавно и предположить о нем было нельзя. И всюду знаменем людей становилось имя Сталина.

Это вызвало яростное противодействие США и Англии. К 1946 году положение США как оплота капитализма на земле оказывается все более сложным. Капитализм трещал под напором сталинизма.

1945—1950-е годы, но особенно первые послевоенные годы, — время исключительного успеха коммунистических сил в Европе. Казалось, капитализм доживает последнее десятилетие.

Именно в предчувствии сего США повели с февраля сорок пятого тайные переговоры с приближенным Гиммлера и главным представителем СС при армейской группе «ЦЦ» эсэсовским генералом Карлом Вольфом в Швейцарии (за спиной Гитлера), хотя Рузвельт впоследствии от них всячески отрещивался. В Вашингтоне знали, какими станут народы после победы.

Именно потому 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль взойдет на кафедру в фултонском Вестминстерском колледже. У нас об этом не писали (Сталин, очевидно, полагал, что «лишняя» осведомленность наносит людям только вред), но Черчилль не просто призывает к борьбе с Советским Союзом. Он объявит войну англо-саксов народам России, прежде всего русскому. Он так и сказал: главным в выступлении является предложение о создании «братской ассоциации (объединения, союза. — Ю.В.) народов, говорящих на английском языке». И это он провозгласит отказ от политики «баланса сил» во имя политики с «позиции силы». Он многое что наговорил в тот мартовский день. Речь получилась длинной. После он повторил ее в Нью-Йорке. Человек, который слушал ее в Нью-Йорке, рассказывал мне о своих впечатлениях. Кстати, ее пустили по

большинству радиостанций США и передавали, где доступно, через громкоговорители. Человек этот ехал с Уолл-стрит и слышал, как Черчилль рычал в мощных динамиках. Для него, кто вел переговоры на Уолл-стрите об американских кредитах для восстановления народного хозяйства СССР, эта речь явилась полной и непонятной неожиданностью. Ведь переговоры успешно продвигались к завершению. Все складывалось как нельзя лучше и к обоюдному согласию и выгоде. Что же случилось?..

А позже возьмут и «пришьют» «холодную войну» Сталину. Да намерения Советского Союза были совсем другими! Это уже после речи Черчилля весь белый свет взбесится, и завертится антисоветский шабаш.

А закон Маккарена—Вуда — «Акт 1950 года о внутренней безопасности» США? Разве это не фашистский закон?

А еще прежде закон Хэтча от 2 августа 1939 года, запрещающий государственным служащим состоять в компартии США, — это демократия?

А закон Брауннела—Батлера (Хэмфри Батлера) от 24 августа 1954 года о контроле над коммунистической деятельностью?

А создание постоянного комитета (комиссии) в Конгрессе США по расследованию антиамериканской деятельности?

Все это в чистом виде полицейщина. **США вообще полицейское государство.** Оно сплошь соткано из законов, контролирующих убеждения граждан.

А антидемократическая истерия и преследования инакомыслящих с подачи сенатора Джозефа Маккарти (1909—1957), и все такое прочее?..

· Ким Филби писал о маккартизме:

«Я говорю о периоде Маккарти... который утверждал, что он единолично раскрыл глубокое проникновение коммунистов в государственный департамент и другие органы правительства США... Подняв кампанию шпиономании в национальном масштабе, Маккарти создал условия, при которых ни один конгрессмен не смел возражать...»¹

Подобно псу лаяти.

¹Ким Филби. Моя тайная война. — М.: Воениздат, 1982. С. 157.

Джозеф Реймонд Маккарти, юрист по образованию, возглавлял с 1953 года сенатскую комиссию по деятельности правительственных учреждений, а также руководил постоянными подкомиссиями по расследованиям. Все это шумное и зловещее кипение страстей было направлено против Советского Союза. Маккарти предпринимал все для разжигания «холодной войны». Маккартизм обернулся ростом полицейщины в США и грубыми нарушениями конституционных прав граждан. Он требовал повальной «проверки лояльности» государственных служащих, ограничения свобод и широкой чистки» всего аппарата власти. Мутный был умом человек.

Однако психоз овладел США и от такого мутного умом человека.

Я помню, у нас о маккартизме глаголили чуть ли не каждый день.

Среди людей искусства в поношениях Советского Союза и России на много корпусов вперед оторвались такие известные люди, как Уолтер Дисней, Фрэнк Синатра... В 1947 году президентом Гильдии киноактеров США оказался избран Рональд Рейган, он будет переизбран в 1948—1951 годах и в 1959 году. А тогда, в годы маккартизма, Рейган приложил немало сил к травле всех, кто высказывал хоть какое-то расположение к русским и СССР. Президентом США в 1981 году станет закаленный ненавистник России.

Демократия Большого Сейфа в одночасье обернулась полицейщиной: преследованием инакомыслия, пренебрежением конституционными свободами, физическими расправами (людей загоняли за решетку)... Именно тогда Чарли Чаплин оказался вынужден покинуть Америку и уехать навсегда в Швейцарию.

Что ж вы, господа, тогда драли глотки на Россию? Вам только новых концлагерей и не хватало, а так, почитай, уже все было испробовано и готово.

Нас они поносили за поволжских немцев и ни словечком не обмолвились, что в то же время, вскоре после Перл-Харбора¹, загнали за проволоку всех американцев японского происхождения. Так перевернуть факты, так на лжи стряпать правду... — по-воровски назы-

¹Перл (Пирл)-Харбор — бухта на южном берегу острова Оаху, самая крупная военно-морская и авиационная база США на Гавайских островах в Тихом океане. В воскресенье 7 декабря 1941 года японская авиация с авианосцев нанесла внезапный удар. Оказались выведены из строя 15 больших кораблей различного класса и 215 самолетов США. Погибли более двух тысяч американских моряков.

вается «на ходу резать подметки». Вся эта американская справедливость и права человека — одна видимость для простаков.

Тогда из восьми линейных кораблей оказались потоплены четыре, а четыре сильно повреждены.

Не только верховное руководство США знало о предстоящем нападении заблаговременно (американская разведка перехватила ряд изобличающих японцев телеграмм и расшифровала их; японский дипломатический шифр был раскрыт еще в июле сорок первого) и не приняло мер, но и командование базы Перл-Харбор с поразительным хладнокровием пренебрегло предупреждающими донесениями как радио, так и радиолокационной служб.

В октябре 1944 года комиссии армии и флота США представили свои отчеты. Обе пришли к заключению, что ответственность за катастрофу в Перл-Харборе несут не только военные власти на Гавайях, но и лица, занимающие высокие посты в Вашингтоне.

Подполковник Тайлер показал в комиссии армии США по расследованию нападения на Перл-Харбор:

«...В тот момент было около 07.00. Когда я посмотрел на планшет, самолеты были доведены примерно до дистанции 130 миль... Ровно в 07.00 все, кто находился в информационном центре, за исключением дежурного телефониста и меня, сложив свои инструменты и документы, ушли. Около 07.15 оператор радиолокационной станции на горе Опана позвонил дежурному телефонисту и сообщил об обнаружении такой крупной цели, какой он никогда не наблюдал на экране радиолокатора... я сказал ему, чтобы он не беспокоился по этому поводу. Следующее предупреждение я получил около 08.05, когда нам позвонили и сообщили о нападении...»¹

Вот так оказалась допущена японская авиация к самой крупной военно-морской базе США. Надвигаются чужие самолеты, их видят — и никто не принимает мер.

В ночь на 22 июня 1941 года наш, тогда еще русский Севастополь, огрызнулся всеми стволами наземных и корабельных батарей. Отпор дали все наши военно-морские базы — от Измаила на Дунае и до Мурманска... Так что не следует нас тыкать в 22 июня 1941 года, где узел событий, кстати, был затянута неизмеримо сложнее.

Герой Советского Союза, один из самых отважных фронтовых

¹Что произошло в Перл-Харборе? Документы о нападении Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. — М.: Воениздат, 1961. С. 123.

разведчиков Великой Отечественной Владимир Васильевич Карпов рассказывает:

«О том, что речь идет именно о третьей мировой войне, тоже четко и определенно сказано в меморандуме СНБ (Совета Национальной Безопасности) 7 марта 1948 года: «Разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов... Эту цель невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления...»

Для осуществления такой глобальной программы разрабатывались последовательно (по мере увеличения количества атомных бомб) несколько планов уничтожения СССР: «Бройлер-1947», «Бушвекер-1948», «Кронкшафт», «Хафмун», «Когвилл-1948», «Героян», «Офтекс-1949». И в 1950 г. широко известный теперь «Дропшот».

Этот план советская разведка добыла. Из него вождь смог почерпнуть очень многое. Вряд ли его это удивило.

Карпов, как кадровый разведчик, рассказывает со знанием дела:

«Как в свое время гитлеровский план «Барбаросса» предусматривал несколько этапов войны, так и «Дропшот» имел четыре этапа.

Первый этап: внезапный удар 300 атомных бомб по крупным городам Советского Союза: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль и другие — всего 70 крупнейших городов. Дополнительно к этому стратегические бомбардировщики должны сбросить 29 тыс. тонн бомб еще на 100 городов. От такого удара должно было оказаться уничтожено 85% советской промышленности.

Второй этап: вторжение на территорию СССР и его союзников 250 дивизий, обеспеченных действием 7400 самолетов, продолжающих бомбардировки, и более 750 боевых кораблей, высаживающих десанты.

Третий этап: захват территории СССР и его союзников вооруженными силами США и стран НАТО. В третьем этапе подчеркивалось: «В данной кампании упор делается на физическое истребление противника».

Четвертый этап: оккупация территории СССР, расчленение его на четыре зоны, с дислокацией американских войск в ключевых городах бывшего СССР, а также его союзников в Европе.

Исходя из нашей «чернобыльской практики» (где только выброс, а не взрыв причинил столько бед), можно с уверенностью сказать — 300 атомных бомб стерли бы с лица земли не только Советский Союз, но достали бы и США и погубили бы все человечество. Однако в те годы об этом в США не думали — эйфория монопольного владения атомного превосходства ослепляла и опьяняла. Казалось, это страшное оружие будет причинять ущерб только противнику.

Как и в «Барбароссе», на этом замыслы не ограничивались: у немцев намечалось дальнейшее продвижение в Иран, Индию, у американцев — в Монголию, Китай, Юго-Восточную Азию.

Боевым действиям должны предшествовать и сопутствовать широкие психологические операции на подрыв идеологических и моральных устоев Советского Союза с использованием «пятой колонны», которая имела свое конкретное лицо.

Цитирую: «Эффектное сопротивление или восстание (внутри СССР. — В. К.) можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут представить материальную помощь и руководство, и заверить диссидентов, что освобождение близко...»

Американское, английское, немецкое радио во все годы усердно растравляли советское общество. Со времен Хрущева молодая интеллигенция почти вся склоняется к американским лозунгам и американской культуре.

Разврати душу — и получишь тело.

Пройдет немного времени, и начнет свою правозащитную деятельность академик Сахаров, страну захлестнут книги Солженицына, во весь голос хрипло запоет Высоцкий...

Если отказываешься от крови насилия, озаботься о хлебе. Чтобы устояли идеи, нужен хлеб.

Какую войну мы могли замышлять в 1945-м, едва глотнув воздуха мира? Мы потеряли под 30 млн жизней! Это навеки прорубило тяжелейший след в душе народа.

«Эйфория монопольного владения атомного превосходства ослепляла и опьяняла».

«Монопольного владения...»

Когда у Советского Союза не было ни ракет, ни атомного оружия, США уже располагали сотнями атомных бомб и скрупулезно рассчитывали цели на нашей земле. Так кто был первым? Кто кого вынудил защищаться?..

Мы не имели даже стратегических бомбардировщиков, сравнимых с американскими. Они появятся позже. Мы лишь создавали «Ту-4» по типу и подобию «летающей крепости». Несколько позже в свои «академические» годы я лейтенантом проходил обучение на приборах «Ту-4», что стоял на аэродроме в Захарково, как и «МиГ-19», фронтовой бомбардировщик «Ил-28» и «МиГ-15», на котором наши летчики в Корее победили американские «летающие крепости» и хваленые «сейбры».

Заметно позже я как начальник группы регламентных работ обслуживал истребители. Некоторые летчики за шесть лет до этого сражались в Корее. Командовал полком подполковник Бокач, получивший звезду Героя Советского Союза за 8 сбитых в Корее «сейбров». Мне по душе был командир: всегда подтянутый, энергичный, немногословный...

О какой войне мы могли мечтать после крови Отечественной войны?..

Мы не имели ничего, кроме обычного вооружения, а американцы уже вели расчеты «всемирного контрнаступления».

Так где же правда о гонке вооружений?

Неплохо бы вложить статуе Свободы плакат со словами шестого президента США Джона Куинси Адамса (1767—1848)¹: «Америка должна желать всем свободы и независимости, но быть защитницей и поборницей только своей собственной».

То есть не быть жандармом народов.

*Есть у Пушкина такие слова: «Кто верит, кто утратил веру...»
Склоняю голову и снова и снова мучительно вчитываюсь в эти слова,
видя сразу множество лиц и множество событий...*

¹Его отец Джон Адамс (1735—1826) тоже был президентом США, причем вторым в истории США, которые до последней четверти XIX столетия всегда являлись добрым союзником России. Даже с трудом верится в такое: Америка — и вдруг добрый друг России?! А до XX века было так.

Разумеется, СССР не мог в долгу оставаться. Упорная работа Сталина по советизации мира будет грозить Большому Сейфу утратой Европы, во всяком случае, почти полным отходом ее в социалистический стан, но ведь сначала было искреннее намерение дружить и торговать.

Нас приучают чувствовать свою якобы неполноценность в мире, где творятся несоизмеримо более грубые и кровавые вещи.

Стоит вспомнить, сколько тонн бумаги было израсходовано из-за сбитого нами корейского «Боинга», и все тонны бумаги — грязь, грязь... а главное — травля советской России не утихла много лет.

И никто не задумывается над другим обстоятельством: 21 февраля 1973 года два израильских «фантома» атаковали и сбили пассажирский «Боинг-727», принадлежавший Ливии. 216 человек, в их числе и дети, погибли. И никакой кампании в печати США и Запада против пиратства в небе, и даже подобия чувства вины. А ведь в отличие от происшествия с ливийским самолетом советский «МиГ» требовал изменения курса, однако корейский «Боинг» не подчинился, упорно углубляясь в пределы СССР. Тогда применяют оружие.

О таких фактах Ельцин никогда не вспоминает. А зачем ему, «всенародно избранному»?..

В наши дни свет окончательно замкнулся на великой лжи. Проветривай — не проветривай помещение, а уже ничто не способно ослабить бесстыжее и безмерное вранье.

Изобретают ложь, и сами же начинают в нее верить — это уже въелось в жизнь, и не только нашу.

Мы ждали окончания войны с мольбой и счастьем, а история повела новый отсчет времени. Не по дням, а по часам взялась набирать обороты «холодная война» против Большой России, которая выступала тогда в образе Советского Союза. На такой степени могущества Советский Союз представлял для Запада опасность, а посему подлежал уничтожению.

Уже несколько строк в воспоминаниях Черчилля дают представление об истоках «холодной войны».

9 мая 1945 года. День Победы в Лондоне.

Черчилль вспоминал:

«Когда я пробирался сквозь толпы ликующих лондонцев в час их радости, вполне заслуженной после всего того, что им пришлось пережить, мой ум занимали опасения за будущее... В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского ВРАГА»¹.

Мы снова стали для Запада всего лишь военной целью.

Когда читаешь воспоминания Черчилля, поневоле задумываешься о разных подходах русского человека и западного к оценке мира, настолько порой противоречат здравому рассудку размышления Черчилля.

Похоже, разница в восприятии мира русским человеком и западным действительно существует, и русская оценка зачастую коренным образом разнится от западной.

Мы живем сообразно своим убеждениям и уже не можем быть другими. Естественно, пережитое оставило в нас свой след. Насилие над нами не может обернуться изменением нашего сознания. Оно лишь еще более усугубит отношения между нациями.

Но ведь не советский летчик, а Фрэнсис Пауэрс полетит над Советским Союзом — наглость неслыханная. Потрясенный Хрущев будет вполне справедливо повторять с трибуны уже после того, как Пауэрса долбанут в небесах у Свердловска:

— А еще говорил мне: майн фрэнд, майн фрэнд...

Хрущев имел в виду свою поездку в США летом 1959 года, когда президент Эйзенхауэр обращался к нему именно так.

США нахраписто лезли к нашему горлу.

Не Советский Союз, а США окружили нашу страну ракетными базами.

Ракеты, нацеленные на наши города, торчали в Италии, Франции, ФРГ, Пакистане, Турции... — ближе их уже было нельзя подсунуть. А когда Советский Союз в ответ завез ракеты на Кубу (всего в одну страну), американцы взвыли. Им сие показалось невыносимо.

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война; Т. VI: Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. С. 538. Слово «врага» выделено мной. — Ю.В.

А держать ракеты у советской границы в Турции — это по-американски в порядке вещей. Правота колонизаторов.

Военно-промышленный комплекс США, забирая власть над страной и земным шаром (точь-в-точь, с предостережением Эйзенхауэра), сказочно обогащался. Это он разжигал атомный психоз на земле, выколачивая для себя невиданные по выгодности военные заказы.

Все происходило в соответствии с пророчеством Данинга:

«Капитал боится отсутствия прибыли. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10% — и капитал согласится на любое применение (даже противозаконное. — Ю.В.). При 20% — становится оживленным. При 50% — положительно готов сломать себе шею. При 100% — он пирает все законы. При 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти...»

«...нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти» — это США убедительно доказывают своей новейшей историей, творя одно преступление за другим. Ирак, Югославия... — кто следующий?..

Мы не встали на колени.

Мы опять взялись вооружаться, чтобы не оказаться добычей. Это вызвало ярость денежных мешков за океаном.

Бывший советский министр рассказывал мне, как высок был авторитет Громыко, а стало быть, Советского Союза. Коли переговоры принимали нежелательный ход для советской стороны, Громыко имел обыкновение снимать очки. И вот в тишине они с ледяным стуком опускались на стол — и вся конференция напряженно вздрагивала: что за заявление сейчас последует от имени Москвы?..

В те годы и десятилетия разрабатываются различные способы уничтожения или ослабления СССР. Американцы будут тратить на войну сотни миллиардов долларов: Большая Россия должна быть сломлена, расчленена и хозяйственно разрушена, а ее Вооруженные силы превращены в сброд.

Для сего американцам следовало найти Горбачева и Ельцина.

Вот тогда американцы с опорой на свою «пятую колонну» в нашей стране — демократов — извратят историю нашей страны, особенно последних десятилетий. Они вину за «холодную войну», которую развязал американский империализм сразу после разгрома Германии и Японии в 1945 году, а провозгласил своими устами Уинстон Черчилль в 1946 году (поджигатель войны номер один), так вот вину за все беды, обрушенные ими на человечество, взвалят на нашу страну. Ведь возразить уже некому. Нет СССР.

Давно уже стало понятно, что российская демократия елозит на карачках перед американцами, пасется в их кармане и предает свой народ (впрочем, для правящего большинства русский народ никогда и не был ИХ народом). Ведь это при Ельцине состоялся почти стопроцентный захват русских военных секретов американцами, которые, кстати, по сию пору ощутимо не сократили свою военную программу. Он что, не знал это?.. До последней закорючки дела знал все и поощрял все. И как вывозили в другие страны части секретного архива — законного военного трофея России, тоже знал. Берите, пользуйтесь! Знал и ведал, что масоны утянули единственную в своем роде ценность: свой объемистый архив из России. Да, господин президент все знает и гордится даже подобными подвигами — безусловной виной перед народом. Как об этом недавно молвил со знанием предмета Шумейко: «...А окружение Ельцина свое: «Главное — мы удобны Западу, открыли не только душу, но и ресурсы, любые технологии. Берите, пользуйтесь! Все нами довольны. И мы — собой...»

Есть русские государственные интересы, а не удовольствие западной стороны. Иное отношение есть предательство этих самых интересов, напрямую связанных с благополучием и безопасностью народов России.

Права человека...

Ну, а как развивалось народное хозяйство после 1953 года, уже составить представление могу и я. С того года я уже учился в Военной академии. Все происходило на моих глазах. Наступали времена Хрущева и Брежнева.

Через четыре-пять лет после кончины Сталина положение в

народном хозяйстве стало изменяться, но к худшему, особенно в сельском, а с самого начала 1960-х годов жизнь пошла, и круто, на вздорожание. В конце 1960-х и самом начале 1970-х годов Москву потрясли первые массовые скупки драгоценностей и золота. Каждый раз Москву две-три недели лихорадило. Это было явление совершенно новое для жизни Советского Союза. Все они четко совпали с начавшейся эмиграцией евреев в Израиль.

Не знаю цифр, которыми нас дурили Госплан и всякие статистические учреждения, но продукты уже приходилось не покупать, а добывать. Опять с далеких послевоенных лет возникли длинные очереди. Людям казалось, и не без оснований, что добрую часть своей жизни они проводят в душных и зараженных гриппами очередях. После рабочего дня на заводах, в конторах, школах, больницах... приходилось до изнурения торчать в бесконечных и неизбывных «хвостах». За каждым продуктом следовало отстоять свою отдельную очередь.

Ничем не отличались приобретения одежды, обуви, мебели и автомашин.

С конца 1970-х годов попытались нормировать продажу продуктов: не более 1 кг крупы на руки, не более одной курицы на руки и т.д. Это вынуждало людей по несколько раз становиться в одни и те же очереди. Население подмосковных сел и даже дальних городов автобусами наезжало в Москву за колбасой, маслом, крупами... Если еще Москву и Ленинград как-то снабжали, то вся остальная страна переходила на «подножный» корм, то бишь самообеспечение родней из деревень, подсобным хозяйством и разного рода хитроумными сделками по образцу «ты мне — я тебе». И что бросалось в глаза: люди стали заметно больше пить.

Становилось хуже и хуже. Это коренным образом подрывало веру в партию и советскую власть вообще. Запад все более мнился раем для советских людей, которых держали за стальной изгородью, не пуская за границу, кроме отдельных табунков в туристических группах.

При всем том обеспечение и положение правящей бюрократии делалось все более разнообразным и богатым, а главное по очень низким, по сути, копейным ценам. То же самое относилось

и к ее медицинскому обслуживанию и местам отдыха. Партийная и советская бюрократия явно обособлялась. Это вызывало озлобление. Набирало обороты разложение общества.

Память недолговечна. Мы забыли, что демократическому апокалипсису предшествовал малый апокалипсис социализма, созданного в семнадцатом по сионистско-масонским образцам.

Приведу отдельные записи из своих дневников разных лет. Таких записей много. По тем годам они ничего особенного и не представляли.

Из дневниковой записи, апрель 1978 года.

«...Две недели нельзя купить масла: или вовсе нет, или громадные очереди.

В магазине нечто невообразимое, но уже ставшее обыденным за последние полтора десятка лет.

Кассирша — на очередь: «Взбесились люди!»

Кто-то: «А как не взбесится, готовить и есть надо...»

Кто-то: «Это Франция, Англия и Германия отказали нам в поставках...»

Кто-то: «А мы, выходит, не можем без них прожить? Не повезут хлеба, масла, мяса — и мы загнемся?..»

Кто-то: «Партия приняла продовольственную программу, столько о ней по телевизору...»

Кто-то: «Очередь... почему стоим? О черт, не ползем — не лезем...»

Кто-то: «Социалистическая плановая экономика...»

Кто-то: «Да все продукты на пайки «шишкам» расходятся...»

Кто-то, очень тихо, почти в ухо мне: «Сажать надо за такие разговоры...»

Здесь все знают, как и вообще в стране, что магазины, в которые наведываются иностранцы, всегда снабжаются лучше...»

Из дневниковой записи, сентябрь 1980 года (вскоре после Олимпийских игр):

«Все здесь удивительно! — простуженно прикашливая, рассуждает женщина. — Зачем я, инженер-строитель, должна знать и

ублажать разными подарками мясника?.. А купи без него мяса!.. Мне нужна операция, а у кого делать? Опять тащи взятку. Сил уже нет...»

Ей лет сорок, она стоит у входа в магазин. Длинная обтянутая книзу темно-красная кофта застегнута на все пуговицы. Через плечо обтрепанная сумка. Все это она рассказывает пожилому человеку в кепке.

Мужчина говорит: «Не ходите в овощной, картошка гнилая, ругань...»

Из дневниковой записи, июнь 1983 года:

«Постельное белье не купишь ни за какие деньги, — жалуется старик.

Его спутник говорит: «У меня знакомый — йог. Спит на досках и без подушки».

«Тебе все смешочки, а у меня сын женится. Где постель достать?»

Из дневниковой записи, ноябрь 1985 года.

«...В воскресенье в сквере почти никого нет. Бреду по снегу, занятый размышлениями о рукописи: никак не дается новая глава. И вообще не нравится вся работа, что-то не так, хотя я без пощады к себе погоняю эти серые лошади — будни... Слышу тонкий дребезжащий голосок и прихожу в себя. Старуха в черном пальтишке до пят спрашивает:

— Картошка есть в магазине?

— Не знаю, — я пожимаю плечами. — Я с почты.

Неожиданно хрипловатый мужской бас за спиной отвечает:

— Есть картошка, но очередь человек на сто.

В глазах старухи встает ужас, но она бредет туда, в очередь».

Из дневниковой записи, август 1986-го :

«В булочной меня поразил необычный гвалт и суета. Смотрю в угол, где люди, перегибаясь один через другого, хватают из ящика пакеты. Подхожу: это овсяное печенье. Его набирают впрок, жадно, проворно.

Беру два пакета и проталкиваюсь к концу очереди. Вокруг душно, темно, чадно. Когда подходит очередь, слышу, как невзрачная женщина в халате кричит: «Тише! Раздухарились!» — и ворчливо

замечает кассирше: — Больше я это печенье завозить не стану. Обойдутся!»

Она в таком грязном халате, будто только сейчас из окопов.

Из-за стойки ее незаметно по заду облапывает грузчик, приговаривая: «Бабы сеют, бабы жнут — мужики учет ведут».

Петроний Арбитр писал в «Сатириконе»: «...поневоле приходится бесноваться среди бесноватых»¹.

С семнадцатого зачернели безбрежные «хвосты».

Помню голодный 1946 год — первый послевоенный год. Я уже был в Саратове в 6-й роте Суворовского военного училища. Мы каждое утро в шесть строем выходили за ворота училища для получасовой прогулки-зарядки: часть быстрым шагом, часть рысью — и все по обледелым булыжным мостовым (город почти не чистили, да и машин таких не было). Темень непроглядная. В окнах реденькие огни. Народ был выбит на фронте и еще не успел заместиться детьми и пришлым деревенским людом. Кое-где вьюга мотает одинокие фонари. Снег воет, метет по самой земле. И почти неразличимые полукилометровые очереди: черные безмолвные ленты людей перед хлебными магазинами — только чтобы отоварить карточки, не купить вдосталь, а отоварить свои 300 граммов черняшки; белого хлеба не было и в помине, как и других продуктов... В ту зиму от бесхлебья умерли сотни тысяч людей на Кубани и по югу России...

В послевоенных очередях люди верили: лучше будет. И стало ведь лучше.

А потом... потом в 1960—1980-е смотришь, бывало, на такую очередь — и, ей-Богу, жить не хочется. Опять! И до каких пор! С 1960-х завелись «короли»-мясники, «знакомые продавщицы из промтоварного» — подлинные хозяева жизни. Уже ничто не значили твоё образование и честный труд. Вся жизнь заелозила, поехала вкривь и вкось — по «блату». Жизнь прибирали к рукам спеку

¹Арбитр Петроний. Сатирикон. — М.-Л.: Госиздат, 1924. С. 43.

Петроний Арбитр — римский писатель, был обречен на смерть императором Нероном.

лянты, фарцовщики, всякие оборотистые личности... Это были начатки будущего «рыночного» общества.

И весь накал жизни с семнадцатого — насколько нервов и сил может хватить? С 1960-х годов явно стало не хватать нервов и сил. Люди стали с надеждой и завистью поглядывать на другую жизнь, что за самым дальним небосклоном.

От такой вечно натянутой жизни люди черствели. Я все менее узнавал их. **Война развила в народе необыкновенное братство** (еще бы, выживи в тех условиях!), а тут на моих глазах жизнь расползалась на какую-то грязную блатежную рвань, на допущенных к благам и недопущенных. Я вдруг узнал, что в армии завелась какая-то «дедовщина», о которой мы, офицеры тридцатых, сороковых и пятидесятых годов и представления не имели: отношения строились на товариществе, на одном общем чувстве братства. Все общее: «котел», кусок хлеба, наряды, невзгоды, риск — умри, но прикрой друга, а друзьями были все, кто носил солдатскую робу...

Примеры из моих дневников вроде бы о пустяках. Подумаешь, перебои в торговле, им всегда сопутствуют очереди, хамство, усталость... Есть вещи и посерьезнее. Но это были не перебои в торговле, а провал в работе сельского хозяйства. То самое коренное дело, которое десятилетиями не способна была решить советская власть. Каждый кусок мяса надо было брать с боя в очередях — и так едва ли не каждый день. А вопрос был прост: в оплате. Платили бы колхозникам в валюте, как американцам и канадцам при покупке нами зерна, так завалили бы страну любимыми продуктами.

Мы не стали этого делать и не делали почти 30 лет, исправно покупая зерно за рубежом. При Сталине такое даже и помыслить было невозможно.

А недовольство народа накапливалось, росли обиды на неравное положение людей в обществе, крепло скрытое желание покончить с особым положением «номенклатуры» от района до политбюро.

Все это ржой разъедало общество. Запад уже мнился верхом решения всех трудностей. Не здесь, а там был социализм.

И мы в него шагнули...

Смолоду прореха — под старость дыра.

Мы думали, что живем, а мы уже давно летели в бездну...

Строптивая тишина этой ночи. Я сегодня особенно устал от себя.

Смотрю на город: дома, отданные в нищету...

Жизнь в современной России не для меня — это, как разлука, с самим собой...

Да все дни глаза болят от переработки, все дни...

...Я встретить радость мнил...

(Боратынский)

Еврейский голос останкинского телевидения (ложнорусского телевидения) сразу узнаваем. В общем-то, он все время звучит с экрана, но в ряде случаев эта нерусскость звучания невыносимо режет слух, особенно заметна: прежде всего в случаях, когда речь заходит о русской истории и когда предметом разговора или передачи становятся США — подобострастие, льстивое угодничество так и брызжут с экрана.

В чеченскую войну останкинское телевидение повело себя не как русское, а выраженно чеченское, ибо во всем проявляло **сущностную враждебность России**.

Останкинское телевидение год за годом приучает нас к лицу еврея или еврейки, а точнее — отучает от облика русского человека. **Чтоб свыклись...** Русское славянское лицо отступает в тень, уступая хозяйское место еврею.

Однако для лица еврея, которое с утра до ночи маячит на всех программах Останкино и Шаболовки, подходит (уместнее) Тель-Авив, но никак не Москва — столица русского народа.

За последние 100 лет без малого русские и не управляли своим государством. Случайно ли?

Плеханов как выдающийся марксист-материалист утверждал: случайность есть точка пересечения необходимых процессов. Значит, по необходимости процессов, о которых мы ничего не ведаем, русские не должны управлять своей страной?..

И не управляют. Нельзя же принимать за представителя народа это...

Останкинское телевидение как бы свою основную задачу видит в развращении и унижении народа. Этим, похоже, заняты его извест-

ные программы. Весьма существенная часть их служит якобы раскрепощению нравов. Здесь людям усердно навязываются противозастенные и бесстыдные половые представления, свойственные слепому, скотскому инстинкту, но не людям.

Такие связи, как, скажем, гомосексуализм, уже самой природой выведены из разряда нормальных, ибо от них невозможны дети.

Однако здоровым полноценным людям вдалбливается представление о чуть ли не превосходстве и желательности подобных отношений.

Зачем?

Не потому ли, что извращенные отношения не в состоянии привести к возникновению детей?

Но если отвлечься от этой скрытой стороны деятельности останкинских пожирателей жизни, то и тогда почти все, что проповедует это телевидение, есть грязь и грязь. В данном случае как нездоровое, как совершенно очевидное отклонение природы можно навязывать здоровым людям?

И зачем, зачем?!.

Преследовать за противоестественные половые связи такого рода нелепо, но навязывание и обучение им общества уже есть безусловное ПРЕСТУПЛЕНИЕ — и оно должно уголовно преследоваться.

«Добро невозможно без оскорбления зла» — это замечательная мысль Николая Гавриловича Чернышевского (1828—1889), неистового революционера, но прежде всего честного человека.

Нет, мы еще очень снисходительны в оценках. На руинах России мы слишком снисходительны.

Зло надо не только обнажать и оскорблять, его надо карать...

Какая-то малорослая, вдрызг намазанная бабенка (и бабьего-то в ней не разглядишь), да еще лобик в два пальца, — изрекает пошлости и скотство под видом «прогресса» в любовных отношениях, а зал ей внимают и соглашаются. Ну что ж, удостоимся чести стать «передовыми».

Зачем все это?

Не будет семьи — не будет народа, не будет государства, не будет ничего достойного, кроме животных отпращиваний вместо любви...

Другой полуплешивый господин, урыльник сковородой, месяц за месяцем с усмешечками и ужимочками заставляет молодых женщин раздеваться перед всем светом догола и вообще говорить и делать всяческие гадости.

Разврати душу — и получишь власть над людьми.

Любовь — это не только и не столько половое чувство, это итог развития человеческой цивилизации: культуры, сознания, ума. Это величайшее достижение человечества, а уподобливают похоти.

Одновременно происходит разращение детей и юношества. Это тоже оборачивается загниванием и, как следствие, ослаблением народа.

Это же телевидение всячески воспеваает проституцию. Шлюхи — почетные и желанные гости целых передач. Так, 24 июля 1998 года восторженно-благожелательному общению с проститутками оказался посвящен целый час на телеканале «Культура»! А радио меж тем распевает песню о путанах — девицах, позорно торгующих собой, — что может быть гаже?..

Но и проституция прямым образом связана с сокращением рождаемости и разращением детей и юношества: неизбежных множественных жертв подобных передач.

А ночные ведущие останкинского телевидения? Какие-то потусторонние призраки? Не лица людей, а маски. Вообще, что за мерзость господствует на ночных экранах! Какой-то замогильный бред...

Спирт и наркотики разрушают личность, подрывают здоровье. Наркоманы редко доживают до половины обычной жизни. Спирт делает то же самое, но несколько растянуто. Табак отравляет кровь, калечит организм...

И наркомания, и спирт, и табак ведут к быстрому сокращению населения, ослабляя его умственные и психические способности.

Права человека...

Все бьет по количеству населения. Россия, потеряв за ельцин-

ско-демократические годы 4 млн человек, приблизительно столько же и не дородила (тех, что рожала прежде). Стало быть, потери за 1992—1998 годы гораздо больше, нежели 4 млн душ. Они составляют около 5—6 млн и подтягиваются к 7—8 млн! Ай да «всенародно избранный»!

Зачем войны, коли можно так истреблять народ. И обратите внимание: передач, посвященных мужеству, отваге, уму, образцам великой жертвенности и дружбы, — ничтожный ручеек по сравнению с всеохватывающим останкинским потоком растления.

Все зло невозможно без общей поддержки людей. Следовательно, нужно растлить, растлевать людей. А это означает, что все в искусстве следует рассматривать именно с данных позиций: в растление или нет.

Сокращение русского населения является заветной целью масонско-сионистского отребья. Ему страшна и неприемлема большая и могучая Россия.

Товар — деньги — товар...

Родина-мать, как же не уберегли тебя, как же отдали на глумление...

Из метро «Маяковская» поднимаюсь на Садовую, напротив ресторана «София». На два шага впереди медленно переступает истощенно-худая женщина с внушительным рюкзаком и связкой коротких досок в руках. Очевидно, для ремонта. Она не несет их, а как бы тянет. Тянет все свое усталое тело.

Она в заношенном пальто не то синего, не то фиолетового цвета. На немолодом бледном, распаренном лице бусинки пота.

Мягко беру у нее доски: «Я вам помогу».

Она шепчет: «Вам самим тяжело».

Эта высокая лестница впереди чудится ей ужасом.

Она шепчет: «Сейчас такси такое дорогое. Вот все на себе. Одна я, милый...»

Потом, наверху, уже среди грохота машин и людской толкотни, смотрю на город своего детства, юности, молодости и с невыразимой печалью и горечью выговариваю: «Одни и мы! Не наш город. Отнят наш город...»

О растлении и оболванивании.

Пабло Пикассо родился в 1881 году, умер за девяносто. Он был знаменитейшим художником. Испанец по крови, он считал себя французом. Между прочим, этот незаурядный человек вступил в коммунистическую партию Франции.

На одном из последних своих юбилеев Пабло Пикассо выступил с таким откровением:

«Многие из вас становятся художниками по причинам, имеющим мало общего с искусством. Люди уже не ищут в искусстве утешения и чего-то высокого. Самая утонченная часть (я бы сказал, извращенная. — Ю.В.)... требуют нового, оригинального, экстравагантного и скандального, и я, начиная от кубизма и далее, доставлял удовольствие этим господам и критикам всевозможными экстравагантностями, которые мне приходили в голову. И чем меньше их понимали, тем больше мной поражались.

И чем больше я забавлялся всеми этими играми, всеми этими загадками, ребусами и арабесками, тем больше приходила ко мне слава.

А слава для художника — значит распродажа, прибыли, богатства. Сейчас я, как знаете, известен и очень богат, но, когда я остаюсь наедине с самим собой, у меня не хватает смелости увидеть в себе художника в старом, великом значении этого слова. Джотто и Тициан, Рембрандт и Гойя были великими художниками. Я всего лишь развлекатель публики, который понял свое время. Это мое признание горько и больно, но оно заслуживает того, чтобы быть искренним...»

У власти одна задача: оглупить и разложить волю народа.

Иду и повторяю: «Заброшенный народ! Заброшенный народ!..»

Смысл патриотизма заключается в том, чтобы держать интересы Отечества выше частных интересов людей и отдельных их сообществ. Это необходимо для выживания **ВСЕХ ЛЮДЕЙ, ВСЕГО НАРОДА**. Разумеется, это не повод для оправдания духовного подавления личности.

О России словами Овидия можно сказать¹: «Горькие слезы ее — это была моя кровь». Эта кровь невыносимо жжет, кажется, струится не кровь, а расплавленный металл...

Во власть позора брошено все.

Заседаний, конференций, съездов, конгрессов и т.п. с каждым годом все больше и больше, а жизнь все хуже и гаже, подлее².

Не правда ли, восхитительна жизнь этого нового капиталистического государства под названием Российская республика? Ну хотя бы эта чехарда министров и директоров ФСБ, за подобие которой когда-то столь травили последнего самодержца. Распутина, правда, еще не хватает, но, по определению нынешних порядков одним из политиков, «у нас коллективный Распутин».

¹ Публий Овидий Назон. *Amores: Любовные элегии.* — М.: Худ. лит., 1963. С. 47.
Я любил Овидия и собрал все, что было издано его на русском языке.

² Дни напролет льются песни, звучат голоса радиостанции «На семи холмах» — образцовой американской радиостанции. Именно американской — в ней ни на ноготок нет русского, кроме нарочито звучащих подобранных русских имен дикторов. Это чисто американская станция, и она просвещает нас, «олухов»...

И сколько же таких радиостанций — каких угодно: американских, французских, немецких... Но никогда — русских (российских сколько угодно, но не русских)!

Здесь звучат голоса Америки, Израиля, да кого угодно, но только не русской земли. О русской земле и не вспоминают. Русская народная музыка (и любимые песни) звучит как милостыня. Впрочем, она и не звучит. Деньги все качают русские — от русского пота и труда, а станции, как и все прочее, не русские, чуждаются русского, в лучшем случае — извиняюще снисходительны к русскому...

Образцовая американская радиостанция на русской земле.

Все эти радиостанции давно уже позабыли, что русская речь не тараторочная. Она плавная и мелодичная.

Редким злопыхательством к русской земле пронизана телепередача «Катастрофы недели». К примеру, клеймится русская бомба, сброшенная на Новую Землю в 1961 году. А кто первый открыл атомную эру? Американцы без всякой военной нужды, как это выяснилось позже, бомбардировали Хиросиму и Нагасаки. Цель была одна: запугать Москву. Об этом господа из телепередачи не издают ни звука, как и о варварских испытаниях ядерного оружия на атоллах Тихого океана, причем до последнего времени. Гадостью и гадостью поливается Россия, ее военные усилия. Да не имей мы ядерного оружия и ракет, нас уже давно разодрали бы на части, как Югославию...

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Бодро оповещают о подобных перемещениях дикторы новостей, присовокупляя сообщения о новых грабежах, о забастовках, о подложных разорениях (очередных ограблениях), модах, фестивалях, очередном месте отдыха для президента стоимостью в 50 млн долларов, не заикаясь, однако, о растущей всеобщей нищете.

У власти она задача: оглушить и разложить волю народа.

До конца честно никто не расскажет с экрана телевизора или по радио, как могучее государство превратилось в убогое и беспомощное, как оно занимает огромные суммы за границей, а радио и телевидение после заходятся от восторга, сообщая о займах. Да где это видано, дабы долг являлся благом?! А наш долг под десятки миллиардов долларов — вечная кабала и вечная жизнь международной побирушкой.

Разорим, растащим — зайдем. Вот это власть!

И политику-то крутят все те, кто превратил могучее государство в карликовое, в беспомощное и пользуется за это всеми благами и почестями. Вот уж извращение!

Политическая и денежная жадность этих людей не ведает пределов, она, как и вселенная, бесконечна, суля народу бесконечные тяготы и беды.

Ничего более грязного и бесчестного, да и преступного, чем нынешняя российская демократическая власть, представить себе невозможно да и не всегда хватает воображения...

Она изобретает ложь за ложью и сама же начинает верить в обман, потому что другого уже ничего не остается.

Независимое останкинское телевидение ждет, как и радио вкупе с газетами, — всегда ждет команды, чтобы раздавить, закидать грязью, обесславить, затравить, разделаться с тем, на кого укажут власти или денежные мешки, а то замолчать навек, будто человек и не жил. Везде и во всем ищет оно грязь. Всему тужится приписать низменное.

Да здравствует свобода быть свиньями?!

Почитание Горького сионистами исходит исключительно из его отношения к России, как дну жизни. В книгах его Россия — черная, скособоченная и недобрая, с каким-то незрелым сознанием, ка-

бацки опасная и разрушительная. Царапнув молодой частью своей жизни по ее дну: проституткам, бродягам, пьяницам, вору, сам бродяжничая, — он вообразил, будто вся Россия именно такая, другой нет и не бывает. Он с презрением относился к русской церкви и оставил о ней самые недобрые слова. Это был хулитель русской жизни, порождение прозападного взгляда на Россию. Недаром он так желал поражения России в Первой мировой войне, боясь, что Россия навалится своим «100-миллионным брюхом» на Европу.

Выкрикнув раз: «Человек — это звучит гордо!», — он все остальное время могильным червем копался во внутренностях неживого человека, ища там солнца и блеска дня.

Либеральная и советская России отплатили ему сторицей: по всей Руси ему красуются памятники, все города имеют улицы его имени, клубы и заводы его имени. И никого столько не издают и не издавали...

Конечно, не все творения его изображают Россию сборищем пьяниц и бродяг. У него есть и светлые рассказы, но свет их гасится той бесконечной злой путаницей в его сознании, которую он принимал за русскую жизнь.

У нас есть немало одаренных писателей, которые оставили чудные вещи о России и русских людях, но о них мало кто ведает. Их именами не названы ни одна школа, ни одна библиотека. Да разве могут быть такие в чести? Даже Шолохов забывается почти при жизни, но не Горький.

Горький угождал процессу национального разрушения России, и за это был возвеличен сверх всякой меры. В этом вся правда.

Есть ли в наших названиях, к примеру, хоть что-то от памяти редчайшего мастера русской словесности Николая Семеновича Лескова (1831—1895)? А ведь это умелец, мастер, мастерище выделки русского слова, самой изящной и затейливо-тонкой резьбы по русскому древу словесности.

И не будет таких названий. Лесков же не разрушал русскую национальную жизнь.

Сталин явился для Горького своеобразным возмездием за оскорбление русской жизни. Возвеличив, он задушил его в своих объятиях.

• Двое морских офицеров остановились на тропинке в парке, что сбоку моего дома. Они очень заметны в черных шинелях. Один из них поднял палку, повертел, страхнул от снега — и принялся сковыривать пробку с бутылки водки.

... Сейчас им станет хорошо...

Грянул гром, да не из тучи, а из навозной кучи. В России демократическая мысль развалилась, расплзлась, перепрев в воровстве и обмане. Остались от ее высоких установок и лозунгов лишь нищета и повсеместная проституция — вот и вся правда «эпохальных» реформ.

Было, есть и будет: нечистоплотные цели рождают нечистоплотные действия.

Демократия должна быть подчинена целям национального развития государства.

Свобода не является только принадлежностью демократии — это неотъемлемое свойство жизни. Стремление к свободе является естественным состоянием всего живого на земле.

В то же время несвобода может быть вполне присуща и демократическим режимам, как у нас в России. Экономика может делать человека несвободным и непрерывно это делает. Шопенгауэр вывел точную формулу: «Человек сын нужды, а не свободный ум»¹.

Нищета и нужда (кстати, «нужда» на древнерусском означает «труд»), да просто крайне стесненные материальные условия жизни, превращают человека в раба в свободном по всем установлениям государстве: действует парламент, выходят газеты, которые пишут как будто что угодно.

Помните отзыв Отто Бисмарка о газетах? Большой лист бумаги, испачканный типографской краской. По нашим дням, ежели бы только типографской...

¹ Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ. Основное сочинение — «Мир как воля и представление». Широко известны его «Афоризмы житейской мудрости». Пользовался известностью у русского студенчества начала XX столетия. В нем можно найти предпосылки для определенных идей национал-социализма Гитлера. Недаром Ницше, как и Вагнер, находился под влиянием его построений. У него был хороший язык.

Впереди, загораживая вагон, стоят двое, они только вошли в трамвай. Тот, что покрепче и повыше, говорит громко, не стесняясь. Сам смеется своим словам. У него под мышкой газета, навернутая на бутылку.

Его дружок кивает на бутылку в газете: «Ты что пьешь?»

«Все, что горит!»

Они смеются.

Тщедушный человек сидит со мной на задней скамейке. Он осторожно приоткрывает сумку и гладит по головке маленькую собачку. Потом смотрит на меня. Мы улыбаемся, по-моему, понравились другу другу.

От улыбки мне легче. Какая-то мгла пала в это утро мне на сердце...

И еще об одной печальной и кровавой исторической тяжбе.

Бывший начальник Бюро № 1 МГБ СССР по разведывательно-диверсионной работе за границей генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов рассказывает в своих воспоминаниях «Разведка и Кремль»:

«Говоря о преступном массовом уничтожении польских военнопленных и попытках Хрущева и Горбачева скрыть эту трагедию, надо отметить и то обстоятельство, что, возможно, расстрел поляков в 1940 году был своего рода мщением, сведением счетов с отпетыми антисоветчиками, польскими офицерами, за уничтожение сорока тысяч (по разным данным разные цифры) наших военнопленных в польских концентрационных лагерях после поражения Красной Армии в 1920 году под Варшавой»¹.

Никто не вспоминает замученных и расстрелянных поляками

¹Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. — М.: ТОО Гея, 1996. С. 328.

«Когда Хмельницкий в 1648 году призывал западнорусский народ восстать против поляков, то он в своем универсале счел нужным вспомнить и о самых древних русских временах — о временах савроматов и руссов, славных и в Азии, о том, как поляки, составлявшие с ними одно едино, отделились, забрались за Вислу к Одере, наделали много разбойнических бед другим народам и как, повернувшись назад, захватили незаконно русские области» (Юялович. С. 92).

«Одно едино» с русскими составляли и украинцы, и белорусы.

ЗА 20 ЛЕТ ДО КАТЫНИ 40 ТЫС. РУССКИХ, но травят русских за уничтожение 16 тыс. польских офицеров в Катыни и других местах!

Печальная судьба русских — ложиться безвестными в могилы.

Но отныне мы отказываемся принимать упреки за Катынь.

Нам очень неприятен и другой факт. Дело в том, что после отпадения Польши от Русской империи (сразу за октябрьским переворотом) в Варшаве оказался варварски разрушен и сметен величественный кафедральный православный собор, воздвигнутый по проекту академика Л. Н. Бенуа.

Мы же всегда молчим.

Белый свет не стоит, а врос в великую ложь.

Что до русского удержания Польши: Речь Посполитая до середины XX столетия самостоятельно существовать не могла; достаточно почитать на сей счет воспоминания Бисмарка. Я не буду его приводить. Его рассуждения есть в моей книге о Великой Отечественной войне.

Не займи русские Польшу, в ней господствовала бы Германия, это совершенно точно. И еще неизвестно, какое зло оказалось бы горше.

Лето 1819 года выдающийся русский историк и писатель Николай Михайлович Карамзин с семьей по приглашению Александра I жил в Царском. По возвращении с польского сейма, который Александр I ездил открывать, он повстречался с Карамзиным (1766—1826). В беседе самодержец сообщил о своем августейшем желании восстановить Польшу в ее древних границах, отдав ей всю Западную Россию. Карамзин очень разволновался, однако не посмел возразить.

Домашний Николай Михайлович составил записку, которую и вручил вскоре самодержцу.

«...Вы думаете восстановить древнее королевство польское, но сие восстановление, согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями?.. Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти **целость своих держав**? Сии земли были уже Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра, Екатерины...

Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской... Вы... уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности... Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душою к отечеству, видя оное игральщищем самовластного произвола...

Не опустел бы, конечно, дворец, вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы...¹

Тут ничего не надо объяснять или добавлять.

По своим взглядам Карамзин, конечно же, был чистокровный славянофил (славянолюб), как, впрочем, и любой порядочный русский.

Из дневниковой записи, август 1977 года.

«Я стою в очереди. Уже два года я живу один. Все дела приходится делать самому. Самые худшие — стоять в очередях.

Старик впереди меня просит продавщицу, молодую толстошею женщину:

— Будьте любезны, мне три помидора покраснее. Пожалуйста...

— Что? Покраснее? Да у тебя пупок развяжется, старый хрыч.

Очередь покорно молчит.

— Молчите, молчите, — дергает меня сзади за рукав женщина. Я не знаю ее...»

По словам одного из бывших руководителей внешней разведки России в 1998 году, сказанным по телевидению, Польше не повезло со своими руководителями. Данные внешней разведки России свидетельствуют о том, что премьер-министр польского правительства в эмиграции пан Миколайчик являлся не просто агентом

¹Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — СПб.: типография А. С. Суворина, 1884. С. 181. Текст выделен мной. — Ю. В.

английской разведки, но агентом платным. В свою очередь, министр иностранных дел Польши накануне Второй мировой войны пан Бек числился агентом германской разведки¹.

Но и нам, русским, нечего предаваться благодущию. В каком государстве на земном шаре двое его руководителей, один за другим, оказались бы отборными предателями, а один к тому же и пропойца, да еще забубенный.

Доголосовалась Русь...

ГЛАВА VII

Права какого человека?

1917-й...

Вглядываюсь в то время, вглядываюсь, пока не растворяюсь в той улице, иду с людьми,вливаюсь в толпу. Слышу ее движение, покашливания, смешки, отзыв на каждое слово оратора. Кроют матерком, не стесняются. Горло перехватывает дым от самосада, натужливо, въедливо звучат голоса ораторов. Все распинаются в любви и верности России. В ответ — свист, шарканье сапог, выкрики, негодующий или одобрительный гул и напор толпы ближе к трибуне, коли оратор нравится, коли не говорит, а режет по живому.

¹ Станислав Миколайчик родился в 1901 году. В 1930—1935 годах — депутат сейма (парламент). В 1939 году эмигрировал в Англию, где англичане продвинули его на пост вице-преьера правительства Польши в эмиграции, в 1943—1945 годах — премьер-министр этого правительства (по мнению Сталина, высказанному Миловану Джиласу, английская разведка для сего убрала под видом авиационной катастрофы премьер-министра генерала Сикорского). С 1945 по 1947 год входил в состав народного правительства Польской Республики, являясь вторым заместителем премьер-министра и министром земледелия. В 1947 году англичане устроили ему тайный побег к себе на остров. Вскоре Миколайчик перебрался в США. «Патриот» Польши на английские и американские деньги.

Юзеф Бек (1894—1944) — пилсудчик, полковник; служил в польской дефензиве (разведке); с 1932-го по 1939 год — министр иностранных дел Польши. Как министр иностранных дел он проводил проберлинскую политику, отличаясь, как, впрочем, почти вся Польша поголовно, выраженным неприятием всего русского. При разгроме Польши в сентябре 1939-го сбежал в Румынию, где и опочил через 5 лет. И обратите внимание: немцы его не тронули.

Заморосит октябрьский дождь. Зябко подует ветер. Толпа разбредается, пропадая в первых сумерках.

И я бреду по той черной улице. Один...

Пока один...

В глубокой ночи вижу свет...

Иду на этот свет...

Жить и верить — одно невозможно без другого, ибо свет этот горит в моей душе.

Представитель нашего патриотического движения встретился с потомком старинного русского рода — графом N. — ныне удачливым банкиром. Граф подытожил обмен мнениями: «Вам я помогать не буду. Я мечтаю войти в мировую элиту, мечтаю оказаться там, где бывает Генри Киссинджер...»

Генри Альфред Киссинджер — государственный секретарь США при президенте Ричарде Никсоне (годы президентства Никсона: 1969—1974; вскоре после избрания на второй срок Никсон из-за жульничества на выборах оказался вынужден покинуть Белый дом). В 1999 году 76-летний Киссинджер — по-прежнему глава влиятельной, поистине всемогущей чисто еврейской масонской организации «Бнай Брит», перед которой гнут спину американские президенты.

Чему удивляться? Не Милюков и не Керенский предали последнего русского самодержца. Они всегда были его врагами и присягу изменили без внутренних терзаний, с охотой и веселым перемигиванием. Первыми же предали те, кто стоял у трона, кто пользовался всеми привилегиями и милостями своего сюзерена¹, все это именитое дворянство: раззолоченные бароны, графы, князья... — в своем подавляющем большинстве сугубо космополитическая, наднациональная верхушка России («вы, жадною толпой стоящие у трона...»), хотя и не вся она была такая. Взять, к примеру, графа Игнатьева...

Сердце мое принадлежит русскому народу — его обыкновенным, простым людям, на деле вовсе не простым и вовсе не обыкновенным. Они мне свои, родные...

¹ Сюзерен — в феодальные времена первый держатель богатств земли, раздававший вассалам поземельную собственность.

Жизнь хаотична и глупа, если человек лишен воли. Воля защищает человека в хаосе случайностей, выводит из-под гнета болезни и не дает потерять смысл, делая стойким, даже неуязвимым перед врагом.

В общем-то демократия из-за своей идеологии — космополитизма — всегда является выражением международного интереса в национальном пространстве. Она всегда двоедушна по отношению к народу. Всегда готова к сговору с чужим, иностранным миром, сговору в ущерб народу и своей национальной экономике. Она вращается в кругу космополитических интересов, преданно обслуживает их: собственно, для сего она и вызвана к жизни капитализмом (не о народе же печется строй, в котором за божество стоит прибыль и только прибыль; значит, народ — мордой в землю).

Демократия в современном виде — порождение капитализма, его дитя. Где демократия, там в национальное пространство вторгаются иностранные интересы — интересы самых властных и денежных монополий и банков, обычно это или американские, или японские, или израильские банки и монополии (что американские, что еврейские — чаще всего сие одно и то же).

А что значит прислуживать капитализму?

Обратимся вновь к словам Данинга из Марксова «Капитала». Нам, пожившим при капитализме, очень даже понятна их логика:

«Капитал боится отсутствия прибыли. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10% — и капитал согласится на любое применение (даже противозаконное. — Ю.В.). При 20% — становится оживленным. При 50% — положительно готов сломать себе шею. При 100% — он попирает все законы. При 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти...»

Вот это демократия и призвана обеспечивать, не щадя людей. Для сего она и рождена историей. Свобода, равенство, братство! — дабы умирать за прибыли капиталистов.

В словах Данинга выражена вся мораль капиталистического общества, во всяком случае, российского, — вся его лживость и лицемерие, прикрытые рассуждениями о правах человека. Свободы при этом строе, действительно, сколько угодно, но вся она сво-

дится к одному: труду во имя барышей хозяев капиталов. Иначе бедность и гибель. Ничто, кроме прибыли, этот строй не интересует. Этот строй все опошляет и уродует: любовь, веру, искусство, семью, национальную природу народов и государств.

Низменные цели, низменная природа строя определяют и сущность его идеологической надстройки. Она гнусна и обманна.

Не моя власть, не мой порядок, не для меня эти дни.

Нельзя забывать, что в буржуазном государстве правят владельцы капиталов, но никогда — народ. В этом заключена еще одна великая ложь демократии. Когда читаешь или слышишь слова «всенародно избранный», то чувствуешь, в какой великий обман играют с народом и что за ложь — демократическая избирательная система.

Итак, сионизированный капитализм к исходу XX столетия предельно обострил борьбу за брэнное существование. Каждый воюет против всех.

Социализм даже нельзя сравнивать в этом с капитализмом. Мы, прожившие при социализме 50 и более лет, можем оценивать это беспристрастно. Много тяжелого и даже уродливого происходило при социализме — уравниловка, пренебрежение личными нуждами и ограничение личных свобод, но в основном это касалось утверждения и сбережения советской власти. Здесь развертывались множественные убийства, лагерное изничтожение людей; здесь свирепствовали сыск и доносительство. По преимуществу только здесь...

Со знанием дела рассуждает о нынешней кремлевской власти бывший вице-премьер правительства России Владимир Филиппович Шумейко (можно сказать, стремянной «всенародно избранного».

«...Единственное, что мы создали, — унитарное (единое, составляющее одно целое. — Ю.В.) государство Кремль. Беззаботный остров в океане народного горя... Здесь нет долговременной

политики, люди никого не интересуют, ради них никто пальцем не шевельнет, они просто не входят в сферу (в круг, в область. — Ю.В.) интересов государства. Да и государства-то нет. Власть одного человека. Цинизм (бесстыдство. — Ю.В.), демагогия (обман лживыми обещаниями. — Ю.В.), во сто крат превосходящая партийную. Главная задача — спасение самих себя. Придумать ничего домощенные политики не способны. Задавить новыми налогами, отнять... последнее — вот и все. Тех же коммерсантов с «новыми русскими» на руках носить надо! Они же производители, наполняют бюджет (чей только бюджет? Ведь средства в основном вывозятся на Запад и работают на Запад. — Ю.В.). С них вообще ничего брать нельзя. А окружение Ельцина свое: «Главное — мы удобны Западу, открыли не только душу, но и ресурсы, любые технологии. Берите, пользуйтесь! Все нами довольны. И мы — собой...»¹

Словно будущая фотография в проявителе, которая все более яснее обозначает как детали, так и всю картину, все четче и четче выступают из мглы времени очертания зла, содеянного Ельциным и его сторонниками: размах и разрушительность преступления против народа и государства.

Втоптать народ в землю, но разбогатеть. Задушить хозяйство страны налогами, лишить народ зарплаты, разорить всех — самое жгуче важное: **разбогатеть и уйти от ответственности**. А для сего превратить свою власть в ПОЖИЗНЕННУЮ ДИКТАТУРУ. Растоптать законы, превратить их в бумажную видимость. Превратить, превратить...

Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Этот режим — порождение Запада. К всероссийскому престолу Ельцина под руки вели Буш, Миттеран, Колль, Клинтон и денежные воротилы земного шара... Почти всех можно отнести к уродам мировой истории.

Теперь российские банки дают ему силу стоять у власти, а он им отдает Россию. Сырьевая подстилка Европы и США.

Давно уже пора проветривать помещение...

¹Совершенно секретно. № 7. Июль 1998. С. 6—7.

«Они же... наполняют бюджет».

Наполняют слезами и кровью народа.

Новые космополиты-буржуа бюджет не наполняют. Его на 90% наполняет народ, обобранный и голодный. А новые буржуа, имея все, угоняют деньги на Запад — сотни миллиардов долларов. Они научились ловчить и обманывать закон. **В Россию они не верят. Они верят в доллар.** И все они по гроб жизни благодарны Ельцину за то, что не помешал растащить ЗА ГРОШИ народную собственность: героический и во многом бескорыстный труд трех поколений народа, его пот, боль, страдания, гордость. Все-все пошло прахом! Все провалилось в карман «приватизатора». Общее, созданное общим трудом и надрывом, внезапно стало частным...

Народ не имеет таких средств, чтобы из своей среды выдвигать кого-либо в кандидаты на власть (не только высшую). Посему народ наблюдает (всего лишь наблюдает), как кучка богачей оспаривает президентскую власть друг у друга, дабы после тешить честолюбие, упиваясь подчиненностью миллионов.

Я насмотрелся на это с самого близкого расстояния, будучи кандидатом в президенты на июньских выборах 1996 года. **Выборы были, есть и будут лишь денежной операцией, не имеющей ровно никакого отношения к правам человека, свободе и демократии.** Как лжив здесь лозунг: свобода, равенство, братство — в чем равенство, в чем свобода? В праве подчиняться воле денежных воротил — и покорно голосовать?..

И впрямь, отчего не поучаствовать в президентском споре за власть? У одного — свое телевидение. У другого — вообще все государство в кармане. У третьего — миллиарды долларов... И у всех — телевизионное время (да целые программы свои), газеты, своры купленных литераторов, журналистов, известных интеллигентов-крикунов, особенно артистов-крикунов. У каждого свои огромные помещения, десятки машин, автобусов, сотни людей в командах — деньги на оплату и не считают. «Схвачены» все областные газеты, телестудии. В кармане — областные власти, военные генералы, службы министерства внутренних дел. Всем раздаются должности, деньги, поездки на курорты, автомобили, квартиры, звания; пособляют «кандидатам» и секретные службы, а

кое-кому доллары на избирательную кампанию отваливают из-за границы (им надо сохранить такую Россию)... — ну как не выиграть?..

И ты стоишь один против всех, один против всей их бешеной денежной мощи и бесстыдства...

И все вместе это называется ДЕМОКРАТИЕЙ. Какой же в этом смысл? Где же право быть избранным, коли без денег это несбыточная мечта? Однако об этом праве гордо возглашает конституция России и всех прочих демократических государств. На высшую должность в стране не может прийти человек, не имеющий весьма внушительных средств, которые и присниться не в состоянии простым людям. Правда, миллионы долларов кандидату могут вручить банки и отдельные воротилы экономики, ежели он годится на роль ревностного исполнителя их воли по новому обогащению. Это и называется демократией — быть холуем у больших денег. **Это и есть венец свободы — предать свой народ.**

Народ — это такое образование людей, такое его множество, которое не имеет права на власть.

Народ не имеет права на власть.

Народ не имеет права на власть.

Народ бесправен.

Народ зажался, никому не верит.

Права человека...

Смотрю в окно: луна накладывает на улицы свои краски. Призрачно гнется на ветру одинокий дым слева за Ленинградским шоссе...

Ради этого мира стоит не щадить себя. Счастье, когда тебя любит женщина!..

Растерянность, озлобление, бессилие и убийства, убийства, как подступы к Гражданской войне.

Похоже, на просторах России снова витает мятежно-кровавый дух короля террористов Бориса Викторовича Савинкова. Снова бу-

дут, как он, кровью добиваться социальной справедливости, пулями, взрывами, ненавистью...

В истории мало нового. Она прокручивает все одни и те же, известные нам ходы...

Какое христианство? Какой Бог?..

Одна часть людей, притом ничтожная, попирает другую часть, то есть всех людей. И не попирает, а пожирает во имя своего довольства и похоти. Мало того, что пожирает, но и выжимает семь потов из людей во славу своего счета в банке.

Все эти так называемые реформы — настоящая оргия сытых и богатых на костях, слезах, проклятиях десятков миллионов обычных людей. Это какое-то узаконенное перекачивание крови всего народа в плоть горстки жирных и богатых. У власти одна задача: оглупить, разложить и лишить воли к сопротивлению народ.

Да будет тьма!

Куда ни глянь — отовсюду таращатся черепные глазницы нужды и попусту, по жадности и преступности сгубленных жизней.

Хорошо любить человечество, легко любить его. Но любить всех, когда твоему народу едва достает сил держаться на ногах, — это уже душевная черствость, это своего рода бегство из ратного строя в канун решающего сражения. Люби и служи своему народу!

В 1960—1970-х годах в Латинской Америке наблюдалась борьба в католической церкви. Для верующих становилось все более очевидным, что **церковь насквозь протитуирована богачами и продажными политическими режимами.**

Если не изменить положение, и у нас влияние церкви окажется необратимо подорванным...

Чудесные слова встретил я у Лундквиста:

«Новое, манящее, неизвестное можно найти повсюду, стоит лишь захотеть: в песчинке, капле воды, атоме или среди планет вселенной...»¹

¹Эрик Лундквист. Дикари живут на Западе. — М.: Географическая лит., 1958. С. 271.

Бедой Сталина было отсутствие последовательной и целостно-развитой национальной политики. Национальной политики как таковой у Сталина не было. Он действовал здесь «фрагментарно» (отрывочно, какими-то кусками национального мышления, но не целостной национальной политикой) и только себе на пользу, беря под свою власть все то, что могло ее укреплять, не очень задумываясь о будущем государстве. Многие говорят о том, что он не верил в будущее Русского государства после своей смерти. Он видел, как складывается мировое (всеобщее) масонское государство сверхбогачей, и видел, что нет в социалистическом стане вождей, способных управлять этим станом, а без вождя борьба народа и народов невозможна...

В БУРЖУАЗНОМ ЖЕ СТРОЕ НЫНЕШНЕЙ РОССИИ ДАЖЕ НА ВЕРШОК НЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ, ОТСУТСТВУЕТ САМА ВОЗМОЖНОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ, КОТОРАЯ ЗАТО ВСЕГДА ПРИСУТСТВУЕТ ДЛЯ БОГАТЫХ.

Замечательные математики, одареннейшие изобретатели, целые легионы инженеров служат сторожами, чернорабочими и уборщиками помещений. Рабочие высших разрядов, дабы выжить, копают огороды, подражаются грузчиками в магазины, соглашаются на любые случайные заработки. Офицерский корпус прозябает на гроши. Русский рынок забит иностранными товарами, свидетельствуя об уничтожении отечественного производства и полной хозяйственной подчиненности России Западу.

Отечественное производство составляет менее 30% от советского накануне краха СССР.

В деревнях и селах по землям коренной Руси рождается людей меньше, а умирает больше. И никому нет дела до коренной Руси. По официальной статистике более миллиона детей числятся на 1998 год беспризорными. Большой размах приняла проституция малолетних...

И так во всем и везде. Культура и образование становятся делом избранных и все более теряют как свою силу и полноту, так и национальную природу.

В жизни обычных людей царствуют произвол и беззаконие.

Мораль капитализма (в большинстве случаев, следовательно, и демократии) по-своему определяет ценность человека. Рабочий

человек — это якобы глупец, это отброс, ибо не способен ни на что другое, как только быть рабочей скотиной.

Ты беден. У тебя ничего нет. Ты ни в чем не успел. Стало быть, ты — никто. Как человек ты — пустое место. Ты никому не нужен. **Ты во всем виноват.** И прочь с дороги!

Как видим, эта ценность сугубо товарная. Человека здесь нет. Человек никому не интересен.

Нигде не сыскать столь прижившегося потрясающего безразличия к человеку, как при капитализме.

· Права человека...

Товар — деньги — товар...

Свобода быть свиньями!

«Всенародно избранный»...

В августе 1998 года внешний долг России перевалил за 140 млрд долларов.

За свои **74 года** советская власть набрала **90 млрд** долга (особо здесь порадел Горбачев).

Зато за свои неполные **7 лет** реформ Ельцин сподобился надевать около **60 млрд** долга — ни с чем не сравнимое, неизмеримое падение и поражение России.

Тут видно, кто очутился растратчиком.

Сталин выиграл губительнейшую из войн. Страна лежала в руинах. Долг по ленд-лизу (закон о ленд-лизе был принят США 11 марта 1941 года) и другие долги давили чудовищностью (кстати, доллар тогда ценился в десятки раз дороже). **Однако к 1946 году Сталин погасил какую бы то ни было государственную задолженность. Страна не утратила экономической независимости.** К окончанию войны в мае 1945-го Советский Союз располагал золотым запасом, превышающим **2 тыс. тонн**, — и это в условиях постоянных громадных выплат.

А что Ельцин? Россию придавил долг под **150 млрд**, который, безусловно, будет пухнуть и пухнуть. Золотой запас страны снизился до **80 тонн!**

Страна ползет от кризиса к кризису, выбираясь из них новыми внешними займами. Кто оказался растратчиком и губителем, объяснять излишне.

НАРОД НИЩЕНСТВУЕТ.

Неисчислимое множество людей занимается поденщиной,

хворает, старится, умирает многожды раньше природного срока. Не найти такого унижения и такого проституирования своим телом, на которое не обрекал бы человека разбойный капитализм России. Люди проституируют телом, постепенно свыкаются — и проституируют совестью. О чести уже и речи быть не может. «Что это такое?» — спросят те из них, что ведут борьбу на черте нужды и голода, а таких миллионы. Миллионы!

Люди опускаются.

И все пьют. И уже ни во что не верят, на Родину они взирают с холодным осуждением. Даже не политическое равнодушие поразило общество, а какая-то душевная окаменелость.

НАРОД БЕДСТВУЕТ И ГИБНЕТ.

За первые шесть лет существования новой буржуазной России народ потерял свыше 4 млн человек сверх естественной (обычной) убыли. Самая большая неестественная убыль приходится на «чудо-град» Москву — вотчину Лужкова, образцово-показательное поселение ельцинского режима. Что не отнять у Лужкова, это масштабную деловитость, высокую требовательность и хватку крупного хозяйственника. Как только вот соединить несоединимое: самые высокие потери населения и способности крупного хозяйственника?..

О московской приватизации мне дотошливо рассказывал (и передавал бумаги) Юрий Маренич. Тогда же он вдруг, еще совсем не старым человеком, скончался.

Это интересная тема для разговора: строили всем миром, недоедали, отдавали государству взаем деньги, а владеют отдельные люди (по пальцам можно счесть) — и вся прибыль им. Чудны дела Господни...

Дело Маренича завершил Владимир Кучеренко своей книгой «Москва — империя тьмы». Читаем в посвящении: «Памяти и гражданскому мужеству **ЮРИЯ МАРЕНИЧА**... Тому, кто защищал нашу Родину от гитлеризма, замечательному ученому-экономисту и энциклопедисту».

Привлекают внимание названия глав, вот некоторые из них:

Разрушители будущего.

Почему Юрий Лужков стал Долгоруким?

Обыкновенный феодализм. Или фашизм?

Князь города сего.

Поработители.

От Таганки до Останкино, или дорога в рабство.

«Империя Ресина».

Как создавались кланы хищников.

Как будто в оккупированной стране.

Спрут собирает дань.

Оккупационные части.

Шествие безглазых трупов.

Обвиняется Юрий Лужков! Обвиняется система!¹

Жестокий образец уродливой мечты...

Пушкин

Но самое поразительное: кругом нужда, болезни, горе, а на экранах телевизоров и по радио — один нескончаемый праздник. Моды, новые автомобили, роскошные дома, изобилие еды, раздевание женщин, дорогие курорты, россыпи драгоценностей, рулетки, разодетые шлюхи, средства против ожирения, презрение к Родине...

Дикари.

Углубляясь в капитализм, общество явно тупеет, становится все более бесчеловечным, черствым и нагло-реакционным — это начинает бросаться в глаза.

Народ замучен, у народа нет возможности свести концы с концами, он хоронит, проедает последнее, пьет зверски и с **растущим гневом приглядывается к жизни**², а телевидение, радио дни и ночи напролет славят богатство, силу кулака, бандитский наскок, убийство, драку. Там пляшут, хохочут, поют, острят, облизывают миллионщиков, глумятся над прошлой жизнью, бесстыдно упиваются богатством, ползают на карачках перед американцами и выделывают то, на что не было способно ни одно животное со времен Адама и Ноя...

Его препохабие капитал.

¹ Кучеренко В. Москва — империя тьмы. — М.: Палея, 1995.

² Иду мимо строящегося особняка: котлованище — лужниковский дворец спорта западет. Кто-то мелом высоко вывел на ограждении: «И это пройдет!»

Торжествуют ничтожества, стяжатели, проныры, жулье, насильники, убийцы, взяточники, проституты всех профессий (прежде всего от продажного газетного слова и телевидения — настоящие телетвари) и, конечно же, тоже насквозь продажные и тоже почти без исключений — политические слизняки любых мастей и разновидностей...

ГЛАВНОЕ — РАЗБОГАТЕТЬ.

Подлое царство осененного государственным почетом стяжательства. Будь свиньей!

Сами эти царства наживы и богатств, достижение которых все списывает и все оправдывает, предполагают громадную и неистребимую преступность, которая в конце концов всегда становится организованной и всегда смыкается с политической властью в единое и нераздельное целое.

ЗДЕСЬ ПРЕСТУПНО УЖЕ ГОСУДАРСТВО. ОНО ПЕРВОПРИЧИНА ЗЛА.

Победить преступность невозможно, не преобразовав порочное государственное устройство.

Этот строй смердит всеми своими порами, каждым словом и движением.

Да здравствует свобода быть свиньями!

Странная жизнь. Все люди работают. Все участвуют в создании материальных и духовных ценностей, отдавая свой ум и физические силы, а обстановка в мировом хозяйстве почти всегда показывает на «неблагополучие». И жизнь у большинства натянута-напряженная, с тревогой за будущее (так и жди, сорвется у человека: да будь она проклята, такая жизнь!) — и это за честный труд не покладая рук. А в конце жизни грошовая пенсия, которую все норвят урезать.

Так где же труд миллиардов людей? Куда пропадает труд? В какую прорву?..

Тысячи раз прав Пьер Жозеф (1809—1865): собственность есть кража.

Кража, да еще очень часто — и насилия, убийства и прочие мерзости! Во всяком случае, для российского капитализма это всеобщий закон. По становлению российско-еврейского капитализма в России можно изучать хищные задатки человека — нет

порока, который не проявил бы себя со всей своей подлой и разбойной полнотой.

Без Советского Союза капитализм открывает свое настоящее лицо — не лицо, а оскал хищника. При Советском Союзе капитализм вынужден был идти в своей внутренней политике на серьезные уступки. Идеологи капитализма сочинили в ту пору ряд теорий о схождении капитализма с социализмом.

Какое схождение, в чем, ежели основной закон капитализма — прибыль? И во имя этой прибыли капитализм и устраивает на свой лад и государство, и общество, следовательно, и жизнь людей.

Хищная, убого-потребительская суть этого общества диктует людям мораль. Те же люди и государства, которые отказываются ей следовать, объявляются под разными предлогами врагами мирового сообщества и под флагом ООН уничтожаются.

Но раскроется, раскроется наш час. Никуда от этого не уйти — раскроется, и настанут другие порядки и утвердится другая мораль.

Я часто сажусь на самых ходовых дорожках: на тумбе фонаря, краешке скамейки, коли вся занята, или прислоняюсь к стене здания — и делаю наброски. Мне интересно видеть и записывать все, что перед моими глазами здесь, в середине города. Особенно интересно подбирать нужные слова, чтобы описываемое все легло в слова, все-все уместилось в слова...

Из определения Прудона следует: **долой богатства!**

Социалистические идеи возникли не случайно, не по прихоти утопистов, одичавших в своем одиночестве.

Социалистические идеи возникали и крепили столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием, едва ли не со времен Христа.

Социалистические идеи имели и имеют под собой экономическую основу — основу не выдуманную, а существующую в действительной жизни, в отношениях человека с человеком.

Марксу удалось выразить социалистические идеи для своего времени с наибольшей убедительностью. Однако выводы его зиждятся на истреблении людей, хотя сама критика капиталистического строя, безусловно, сильна, ибо **капитал паразитирует на труде.**

Однако сам социалистический строй предполагает другое

сознание человека, а в человеке собственнический инстинкт заложен с величайшей прочностью.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВА — В СОЧЕТАНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ, покуда медленно, столетие за столетием, не перетрется собственнический, хищный инстинкт человека, покуда социалистическое устройство производства не нащупает верные виды вознаграждения труда и главное — трудовой инициативы человека.

Сочетание средней и мелкой собственности с собственностью государственной, особенно крупной, представляется сейчас наиболее разумным устройством экономики.

В НЕДРАХ СВОИХ РУССКОЕ СОЗНАНИЕ ОСТАЕТСЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ — К СЧАСТЬЮ, С ЭТИМ НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАТЬ.

Вряд ли оно станет другим. Время не сотрет, а усилит это настроение. В общей массе русским противно собственничество. Это настроение определит будущее России.

Призрак коммунизма действительно бродит, но не по Европе, а по России. У этого призрака столь хорошо знакомое нам лицо, повадки, говор. Большинство людей с радостью зовет его. Теперь это большинство молит провидение, дабы призрак устроил им жизнь, всякое терпение уже избыло. Совести у нового буржуазно-космополитического общества ни на грош. Она и не обнаружится, коли для их порядка самое важное, важнее матери и Родины, — барыш, доход, счет в банке. Откуда в таком случае взяться совести и добру?

Его препохабие капитал резвится...

А меж тем наш час — настает. Ничьи и никакие ухищрения не останоят возрождения России. Никуда от этого не деться. Оно не задержится и не зависнет в каком-то промежуточном состоянии. Оно окажется полным. Ибо им будет повелевать разгневанный народ.

Чудится, и призрак многое стал разуметь. Да и не видать на нем что-то Марксовой бороды. И не картавит! Здравствуй, браток...

ВСЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДОЛЖНЫ ПРОХОДИТЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ТОГДА ЗАТУПАТСЯ, НЕ ДОЛЕТЯТ И НЕ ОТРАВЯТ, НЕ УБЬЮТ ЯДОВИТЫЕ СТРЕЛЫ МИРОВОГО ЗЛА.

ТОЛЬКО ДУХ И СТЕНА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА СПОСОБНЫ УБЕРЕЧЬ НАРОД ОТ ЭТОГО СМЕРТОНОСНОГО ГРАДА...

Демократия, или история государственного разграбления и предательства России.

В демократиях власть продажна, она покупается вкруговую. Не будет преувеличением утверждение, что парламент разбирается за деньги чуть ли не до последнего места. Власть президента тоже достается за деньги (деньжища!). Без умопомрачительных вложений президентская власть того или иного лица невозможна. Все эти права человека, свободы, декларации, джефферсоны, пейны, линкольны... — одна видимость, одна вывеска для простофиль, чистое надувательство. Народ угнетен — и вся власть в государстве на страже того, чтобы он из кабалы не вырвался, даже просто не поколебал ее. Политики от демократии — это те, кто умеет трепать языком и обманывать, не краснея. К власти их приводят капиталы богачей. Почти все демократические политики продажны. Люди убеждений по самому складу вещей в капиталистическом обществе невозможны.

До сих пор все разговоры и декларации об обществе равных возможностей предполагают экономическое порабощение людей. Все эти декларации и пышные разглагольствования о свободе, равенстве, братстве предполагают и порабощение одного народа другим, порабощения, запрятанного и густо подкрашенного под демократию. Земной шар придавил Большой Сейф.

Мы теперь уразумели, чем оказалась демократия для России — это ее государственное разграбление, поношение и унижение «своей» же массовой печатью, литературой, кино и телевидением и едва ли не всеобщее «служебное» предательство. Российская власть пошла в услужение к Западу, не стыдясь, а даже ставя себе это в заслугу.

Да здравствует тьма!

Монархия или национальная диктатура — далеко не совершенные способы правления, но наиболее приемлемые, во всяком случае, на данном промежутке исторического развития именно для России.

Они должны обеспечить коренное изменение положения народа — в этом их единственная задача.

Если они на это не способны — они не нужны никому, тогда место их на свалке истории.

Всякое другое правление уже есть уничтожение культурной и хозяйственной самостоятельности, государственной независимости и воли России.

Разумеется, и здесь корысть и злоупотребления не исключены, однако при этом обычно сохраняются единство родной земли, единство народа, национальная культура и т.д. При демократии все идет прахом. Космополитический капитал вламывается в пределы страны и подрывает все ее национальные образования. Его интересует прибыль, ему плевать на народ, на страну, вообще на все — он здесь жадный чужак. Он делает только то и так, как ему удобно и выгодно¹. Национальные связи-крепления неизбежно рушатся. Народ бедствует.

Да и сама природа демократической власти несерьезна. После выборов человек получает мандат на четыре года и, как правило, уходит (при этом депутатские и прочие полномочия открывают возможность для обогащения). **Каким может быть хозяин страны на четыре года?** Да никаким... Он толком-то и не успеет уразуметь, что нужно для страны сейчас и особенно в будущем. В лучшем случае его отношение к делу выражает двусишие:

По реке плывет топор из села Чугуева.
Ну и пусть себе плывет, железяка х...ва!

Нигде нет такого разбазаривания народного добра и труда, как при демократии. Призрачные выгоды этого строя для народа есть не что иное, как великая ложь нашего времени.

Я не пытаюсь искусственно задержать ход времени, тем более вернуть общество в прошлое. Я достаточно критичен к себе, да и возвращать прошлое? Оно никому не подвластно — только Богу.

¹Нелишне здесь припомнить и философию «динамитного» короля Альфреда Бернхарда Нобеля (1833—1896). Его девиз: «Моя родина везде, где я действую, а действую я везде» (это он учредил Нобелевские премии и оставил на это часть средств).

Основу состояния Нобеля заложило изобретение бездымного пороха — баллистита. Погодя он разжился и на российской нефти.

Но я не могу спокойно смотреть, как растаскивают и разрушают Русское государство, а РУССКИХ ПРЕВРАЩАЮТ В МАЛЕНЬКИЙ ЗАБИТЫЙ НАРОДЕЦ...

Работаю и слышу телевизор. Он все вдалбливает, как хорошо живется людям. Гляди и сорвется этот ящик в счастливую присядку. Американо-масонский рай на русской земле...

Когда я, зажатый совершенным безденежьем, боролся за избрание во вторую ельцинскую Думу, меня пригласили на встречу полдюжины промышленников и денежных тузов. Они предложили мне отказаться от борьбы за отступную, то бишь мзду. Я не просто должен был отказаться, а отказаться в пользу их кандидата. Они заулыбались двусмысленно и стали переглядываться, когда один из них (с русской фамилией) изрек: «Неужели мы, шесть евреев, не уговорим одного русского?»

Не уговорили. Я не просто победил их кандидата, а стер в порошок, но сам был, в свою очередь, побежден зюгановцами — оные, выставив полдюжину своих кандидатов от всевозможных прокоммунистических организаций, **безнадежно раздробили голоса избирателей** (это старый, испытанный прием на выборах). Их кандидаты даже близко не сравнялись по набранным голосам со мной, однако у меня часть голосов съели. Ни один кандидат от оппозиции не прошел. В итоге Зюганов провел в Думу еврея Борового, променял Иону Андронova на Хакамаду... Павел Тимофеевич Бурдуков огорчился, что подобным образом были «выбиты» из Думы многие аграрники по одномандатным округам. Я и раньше подозревал руководство КПРФ в сговоре с демократическими правителями России, теперь смог убедиться. Зюганов подобным образом провел в Думу много демократов.

Я пошел на голосование, не имея ни одного выступления на телевидении, ни одной газетной статьи в свою поддержку, ни одного собрания (префект заявил, что такого не допустит, в крайнем случае отключит в зале свет, воду и т.п.).

Зюганов действовал в интересах власти.

Генерала Рохлина хоронили в среду 8 июля 1998 года.

С таким концом для себя я уже смирился — и делаю свое дело, делаю, все время благодаря Господа за каждый дарованный день. Донести до людей добытые нелегким и непростым трудам знания, оставить для них. Помочь им, помогать, когда меня не станет. Кто, кроме писателя, скажет людям о зле? Быть со своей Родиной всегда.

Я видел картины похорон по телевидению. Вдруг на весь экран буквально вспыхнуло бледное молодое лицо. Парень кричал, выбрасывая кулак над собой: «Ельцин убийца! Ельцин убийца!..»

Рохлин... Мир праху его...

Не найти сейчас для людей (и для меня) более ненавистную фигуру в русской истории, чем Ельцин. Нет ничего хуже, срамней и страшней.

Лев Яковлевич Рохлин звонил мне несколько раз, мы все не могли столкнуться о встрече. Я был поглощен завершением работы над данной книгой — дни, ночи в одном нескончаемом потоке мысли и слов, чтобы после узнать: денег на издание нет. И лежит эта книга у меня в столе...

Но, помимо этого, я сознательно уклонялся от встречи. Меня настораживали прямолинейные действия генерала. Государственная власть не та стихия, чтобы ее изменить с налета, а тем паче ельцинская — она опухолью проросла в Россию.

Наконец, Лев Яковлевич позвонил 1 июля в среду — в самый канун гибели. Он сказал, что встречу откладывать нельзя. Он не представляет себе дальнейшую работу без меня. Сказал и другие добрые слова. Мы договорились о встрече после дня рождения его сына — во вторник 7-го...

Убийство генерала — событие такого же порядка, что и расстрел патриотов в Доме Советов на Пресне 3—5 октября 1993 года. Это политика расправ, тщательно задуманная и бесстыдно исполненная. В чьих интересах это было сделано, ответить не сложно, коли задаться издавна известным вопросом: «Кому это выгодно?»

Если бы жертвой убийства оказался кто-либо из видных демократов, радио и телевидение дни и ночи требовали бы расследования и сурового наказания. Убийство Игоря Талькова, как тысяч и

тысяч других людей, в том числе и зверское — моего товарища по Государственной думе, видного экономиста, доктора наук и депутата Валентина Семеновича Мартемьянова, не занимает ни Ельцина, ни власть вообще...

Легко и свободно плывут эти «пловцы» по нашим дням, рассекая потоки крови, уверенные в своей совершенной безнаказанности.

Подлая и гнусная расправа.

Настанет время, и тайна этого убийства, как и сотен других, будет раскрыта. Станут известны все имена. Все...

«Не все кобылке плясать. Пора быть и в хомуте».

Борьба за лучшую долю невозможна без идеи и без вождя.

Но не только борьба требует вождя. Власть в России будет отвечать природе страны, если она будет приближена к единоначалию на православном идеале монархизма, учитывающем весь тысячелетний опыт России, отнюдь не на многовластии (краткая история демократии показывает, что народ совершенно не способен пользоваться ею и голосует, как правило, против своих же интересов; мы знаем, что и как нужно сделать для исправления сего самого главного изъяна нашей политической действительности).

В данном случае речь идет о России. Мои выводы исходят не только из тысячелетнего прошлого России, но и опыта демократии в России, которая уже мало что оставила от великой державы.

Все это нужно не во славу отвлеченных лозунгов, а для выживания народа, для жизни в государстве, которое действительно способно обеспечить такую жизнь, обеспечить — и защитить. Не разграбление России несколькими сотнями крупных собственников, а достойные условия существования для десятков миллионов людей, забота о своих гражданах как долг государства, которое и должно-то существовать с одной-единственной задачей: бороться за лучшие условия жизни для своих граждан. Для того и создается государство, для того оно собирает налоги...

Что хорошо для России, очевидно, не слишком полезно для Фран-

ции и неприемлемо для США. Такова природа России, народ которой сложился под властью монархов и диктатуры большевиков.

Демократия чужда большинству народа. Большинство народа демократию не понимает, не умеет ею пользоваться, НЕ НУЖДАЕТСЯ В НЕЙ и действует в условиях демократии вопреки своим и национальным интересам России.

Надо остановить демократическое закабаление и разрушение России. Это вполне возможно.

Если вождем окажется низкопробная личность, народ будет убит. Вождь должен доказать свои высокие качества самоотверженным служением интересам народа — без этого вождя нет. Это служение должно охватывать не годы, а десятилетия совместной борьбы.

Для этого необходимо выработать соответствующие контрольные законы, неизменные, как восход и заход солнца.

За мою непокорность жизнь сулит новыми трудностями и осложнениями (а уж куда больше!), все ближе надвигая смерть. Порой я ощущаю дых ее на своем лице. Со всех сторон забегают псы со свинными рылами. Но я выбрал эту дорогу и буду следовать ей. Даже миг в бесчестии отравит меня...

Мне говорят: опомнись!

А что значит «опомнись»? Это быть с жирными и самому стать жирным? Замешивать свой хлеб на слезах, страданиях и нужде людей?..

Боль за народ перемогла страх. Постепенно угасла и забота о своем благополучии.

Так даже легче, перестаешь ждать. Знаешь, что всегда будет очень трудно, до смертного мига — только очень трудно...

Всегда помню ответ протопопа Аввакума своей жене: «Долго ли, протопоп, сего мучения будет?» И я говорю: «Марковна, до самой смерти подобает нам Христа ради страдати!»¹

¹Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Петроград: Типография Я. Башмаков и К^о, 1916. С. 111.

Решительно выступая против вождизма, Ленин и большевики сразу же прибегают к одной из самых высоких степеней концентрации власти в одних руках. И не случайно. Именно вождизм позволяет собрать в кулак все средства борьбы.

Сталин боготворил власть, но признавал лишь власть неограниченную.

У Сталина присутствовали самые важные качества вождя. у него была четкая цель — могущество страны. Он обладал волей и умением распоряжаться властью.

Ленина власть сама по себе, судя по известным данным, не привлекала. Она нужна ему была для дела. Власть Ленина была безграничной. Он даже заводит свою секретную кассу с весьма значительными средствами, неподотчетный в их расходовании ни перед кем.

Ошибка всех диктаторов удивительно схожа. Страх за свою жизнь и боязнь упустить власть приводит к гибели их дела (после смерти). Одни строят расчет на завещание, другие — на сознательность своего окружения. Как правило, завещаниями продолжатели дела пренебрегали, как и последней волей вождя. Преемника вождю следует вводить во власть еще при всей своей силе. Только тогда его не сметут жадность и подлость, поскольку он при могучей поддержке вождя вполне овладеет рычагами власти и сможет противостоять любой опасности (так диктатором — каудильо — Франко была возвращена монархия в Испании).

История человечества — это упорная борьба между единовластием и многовластием (демократией).

Многовластие обычно связано с вопиющей безответственностью и коррупцией.

Единовластие, за ничтожным исключением, предполагает сплочение государства, что ведет к его устойчивости и крепости. Единовластие усиливает позиции государства в противовес анархической и эгоистической демократии. В общем, консервативное правление, или единовластие, больше идет на пользу народу; демократическое же прежде всего на руку интеллигенции и космополитической буржуазии, в особенности крупной.

Наше настоящее — это прошлое, отраженное, опрокинутое в наши дни.

Не разумом и достойной жизнью одержал верх сионизированный капитализм, а алчностью — алчностью людей. И подозревать не подозревал, сколько же людей охвачено страстью «иметь». Маленькие капиталистики с капиталом в «рупь двадцать» (в таком ра-зе встает вопрос: а случаен ли в России Ельцин?)...

Разложили народ своим делом — мелким сквалыжным ин-тересом, который вознесли на высоту, много большую, нежели забо-та о родной земле.

Разорвали единый организм государства на части, разбазари-ли, присвоив за гроши созданную народом в надрывном труде про-мышленность, не платят зарплату, лакействуют перед богатыми странами и даже отдельными денежными тузами, творят безобра-зия, посеяв жуткую безнаказанную преступность и всеобщую ту-пую безнадежность — и все сие бесстыже нарекают прогрессом и демократией, а себя реформаторами. А народ несет их на своих плечах и несет, поглощенный своей нуждой и сквалыжными ин-тересами...

Вся победа демократии обернулась большим количеством чванливых царьков, которые сыпью обсыпали русскую жизнь.

Нищая, разметанная на куски ельцинская Россия — радость для нескольких миллионов людей и горе, погибель, проклятия — для десятков миллионов. Это прямое следствие событий февраля 1917-го, скрытый, непознанный смысл тех предвесенних дней. Россия стала размываться (это было неизбежно, это было заложено) в интернационализме, в безнациональном пространстве остова великого прежде государства русских, а затем в демократическом рынке, в болтовне и всеобщей продажности.

И еще об останкинском телевидении.

Американцы после первой и быстрой волны осуждения вьетнамской войны перестроили свое кино и литературу на ее восхва-ление. Героизация американских солдат и самой идеи продолжа-ется и доньяне.

Российская демократия же продолжает позорить на останкин-

ском телевидении ту землю, на которой живет, всячески и с нескрываемым злорадством обыгрывая, к примеру, чехословацкое вторжение. И так по любому поводу выволакивается груда грязи, которой мажут страну и народ.

Понятно, почему это происходит. Силы, которые вдохновляют останкинскую «телебашню», на дух не русские, чужие русскому народу и его истории, тем более национальному достоинству. Им приятно топтать национальное самолюбие народа. Не ИХ народа.

Остается повторить. Все зло невозможно без массовой поддержки людей. Следовательно, нужно растлить, растлевать людей. А это означает, что все в искусстве следует рассматривать именно с данных позиций: в растление или нет.

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Разврати душу — и будет свобода от всего.

Спрашивается, а как поступили бы американцы, сложились у них обстановка, похожая на пражскую в 1968-м? За примером не след далеко ходить. В 1961 году они с оружием сунулись на Кубу в заливе Кочинос, но были разбиты.

Или еще пример. Только-только Вашингтону не пришлось прокубинское развитие событий на Гренаде под руководством правительства Бишопа, как они бросили туда свою знаменитую 82-ю десантную дивизию — и все было кончено.

А Чили, подготовная событий на Чили?..

И еще есть примеры.

Почему же российское телевидение не показывает это?..

*Ливень бело блуждает за стеклом. Дожди моют землю и город.
Дожди и дожди вглухую...*

Громадной льдиной в груди становятся воспоминания о надеждах юности.

Не убоимся погрязновения.

Как следует из известного выступления первых российских банкиров по телевидению Тель-Авива, капиталы и богатства новой России более чем на 60% принадлежат еврейской буржуа-

зии, а остальные проценты тоже в основном не у русских; кавказцы, бесспорно, владеют изрядной долей их — вот тебе и РУССКАЯ РОССИЯ!

Значит, во имя этих 60% и тех других процентов и были расстреляны защитники Дома Советов на Красной Пресне. Чтобы, процветая, множились и округлялись эти капиталы. Они особенно хорошо всходят на могилах людей...

Именно по данной причине была совершена и революция в феврале семнадцатого, устранившая с помощью проеврейских капиталов и англо-французских союзников головное препятствие для захвата экономической власти над Россией — самодержавие, а с ним — и Русское национальное государство.

Думаю, в действительности евреям принадлежат не 60%, а заметно больше. Они ведь выступают и под другими именами, порой трудноуловимыми личинами. Однако даже если они владеют 60% капиталов и богатств России, то даже по этим, несомненно, сильно заниженным данным ясно, кому принадлежит КОНТРОЛЬНЫЙ ПАКЕТ АКЦИЙ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО И КТО ЗАКАЗЫВАЕТ И ОПРЕДЕЛЯЕТ ЕГО ПОЛИТИКУ ДО МЕЛЬЧАЙШИХ ДЕЛ.

А ведь евреи составляют лишь 3—4% от всего населения России!! Когда представляешь эти 3—4% еврейского населения с более чем 60% принадлежащими им капиталами и богатствами великой России (Великороссии), становится очевидным зловещий смысл сокрушительного экономического преобладания этой группы людей над русским народом.

Другим народам позволительно беспокоиться о себе. Литовцы, эстонцы, татары, чеченцы и др. могут заявлять о себе, но только не русские. Когда русские заявляют о себе, они сразу становятся фашистами и шовинистами. Пусть Россию прибирают к рукам представители другого, чужого племени, ведь мы не фашисты.

Но справедливо ли, что экономикой Русского государства, его жизнью и политикой заправляет несравненно более малочисленная национальная группа — часть другого народа, живущего НЕ В РОССИИ (!!), которая установила (захватила) экономическую, а с нею и политическую власть над страной и народами России и представители которой с легкостью меняют свой паспорт и отправляются на свою «историческую родину»?!

Демократия (ее правильно бы называть лжедемократией) в считанные годы привела еврейскую космополитическую буржуазию к власти над Россией. Народ не умел и не умеет пользоваться ни избирательным правом, ни вообще своими правами. Да и как ими пользоваться при разгуле преступности и подчинении самого мощного агитационно-пропагандного средства — телевидения, противонародными силами. Беспредел таков, что любого, кто становится помехой для властей, просто убивают. Какие тут права?.. Россия сейчас походит на дебри, в которых народ, догорая, быстро дичает и слабеет.

Демократия оказалась самым действенным орудием уничтожения как независимости России, так и слома ее самостоятельной производственной мощности (промышленно-сельскохозяйственной и военной).

Права человека. Вот весь вопрос, какого?..

Да будет тьма!

Ни один русский правитель в XX столетии-лихолетье, кроме Николая II, не исполнил своего долга перед русской землей и не защитил народ от закабаления. Последний русский самодержец удерживал полосу оседлости еврейства не из-за неприязни к нему, а в понимании того, что в противном случае оно экономически подомнет русский народ и станет хозяйничать в России, как это и случилось в 1990-е годы. Об этом достаточно открыто писали русские журналисты и писатели на рубеже XX столетия. Лишь эти соображения заставляли Николая II упорно держаться за черту оседлости, и все же в мировую войну он пошел на ее отмену, щадя евреев.

Правда, Сталин приостановил роковое развитие событий на несколько десятков лет.

Слишком для многих Россия всего лишь площадка для выкачивания денег, но не родная земля. Эти люди обескровливают и землю, и народ. И живем мы, кстати, уже не в Русском государстве, хотя русские составляют внушительное большинство ее населения. Ведь в государстве правят владельцы капиталов, но никогда — народ, а капиталы у нас преимущественно еврейские, что, впрочем, легко устанавливается по смыслу передач и внешности самих вещателей останкинского телевидения.

МОЖНО УЖЕ БЕЗ НАТЯЖКИ ГОВОРИТЬ О РОССИИ КАК О ЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ, ЕВРЕЙСКОЙ РОССИИ. Именно для

этого и по этой причине и оказался казнен вместе с семьей последний русский император.

Родина-мать, как же не уберегли тебя, как же отдали на глумление...

Шел дождь, и к вечеру завязался туман. Я столько хожу в эти дни — ноги превратились в сплошные волдыри.

Но все дело в том, что мы, русские, вместе с коренными народами России сами за 1000 с лишним лет построили свою державу, построили без евреев, и жить хотим, как русские, по своим обычаям и согласно национальным интересам.

Мы не можем согласиться, чтобы наша страна и наши богатства принадлежали представителям другого народа, который к тому же все время отпочковывается из России, называя это возвращением на свою «историческую родину».

Стало быть, у евреев имеется своя НАСТОЯЩАЯ родина, и она — не Россия, а ИЗРАИЛЬ. Выходит, Россию как бы присоединил к себе другой народ...

Еврейская буржуазия должна установить Ельцину золотой памятник. Он ей вложил в руки рычаги управления российской экономикой.

Он с готовностью и великим усердием подчинил ей русский народ.

Власть Ельцина зиждется на банках. Они сохранили ему власть и на выборах в 1996 году. Банки же в России на три четверти принадлежат космополитической еврейской буржуазии.

«Нельзя еще забывать, что есть президент», — по обыкновению гримасничая, заметил Ельцин в знаменательный для демократов день 21 августа 1998 года.

И ради бы забыть, господа, да невозможно.

Почти в любом выходе Ельцина есть нечто ерническое, шутовское, отчего люди краснеют...

Права человека...

Собственность есть кража — Прудон поставил точный диагноз обществу частной собственности. И впрямь, сколько ни работает простой человек, но даже и в благополучные лета с натугой сводит

концы с концами, каждый грош на учете, что уж тут толковать о России. А ведь именно простые люди одевают и кормят весь свет, только они — и никто другой.

Свобода, равенство, братство! — дабы околевать за прибыли новых хозяев России. «Взматерели дождевые черви»...

Поносят Сталина, пугают им народ, но он, даже по первому, беглому счету, Россию могучей и неприступной оставил, Гитлеру шею свернул. А эти... просто растащили, разворовали державу, испакостили жизнь десятков миллионов людей. Наложили себе на лоб каинову печать погромщиков народной жизни — и не стыдятся, почести им отдавай...

Что и толковать, помещение давным-давно пора проветривать...

Разрушитель России. Покровитель ее врагов и преступников. Презренный американский приспешник. Закончит он не свой земной путь, а свой змеиный путь.

В истории наступает время, когда надо думать не о своем кармане, а о спасении всего Дома — Дома всего народа. Тогда народ начинает действовать не как собрание множества людей, а как единый организм, как один человек, пронизанный общей волей.

Идея, вождь — это сплочение народа и уже неизбежное торжество национальной политики, это избавление от лжи и великих обманов рыночной демократии — **всеобщей проституции именем государства.**

Установкой государства должно быть:

Пусть жизнь беднее, но зато честная для всего народа.

Этой очень важной установки не следует бояться и тем более стыдиться. За ней нравственное здоровье общества, а стало быть, и достойное будущее.

Все социальные преобразования имеют смысл только в национальном пространстве. Лишь тогда они отвечают благу народа.

«В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между со-

бой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей...» И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская...»¹.

На небе — Бог, на земле — Россия.

Провозглагошу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам...

Державин

Я подавил в себе писателя, чтобы выступить против насилия и разграбления Родины. Никогда не умел отдавать себя делу вопреки сердцу, не научился и на склоне лет.

Все подпорки, которые держат Россию, для меня святы. Это многое осеняет из того, о чем я пишу и что защищаю. За всем, в конечном итоге, стоит Родина.

Не могу смириться и не смирюсь. Гнев и обида за родную землю слишком ранят. Эти раны несет в себе любой русский человек.

И еще раз о том же самом.

Никто не скажет «лавка», зато с придыханием говорит «бутик», что в переводе на русский и есть та самая лавка или что-то в таком роде, но только лавка французская. Тут важно откреститься от России, дабы русским и не пахло. Так не проще ли тогда «всем насовсем» перейти на французский, английский или немецкий, а русский забыть? Гитлер все мечтал перевести нас, «недочеловеков» и «расово неполноценных», на немецкий. Миллионами вгонял русских в землю, не подозревая, что подобные доброты водятся в самом русском народе. Зато в нашей памяти на всю жизнь остались слова: «хенде хох», «хальт», «фойер», «швайне», «шнеллер» и «Гитлер капут»...

Предаем себя, предаем свое же русское первородство.

Никто не скажет «составляющие», а только — «ингредиенты».

¹ Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси — М.: Московский рабочий, 1978. С. 89.

Зато какво звучит! А то вдруг все разом возненавидели русское слово «материк», только и слышишь «континент», «континент»...

Никто не скажет «принадлежность», а только — «аксессуары». Ну просто «отпад»! И почему-то русское слово «возмещение» не нравится, лучше «звучное» иностранное слово «компенсация» — как же гадко оно звучит для славянина.

Так, походя, топчем родную речь и не сознаем, что творим.

А ведь мы постепенно отдаляемся от родного языка и переходим на одно из промежуточных наречий в том длинном пути отмирания родного языка и перехода бывшего русского человека на английский, точнее — всемирно американский. Бездумно уничтожая русские слова, неоправданно заменяя их английскими и французскими, мы сами убиваем родной язык, такой гибкий, выразительный, точный и певучий. В череде национальных признаков, которые отличают один народ от другого, язык занимает первое место. Язык заявляет о самостоятельности данного народа, его независимом и вольном существовании. Никогда еще ни один великий народ добровольно не отказывался от родного языка да еще с такой порхающей легкостью. И еще ни один народ не был свободен, пользуясь неродным языком. Чужой язык — это неволя, если пока не физическая, то духовная, это обязательно умирание целого народа.

В истории человечества уже были поглощены тысячи когда-то цветущих языков. Приспел черед русского. Да его никто и не бережет, никто даже не задумывается о судьбе прекраснейшего из языков. Этому, безусловно, способствует и то, что русский является языком множества нерусских людей, которым судьба русского языка совершенно безразлична, впрочем, как и сама Россия. Они безбожно калечат его натаскиванием множества иностранных слов, которые русские с какой-то холопской готовностью тут же, на лету, подхватывают. Не столь давно я услышал по телевизору вместо русского слова «самоубийство» — французское «сюисид», а вскоре мне его назвал в разговоре вполне почтенный депутат Государственной думы. Итак, уже больше нет самоубийств, есть «сюисиды».

Русские все чаще и охватнее делают выбор в пользу американской массовой культуры, в пользу американской речи (уже и не

английской), добровольно отказываясь от своего языка и русской родины.

Год за годом в приемнике и телевизоре звучат какая угодно музыка и какие угодно песни, но, по сути, никогда — русские. И уже у людей и потребности нет слышать их. Везде утверждает себя американская жвачка жизни.

Варварское, лакейское обращение с наследием предков.

Я не против западной музыки. Об этом даже писать глупо и нелепо.

И вообще пусть каждый слушает то, что ему по душе. Я против того, чтобы была лишь одна западная музыка и никакая другая.

Я знаю: никакими книгами и статьями не вернуть национальную Россию. Отходит она в великое прошлое, в вечный сон.

И уже смыкается забвение.

РУССКАЯ РОССИЯ.

И памятник твой и тебе, — пожалуй, Московский Кремль. Хотя и он загажен сейчас — временщиками...

Преданная, оболганная Россия...

Товар — деньги — товар...

Я еще не видел такого месяца: круглый, густо-ржавый и низко-низко над крышами. Свет его был ярче фонарей. Я шел и все время поглядывал на этот громадный кошачий глаз...

По сути, мой законопроект о защите русского языка в Государственной думе — этом нашем российском законодательном чреве, уже готовый к депутатскому представлению, был завален представителями от фракции КПРФ. Дамочка, направленная ко мне для работы над этим законом, начала так: «Юрий Петрович, как это Вы в многонациональном государстве собираетесь ЭТО провести?» А ведь такой закон уже давно действует во Франции — закон Тубона. И, кстати, не только во Франции, испытывающей массивный англо-американский языковой натиск.

Пламенные интернационалисты, топчущие национальную Рос-

сию, разве они допустят утверждение родной речи? Сколько же у них точек соприкосновения с мракобесным сионизмом и ненавистничеством русского, которым столь отличался их октябрьский основоположник. Даже перед смертью, уже наполовину парализованный, он предается ничему иному, как злобной борьбе с «великодержавным шовинизмом», запятнав себя идейным неприятием национальной России. Этому, надо полагать, кроме интернационального марксизма, весьма способствовало и его происхождение. Чем ему было дорожить? И что ему русские святыни?..

Я удлиняю шаг — и облака скользят быстрее. Со мной — впереди и сзади — шелест листвы. Дышу солнцем.

В этот полдень все тени заняли свои места. Солнце не позабыло ни одной, ни один уголок не спрятался.

Забавно было бы, если б не трагично, поведение коммунистов в Думе. Только словеса и словеса, а петля все туже и туже перехлестывает горло народа.

По любому поводу — заявление в Думе и опять возвращаются в кресла. Для них в этом **вся работа** за нашу Россию.

Ни единого дела. Разве лишь подписи собирают. Смеху подобно. **Да в таком овладении российским и международным капиталом, властью над Россией, что решают подписи?** Да «всенародно избранный» ими будет вытирать ноги...

Чуть что — импичмент президенту. Это для зюгановцев как икона. Они шнырь за нее: мы, мол, свое сделали, мы боремся. Зато живы и без синяков да еще в креслах. Это ж понимать надо...

Победа, даже просто успех никогда сами не приходят.

Но все дело в том, что этой победы не хотят.

Масоны коммунистической веры. Так и не научились верить в Россию, заменив ее своими обозначениями. **Безродные патриоты** своей Родины...

Отныне выйти на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику России невозможно трудно. Ключи от ее экономики уже давно лежат в Большом Сейфе за большой водой Атлантического

океана. В любой миг Большой Сейф способен пресечь поступление продовольствия — и по России ударит голод (похоже они поступили с Чили для свержения правительства Сальвадора Альенде 11 сентября 1973 года¹, только продовольственные затруднения ЦРУ устроило внутри самой Чили). Эта позорная и опасная зависимость от США и вообще Запада — одно из «величественных» достижений Ельцина (так и кажется: увидим сейчас экран телевизора, где он скорчит очередную непотребную гримасу — и замрет так; такие вещи, несомненно, следует лечить...).

Президент, который должен всемерно оберегать авторитет конституционных учреждений власти и который постоянно недостойно измывается над Государственной думой, упиваясь своей властью, возможностью роспуска ее...

«Всенародно избранный»...

Кем избранный?..

Нет для Ельцина ничего главнее власти. Не упустит он ее никогда, пока дышать будет — не упустит.

А закон? Закон что дышло: куда повернешь — туда и вышло. Вот они там в Кремле и поворачивают закон так, чтобы Россия всегда ложилась под ноги. Им под ноги, и еще американцам...

Жонглеры...

«...И пошел Святослав на греков (Византию. — Ю.В.), и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не знают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь».

¹Альенде намеревался построить справедливое общество (разумеется, приближенное к справедливости, как это возможно), но не на идеях Маркса. Вот это и взбесило Большой Сейф. За переворотом стояли американские спецслужбы.

Права человека.

И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим».

И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Свято-слав, а греки побежали»¹.

Некуда и нам бежать, поздно бояться силы и множества недругов: «Должны сражаться... мертвые не знают позора».

А мне по душе не современные гладенькие слова, а: «...да не посрамим земли Русской, но ляжем костью, мертвые бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам, но станем крепко...»²

Они нас уже давно не просто сживают со свету, а убивают.

«Нет» угнетению, бедности, истреблению людей ради обогащения других!

Кто не работает — тот не ест:

От каждого — по его способности, каждому — по его труду.

Власть — народу!

Россия никому не должна позволить втянуть себя в войну. Помимо всего прочего, война для многонародного государства будет нести в себе опасность распада союза народов, ибо недруги русского народа (прежде всего США и Турция) предпримут все, чтобы в столь трудное время вколотить клин между союзными народами России, что они с успехом и делали во время чеченской авантюры Ельцина.

Не след забывать, что все многонародные государства распались именно вследствие войн.

Да и навоевалась Россия в это черное XX лихолетье по самую завязку. Новые кровопускания добьют Россию. Ни в коем случае не дать никаким силам и самым обоснованным соображениям

¹ Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси. — М.: Московский рабочий, 1978. С. 75. Текст выделен мной. — Ю.В.

Скверный перевод с древнерусского. Не сохранен аромат языка, утрачена внутренняя напряженность повествования. Серый и скучный язык сегодняшнего дня. Опoшление.

² Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку. — СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1910. С. 69.

втянуть себя в войну — это должно стать заповедью будущего национального правительства.

Сейчас главные усилия США направлены на отторжение Кавказа от России.

Алчность и похоть побеждают все на свете — на этом коренится идейная работа по разрушению моральных и нравственных опор России, за которым неизбежно следует ее физическое ослабление и разрушение.

Смотрю в окно: откуда пришли эти серебряные облака, кто обласкал их своей мечтой?..

Предупреждения патриотической оппозиции о разорительном, преступном смысле преобразований (реформ) наткнулись на самодовольное пренебрежение «всенародно избранного». Власть принимала все заявления и всю деятельность оппозиции издевками и рассуждениями о том, что действиями оппозиции руководят зависть и жажда власти. Похоже держали себя и печать с телевидением, пока 17 августа 1998 не грянул первый раскат грома — угроза распада денежного хозяйства государства. Нельзя же всерьез руководить государством, в коем вся хозяйственная деятельность в основном сводится к перепродаже (спекуляциям), а преобразования — к одному сплошному свертыванию производства — и рассчитывать если не на процветание, то на устойчивое независимое положение. Такая рахитичная экономика делает государство зависимым от всех внешних случайностей при крайней бедности населения. Мы государство потребителей, мы «проеда-лы» наследия отцов и богатств недр нашей земли.

Усталый дух в минувшем обновить...

Когда беру старую русскую книгу, испытываю не только нежное волнение, но и прилив гордости, уверенности. Всегда долго-долго смотрю на год издания. Проникаю мыслью в то время. Долго молчу, переживая прошлое. Имена, имена...

Какие же события потрясали Россию с тех дней! С благоговени-

ем разглядываю книгу, перелистываю. Стараюсь представить тех людей, в чьих руках она могла побывать...

А старинный язык? Он неизъяснимо прекрасен. Осовременивание его, к сожалению, всегда неумело и грубо. Нужно быть природным поэтом, чтобы возвращать старинный язык в наши дни, не смывая того причудливого хода мысли, особенности речи и давая почувствовать поступь навсегда погребенного времени.

В конце августа 1998 года Кремль вознамерился обязать все «ветви» власти подписать соглашение на полтора года: никакой критики правительства и никакого давления на власти. Грабили, расстреливали, довели великий народ до бедности, переходящей в нищету, — и ни звука против. Еще никогда разрушители государства не были столь наглы.

Соглашение между палачом и жертвой.

После всеобщего разворовывания государства, крушения его производства, утраты государственной независимости, небывалого размаха преступности, небывалой коррупции всего высшего звена власти, включая высших должностных лиц, — и нате, никаких возражений, никаких недовольств!

Что ж это такое?!

Кстати, власти уже предпринимали подобную попытку весной и в начале лета 1994 года, после октябрьского государственного переворота и расстрела Дома Советов. Они носились тогда с договором «Об общественном согласии».

Я выступил против и по телевизору, и в газетах, и на собраниях.

Подписали ту подлость свыше 120 организаций и партий — и сообщая благополучно растащили государство до последней копейки.

И опять вернулись к этой идее, только еще более расширенно-изошренной, идеи-зонтика для власти. На них капать не будет. Холодный ливень, ураган нужды опять обрушится на народ.

Тогда, весной 1994-го, я мог выступать, а сейчас для меня закрыты телевидение, радио и газеты.

Какое соглашение? С кем? С теми, кто разрушил Россию и превратил народ в бедняков и нищих? Кто привел Россию к утрате государственной независимости: один долг в десятки миллиардов дол-

ларов делает нас вечными данниками Запада. И это заслуга по строительству новой России?! Злостно разоряют государство, а мы должны с пониманием относиться — это ведь издевательство даже над обычным здравым смыслом. Это прямо из той же области согласия между палачом и жертвой. Жертва не должна мешать палачу делать свое дело, не должна биться и кричать, когда ее убивают. Это же срыв всей работы палача.

Теперь будет запущен печатный станок — и опять пойдет инфляция, ибо денег нет, взять их неоткуда, как только снова залезть в народный карман.

Никогда настроение народа не было столь благоприятно для изменения обстановки в стране, как в 1994—1998 годах. **Коммунисты предпочли путь соглашательства.** (Я имею в виду руководство КПРФ.)

Два американских президента сыграли особо роковую роль в судьбе Советского Союза: Джеймс Картер (годы президентства: 1977—1981) и Рональд Уилсон Рейган (годы президентства: 1981—1989).

Джордж Герберт Уолкер Буш (родился в 1924 году) и бабник-лжесвидетель Билл Клинтон лишь доделывали то, что было заложено ими.

Буш, прежде чем стать президентом США, восемь лет «отслужил» вице-президентом при Рейгане. На мой взгляд, республиканец Джордж Буш являлся одним из самых способных государственных деятелей США последней четверти XX столетия. Лишь один перечень его государственных постов заставляет с уважением смотреть на этого человека: представитель США в ООН, председатель Национального комитета Республиканской партии; по сути, первый посол США в маоистском Китае и директор ЦРУ. И, наконец, Буш в отличие от Рейгана воевал во Вторую мировую войну, он был летчиком-истребителем на флоте. Ни у одного из президентов США в XX столетии не было такого послужного списка.

Картер, занявший Белый дом в 53 года, оказался слабым президентом. При нем США пережили один внешнеполитический промах или провал за другим — и все чрезвычайно чувствительные для самолюбия американцев. Зато Картер выдвинул идеологическую установку, которая сразу поставила Советский Союз в труд-

ное положение — о так называемых правах человека. Более чем неприятный вопрос для Москвы.

До картеровских заявлений о нарушениях прав человека в СССР о них вспоминали от случая к случаю, поглощенные десятилетними спорами о ракетах и обычном вооружении: кто сколько должен сократить и почему не сокращает. А в промежутках вели войну во Вьетнаме, напали на Гренаду, Кубу, устроили переворот в Чили... И нечистая дернула Советский Союз вторгнуться в Афганистан — самое нелепое решение за всю историю советского государства. И на кой нам, при нашем квелом экономическом положении и падении уровня жизни, нужны были заварушки в Анголе, Эфиопии? Что вообще мы там потеряли?..

В жизнь государства оказалась вкочлена интернациональная установка. Она в конечном итоге «многосторонне» погубила Советский Союз. Она не только «затоптала» Русское национальное государство, она толкала страну на растрату громадных средств за рубежом, толкала на такие вот военные авантюры. Это было одно неостанавливающееся «кровопускание» сил и средств Советского Союза.

С Картера повелось по нарастающей талдычить с утра каждый день о нарушении прав человека в СССР. Этот президент-тихоня, занимающийся после своего президентства разного рода благотворительностью, нанес Советскому Союзу самую разящую рану. На основе данной идеологической установки и развернулся штурм советской твердыни, недоступной прежде для самой сильной армии мира — гитлеровского вермахта. На всех знаменах врага отныне был начертан лозунг о правах человека. Как вывод из такой постановки вопроса, следовало, что Советский Союз — тоталитарное государство: бесправное, карательное, несвободное и т.п. Возникла якобы необходимость если и торговать с ним, то ограниченно, по особому списку. Вскоре требования прав человека уже возводятся условием начала или заключения какого-либо договора с США. Подобное требование было непреодолимо для советской дипломатии.

Все это имело и свое значение для внутреннего положения СССР, поскольку враждебные американо-англо-германские радиостанции день и ночь обрабатывали советское население.

Следует отметить, что вся эта «правовая» деятельность США против СССР немного бы стоила без так называемого правозащитного движения — диссидентства.

Советская политика сразу очутилась в довольно неприглядном виде. На движение за права человека пропаганда Запада наслонила все жертвы «диктатуры пролетариата» Октябрьской революции и Гражданской войны, а затем и сталинского террора. Советское государство предстало перед миром и своим народом кровавым кошмаром, юдолью вечной нужды и страха.

В эти же годы страну заваливает подрывная литература: книги эмигрантов, пишущих на американские деньги, а также различные исследования по истории СССР и партии, тоже издаваемые на доллары.

Огромную, если не ведущую роль в подрыве устойчивости советского государства сыграла нарастающая эмиграция евреев из Советского Союза. Запад использовал ее на все 100% в своих подрывных целях. Внутри страны еврейская эмиграция способствовала росту острого недовольства людей своим положением. Эмигрирующее еврейство смертоносно заражало и разлагало все окрест себя. Немалая часть евреев тут же включалась в антисоветскую работу.

Слухи о коррупции (взяточничестве, подкупах, воровстве) партийных воротил будоражат умы. Дела Георгадзе (секретарь президиума Верховного Совета СССР), Медунова (первый секретарь Краснодарского обкома партии), Щелокова (министра внутренних дел СССР), министра торговли РСФСР потрясают общество... Ни с того ни с сего засаживают за решетку зятя Брежнева генерала Чурбанова... Все в государстве летит вверх ногами...

В ту же пору один за другим на сторону США перебегают крупные советские разведчики, известные танцоры, балерины, писатели, моряки, туристы и даже дипломат такого ранга, как Аркадий Шевченко — самый близкий сотрудник министра иностранных дел и члена политбюро Громыко (Шевченко перебежал заметно раньше — в 1978 году, уже сотрудничая с ЦРУ 19 месяцев под звучным прозвищем «Динамит», умрет в 1998 году). Матерый предатель. Пес смердящий.

Старший лейтенант Беленко предательски угоняет сверхсекретный «МиГ» в Японию.

Права человека, оживленные Картером, диссидентство, еврейская эмиграция, беспардонный пропагандистский натиск США, Англии и Германии, за которым прежде всего стоял сионизм, — к отражению штурма столь свирепой ярости идеологическая надстройка советского государства оказалась не готовой и в большинстве случаев просто беспомощной, слишком часто прячась за колючую проволоку лагерей.

Мы же, бедую ныне при капитализме, видим, сколько здесь безысходной нужды, черствости, произвола, лживого, дутого в правах человека и просто безразличия к вымиранию людей... — да стоило лишь умело зарядить советскую идеологическую машину, и весь этот штурм изошел бы на мыльную пену...

Не только не сумели, но и НЕ ЗАХОТЕЛИ...

На озлоблении американцев провалами Картера в Белый дом въехал престарелый Рейган. Ему исполнилось тогда ровно семьдесят. Бывший спортивный радиокomentатор, он снялся в 54 кинокартинах. Его выдающийся антисоветизм и такая же выдающаяся неприязнь ко всему русскому были замечены. В сущности, человек малоспособный, не оставивший ничего путного в американской жизни, он стремительно преодолевает путь от ведущего ряда телепрограмм до губернатора штата Калифорния в 1966 году — наиболее промышленного штата Америки. Радиокинотелевизионная известность вкупе с ярким антисоветизмом открывают Рейгану путь в Белый дом.

Но происходит невероятное, президент Рейган почти тут же оказывается подстреленным фанатиком — пуля прошла легкой. Однако 70-летний президент быстро поправился.

Это был не случайный «въезд» в Белый дом. Для решающего штурма России масонский Запад выдвинул в свои вожди именно его, Рональда Рейгана. В нем немного было государственного ума, но много — злобной решимости разделаться раз и навсегда с непокорной Россией.

Месть может состариться, но она не умирает. Как убеждает биография Рейгана, именно это чувство мести к России в основном и складывало его; для другого она оставляла в актерско-пре-

зидентстком сердце слишком мало места. Потому при новом президенте в мгновенье ока ураганно взметнется антисоветизм. Рейган надавил на давно известную и такую любимую педаль.

Даст знать прошлое и президента Гильдии киноактеров США в 1947—1951 годы — годы разгула маккартизма, годы самого высокого взлета ненависти к Советскому Союзу и русским. Тогда, после почетнейшей победы над Гитлером, важно было измарать в грязи Советский Союз, сменить восхищение американского народа на ненависть и неприязнь к русским.

В развитие идей Картера президент Рейган выбросит предельно наглый лозунг: «Советский Союз — империя зла!» Весь мир аж захлебнулся в бесконечных повторах этих слов. Рейган знал свое дело. Он давил и давил на знакомую педаль.

Для подтверждения лозунга в сентябре 1983 года будет состряпана провокация с южнокорейским лайнером на дальневосточных границах СССР. Запад еще пуще зайдется в антисоветской истерии. Это порождало в советских людях все более гнетущую неуверенность; в стране и без того все более заметно ширились производственные трудности, да тут еще и старцы-генсеки один за другим упускают из рук бразды управления страной...

Вот вклад Рейгана (внешняя часть) в борьбу с советским государством.

12 апреля 1980 года Олимпийский комитет США принял решение о бойкоте Олимпийских игр в Москве (это, правда, дело Картера).

28 декабря 1981 года Рейган принял решение о приостановке полетов Аэрофлота в США, а также — отложить переговоры по ряду вопросов, ужесточить выдачу разрешений на продажу в СССР некоторых видов оборудования и об отказе от продления всех двусторонних соглашений, срок действия которых истекал в 1981 году.

19 июля 1982 года Рейган принял решение не возобновлять переговоры с СССР о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия.

8 сентября 1983 года Рейган принимает решение о новых санкциях (запретах и ограничениях. — Ю.В.) против СССР после происшествия с южнокорейским лайнером.

25 ноября того же года, вопреки протестам СССР, Рейган распорядился разместить в Европе ракеты средней дальности действия «Першинг-2».

Как видим, он тут немало напедалировал.

А тут на небосклоне замаячат и Горбачев с Шеварднадзе. Санкции станут ненужными, как и любимая педаль старца-президента...

Среди последних президентов действия Рейгана выделялись наибольшей воинственностью. В речах он позволял грубые выпад, от которых и советские, и американские руководители уже отказались с послехрущевских времен. Он явно пережимал педаль.

Весь этот натиск развился в конце 1970-х — начале 1980-х годов не случайно. Для аналитиков Запада было ясно: наступит пора смены руководства в СССР, но все кандидаты на пост генсека — старики. Именно в эту пору относительного безвластия и надлежит развить наивысшее давление на советский политический и государственный строй. В кризис власти нанести самый сильный удар.

В Советском Союзе наступает смена генсеков. Окончательно одряхлевшего Брежнева сменяет тяжело больной Андропов. Не проходит и двух лет, как на смену умершего Андропова приходит смертельно больной Черненко. В самый переломный миг существования советского государства оно лишается руководства, более того, на глазах людей разыгрывается трагикомическое действие с передачей власти от одного умирающего старца другому. Это наносит престижу его один из самых увесистых, увечающих ударов. Люди окончательно перестают верить власти. Руководство страны, партия, советское искусство... все-все становится предметом насмешек и издевательств.

Появляется Горбачев, излучающий веру в будущее. Открывается пора реформ. В передней ждет своей очереди Ельцин. Демократы пока еще «издала» любят заводы и фабрики, которые они вскоре прикарманят (приватизируют).

Следуют встречи Горбачева с Рейганом 19—21 ноября 1985 года — в Женеве, 11—12 октября 1986 года — в столице Исландии Рейкьявике, 7—10 декабря 1987 года — в Вашингтоне и 29 мая — 2 июня 1988 года — в Москве.

А потом на Красную площадь сядет немецкий самолетик.

«Горби» — Запад источает слезы умиления.

И никто не мог даже представить себе, что уже началась полная и безоговорочная капитуляция Советского Союза перед США, выдача народа на расправу Западу...

Впрочем, в Белом доме это отчетливо сознавали, потому что своими руками строили это самое дело... Достроили его... с Ельциным.

Не дни, а ямы.

Город захлебывается в дождях. Утрами серый, болотный туман.

Ночами в разрывах туч изредка успеваю заметить синие точки звезд. Идут они себе вечными путями...

Я плохо знаю звездное небо и всю жизнь жалею об этом.

Нельзя верить тому, будто эти трудности, в том числе и денежный крах государства в августе—сентябре 1998 года, суть неизбежные последствия перехода в иной социальный строй и всеобщей перестройки народного хозяйства под частную собственность.

Преступные люди, нечестные люди, пришлые люди за гроши скупили заводы, фабрики, все здания в городах, землю в деревнях, но сами не взялись расширять или просто продолжать производство. Общество все целиком переключилось на перепродажу, по сути, спекуляцию. Покупают машины и товары на Западе, обогащая его, а свое производство расстраивают и губят, лишая к тому же работы миллионы своих рабочих. Положительные явления слишком незначительны в этом общем распаде производства.

Ельцин же гарцует на «кляче кризиса» во главе экономическое беспредела: разгрома промышленности, развала сельского хозяйства под напором товаров с Запада, преступного разоружения страны, разгона науки и свертывания медицинского обслуживания населения.

Трудности в переходное время естественны, но они не имеют ничего общего с грабежом и сознательным удушением российского производства — как промышленного, так и сельского. Свои отечественные грабители и Запад выкачали из достояния народа добра и труда много больше триллиона долларов, отправив в моги-

лы более 4 миллионов простых людей, лишенных заработка и медицинской помощи. От такого трупного и триллионного кровопускания любое государство рухнуло бы под откос.

Все это верхушка государства, как и Ельцин, ЗНАЛА, более того — ПОКРЫВАЛА И ПОКРЫВАЕТ.

Крупный (в основном еврейский) банковский капитал вскор-мил Ельцина.

К 1998 году, всего за шесть лет, Ельцин и любезные его сердцу демократы привели страну к полному разорению. Но только ли они виноваты (хотя виноваты только они)? А народ со своим голосованием? Кто отдавал голоса за таких хозяев России?..

Ленин говорил, словно в наши дни: «Безграмотный человек стоит вне политики».

Народ голосует не за человека, а за маску, которую тот натягивает на себя. И никто не делает усилий заглянуть под маску, хотя о том, что под ней, в большинстве случаев можно прочесть да и просто самому разобраться. В итоге выбирают чудовищ о двух ногах — и плачут, страдают, жалуются на жизнь. Так на себя надо жаловаться и обижаться.

Народные несуразности...

Крах ельцинского государства должен был наступить, не мог не наступить. Когда государство почти ничего не производит, а лишь потребляет, его ждет разорение.

Много толкуют о гражданской войне.

Нельзя вызывать революцию, хотя она порой приходит без спроса, не имея организованного народа и своих, проверенных вожakov.

Нельзя воевать, не имея четко обозначенных целей и осознания народом этих целей и путей достижения их.

НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ СТИХИЕЙ.

В противном случае будет кровопускание, которое завершится приходом к власти еще одного кровососа, теперь уже с генеральским басом и птичьей фамилией.

Реакция использует возмущение народа для расправы с народом и окончательного слома России.

ЛЮДИ, ПОЙМИТЕ: НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ СТИХИЕЙ. Только тогда, когда сплотитесь за тем, кто вас не продаст, пробьетесь к цели.

Ну, и команду он себе подобрал! Вор на воре. Убийца на убийце. Дегенерат¹ на дегенерате.

Мао Цзэдун не ошибался, повторяя: «Я всегда знал, что если в горах нет тигра, то царем становится обезьяна».

Общество расколото непримиримо, что сулит гражданскую войну, ибо нужда не уменьшается, а все более грозит крушением последних надежд на более или менее устроенную жизнь. Уже весь народ впадает в бедность, а где бедность, там и нищета. А бедным да нищим ведь терять нечего.

Примирить эти две части общества невероятно сложно, ибо у одной части жизнь все время, каждую минуту ухудшается, а у другой — каждую минуту становится все обеспеченней и обеспеченней, а у верхушки — баснословно обеспеченной. Один такой «баснословно обеспеченный» может прокормить небольшой город. Но он никогда сего не сделает. Он будет наблюдать, как люди мучительно околевают от нужды и болезней, но от своих миллиардов не отломит и крохотного кусочка.

Недра общества хлопочут гневом...

Общим нажимом всегда можно и без крови получить все, что нужно людям. Похожий путь проделали трудящиеся Англии, Франции, Швеции... Но общий нажим как раз и не получить без развернутой политической работы патриотических организаций по сплочению народа. На коммунистов надежда худая. Чего они добились для народа, имея в Думе большинство?

Одно лишь возрастание нужды...

Единство усилий, единство действий — вот конечный смысл всей политической работы по организации народа для овладения властью.

Нам не нужны чужие земли.

В России идея русского патриотизма, независимо от всех других обстоятельств, лишена расового характера. Она напрямую связана с задачами выживания народа.

Мы не считаем себя выше других народов.

¹Человек с признаками умственного и физического вырождения.

Мы не посягаем на права человека. Однако считаем, что интересы общества, интересы выживания всех людей выше интересов любой отдельно взятой личности, выше **произвола личности**. Когда возникает такая необходимость, личность должна подчинять свои интересы интересам всех. Не может личность попира́ть интересы окружающих и ставить свое я («эго») над всеми интересами — ставить свое благо, свою прихоть выше блага и воли всех.

Мы за общество, в котором все сообща создают свое будущее, и никак не считаем свои, сугубо личные интересы, главными.

Права человека действуют в полном объеме, если они не вступают в противоречие с правами всех остальных людей.

Свободное государство является производным от свободного общества. Получив направление и смысл движения (развития) мандатом от общества, государство **обретает уже определенную самостоятельность** и действует со всей строгой целесообразностью, а также распорядительностью и решительностью.

ИМЕННО НА ГОСУДАРСТВЕ ЛЕЖИТ ОТВЕТСТВЕННЕЙШАЯ РОЛЬ СОГЛАСОВАТЕЛЯ И ПРИМИРИТЕЛЯ ИНТЕРЕСОВ ВСЕХ.

Без такого государства общество, основанное на частных интересах, **произволе личности** и безответственности каждого, заведет человечество в тупик, в беду, в крах всего живого. А именно на данных установках основывает свою деятельность новая буржуазно-космополитическая Россия.

Мы любим жизнь, уважаем жизнь всех других и хотим, чтобы нам не мешали жить. В этом мы непримиримы.

Нас лишают возможности жить так, как мы хотим, лишь по одной причине: нежелания отказываться от преступного высасывания крови и соков из народов России.

Россия является жертвой преступного капиталистического разбоя (ныне сионизированный капитализм, сионизированный буржуазный строй уклончиво и трусливо величают рыночной экономикой).

Товар — деньги — товар — могильные кресты.

Товар — деньги — товар — кровь народов России...

Именно сионизированный капитализм порождает все враждебное христианству, ибо христианство смыслом своим напрочь исключает ростовщичество, стяжательство и вообще страсть к обогащению. И уже по одной данной причине сионизм оказывает-

ся самым непримиримым врагом христианства, именно посему он прилагает все силы, дабы выхолостить из него дух учения Христа, ибо сионизм был и остается самым остервенелым и безудержным стяжательством.

«Капитал боится отсутствия прибыли. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым... При 100% — он попирает все законы. При 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти...»

Именно нарождающаяся буржуазия еще в глубинах феодального общества образует масонство.

Именно эта буржуазия идейно и денежно питает космополитическое масонство, которое и становится одним из самых заметных выростов в ее идеологии.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО НАГЛАЯ ДИКТАТУРА ДЕНЕГ, ПЕРЕД КОТОРОЙ ОТСТУПАЮТ И НИКНУТ МОРАЛЬ И ВСЕ САМЫЕ СВЯТЫЕ ЗАПОВЕДИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Сионизированный капитализм калечит общество моралью наживы, моралью денежного выражения каждой человеческой жизни. Происходит непрерывное расчеловечивание людей.

Сионизированный капитализм — это трагедия человечества и его исторический тупик.

Да здравствует свобода быть свиньями!

Свобода животного всегда ограничивается миской с едой, которую выставляет хозяин.

«Но не все кобылке плясать. Пора быть и в хомуте».

ГЛАВА VIII

«Теперь ведь нами правят подонки...»

Первый конгресс III Интернационала проходил в Москве со 2 по 6 марта 1919 года включительно. Открыл его Ленин 2 марта в 6 часов 10 минут в Кремле. Он предложил почтить память Карла Либкнехта и Розы Люксембург вставанием.

После чего Ленин заявил:

«Товарищи! Наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии...»

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую

форму, которая дает возможность пролетариату осуществить свое господство. Такой формой является советская система с диктатурой пролетариата...

Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих, — победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена...»¹

На том же заседании 2 марта от России (именно так указано в протоколе: «от России») выступил Зиновьев.

Он сказал:

«...Мы впервые оказались в состоянии созвать международную конференцию на *русской* (это слово выделено курсивом в протоколах конгресса Коминтерна. — Ю.В.) территории... Нам не приходится уже, как раньше, выступать в качестве эмигрантов и делиться лишь отзвуками русского рабочего движения... Наша партия насчитывала до Октябрьской революции приблизительно 10 000 членов...»²

Следовательно, данную цифру можно отнести и к численности партии большевиков накануне Февральской революции. — 10 тыс. человек. Произнес Зиновьев эти слова в присутствии Ленина, оба сидели рядом в президиуме. Значит, цифра приблизительно соответствовала действительной, но по ряду признаков можно предположить, что и она названа скорее в пристрелку, почти наугад, в приближении к правде. Это говорит и о том, что никто толком и не ведал, какова же численность партии.

Необходимо учесть, что партия большевиков выросла за весну и лето 1917 года. Поэтому за численность партии, находящейся до февраля семнадцатого в подполье, можно принять 4—6 тыс. человек, то есть в среднем 5 тыс. Из них костяк партии составляли 600—800 работников, по преимуществу евреев. Вот эти люди и перевернули Россию верх дном в октябре семнадцатого.

Второе заседание первого конгресса Коминтерна началось в 12 часов дня 3 марта.

¹Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. — М.: Партиздат, 1933. С. 3, 4, 19, 59, 102, 131, 170.

Любопытно, протоколы конгресса велись не на русском, а немецком языке. Само же слово «конгресс» означает «съезд». Но все «съезды» Коминтерна будут названы «конгрессами». Даже эти мелочи подчеркивали их чужой, безродный дух.

²Там же.

Францию представлял Садуль. Он сказал:

«...Таким образом, мы видим, что французская революция не смогла выдвинуть своего Ленина. Природа не слишком расточительна на создание подобных титанов. Но, в сущности, для завоевания власти пролетариатом достаточно, что у мировой революции есть такие могучие вожди. Они стоят вполне на высоте своих огромных задач. Они указали путь, они и впредь будут прокладывать новые пути. И если когда-либо в будущем французская революция будет нуждаться в помощи русских руководителей, то вы не откажетесь, конечно, отпустить к нам на несколько недель этих вождей...»¹

Ленин не возразил на подобное революционное славословие. Наступало время безудержного культа вождей («человекобожие»), их безраздельное господство над «массами».

Что любопытно, на первом конгрессе Коминтерна была представлена самостоятельной «Коммунистическая партия Немецких колонистов (колоний) в России».

Ряд документов конгресса заканчивал призыв: «Да здравствует диктатура пролетариата!» Желанием убивать и мстить отмечены едва ли не все бумаги конгресса.

Пятое заседание 6 марта завершило работу первого конгресса Коминтерна. Последними словами заключительного выступления Ленина были: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»².

Эта идея всеобщей революции окажет большое влияние на поведение молодого советского государства. Сталин долго будет находиться под ее гипнозом, пока в августе 1939 года окончательно и бесповоротно не перешагнет через нее.

Первый конгресс Коминтерна выразил взгляды Ленина. Постановления конгресса — это сам Ленин. В бумагах конгресса он даже более выпукл и выразителен, нежели в своих сочинениях.

На всех фотографиях Ленин выглядит не просто усталым, а переутомленным. По лицу видно, что он разучился улыбаться.

Печать неземной усталости в его чертах. Ему ничто не интерес-

¹Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. — М.: Партиздат, 1933. С. 3, 4, 19, 59, 102, 131, 170.

²Там же.

но, в глазах всегда сверлится какая-то своя мысль, он весь в этой мысли. Весь.

Он будто знал, что жить ему недолго, а умирать мучительно.

Последние годы, чтобы не дать ему упасть, его бережно вела под руки... усталость, неземная усталость. Она была очень заботлива, эта усталость. Она ни на мгновение не покидала его. И даже после сна она терпеливо ждала его у изголовья. Она была первой, что он ощущал, просыпаясь.

Синее морозное утро вдруг позвало меня. Я оделся и вышел. Я шел и всматривался в утро, узнавая его и волнуясь.

После крушения советского государства и утверждения в России подлинно разбойного капитализма и его с головы до пят воровской демократии представляют определенный интерес документы первого конгресса Коминтерна — еще совсем юной, но победно рвущейся в будущее советской власти, ведомой Лениным.

Выдержки из «Платформы Коммунистического Интернационала».

«...Капитализм пытался преодолеть свою собственную анархию организацией производства... На место свободной конкуренции стала монополия. Отдельный капиталист превратился в капиталиста — члена капиталистических союзов. Безумная анархия стала замещаться организацией...»

Жажда прибыли толкала мировой капитал к борьбе за новые рынки сбыта, за новые сферы приложения капитала, за новые источники сырья, за дешевую рабочую силу... Империалистические государства, которые поделили между собой весь мир, которые превратили многие миллионы африканских, азиатских, австралийских, американских пролетариев и крестьян в рабочий скот, должны были рано или поздно обнаружить в гигантском столкновении действительную анархическую природу капитала. Так возникло величайшее преступление — разбойничья мировая война.

Завоевание государственной власти не может свестись лишь к перемене личного состава в министерствах, но должно означать уничтожение враждебного государственного аппарата...

Так называемая демократия, т.е. буржуазная демократия, есть не что иное, как затушеванная диктатура буржуазии. Пресловутая всеобщая «воля народа» является такой же фикцией (видимо-

стью. — Ю.В.), как и единый народ. На деле существуют классы с противоположными, исключаящими друг друга интересами...

Сущность буржуазной демократии состоит в чисто декларативном, формальном признании прав и свобод, недоступных как раз рабочему народу... ввиду недостатка материальных средств, в то время как буржуазия имеет полную возможность использовать свои материальные средства, свою прессу и организации для лжи и обмана народа...

Буржуазная демократия с ее парламентской системой лишь на словах предоставляет массам участие в управлении государством. На деле же массы и их организации совершенно устраняются и от действительной власти, и от действительного управления государством...

Буржуазная демократия и парламентаризм, благодаря разделению законодательной и исполнительной власти и отсутствию права отзыва депутатов, обостряют разобщенность масс от государства...

Борьба рабочих за повышение заработной платы, даже в случае ее успеха, не приводит к ожидаемому поднятию уровня жизни, потому что рост цен на все продукты потребления неизменно сводит к нулю каждый успех. Жизненные условия рабочих могут быть улучшены лишь тогда, когда не буржуазия, а сам пролетариат будет управлять производством...

...мелкая собственность отнюдь не должна экспроприироваться, и мелкие владельцы, не эксплуатирующие чужого труда, не должны подвергаться никаким насильственным мерам...

Пролетариат должен защищаться во что бы то ни стало... Оружие против оружия! Сила против силы!..»

Две правды сталкиваются в революциях и переворотах, и одна — торжествует, а торжествуя, засаживает в острог навечно все другие правды.

Часто с этого мига завязывается ложь. Здесь история и народы подставить подножку кандидатам в великие.

Выдержки из «Тезисов о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата»:

«...Ибо ни в одной цивилизованной капиталистической стране не существует «демократии вообще», а существует только буржуазная демократия...

История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог прийти к господству, не переживая периода диктатуры...

...наиболее демократическая буржуазная республика есть не что иное, как машина для подавления... массы трудящихся горсткой капиталистов...

Именно Маркс... показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять»... народ в парламенте...

...рабочие прекрасно знают, что «свобода собраний» даже в наиболее демократической буржуазной республике есть пустая фраза, ибо богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. Пролетарии города и деревни и мелкие крестьяне, т.е. гигантское большинство населения, не имеют ни того, ни другого, ни третьего. Пока дела стоят таким образом, «равенство», т.е. «чистая демократия», есть обман...

«Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии»... эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты, а для этого необходимо свергнуть иго капитала...

Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду.

Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для... подделки так называемого общественного мнения...¹

¹Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. М.: Партиздат, 1983. С. 172—180, 182.

19 июля — 7 августа 1920 года в Петрограде проходил II конгресс Коминтерна. На встрече с рабочими Ленин спросил:

« — Ну, как живете?

— Да вот, так и так...

— А продовольствие как?..

— Слабовато... Изголодались больно.

— Да это што, — вмешивается старый путиловец, — вы, товарищ Ленин, лучше скажите, что Коминтерн? Выйдет из него что аль нет?»

Ленин рассказывает.

— Значит, все же наша возьмет, хоть и рожа в крови... Это ладно»¹.

Наука и техника подводят человека к производству, по сути, без участия человека, кроме управления за пультом. Общество при этом неузнаваемо изменится, исчезнут рабочие и крестьяне, но пока оно мало чем отличается от того, каким было при Ленине. В этом все мы убедились на своей шкуре.

Пока в полной мере капитал паразитирует на труде.

В семнадцатом Ленин выбросил лозунг «Грабь награбленное!» В 1980-е годы высокие кадры компартии выбросили свой лозунг, правда, никогда не возглашенный вслух, «Прячь награбленное!».

Так в XX веке завершила свой круг идея социалистического освобождения человечества.

Я соскучился по одиночеству своих шагов. Последний месяц в суете, в людях, работе почти сутки напролет. Хочу видеть день: высокий-высокий день. Успеть, пока еще тени не стали ночью. Спешу обогнать вечер.

Грязь, окурки — и белый серебряный ручей из-под серой, ноздреватой кучи снега...

Неприятие ленинизма и Ленина у меня (как почти и у всех патриотов) и демократов коренится в **разных** причинах.

Прежде всего нельзя согласиться с онаученным истреблением людей. Установка на неограниченное насилие, а это и есть диктатура, привела к утрате ответственности перед человеческой жизнью,

¹Прожектор. 31 августа 1923 г. № 14. С. 13.

да и вообще человеком. В таком случае возможным становилось буквально все. Кровь не могла не становиться средством решения уже даже не политических, а чисто хозяйственных задач. Следовательно, кровь выходила на первое место в преобразовании мира, становилась преобразователем мира.

Мир на крови и слезах...

Искажение, извращение даже самых светлых идей и целей оказывалось неизбежным.

Кроме того, при Ленине произошла канонизация марксизма. Догматический марксизм уже по своей сути, уже исторически был обречен, означая напрасное и мучительное пережигание жизней миллионов и миллионов людей. Не может учение притязать на конечный смысл. Нет такого смысла.

Ленин пренебрегал и материальным положением людей во имя мировой революции и других своих утопических идей. Это породило голод, обнищание и вымирание народа. Социалистическая идея не может строиться на пренебрежении народом, на действиях, нацеленных на далекое, часто несбыточное будущее, в ущерб и погибель живой жизни.

Ленин отнял у людей право на собственную мысль и волю.

Но и это далеко не все. Для коммунистов партийные догмы были выше Родины. Нас так и учили: партия превыше всего.

Для меня ленинизм и Ленин — разрушители Русского национального государства. Это они подготовили распад государства отменой губернского деления его (наподобие США) и введением национального деления России вплоть до самоопределения его коренных частей. С данного мгновения судьба России оказалась предопределена.

Желанием содействовать развитию малых народов Ленин нанес смертельные удары по единству и духу русского народа (об этом подробно в моей работе «Русская правда»).

Отрицание национального государства означало еще и сознательное разорение национальной культуры, ибо марксисты видели в ней лишь выражение идеологий феодализма или капитализма — и только.

Ленин не сознавал сил, скрепляющих национальное государство, с пренебрежением относился к русскому прошлому. В его работах не найти ссылки на русскую историю и нашу старую литературу.

Попралаи святые иконы... — ленинизм и Ленин испепелили веру русских, заменив ее на сугубо масонские («прогрессивные» и «научные») установки. Но еще на полвека раньше М. А. Бакунин (1814—1876) призывал русскую молодежь презреть веру: «Если Бог существует — его надо запретить». Сознание русского образованного человека всходило на масонском безбожии.

Мы знаем и другое. Очень быстро классовая борьба переродилась в борьбу партийной и советской бюрократий за преимущества и блага. Родина, да и цели революции, постепенно перестали что-то значить.

Все это подготовило нынешнее крушение социалистической идеи, откат от нее.

Для демократов ленинизм и Ленин неприемлемы лишь из-за отрицания частной собственности. Все прочее в нем, в общем-то, соответствовало (и соответствует) их масонско-сионистским расчетам. За привлекательной масонской установкой о «свободе, равенстве, братстве», принятой и социализмом, таилось и таится хищное стремление капитализма поставить все земли и все народы себе на потребу — потребу извлечения наибольшей прибыли, извлечения уже без каких бы то ни было помех. За вроде бы справедливыми масонскими лозунгами о правах человека прячутся эгоизм и настоящее одичание человека — здесь властвует душевная опустошенность...

Здесь несколько особняком стоит Сталин, сделавший много для исправления жутких дел промасонской социалистической революции. В ней и на ней в самом деле имелось слишком много мет и подходов от классического масонства и его производного — якобинства, кичащегося своим просветительством.

Ныне же масонство уже целиком обьевреено...

Критика догматическим марксизмом капитализма, без сомнения, справедливая, привела, однако, к отрицанию вообще каких-либо достоинств капиталистического строя, хотя он постоянно доказывает свою необыкновенную способность организовывать производство, свою отзывчивость на изменения экономических условий (спроса в том числе) и техническую изобретательность. Капитализм чрезвычайно смел, он готов на все, коли речь заходит о серьезной прибыли.

Незадолго до гибели Савинков писал в одной из статей, это было похоже на клятву:

«Воля народа — закон... Прав или нет мой народ, я только покорный его служитель. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может иначе рассуждать».

Это целиком и мои слова.

Согласно официальным сведениям, Савинков, уже отбывая тюремное наказание, оставшись один в канцелярии, опустил на колени и выбросился в проем балкона (самого балкона не было). Это был обрыв черной жизни. Савинков на карачках подполз к балкону — и нет жизни (я бы сказал: позора черной жизни). Это была кара Божья за глубокие раны, которые он нанес национальной России.

Человек, убежденный в праве убивать.

Человек выдающейся храбрости.

Вечный позер, щеголь и страстный поклонник женщин.

Когда эта часть книги уже была написана, я прочел у Николая Дмитриевича Жевахова нечто похожее. Осознание князем Жеваховым интернационализма глубже нашего. Для него это не столько смешение народов в одну семью, не столько борьба с еврейским расизмом и сознательным разрушением христианства, сколько борьба против уничтожения национального государства вообще — это братское единение национальных государств ради светлых целей, но не наживы и господства немногих над ВСЕМИ и за счет ВСЕХ.

Уничтожение национального государства означает бесповоротную гибель России.

И князь Жевахов излагает смысл национального сопротивления:

«Но — помимо вооруженной силы — необходима и духовная моральная реакция против интернационала. Т.е. необходима самая отчетливая кристаллизация человеческого сознания, понимания разрушительной сущности интернационала и в связи с этим — кристаллизация активной решимости бороться за все то, против чего направляет свои разрушительные усилия интернационал. Принцип национальной свободы и независимости воплощен национальным государством.. Принцип национальной религии воплощен национальной Церковью. Принцип хозяйственной само-

стоятельности, воплощенный национальной буржуазией, в которую здравый смысл должен включать все население, обладающее хотя бы малейшей долей национального богатства страны, в виде ли заработной платы — безразлично. Принцип морали, выработанный вековой работой всего человечества.

Таково знамя человечества в противовес знамени интернационала. Эти принципы общи для всего человечества, хотя оно и поделено на национальные группы. **И уничтожить это деление на группы, слиться в какое-то общее сверхчеловечество оно не может и не должно, если не желает утратить своей главной жизненной, творческой силы — национальной индивидуальности. Утерявши ее, оно скоро станет стадом...»¹**

Воздушная громада ветра в улицах. Морозная буря под чистым, голубым небом.

Иду навстречу ветру.

Белейший снег выюги. Каждая лужа запечатана черновато-блестящим льдом. Не насмотреться. Иду как пьяный...

Национальное государство — это прежде всего политика в интересах народа. Если продукты завозить из-за рубежа, если одежду и машины тоже ввозить из-за рубежа, это будет означать, что в России люди будут лишены работы. Те товары, которые привозят, делают ненужным русское производство, следовательно, и ненужными самих людей. Люди окажутся (и оказываются) без работы. Богатеют, работая и продавая свои товары, другие страны, но не Россия. Они только отнимают у России за бесценное сырье для производства этих самых товаров.

Таким образом, значительная часть населения в современной России остается без работы, а стало быть, без возможности что-либо покупать, возможности прокормить себя и семью. **ОБИЛИЕ ТОВАРОВ С ЗАПАДА ОЗНАЧАЕТ НАРОДНОЕ БЕДСТВО.**

Людям не на что покупать, не на что жить.

Государство, а значит, и его граждане, попадают в кабалу.

¹Князь Н. Д. Жевахов. Воспоминания: Т. 2. — М.: Родник, 1993. С. 313. Текст выделен мной. — Ю.В.

Это ведет к духовному вырождению и, как следствие, вымиранию народа.

Другие народы подавят русский народ.

Народ, который не сумел отстоять свою национальную независимость, обречен. Его удел — вымирание, захирение и роль мировой прислуги. Более организованные народы заместят русский народ на его землях.

Стыдиться бедности не надо. Ты живешь честно, живешь на трудовую копейку. Ты никого не лишал крова, заработка и лекарств. Ты не обманывал людей ДУТЫМИ АКЦИЯМИ или, как даже само государство — государство Ельцина, ВАУЧЕРАМИ.

Стыдиться надо миллионщикам, ибо «собственность их — кража».

Неразвитость людей (по большей части не по их вине) — повод для оправдания неравенства, тем более их угнетения.

Каждый из нас в своей нужде или горе и не замечает, как набирает обороты разрушение России.

Нужда, недоед, постоянные заботы и беды последнего десятилетия сказались на мужчинах. Совсем недавно молодая, по-русски крепкая женщина жаловалась моему молодому товарищу: «Мужик нынче пошел... Сверху положишь — соскальзывает. Снизу положишь — кряхтит: тяжело! Сбоку положишь, а он телевизор начинает смотреть...»

Запад привык попрекать нас дикостью. Гитлер же прямо называл нас «недочеловеками».

Когда татары завоевывали Русь, они целиком истребили половцев — более полумиллиона человек. Русские, расширяя пределы своего владычества, никогда и никого не истребляли.

Американцы, осваивая земли нынешних США, полностью истребили индейцев. Но это еще не все.

По данным исследователей А. Дюкаса и Кэр-Сэндерса, число проданных в рабство и вывезенных из Африки людей составило около 150 млн. В основном их везли на североамериканские плантации, хотя часть потока заворачивала на Южную Америку.

Примерно две трети африканских рабов погибло в открытом

океане¹. То есть умерли от лишений или были выброшены за борт еще живыми около 100 млн человек. Это больше, чем потеряли люди в двух мировых войнах, вместе взятых!

И представители этого народа смеют нас попенять правами человека. **Да вся их цивилизация возшла на крови, слезах и костях.**

ОБЕСПЕЧИТЬ БЛАГО РОССИИ, ЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ МОЖНО, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОБЕСПЕЧИТЬ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТЬ. БЕЗ СЕГО УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ ОКАЖЕТСЯ ЧИСТОЙ УТОПИЕЙ, ИБО СЕЙЧАС ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ЖЕРТВОЙ УЖЕ НЕ ТОЛЬКО ВНУТРЕННЕГО, НО И ВНЕШНЕГО РАЗБОЯ.

Деятели 1917 года, а после Ельцин, Черномырдин, демократическая стая России — все эти чубайсы, бурбулисы, гайдары, уринсоны, авены, ясины, старовойтовы, немцовы, хакамады, козыревы... а с ними и бабник-лжесвидетель Клинтон, старец Миттеран, Колль (озабоченный лишь сохранением своей власти), Ширак... все это временщики.

Вечен народ, вечна его земля, вечны история его и борьба за выживание, за свою национальную самостоятельность и независимость, а все другое, напомним словами Хемингуэя, «муть, вроде той, что остается на дне пивной кружки, куда проститутки накидали окурков. А помещение еще не проветрено, и на разбитом рояле бренчит тапер-любитель... »

Прав Хем: «Теперь ведь нами правят подонки».

Переступившие через тела убитых царя и царицы и их детей...

В уничтожении национальной России нашедшие свое призвание...

Гвардия невежества...

Гвардия масонского змеино-предательства родной земли...

Гвардия эгоизма и стяжательства...

Чужеродные гнойные образования в душе и плоти русского народа...

На исторических подлогах, вековых планах расчленения и ослабления России и обмане (и доверчивости русских) возшла их темная сила.

Во власть позора брошено все.

¹Вопросы истории. № 10. 1972. С. 91.

Демократия — это диктатура денег. Подкупом, совращением, разложением и развратом стяжательства прокладывает она себе дорогу, превращая слабости, особенно страсть к собственничеству и обогащению, в тяжкие общественные изъяны и пороки.

В свою очередь, фашизм — это террористическая диктатура (орудие) демократии.

Сейчас фашизм от демократии угрожает России. У проворовавшейся вдрызг демократии имеется в запасе генерал-бас, да и другие генералы — оные готовы рубить народы России на мясо, как это они с упоением убийц по рождению проделали в октябре 1993-го. Только бы отвалили поболе, только бы прилепали лишнюю звезду на погон...

Силовое решение в строительстве социализма занимало у Сталина большое место. Это проистекало из учения, где господствовала установка о революционном насилии — диктатуре пролетариата. Сталин не только сохранил ее, но и безмерно развил, перенес и на хозяйственное строительство. Общество жило по «силовому» расписанию, что непрерывно сопровождалось возникновением серьезных перекосов в жизни страны. Но, повторяю, это был не столько порок Сталина, сколько самого учения, на основе которого возводилась вся социалистическая постройка. Сталин оставался лишь верным его последователем.

Весьма показателен случай с Кагановичем, описанный переводчиком Сталина Валентином Михайловичем Бережковым. Случай этот собирающе выпукло рисует суть «силового» устройства общества.

В октябре 1944 года Черчилль вел переговоры в Москве. Сталин принял его приглашение присутствовать на приеме в английском посольстве — до сей поры Сталин ни разу не посещал ни одно иностранное представительство в Москве.

«Черчилль протискивался в толпе, обмениваясь с гостями двумя-тремя фразами, и мы с переводчиком премьера Бирзом следовали за ним. Павлов тем временем оставался рядом со Сталиным и Молотовым, которых окружали английские и американские дипломаты. Подойдя к наркомуну путей сообщения Кагановичу, пре-

мьер-министр поинтересовался, как ему удалось добиться эффективной работы транспортной системы России.

— Если машинист локомотива не выполняет своих обязанностей, я поступаю с ним вот так, — ответил Лазарь Моисеевич, проведя пальцем поперек горла и ослабившись...»¹

Так сказать, будничные ужасы.

Этот грех, кровь людей, не отмыть и не оправдать. Он так и останется за Сталиным. Однако не следует забывать, что в ряде случаев Сталин решительно очистил страну от опасной и вредной нечисти, которая могла стоить жизни многим тысячам людей.

И вот что любопытно. Самая большая по охвату земли была Большая Россия Сталина. Самая мощная армия была при Сталине. Самые дешевые продукты, правда в городе, были за все советское время в последние лета жизни Сталина. Лучшие дома **для людей** в советской России, а нередко и не только в советской, были выстроены при Сталине. Множество новых видов промышленности, а также атомная, космическая оказались заложены и развиты при Сталине. Расцвет Большого театра и других театров состоялся при Сталине. Тогда за двугривенный (20 коп.) можно было ездить в метро до упаду. О других видах транспорта и говорить не стоит: сущие гроши. Это уже позже Хрущев поднял стоимость проезда на всех видах транспорта вдвое, в метро — до полтинника. В 1960-м он провел денежную реформу в масштабе 1:10. И стали мы платить за проезд в метро пятачок.

И никто не смел издеваться над русским народом при Сталине.

Но язык следовало держать на привязи и говорить следовало только то, что можно, а что можно — мы все знали чуть ли не от рождения...

Преимущественное «силовое» строительство нельзя отнести к нормальному явлению, хотя составные части его, несомненно, должны присутствовать в жизни. Без дисциплины общество обречено на многие опасные социальные болезни.

Общество не может существовать на установках революции.

Революция — это переходное состояние, сугубо временное.

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 327, 328.

Революция развивается по законам взрыва. Правовая основа революции — произвол в угоду ее интересам, то есть одно неослабное насилие.

Представляется естественным постоянное преобразование выводов из любого учения, согласование их с потребностями общества. Однако из-за догматизма последователей марксизма его установки не подвергались подобному преобразованию. Напротив, всякое изменение установок, приведение их к интересам общества воспринималось как ревизионизм (перерождение).

Хозяйственный интерес в обществе был подавлен, играл заведомо подчиненную роль. Такой подход и был наследием Сталина, названным командной системой. В сущности, сталинизм — это во многом замена экономических и политических приемов принуждением. А коли перевести понятие ревизионизма здесь на обычный язык, оно будет означать все ту же разную степень карательщины.

Получилось так, что социализм уже нельзя было преобразовывать, он оказался вещью в себе, чем-то неприкасаемо-непререкаемо-священным. Эта верность учению, равная окостенению, исторически сложилась из борьбы с народничеством, эсеровщиной, анархизмом и особенно — меньшевизмом, где принимались множественные попытки ревизовать марксизм, перекроить на свой лад.

Вообще-то государственное насилие (принуждение) присутствует в любом обществе, и оно неизбежно. Весь вопрос — в соотношении хозяйственных приемов с политическими и административными. Социализм развивался по пути административного строя, все более увязая в несуразностях хозяйственной политики, что вызывало недовольство народа, который под воздействием обманной западной пропаганды (части психологической войны) совершенно не представлял себе, что такое рыночная экономика, то есть капитализм. На это наложилось библейское корыстолюбие демократии 1990-х, что не могло не привести Россию к подлинной беде: тяжелой экономической лихорадке.

Одним из уроков сталинизма можно считать осознание людьми не только возрастающего положительного значения государства в жизни общества, но и возрастание этого значения во всех сторонах жизни, в том числе и денежно-хозяйственной, не говоря

уже о главенствующей культурной и нравственно-моральной роли государства.

Будущее человечества связано с демократическим этатизмом, то есть с демократическим образованием сильного государства.

Демократия складывает сильную власть, которая действительно управляет обществом уже по установкам политического единовластия при особом механизме контроля за нею для решительного исключения извращений подобной власти.

Будущее за надежно скроенным, сильным государством, но не за государством голосующих эгоистов — произвола каждого «Я».

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС НЕ МОЖЕТ ДИКТОВАТЬ ЖИЗНЬ НАРОДУ.

Какая-то странная ночь, не городская, без огней.

В ночь уходят дни...

В США на исходе августа 1998 года завершил работу съезд по вопросам порнографии и педерастии. С заключительным докладом выступила одна из руководительниц американского правозащитного движения. Выступление этой дамы свелось к обстоятельной защите порнографии и педерастии как важнейших из прав человека. Это было требование в праве становиться свиньями и отвращать все вокруг себя свинством.

Что можно сказать? Да здравствует свобода быть свиньями!

Российское радио сообщило о съезде заокеанских правозащитников как важную новость. И тут же мы услышали, что «в нашей стране за парту сядут на 700 тыс. детей меньше, чем в прошлом, 1997 году».

Лицемерие газет, телевидения и радио не ведает пределов. Они столбят строй, который превращает Россию в нищенку, а ее народ в безграмотных людей, насаждают гнусные порядки и обычаи, сродные порокам, — и сетуют на неизбежные последствия своей же деятельности грызунов-растлителей.

«Теперь ведь нами правят подонки» — в том числе подонки,

вещающие на телевидении, радио и в газетах, вся эта демократическая свора растлителей народного сознания.

Они и есть та «муть». Именно они стлали и стелют ковровую дорожку самому позорному из политических режимов России, родные братья масонов, сионистов и прочей гнуси.

ГЛАВА IX

Жизнь Черчиллю удалась

Люди такого закала, как Черчилль, рождаются не часто. При обзоре жизни Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля (1874—1965) начинаешь понимать, что он почти не имел себе равных по ряду качеств среди лиц, облеченных высшей властью в XX столетии. О нем без натяжки можно говорить как о человеке неповторимом и неподражаемом.

И что примечательно, Черчилль не имел хорошего образования, он сам образовал себя. Он был удивительно крепким человеком, несмотря на чрезмерную и вроде бы даже гибельную полноту. Молодым офицером он служит в Индии, а в войну США с Испанией (21 апреля—10 декабря 1898 года) находится на Кубе, присылая в английские газеты военные сообщения, которые пользуются успехом у публики. В начале века он воюет против буров, попадает в плен, бежит, рискуя быть расстрелянным каждую минуту (за буров, кстати, сражался А. И. Гучков. — Ю.В.). В годы Первой мировой войны он, отпрыск знаменитого рода герцогов Мальбруков, занимает ответственные министерские посты, а после даже недолго командует батальоном на Западном фронте.

Он много читает и сам сочиняет. У него неплохой слог, он даже выпускает роман, одновременно издавая один исторический опус за другим. Он пробует себя и в живописи. По отзывам, он писал недурные картины и мог выработаться в незаурядного мастера. В то же время, даже оказавшись вне правительства на недобрые для себя полтора десятка лет, Черчилль неукооснительно читает самые важные документы, знает все о денежно-хозяйственном и военном состоянии Британтской империи и зорко следит за международными делами. Задолго до польского кризиса (начала Второй

мировой войны) именно он разглядел смертельную опасность гитлеризма для своей страны и принялся все более горячо настаивать на сближении с Советским Союзом, сознавая, что в одиночку Англии не выстоять. И это он, который, можно сказать, природно не воспринимал Россию, как самодержавную, так и советскую. Задолго до войны он часто выступает в парламенте по военным вопросам, каждый раз обращая внимание депутатов и страны на недостаточную готовность Англии к обороне, особенно воздушной. Немало из его выступлений оказались пророческими.

В 1930-е годы Черчилль восхищался Муссолини, которому посвятил многие страницы в одной из своих статей. Черчилль нес в себе авторитарные, вождистские задатки, которые обуздывала английская политическая система. Черчилль с грустью отмечал, что «мы вступили в эпоху воздействия народных масс», то есть в былые минули вожди, которые единолично повелевали народами, минули в прошлое решения, которые принимались без референдумов и обсуждений газетами, ненужной становится могучая воля правителя.

Если рука не ранена, можно нести яд в руке.

И в Первую, и во Вторую мировые войны Черчилль видел в смиренной, побежденной Германии ту силу, которая могла бы быть с успехом использована против Советского Союза, но сначала ее следовало смирить, разбив, ибо она в этих войнах посягала на мировое могущество Англии.

Невилл Чемберлен (1869—1940), возглавивший правительство в 1937 году, усматривал в Германии лишь кулак для сокрушения России, исключая угрозу для Великобритании. Влиятельная верхушка английского консервативного общества, вождем которой и слыл Чемберлен, очень многое прощала Гитлеру, уверовав, что тот нападет на Советский Союз (она весьма поспособствовала росту его могущества и захватам в Европе до осени 1939 года). В пользу сего, казалось, свидетельствовали террор фюрера против коммунистов в Германии и сама программно-«священная книга» «Майн Кампф».

Это была золотая мечта английского бюрократического и делового мира — пустить на слом Российскую империю, а после — Советский Союз. С первого десятилетия XIX столетия Англия

не прекращала борьбы с Россией. На ее совести убийство императора Павла Петровича, Крымская война (1853—1856). Будущий английский премьер Дизраэли предпринимал все, дабы втравить Россию в войну с Турцией, что и случилось в 1877—1878-е годы. Это «старая, добрая» Англия отняла у России плоды победы на мирном конгрессе в Берлине (1878), отменив статьи победного Сан-Стефанского мира. Это Англия подзуживала Японию в начале XX века, заботливо сужая средства на строительство японского флота. В итоге грянула русско-японская война 1904—1905 годов.

Но лишь обозначилась немецкая смертельная угроза — и Англия вступила в союз с Россией, что не помешало английской разведке быть одной из ведущих сил в свержении Николая II в феврале семнадцатого...

И это при всем том, что Россия не участвовала в войнах других стран против Англии и не принимала участие во враждебных ей союзах. Как, впрочем, и по отношению к Франции, которая ухитрилась дважды за XIX столетие напасть на Россию, нанеся ей огромнейший ущерб: оказалась дотла испепелена древняя русская столица со всеми культурными и материальными ценностями.

Что и говорить, Уинстону Черчиллю досталось богатое наследство от истории. С опорой на него он и строил свою политику.

Надо отдать должное — он задолго до Мюнхенского договора (1938) видел, что Великобритания бредет к пропасти. Она без армии, совершенно неподготовленная к войне, беззащитная с воздуха и, что самое опасное, — без союзников. На Францию была плохая надежда (далеко не все это сознавали), что и подтвердил май 1940-го. После 10 мая 1940 года фюрер в несколько недель поставил на колени Францию и вдребезги разнес английскую армию на материке, позволив ей бежать на чем попало к родным берегам («дюнкерская эпопея»).

В мае 1940 года, в 64 года, в самое опасное и несладкое для Великобритании время, сэр Уинстон возглавил правительство, сменив наконец такое политическое ничтожество, как Невилл Чемберлен. Около шести военных лет он самым деятельным образом участвует во всех узловых, первостепенных событиях, а в XX столетии не водилось более обжигающе запутанного времени, нежели предшествующего мировой войне и самой войны.

Очень тучный, казалось бы, задушенный лишним весом, он, однако, проявляет удивительную любознательность, подвижность и непоседливость, непрестанно летая и передвигаясь по всему белу свету. Он непосредственно руководит войной, по многу часов совещается с администраторами и генералами в английских колониях и доминионах, ведет переговоры с руководителями иностранных государств — людьми, как правило, непростыми. Вскоре после конференции в Тегеране (самый конец ноября 1943-го) он переболел воспалением легких, но и тогда ни на день не ослабил управления войной.

Кажется, он делает все, дабы разрушить здоровье, и, однако, доживает до своего 90-летия. Несмотря на преклонный возраст, он не оставляет привычки курить — и курит лишь толстые и длинные бирманские сигары умопомрачительной крепости.

Он обожает коньяк, не пренебрегая и другими крепкими напитками. Каждый день, уже вскоре после пробуждения, он взбадривает себя коньяком. Он не отказывается от коньяка и перед сложными делами. Весь рабочий день он помаленьку пропускает через себя коньяк (за глаза Сталин называл его пьяницей). От такого количества обычный смертный может утратить контроль над собой, а Черчилль — весь в делах и запутанных переговорах.

Он встает в восемь, после обеда отдыхает час, а ложится в три часа ночи (или в три часа утра) и днем обязательно принимает горячую ванну.

Один из штабных офицеров, вполне здоровый человек средних лет, был выделен товарищами для опыта, а именно: пить и курить все, что поглощает и курит престарелый сэр Уинстон, то есть принять обычную дозу его нагрузки. Он все повторяет за своим высоким шефом — и еще до обеда почти теряет способность соображать и держаться на ногах.

Гитлер, будучи несравненно моложе Черчилля, коего он люто ненавидел, питая в то же время искреннее уважение к Сталину, к концу мировой войны выдыхается, приходит в совершенное физическое и умственное истощение. Такова цена руководства страной — могучим Великогерманским рейхом. Как мы знаем, последние месяцы фюрер жил на вливаниях морфия.

А для Черчилля не существуют законы старости. Этот потомок

Мальборо неистощим и неутомим. Он вылетает в Нормандию, в штабы к Эйзенхауэру и Монтгомери, посещает места боев, объявляясь чуть ли не в передовых цепях, как, к примеру, в Италии.

После войны, неожиданно проиграв парламентские выборы (это была «награда» за преданную службу Англии в годы войны), он на короткое время оказывается не у дел. Однако Черчилль с несомненной пользой для себя расходует «политические каникулы» на воспоминания — целых шесть томов, оснащенных подробнейшим сводом документов. Ему пособляет штат машинисток, секретарей, историков. В сущности, это история Второй мировой войны глазами сэра Уинстона. Он так и озаглавливает воспоминания: «Вторая мировая война». За сей труд ему присуждают Нобелевскую премию по литературе.

Он намного пережил своих именитых современников в России: императора Николая II, Столыпина, Витте, Савинкова, Милюкова и Гучкова — «отцов» послефевральской республики, а также Ленина, Троцкого и Сталина.

«У Черчилля была крупная, но мягкая и теплая рука, обволакивавшая и как бы утешающая», — вспоминал рукопожатие английского премьера Бережков¹.

Незадолго до смерти Сталина (5 марта 1953 года) он снова премьер-министр и остается им до 81 года (годы последнего премьерства: 1951—1955), по прошествии которых вскоре уходит в отставку: ему уже трудно заниматься ответственными делами. Однако он сохраняет за собой место в парламенте.

Он затихает навек после кровоизлияния в мозг в конце января 1965 года на девяносто первом году жизни (мне пошел тогда 31-й год, я завершал спортивную карьеру). Великобритания проводила его в последний путь с великой скорбью и почтением. Я сохранил газеты тех дней.

Как политик, Черчилль видел гораздо дальше и глубже и задолго до других — в этом заключалась его главная сила. И еще он был очень предприимчив и неутомим.

Черчилль являлся вождем западных демократий, которые он не называл иначе, как «великие». Он с нескрываемой предупре-

¹Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С 12.

дительностью относился к сионистской верхушке еврейского народа.

Примечательно его посвящение своим воспоминаниям о Второй мировой войне:

«Мораль этого труда.

В войне — решительность.

В поражении — мужество.

В победе — великодушие.

В мире — добрая воля.

Тема данного тома (последнего, шестого тома воспоминаний. — Ю.В.): как великие демократии одержали победу и, таким образом, получили возможность повторить глупости, которые едва не стоили им жизни»¹.

Это все неискренне — черчиллевские рассуждения о сохранении мира и равноправии народов. Черчилль добивался одного: чтобы благоденствовала Британская империя, **чтобы все было, как было**, даже если это несправедливо. Всё вне Британской империи должно жить согласно интересам все того же Лондона. Все, кто живет не по данным установлениям, — враги Англии.

На страницах своих воспоминаний Черчилль не щадит сил для насмешек, а порой издевательств над Сталиным. Безусловно, в этом его досада на крупность Сталина — крупность, которая переигрывала его, Черчилля. И даже после смерти Сталина это шибко шершавило Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля.

Обращаясь к знаменитому разгрому немцев под Москвой (декабрь 1941-го), Черчилль, восхищаясь успехами русского оружия, все время подсовывает читателю «зиму», как первую причину победы нашей армии. Ну разве мы могли быть мужественны?..

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война, т. VI. Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. Выделено мной. — Ю.В.

Это издание осталось неизвестно советскому читателю. Оно насчитывало всего несколько десятков шеститомников с грифом «Для служебного пользования» и предназначалось для политбюро и ответственных работников ЦК КПСС. Мне удалось приобрести его в самом начале 1960-х годов, после крушения сталинской партийной аристократии.

В своем исследовании Второй мировой войны «Мир под ружьем: глобальная история Второй мировой войны» (At Arms A Global History Of World War II by Gerhard L. Weinberg, Cambridge University Press, 1994) американский историк Герхард Вайнберг едко высмеивает объяснения немецкими генералами своих поражений в 1941 году «плохими погодными условиями».

Он, в частности, пишет:

«Стоит минуту поразмыслить и станет ясно, насколько нелепа такая аргументация (доводы. — Ю.В.). Точно так же, как дожди в Англии мешают и английским летчикам и другим пилотам (когда немцы осенью 1940 года повели атаки на Англию с воздуха. — Ю.В.), так и в Советском Союзе каждый год бывает зима. И зима отнюдь не является особым событием, которое русские нарочно устраивают всякий раз, когда подвергаются вторжению, — для них она такая же холодная, а грязь такая же непролазная, как и для захватчиков. В некоторых ограниченных обстоятельствах и погода, действительно, может благоприятствовать той или иной стороне. Плохая погода обычно помогает обороняющимся. Но если Красная Армия в ноябре (1941-го. — Ю.В.) оборонялась, то именно немцы после первой недели декабря оказались в положении обороняющихся.

Необходимо понять одно, что немцы к тому времени исчерпали свой наступательный потенциал (возможности. — Ю.В.), что они не мобилизовали свое общество так тщательно для ведения войны, как это сделал Советский Союз, и что советское руководство не только сохранило действенный контроль над неоккупированными (незанятыми. — Ю.В.) частями своей территории, но и смогло мобилизовать людские и материальные ресурсы, необходимые для сокрушительного удара по захватчикам».

И все же Черчилль был вынужден признать в переписке со Сталиным, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

Именно такое громкое признание вырвет победы Красной Армии у Черчилля.

Черчилль — это, в сущности, объединенный мировой центр (из-за своих личных чрезвычайно разветвленных международных связей), который непрерывно доказывал необходимость военного подавления Советского Союза с дальнейшим обязательным рас-

членением. По сути, это определило всю послевоенную политику США и Запада. Черчилль помог им выйти на жесточайшее военное противостояние с Советским Союзом.

Много горя принес нашему народу Черчилль, натравив на нас своим выступлением в Фултоне 5 марта 1946 года весь белый свет и невероятно утяжелив «холодной войной» восстановление нашей страны после 1945 года. Мое поколение проклиняло его.

Это был выдающийся английский патриот, порой просто шовинист.

США для Черчилля это как бы дурное продолжение Англии — не совсем то, но все же порождение его Англии.

Черчилль был убежден в необходимости расчленения России. За него эту задачу решили США. Ельцин тут весьма кстати очутился под рукой. Эк развернулся...

12 мая 1945 года Черчилль писал Трумэну:

«...Я глубоко обеспокоен положением в Европе...

А тем временем как насчет России?..

Железный занавес (оборот, введенный Геббельсом. — Ю.В.) опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него... Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад (в ходе занятия советскими войсками своей зоны оккупации согласно ялтинским соглашениям. — Ю.В.) при этом гигантском продвижении москвитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится...

...в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана...»¹.

В этом отрывке уже все те настроения, что возведут Черчилля на университетскую кафедру в Фултоне. Мы для Черчилля «москвиты». Этим он подчеркивает нашу «азиатчину», а стало быть, определенную неполноценность, «некачественность», нашу якобы убогую животную основу.

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война: Т. VI: Триумф и трагедия. — М.: Воениздат, 1955. С. 539—540. Выделено мной. — Ю.В.

Он — англичанин, а мы — «московиты». Разницу надо понимать и не забывать, знать свое место.

Жизнь удалась Уинстону Черчиллю.

И всю эту жизнь он боролся против России, сперва самодержавной, после — советской, ибо Россия испокон веков отстаивала право жить по своим установлениям и убеждениям.

Принято тыкать носом русских и немцев в их жестокость. Ну, а как обстояли дела с великодушием у рыцарственного потомка герцога Мальборо? Он ведь столько рассуждает о человеколюбии, благородстве и справедливости.

Лидер Британского союза фашистов Освальд Мосли был заточен в тюрьму на третий день вторжения Германии в Бельгию, то бишь 13 мая 1940 года. «И это несмотря на то, — отмечал Джон Толанд, — что Мосли призывал своих чернорубашечников оставаться верными родине», то есть Англии¹.

Но этого оказалось мало. По приказу Черчилля в узилище была брошена и жена Освальда Мосли — леди Диана Мосли с двумя малолетними детьми: старшему исполнилось всего полтора года, а младшему не было и трех месяцев. Всех их поместили в сырой камере, где не было даже кровати.

И всех держали так более трех лет.

Вот и вся сага о благородстве сэра Уинстона и вообще западном понимании справедливости.

За восемь месяцев до окончания Второй мировой войны англичане лихорадочно готовились к высадке в Греции — готовились, по словам Черчилля, «независимо от того, будут ли там немцы или нет». Это была второстепенная операция для Второй мировой войны, но первостепенная политически и даже более того — своим внутренним, скрытым мировым смыслом.

Грецию потрясли не только нападение Италии 28 октября 1940 года и последующее вторжение германских вооруженных сил (6 апреля 1941 года), но и задолго до этого фашистский переворот Метаксаса 4 августа 1936 года, который утвердил в стране солнца кровавую диктатуру.

¹Джон Толанд. Адольф Гитлер. — М.: 1993. Кн. 2. С. 100.

2 июня 1941 года Греция была захвачена вермахтом. Король Георгиос II и правительство во главе с Цудеросом укрылись в Египте.

27 сентября 1941 года под влиянием коммунистической партии Греции был создан ЭАМ — Национально-Освободительный фронт. В декабре было решено создать греческую Народно-Освободительную Армию — ЭЛАС. Других сил, способных обуздать захватчиков, а также произвол и национальное предательство, не существовало, — и Черчилль об этом упрямо умалчивает в своих воспоминаниях.

В 1943 году численность ЭЛАС составила 70 тыс. бойцов и офицеров. Не кто иной, а ЭЛАС к лету 1943 года освободила около трети страны. Это была армия греческого народа.

Ясско-Кишиневская операция Красной Армии привела к разгрому Великогерманского рейха на Балканах. Немцы оказались опасно зажаты в Греции. Это и вынудило их покинуть страну в октябре 1944-го.

Сознавая, что Греция может быть утрачена для капиталистического Запада, Черчилль весной 1945 года отдал приказ английским войскам повернуть оружие против героических отрядов Сопротивления (партизанских отрядов), которые с победой спускались с гор.

Иоаннис Метаксас (1871—1941) высшее военное образование получил в Германии. Долго служил в греческом Генеральном штабе. В 1921 году основал фашистскую *партию свободомыслящих*. В октябре 1921 года принял участие в мятеже генералов Гаргалидиса и Леонадопулоса, после провала скрылся за границу. Был заочно приговорен к смертной казни, однако в 1924 году по амнистии вернулся. Выступил за реставрацию монархии. С 1935 года занимал в правительстве высокие посты военного министра, заместителя премьер-министра, премьер-министра. 4 августа 1936 года, будучи премьер-министром, установил режим диктатуры, используя поводом мнимую угрозу коммунистического переворота. Все гражданские свободы были отменены. Проводил политику сближения с Германией Гитлера. До захвата Греции немцами и даже во время их оккупации метаксисты последо-

вательно истребляли коммунистов и всех, кто не соглашался с их властью. 29 января 1941 года Иоаннис Метаксас умер.

Именно метаксисты и сторонники метаксистов, то есть профашистски настроенная часть общества, и окажут тогда в первую очередь энергичную поддержку Черчиллю. Они же станут и основным кадром будущих полицейских и военных формирований послевоенной Греции, всюду злобно преследуя и казня патриотов и коммунистов.

Черчилль распорядился: к 11 сентября 1944 года войскам, предназначенным к высадке, находиться в состоянии готовности. Свое решение английский премьер довел до сведения эмигрантского греческого правительства в Казерте (той части Италии, что уже оказалась захвачена союзниками): правительство в любой момент должно быть готово к возвращению в Афины с английскими войсками. Доселе эмигрантское правительство Греции ждало своего часа в Египте под охраной англичан. С апреля 1944 года это правительство возглавил 56-летний Георгиос Папандреу, который после Первой мировой войны неоднократно бывал и депутатом парламента, и министром, а в 1935 году основал Демократическую партию.

В Греции царил разруха. Население жило впроголодь. Денежная система оказалась парализована. Немцы выкачали из страны все, что можно. На улицах Афин утрами находили десятки трупов, умерших от голода.

Вспоминая эти события, Черчилль оговаривается, что и «наши собственные ресурсы были напряжены до предела».

В разборе Черчилля Москва с самого начала будет хранить молчание.

«Важно было, чтобы в Греции не возникло никакого политического вакуума... Я был рад, что... греческое правительство находилось под рукой, в Италии», — отмечал Черчилль в воспоминаниях о Второй мировой войне, которые и будут привлечены к дальнейшему изложению событий¹.

Свою первостепенную задачу английские войска видели в за-

¹ Все дальнейшие цитирования Черчилля произведены по главам «Вмешательство англичан в Грецию» и «Рождество в Афинах» тома VI «Второй мировой войны». (Текст выделен мной. — Ю.В.)

хвате Афин. Они, по признанию Черчилля, должны были опередить ЭАМ. Это обеспечивало контроль над страной.

Пока же немцы Афины не эвакуировали; правда, они начали отходить с Пелопоннеса, разрушая железные и шоссейные дороги на пути к Аттике. На рассвете 4 октября 1944 года союзники высадились в Патрасе — крупном порту на западном побережье Пелопоннеса.

Дабы не оказаться в мышеловке, немцы 12 октября 1944 года приступили к срочной эвакуации Афин. Для Черчилля это явилось сигналом к незамедлительным действиям: необходимо спешить, дабы опередить ЭАМ. 13 октября всего в 8 км от Афин английский десант овладел аэродромом Мегара. Командовал силами вторжения английский генерал Скоби. В последующие дни Афины оказались в руках англичан. Но и ЭАМ не дремал. Войска ЭЛАС тоже вошли в Афины, это ведь был их родной город, к тому же они его освобождали.

К 1 ноября немцы покинули Элладу.

7 ноября 1944 года Черчилль писал своему министру иностранных дел Идену:

«...мы должны, не колеблясь использовать английские войска для поддержки греческого королевского правительства...»

Позже мы должны заняться вопросом о расширении греческой власти. Я вполне ожидаю столкновения с ЭАМ, и мы не должны уклоняться от него...»

Черчилль явно гнул к Гражданской войне. Он не признавал законное право ЭАМ определять правительство Греции. Эллада должна была подчиниться английскому диктату.

Это явилось прямой изменой совместной противогитлеровской борьбы, подлый и неожиданный удар в спину. Все годы германской оккупации ЭАМ вел кровавую борьбу за свободу своей Родины. И теперь, после победы, ЭАМ лишали права на создание своего правительства. Это право почему-то присвоил себе Черчилль. Несомненно, большинство греческого народа стояло тогда за ЭАМ. Сознывая это, Черчилль вознамерился силой изменить соотношение в пользу «своего» эмигрантского правительства. Но что общего было у сражающегося народа Греции с правительством, которое доставили в Элладу англичане?..

Черчилль объяснял причины своего решения:

«Единственная возможность предотвратить Гражданскую вой-

ну заключалась в том, чтобы разоружить партизан и другие войска на основании взаимного соглашения (английского диктата. — Ю.В.) и создать новую национальную армию и полицейские силы под непосредственным контролем афинского правительства (то есть англичан. — Ю.В.).»

Все решения Черчилля как раз и соответствовали вызову войны. На каком основании партизаны, победившие в войне с немцами, должны складывать оружие? Ведь здесь англичане даже не воевали с немцами, исключая первые недели после нападения Германии на Грецию, но тогда они на греческой земле защищали свою Англию. В 1941—1944-е годы греки один на один бились с немецкими гарнизонами. Англичане пожаловали в страну, освобожденную; по существу, греками, — пожаловали, дабы установить свои порядки. Но это было право победившего народа, право патриотов своей земли. Это они отстаивали Грецию. Но Черчиллю нравились не те люди, которые освободили свою страну. Ему нравились другие люди, которые в будущем будут, как и сейчас, покорными воле и Англии, и США.

1 декабря 1944 года шесть министров правительства Папандреу, связанные с ЭАМ, подали в отставку. В Афинах вспыхнула всеобщая забастовка как протест против навязывания народу проанглийского ненационального правительства. Папандреу, однако, добился, чтобы остальные министры (те, что отсиживались все годы в Египте) приняли декрет о роспуске партизанских сил — это был окончательный поворот к Гражданской войне.

«Генерал Скоби, — пишет Черчилль, — обратился к греческому народу с посланием, в котором заявил, что он твердо поддержит нынешнее конституционное правительство, «пока не будет создано греческое правительство... и пока нельзя будет провести свободные выборы»... Черчилль повторил заявление генерала в Лондоне.

По Черчиллю, народ, который все годы войны сражался без эмигрантского правительства, который выковал из своей среды вождей и сплотился вокруг них, теперь должен был послушно отказаться от всякой власти и согласиться на правительство, которое не имело никакого отношения к народному сопротивлению.

Проследим за изложением событий по воспоминаниям Черчилля:

«3 декабря, в воскресенье, между сторонниками коммунистов, участвовавшими в запрещенной демонстрации, и полицией произошли столкновения, и началась Гражданская война. На другой день генерал Скоби приказал ЭЛАС немедленно эвакуироваться из Афин и Пирея (это был наглый приказ бойцам победившей армии. — Ю.В.). Вместо этого их войска и вооруженные группы гражданского населения попытались силой захватить столицу.

В этот момент я начал осуществлять более непосредственное руководство этим делом. Узнав, что коммунисты уже захватили все полицейские участки в Афинах и убили большинство оказавшихся там людей, не согласившихся их поддерживать, и что коммунисты находятся на расстоянии полумили от правительственных учреждений, я приказал генералу Скоби и английским войскам, насчитывавшим 5 тысяч человек, которые за десять дней до этого были с энтузиазмом встречены населением как освободители, вмешаться и открыть огонь по предателям-агрессорам. В таких случаях подобные меры не должны носить половинчатый характер. На бесчинства, с помощью которых коммунисты пытались захватить город и изобразить себя перед всем миром в качестве правительства, требуемого греческим народом, можно было ответить только оружием. Для созыва кабинета не было времени.

Антони и я совещались часов до двух и всецело согласились с тем, что мы должны открыть огонь... Примерно в три часа утра я подготовил следующую телеграмму:

Премьер-министр — генералу Скоби (Афины), то же генералу Вильсону (Италия):

5 декабря 1944 года.

«...Вы несете ответственность за поддержание порядка в Афинах и... за нейтрализацию или уничтожение всех отрядов ЭАМ — ЭЛАС, приближающихся к городу. **Вы можете вводить любые правила по своему усмотрению для установления строгого контроля на улицах или для захвата любых бунтовщиков, сколько бы их ни было... не колеблясь открывайте огонь по любому вооруженному мужчине, который не будет подчиняться английским властям или греческим властям, с которыми мы сотрудничаем.** Было бы, разумеется, неплохо, если бы ваши приказы оказались подкреплены авторитетом каких-либо греческих властей, и Липер (посол Анг-

лии. — Ю.В.) укажет Папандреу («укажет» — и это называлось независимым правительством? — Ю.В.), что необходимо оказать помощь. Однако действуйте без колебаний так, как если бы вы находились в побежденном городе, охваченном местным восстанием (здесь и далее курсив Черчилля. — Ю.В.).

Что касается групп ЭЛАС, приближающихся к городу, то вы с вашими бронетанковыми частями, несомненно, должны быть в состоянии проучить некоторых из них так, чтобы другим было неповадно. Можете рассчитывать на поддержку всех надлежащих и разумных действий, принятых на этой основе. Мы должны удержать Афины и обеспечить там свое господство. Было бы хорошо, если бы вам удалось этого достигнуть по возможности без кровопролития, но в случае необходимости и с кровопролитием».

Эта телеграмма была послана 5-го, в 4 ч. 50 мин. утра. Я должен признаться, что она была несколько резка по тону. Я считал настолько важным дать решительные указания командующему, что намеренно использовал самые резкие выражения. Наличие у него подобного приказа должно было не только толкнуть его на решающие действия, но и дать ему твердое заверение, что я поддержу его в любой хорошо задуманной операции, которую он может предпринять, каковы бы ни были последствия. Я испытывал глубокое беспокойство по поводу всего этого дела, но я твердо считал, что не должно быть никаких сомнений или колебаний. Я думал о знаменитой телеграмме Артура Бальфура в 1880-х годах английским властям в Ирландии: «Стреляйте, не колеблясь» (то бишь стрелять по восставшему против господства англичан ирландскому народу, и здесь, в Греции, господа тоже должны расстреливать всех непокорных — именно так оценивал положение Черчилль. — Ю.В.). Телеграмма была послана по открытому телеграфу и в то время вызвала страшную бурю в палате общин... Это была одна из основных ступеней, по которым Бальфур шел к власти и контролю (власть английского премьера, как видим, строилась на подавлении народа — вот смысл признания Черчилля. — Ю.В.). Теперь обстановка была совершенно иной. И все же фраза: «Стреляйте, не колеблясь», — звучавшая в моих ушах как отголосок того отдаленного времени, как бы побуждала меня к действию (тут Черчилль ставит на историю латки в крови. — Ю.В.).

Позже в тот же день я телеграфировал нашему послу.

Премьер-министр — Липеру (Афины):

5 декабря 1944 года.

«...Сейчас не время политиканствовать в Греции или воображать, что греческие политические деятели различных оттенков могут повлиять на обстановку... Речь идет о жизни или смерти...

Давно миновало время, когда какая-либо определенная группа греческих политических деятелей могла бы повлиять на это восстание толпы. У него (Папандреу. — Ю.В.) имеется лишь одна возможность — держаться вместе с нами до конца. Я поручил всю проблему обороны Афин, поддержание закона и порядка генералу Скоби и заверил его в том, что его поддержат при использовании любой силы, которая может понадобиться. Отныне вы и Папандреу будете придерживаться его указаний... (греческий премьер, находясь вроде бы в своей столице, должен был безоговорочно исполнять приказы английского генерала. — Ю.В.)»

ЭЛАС быстро установила контроль над большей частью Афин, за исключением центрального района, где наши войска сначала сдерживали отряды ЭЛАС, а затем перешли в контратаку.

Генерал Скоби (Афины) — премьер-министру:

8 декабря 1944 года.

«Усиление деятельности повстанцев и повсеместная стрельба из-за угла не позволяли достичь больших результатов в боях, которые продолжались вчера весь день...

23-я бригада, которая в течение второй половины дня вела операции по очищению каждого дома, добилась некоторых успехов...

С английского военного корабля «Орион» пришлось высадить подкрепления морской пехоты для борьбы с многочисленными снайперами из повстанцев... Ввиду сильного сопротивления наши войска были вынуждены отступить в одном районе...»

Премьер-министр — генералу Скоби:

8 декабря 1944 года.

«Сегодня в вечерних газетах много пишут о том, что ЭЛАС предложила заключить мир. Естественно, что нам хотелось бы урегулировать этот вопрос, но вы, поскольку это позволяет ваше влияние, должны позаботиться о том, чтобы мы из добрых побуждений не от-

казались от того, что завоевано или еще может быть завоевано нашими войсками... **Беспорная цель — поражение ЭАМ.** Прекращение боев второстепенное дело по сравнению с этим. Я отдаю приказ об отправке в Афины крупных подкреплений, и фельдмаршал Александер, вероятно, через несколько дней будет с вами. Сейчас, пока конфликт не улажен, нужны твердость и трезвое суждение, а не горячие объятия».

Генерал Скоби — премьер-министру:

10 декабря 1944 года.

«...Я не упускаю из виду упомянутую вами главную цель (разгром ЭАМ. — Ю.В.)... Я надеюсь, что бои удастся ограничить районом Афин, Пирей. Но в случае необходимости я готов довести дело до конца по всей стране...»

...Я совершенно ясно видел, что коммунизм будет той опасностью, с которой цивилизации придется столкнуться после поражения нацизма и фашизма...

Если Греция избежала судьбы Чехословакии... то это оказалось возможным не только благодаря действиям англичан в 1944 году, но и благодаря тем упорным усилиям, которые впоследствии стали известны как **объединенная мощь мира, говорящего на английском языке** (нечто шовинистическое и воинственное прорывается здесь в рассуждении Черчилля, причем неоднократно по всем воспоминаниям. — Ю.В.)».

9 декабря Черчилль в телеграмме английскому послу подчеркнул: **«Никакого мира без победы»**. В то время войска ЭАМ (ЭЛАС), по мнению англичан, имели в Афинах около 12 тыс. человек. Греческий король считал, что их до 22 тыс.

11 декабря в Афины прибыли Иден и фельдмаршал Александер, который в тот же день телеграфировал Черчиллю: «Английские войска, по существу, находятся в осаде в центре города». Путь к аэродрому был ненадежным. Пирей (главный порт под боком у Афин) находился под контролем сил Сопротивления (партизан). У интервентов, зажатых в центре города, оставался шестидневный запас продовольствия и всего трехдневный — боеприпасов.

Александер потребовал у Черчилля разрешения бомбить городские районы Афин — и Черчилль такой приказ отдал. Своя рука владыка.

Более того, «12 декабря военный кабинет предоставил Александру полную свободу действий в отношении всех необходимых военных мероприятий». Что пожелаешь, то и твори.

Я видел кадры военной кинохроники. Английские бомбардировщики долбят Афины. Черно-серые стремительные клубы дыма, в которых, кувыряясь, летят камни, щебень, арматура и, конечно же, растерзанные тела спрятавшихся по домам людей.

Черчилль наводил порядок.

Это право кулака называлось международным правом. Оно очень напоминает нынешние разбойные действия США под сенью флага ООН в Югославии.

Однако уличные бои в Афинах не затихали, а, напротив, ожесточаясь, нарастали с каждым часом. Партизаны из всегреческой армии сопротивления фашизму отчаянно бились с пришельцами на улицах, дворах, площадях, в подвалах и на чердаках родного города. К интервентам (захватчикам) непрерывно поступали крупные войсковые подкрепления. В одном строю с интервентами сражались и греческая бригада, переброшенная из Италии, а также отчасти и греки из батальонов национальной гвардии (их, в основном приверженцев фашистской диктатуры Метаксаса, англичане срочно сводили в батальоны, оснащали обмундированием и оружием для полицейско-патрульной службы в тылу) и некоторые другие отряды...

Черчилль скрытой, невысказываемой частью своей политики добивался главного: разгрома и желательно истребления армии Сопротивления — ЭЛАС. 22 декабря в указаниях фельдмаршалу Александру, находящемуся в Италии, он назидает: «При нынешнем положении в политическую область можно вступить только через ворота успеха», — что означало беспощадное подавление партизанской армии. Черчилль показывал всему миру, как надлежит поступать в подобных обострениях. Это было обучение всего демократического мира сугубо фашистским действиям.

Москва продолжала стойко хранить молчание: ни звука в протест. Черчилль, приободренный показным безразличием Сталина к греческим делам, все более наглел. Среди врагов Сталина это был волчина самой первой величины.

Обстановка в Афинах потребовала срочного присутствия 71-летнего Черчилля.

«Два дня спустя (то есть 24 декабря 1944 года. — Ю.В.) я решил выехать (из Лондона. — Ю.В.), чтобы увидеть все самому на месте... — рассказывает Черчилль. — 26 декабря, в святки, я отправился в посольство (уже в Афинах. — Ю.В.). Бои шли на расстоянии мили от нас, и я помню, что когда мы собирались спуститься на берег (с борта крейсера «Эйджекс». — Ю.В.), слева довольно близко от «Эйджекса» раздались три или четыре взрыва и поднялись столбы воды. На берегу нас ожидала машина и воинский отряд... Сопровождение началось в греческом министерстве иностранных дел 26 декабря, примерно в 6 часов вечера... мы заняли наши места в большой мрачной комнате... никакого отопления не было, и несколько керосиновых ламп тускло освещали помещение. Я сидел справа от архиепископа вместе с Иденом, а фельдмаршал находился слева от него. Американский посол Маквиг, французский посланник Белен и советский военный представитель приняли наше приглашение. Трое коммунистических лидеров опоздали, но не по своей вине... я уже выступал, когда они вошли в комнату. У них был представительный вид...

В течение всего следующего дня между греческими представителями происходили переговоры... Мы решили не ослаблять боев, пока ЭЛАС не согласится на перемирие...»

«Мне ясно, — признавался Черчилль в послании генералу Исею, — что здесь, в Афинах, произойдет много плохого, что отразится на нашем положении во всем мире, если мы не сможем быстро, т.е. в течение двух-трех недель, навести порядок. По мнению Александера, это потребует переброски двух бригад 46-й дивизии, которые уже получили приказы и находятся наготове».

Черчилль постоянно ставил в известность Рузвельта о событиях в Греции. Находясь в те дни в Греции, он отправил президенту США телеграмму:

«...Г-н президент, мы потеряли более одной тысячи человек (потери англичан в боях за Афины. — Ю.В.), и, хотя большая часть Афин сейчас очищена, тяжело видеть этот город, в котором то там, то здесь вспыхивают уличные бои, и бедных изможденных людей, которые зачастую существуют только на пайках, доставляемых на-

ми на разные пункты, нередко с риском для жизни. Все, что бы вы ни сказали со временем в поддержку этого нового плана, будет чрезвычайно ценным и может привести к принятию ЭЛАС условий перемирия, изложенных генералом Скоби. В отношении всего остального мы укрепляемся, как это необходимо, и военный конфликт будет продолжаться. Значительное большинство людей стремится к урегулированию, которое освободит их от коммунистического террора...»

29 декабря мы возвратились в Лондон...»

Рузвельт поддержал Черчилля.

Об истинной «демократии» Черчилля, демократии по Черчиллю, как и об истинном смысле интервенции, свидетельствуют такие слова Черчилля в послании президенту Рузвельту 30 декабря 1944 года:

«Для меня это было очень тяжелой задачей. Мне пришлось сказать королю (Греции. — Ю.В.), что если он не согласится, вопрос будет разрешен без него и что вместо него мы признаем новое правительство...»

(Здесь все на своих местах: демократ Черчилль приказывает королю Греции, предупреждая, что при неповиновении обойдется без него. — Ю.В.)

«В итоге боев, продолжавшихся непрерывно в Афинах весь декабрь, повстанцы были наконец вытеснены из столицы, и к середине января вся Аттика находилась под контролем английских войск. На открытой местности коммунисты ничего не могли предпринять против наших войск, и 11 января было подписано перемирие. Все вооруженные силы ЭЛАС должны были полностью покинуть Афины, Салоники и Патрас. Их войска на Пелопоннесе должны были получить право беспрепятственно разойтись по домам. Английские войска должны были прекратить огонь и удерживать свои позиции. Обе стороны согласились освободить пленных. Эта договоренность вступила в силу 15-го.

Так закончилась полуторамесячная борьба за Афины...»

И продолжилась, разгораясь, Гражданская война — война в горах Греции.

И для сравнения всего показного человеколюбия Черчилля, за

которым скрывалась самая бездушная политика, приведем еще одну его телеграмму.

Премьер-министр — фельдмаршалу Александеру (Италия):

10 мая 1945 года

«Я видел фотоснимок.

Человек, который убил Муссолини, сделал признание, опубликованное в «Дейли экспресс», в котором он хвастался своим коварным и трусливым поступком. Он, в частности, заявил, что застрелил любовницу Муссолини. Числилась ли она в списке военных преступников? Дал ли кто-либо ему право убивать эту женщину? Мне кажется, что органы правосудия английских вооруженных сил должны расследовать эти вопросы».

А сколько же он, Уинстон Черчилль, там, в Греции, бомбами и пулями положил в землю женщин и детей, не говоря о бойцах греческого Сопротивления?

Западный буржуазный мир аплодировал насилию Черчилля над Грецией, хотя и не обошлось без оправданий Черчилля в палате общин.

Вспомните, как вел тот же мир, когда советские войска 11 лет спустя вошли в Будапешт поздней осенью 1956 года или в Прагу в конце лета 1968-го. До сих пор по адресу русских изрыгаются проклятия. Но почему же мы не слышали сих проклятий в ноябре—декабре 1944 года?..

ИХ мир стоит на великой лжи.

Так состоялась расправа с греческим народом. Ведь не менее трех четвертей народа стояло тогда за свою освободительную армию (ЭЛАС) и за компартию.

Именно о скобизме в апреле 1945 года Мао Цзэдун говорит в отчетном докладе VII съезду КПК в Яньани — съезду, который определил историческую будущность Китая (на съезде единственным наблюдателем из европейцев оказался мой отец — кадровый разведчик ГРУ; мне довелось читать в спецархиве его отчеты Центру спустя 16 лет после его смерти). Скобизм — это расправа капиталистической демократии с национально-освободительным движением, принимающим выраженную социальную окраску. Такой была оценка Мао.

ЭЛАС — партизанские бригады и отряды (ее политическим комиссаром являлся широко известный в Греции генеральный секретарь коммунистической партии Никос Захариадис) — была вытеснена в горы, где стойко сражалась в 1946, 1947-й и 1948-й годы. Командовал партизанской армией Вафиадис Маркос.

В 1949 году греческому Сопротивлению наносит предательский удар уже не Скоби, а маршал Иосип Броз Тито — коммунистический божок Югославии.

Кровь, горе, измена, расправы...

Дело в том, что поддержка ЭЛАС Москвой была возможна лишь через югославскую границу. Тылами греческое Сопротивление выходило на горную Югославию. Сразу вслед за постановлением объединенного совещания представителей компартий в Москве в 1948 году, объявившего Тито раскольником и буржуазным перерожденцем («обербандитом» именовали его в советской печати), Тито закрывает границу с Грецией. В 1949 году наступает агония греческого партизанского движения. Его бойцов беспощадно убивают на месте. Общее количество замученных бойцов и сторонников Сопротивления превысило 600 тыс. человек, что для десяти-миллионной Греции громадная цифра; в пересчете на население России она дает более 6 млн душ.

Благословенное небо Греции.

Последние бойцы дали бой тогда же, в сорок девятом. Кружа в горах, они не сдавались... Слава героям!

Кровь, горе, измена, расправы...

Это был звериный террор взбесившейся буржуазии и ее профашистских изменнических сил, по сути, сотрудничавших с Гитлером. Террор свирепствовал в годы антисоветского психоза, чумой поразившего западный свет после погромной речи Черчилля 5 марта 1946 года в Фултоне. В мире западной демократии подобные общие расправы и убийства встречали понимание и одобрение. О правах человека и человечности никто и не заикался: да, травить, да, мучить и убивать! **Фашизм был и остается кровавым орудием взбесившейся буржуазии, обеспокоенной возможностью утраты власти и барыша.**

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым... при 100% он

попирает все человеческие законы, при 300% — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы...»

Кровь, горе, измена, расправы в угоду наживе...

Вождь коммунистического Сопротивления Захариадис после приезда в Москву и приема у Сталина оказался сосланным в Сибирь, где покончил с собой.

Сталин был страшен с людьми — это не скроешь, это не замажешь¹.

Кровь, горе, измена, расправы...

Сын Захариадиса под другой фамилией окончил Новочеркасское Суворовское военное училище, а я — Саратовское Суворовское военное училище в 1953 году. Мы поддерживаем близкие отношения.

Мой старший товарищ — Анастасакос Лефтерис (я зову его Лефтерис Федорович) со своим отрядом в 32 человека летом 1946 года спустился с гор в деревню за едой. Пока их кормили крестьяне, кто-то донес. Схватили всех. После зверских мучений бросили в тюрьму, где со связанными за спиной руками и совершенно голыми держали два с лишним месяца, избивая в любое время суток.

В Триполи он много месяцев ждал своей участи в камере, куда натолкали около 350 человек — в основном бойцов Сопротивления. 350 в одной камере! Горе, кто попадает к врагу в лапы! Их пытали и казнили. Однако его не убили, а перевели на пять месяцев в застенки родного Гитео — ныне уютного курортного городка в горах. А уж после переправили на остров Макронис, в страшный концлагерь. Именно на Макронисе фашисты весной 1948 года без суда, потехи ради, убили более трехсот человек. Заключенных сгрудили на длинном пологом берегу, среди них стоял Лефтерис. Военные корабли подошли вплотную и по команде открыли огонь из пулеметов и малокалиберных пушек... Мало кто уцелел.

То были годы кровавой диктатуры Цальдариса.

Лефтерис пробыл в тюремных стенах до 1965 года: с 18 лет до 38! И все время руки сковывали кандалы.

Мы часто встречаемся. По моей просьбе, он рассказывает о пережитом: вере товарищей в справедливость и лучший мир, не-

¹И не надо здесь надумывать в оправдания всякие «теории» и доводы. Была преступная и ничем не оправдываемая бесчеловечность, коли бесчеловечность вообще подлежит оправданию.

скончаемых избиениях и издевательствах в тюрьмах, гибели своих друзей. Время от времени он выезжает в какую-то из дальних деревень, в которой фашисты полвека назад оставили по своему обыкновению убитыми 20—40 женщин, ребят и мужчин — ныне их дети и внуки там поминают своих погибших родителей.

Фашисты не щадили никого. Пепелищами, изуверскими расправами, могилами отмечено торжество демократии и прав человека в Греции.

Хищные кархарии¹.

Весной 1944-го в бою у Каламаты (Южный Пелопоннес) греческие фашисты, действующие заодно с немцами, убили 18-летнего Яниса — родного брата Лефтериса.

На юге Пелопоннеса творил расправу местный фашистский заправила — Павлокус. Летом 1946 года фашисты выследили отца Лефтериса — Теодороса Анастасакоса. Они увели его в горы и убили. Это он, учитель из семьи потомственных крестьян, воспитал своих детей страстными патриотами Родины.

В 1948 году гибнет старший брат Лефтериса — 28-летний Спирос. Фашисты заперли его в тюрьме на островке возле Пирея, где и казнили.

А с рук Лефтериса не снимали кандалы. Не проходило недели, чтобы его не избивали. Только подумать: в 18 лет оказаться в тюрьме, чтобы выйти через 19 лет (он уже сидел год)! Его не судили, нет. Его привели в тюремную комнату, где офицер прочел приговор: 20 лет заключения! Мы с женой ласково зовем его Монте-Кристо...

За полтора года до освобождения по распоряжению властей в тюрьму на целый год была брошена мать Лефтериса. Суда не было, с ней расправились за то, что она была женой и матерью патриотов.

Права человека.

Я спрашивал Лефтериса, что он испытывал при случайной встрече на улице с теми, кто его истязал, и были ли такие встречи? Он сразу весь сжался, побледнел, к лбу над переносицей стянулись морщины. Ответ поразил меня.

«Были встречи, были... — его глаза уже не видят меня, они в том прошлом. — Это такие же греки... крестьяне, рабочие... Они не

¹Кархария — акула (греч.).

виноваты. Палачами их сделала власть. Это правительство сталкивает своих же людей».

Он по-марксистски твердо убежден, что людей плохими или хорошими делает общественный строй, но за этим прежде всего стоит любовь к своему народу. Он гордится Грецией и своим народом. К тому же он спартанец, как его деда и прадеды и все пращуры до самых дальних, почтенных времен. Он родился в Спарте (области, которая раскинулась на землях древнего царства Спарты, но не в нынешнем областном городе Спарта) и вырос на горе, что рядом с его нынешним домом спадает к морю. Она называется Черный Мавр (Мавровуни). Там его отчина — деревня, уже похожая на маленький городок. Вечерами и ранними утрами она горит необыкновенно пронзительными огнями. Он часто пересказывает мне редкие из мифов своей древней Родины. Я не все понимаю, мы изъясняемся на французском, который он в основном изучил в тюрьме, а я изрядно позабыл в последние полтора десятка лет. Но мы хорошо понимаем друг друга. Поклон вам, мои преподаватели французского...

Кровь, горе, измена, расправы во имя наживы.

Другой мой греческий товарищ однажды заметил (мы говорили о 1940-х годах): «У западной демократии два лица. Когда все более или менее благополучно, одно лицо усердно распинается о правах человека. Лишь обстановка осложнится, лицо демократии стягивается в гримасу фашизма». Иначе говоря, в кроваво-клякстое беззаконие.

Непорочные одежды буржуазной демократии.

В 1990-е годы компартию Греции возглавила Папарига — дочь Димитриса Папаригаса (1896—1949). Ученик кузнеца, военный матрос, участник греко-турецкой войны 1922 года, Димитрис в том же году стал членом компартии. Это личность во всех отношениях легендарная. Он арестовывался, вырывался на свободу, неизменно возвращаясь к борьбе. С 1927 по 1931 год он — член Центрального Комитета и член политбюро партии. После ареста в 1930 году бежал на другой год из тюрьмы Сингру. В 1936-м снова повязан — и снова бежит, но уже в 1944 году из концлагеря Хайлари.

В 1944—1945 годы Папаригас — уже секретарь Афинского

горкома партии. С 1946 года он — генеральный секретарь Исполкома Всеобщей конфедерации труда Греции, а также член ЦК партии. И уже в 1947 году опять выслежен охранкой и арестован, но через несколько месяцев снова добывает себе свободу. И вот, наконец, развязка: в 1948 году Папаригас схвачен и 20 февраля 1949 года убит в застенках афинской охранки.

О русском же коммунизме можно сказать лишь одно: он сгнил на своем корню, именно сгнил и сгнил по своей воле, на своем родном корню, его никто не уничтожил. Здесь борцы и пламенные вожаки, не щадящие себя, даже через микроскоп не просматриваются. Здесь в обилии мелкие и крупные буржуа с мещанской психологией и наклонностями матерых интриганов.

Ныне русский коммунизм представляет собой позорное зрелище: соглашательство, предательство, обман народа, непрерывное разрушение и враждебный подрыв несравненно более сильного по смыслу и влиянию патриотического движения, за которое он слабосильно и паразитически цепляется.

Руководители самой крупной ныне партии научного коммунизма — подлинные выкорыши разрушителя Большой России бывшего члена политбюро Александра Яковлева, просиживатели кресел в Думе, соглашатели, одобряющие бюджеты удушения России, пропустившие целый рой противонародных законов. Это жалкие тряпки, о которые режим вытирает ноги. Они ни разу и нигде не отважились возглавить народное движение.

Они будут сметены. Скорее всего на смену им придут в воле-вом, нравственном и политическом отношении совершенно иные люди.

Родина моя — Россия!

Земля моя — Россия!

Любовь и страсть мои — Россия!

При всей враждебности Эйнштейна к вождизму он сам незаметно для себя высказывался не без одобрения за значение авторитета личности.

Так он отзывался о Марии Склодовской-Кюри:

«Моральные качества замечательного человека имеют, вероятно, большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения. Эти последние сами зависят от величия духа, величия, которое обычно остается неизвестным»¹.

А это уже не что иное, как невольное подчеркивание значения личности для людей, общества, народа.

В молодости я писал: «Культ вождя — это уже замена разума у людей одним-единственным разумом, почти божественно непогрешимым, иначе — ненужность разума всех других... Удар по всем вождям и культам!»

Мы только-только освобождались из-под чугунной длани вождя.

С тех пор многое пришлось испытать и понять.

Желание жить по идеалам сталкивается с представлением о свободе всего общества, сталкивается с нажимом других народов, угрожающих свободе твоей страны.

И, наконец, само политическое выражение демократии потрясло меня: это совершенно продажная власть, безоговорочно враждебная любым национальным основам государства. Демократия — это диктатура денег. Правят те, у кого капиталы. При чём тут власть народа?

С отвращением и ужасом разглядел я в демократии ее природную враждебность национальному государству, а любовь к Родине и народу — одно из самых сильных чувств во мне.

Все это перевернуло меня.

«Республика означает продажность государственной власти, — пишет Освальд Шпенглер в своей знаменитой работе «Закат Европы». — Президент, премьер-министр или народный уполномоченный являются послушными ставленниками партии, а партия — послушной ставленицей тех, кто ее оплачивает»².

Я и доселе считал, что мы должны избавиться от тупой, вырождающейся власти партийных секретарей. Теперь же я оказался непреерекаемо убежден в том, что власть должна быть прежде всего

¹ Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. — М.: Академия наук, 1962. С. 284.

² Освальд Шпенглер. Закат Европы. Т. I: Образ и действительность. — М. Петроград: Изд. Френкеля, 1923. С. 22, 18, 19.

не интернациональной, не космополитической, а национальной. И строиться она должна на сочетании капиталистического и социалистического укладов.

Оставлять же власть демократической, то есть космополитически-хищнической, по отношению к России не позволяла моя природа русского человека. Демократия вела и ведет к расчленению России и уничтожению русского народа.

Шпенглер закончил свою книгу еще до Первой мировой войны. Переработав, издал ее в Мюнхене в декабре 1917 года. Он утверждает, что мировое гражданство — жалкая фраза. «Мы люди определенного века, определенной нации, круга, типа». И далее утверждает, что эта наша принадлежность к определенному типу является необходимым условием, при котором наша жизнь приобретает «смысл и глубину».

И он же отпускает глубокое замечание, что личное начало враждебно порядку и проявляется в жестокой эксплуатации более слабых народов и классов (он подразумевал Англию).

Под «личным» Шпенглер понимает демократию, в которой главное — это «личное Я», это эгоизм, это гибель единого целого, чем является народ¹.

Государственная власть должна сосредоточиваться в руках национального руководителя при неукоснительном контроле за ней.

Мы должны заковать волю руководителя в свод установлений, которым он должен будет неукоснительно следовать.

Нарушения будут означать лишение его власти через особые учреждения контроля.

Необходимость сосредоточения власти в руках вождя (национального руководителя) не есть тоска по палке, а жестокая историческая необходимость. В других условиях России просто не выжить.

Следует подчиняться действительности.

Можно не жаловать и отрицать то, о чем я пишу, но другой подход будет означать, как и все другие подходы, лишь доразрушение России.

¹Освальд Шпенглер. Закат Европы. Т. I: Образ и действительность. — М. Петроград: Изд. Френкеля, 1923. С. 22, 18, 19.

ГЛАВА X

Принцип народности

Русская история, как наука, лишь в определенной степени является итогом усилий представителей своего народа, более всего ее объясняли иностранцы по крови и русские — иностранцы по духу («западники»). С моей стороны, это упрощенное толкование, однако оно обнажает хронически нездоровый процесс в недрах науки. Одним незатихающим столкновением являлась борьба между русским взглядом на тысячелетние явления русской жизни и взглядом пришельцев, к которым постепенно стала примыкать едва ли не большая часть русского культурного общества.

До Петра I грамотные люди изучали первоисточники, то есть сами летописи, поскольку обобщающих работ еще не существовало.

Читаем в известном труде профессора Петербургской духовной академии Михаила Осиповича Кояловича (1828—1891) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»:

«В этом удостоверяет нас чрезвычайное множество летописных списков, сохранившихся до настоящего времени, и весьма ограниченное обращение в нашем послепетровском обществе издававшихся летописей. Когда в сороковых годах (1840-х. — Ю.В.) археологическая комиссия приступила к изданию летописей, то для издания только начальной летописи, или временника Нестора, она имела у себя под руками 150 летописных списков. Ей присылали их из разных мест целыми десятками. Почти в каждом замечательном монастыре есть один или даже несколько летописных списков...

Самый большой удар летописной деятельности, даже списыванию летописей, нанес, без сомнения, Петр I, когда запретил в духовном регламенте простым монахам держать в кельях бумагу и чернила. Впрочем, и в эти трудные времена летописи все-таки писались...

За это время, когда наши летописи свободно составлялись и служили главнейшим выражением книжного русского самосознания, они имели теснейшую связь с нашею государственностью... С развитием московского единодержавия объединяются и летописи, —

является по преимуществу сборный, сводный характер летописи...»¹.

Одновременно полезные сведения о русских черпались из сочинений иностранных авторов, побывавших на Руси².

В своих лекциях Михаил Осипович якобы занимал выраженную противосемитскую и противопольскую сторону, о чем спешит насплетничать «Советская историческая энциклопедия» (по духу совершенно нерусская), что не отвечает смыслу дел этого человека. Коялович защищал Россию. И оно так и есть: ни одного противоеврейского высказывания или какой-либо двусмысленности в этом главном труде Кояловича я вообще не обнаружил. Книга наполнена лишь любовью к России. Перед нами прежде всего крупный и самостоятельный ученый, который отстаивал немарксистское положение о единстве интересов русского народа с русской аристократией, включая в русский народ и украинцев с белорусами. Коялович намеренно пренебрегал социальными вопросами при изучении архивов. Мало кто на Руси так славно знал летописи, как Михаил Осипович. Борьбу классов он вообще не признавал. Все сложности исторического процесса для него заключались в национальном вопросе: народы ищут место, народы расширяют свои просторы, народы сражаются, возвышаются, гибнут или стоят, как Россия...

Отсюда для нас вытекает главнейший вывод о важности сбережения народа.

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 11, 13. Текст выделен мной. — Ю.В.

И о нашей жизни словами почтенного историка Сергея Михайловича Соловьева (1820— 1879): «...народный дух страдал, чувствовалась измена основному жизненному правилу... чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго с запада, более тяжкое, чем прежде...» (Коялович. С. 362).

²Татарское иго над Русью породило у Ватикана блудливые надежды положить и свое иго на истекающий кровью русский народ — иго духовное. Для сего они деятельно сносились с Александром Невским и Даниилом Галицким, но получили от ворот поворот. Будучи почти бездыханной, Русь, однако, в своей православной вере не покачнулась и не поддалась ни исламу, ни латинянам. Очнулась, окрепла — и мечом проложила дорогу к независимой и достойной жизни. Рабы не мы — мы не рабы! Ныне же мы идем в раскрытые объятия церковных масонов, облаченных в одежды первых священников церкви.

Занимаясь наукой об истории, Михаил Осипович приходит к выводу о том, что все лучшие историки, исследуя углубленно историю России, непременно приходят к славянофильству (славянолюбству). Это светлый и достойный взгляд на свое место в народе.

Мы из своего времени можем с полным основанием присоединиться к выводам Кояловича.

Мы говорим:

Конечно же, праматерь жизни людей — нация. Все прочее не в состоянии решить ни одного коренного вопроса для государства и в борьбе лишь подpiraет, может усилить национальное, что огненным клином рассекает мглу времени, единственно сберегая и сохраняя людей и народ (уже одна общность языка чего стоит). Под соединенным ударом Запада только нация еще не дает России растечься киселем по всем народам и государствам.

ТОЛЬКО НАЦИЯ, ОНА ОДНА, И ЛИШЬ НАЦИЯ ЕЩЕ НАХОДИТСЯ НА СТРАЖЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ЕГО ВЛАДЕНИЙ И ЛЮДЕЙ.

ЛИШЬ ОНА И ТОЛЬКО ОНА ЕЩЕ НЕ ПРЕДАЛА ЛЮДЕЙ.

НАРОД СПОСОБНЫ ПРЕДАТЬ МАРКСИСТЫ, ПРЕДАЮТ ДЕМОКРАТЫ, НО НЕ НАЦИЯ, НЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ.

НАЦИЯ СТОИТ НЕСВОРАЧИВАЕМОЙ ЖИВОЙ ГЛЫБОЙ.

Коялович высказывает свое отношение к царю Петру:

«Бесспорно, Петр любил свою идеальную Россию и созидал ее с такою силою и таким самозабвением, какие свойственны только гениям. Он даже сам считал лучшею стороною своей деятельности то, что постоянно пребывал в работе, конечно, для создаваемой им России. Но что такое был петровский идеал России?..

Он, ничем не стесняясь, отверг законную жену и поставил на ее место Екатерину. Он погубил своего сына, подорвал даже в принципе правильность престолонаследия и... умирая... бросил Россию на произвол судьбы»¹.

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 358.

Петр I отошел в мир иной на 53-м году жизни¹.

В итоге великий русский престол заняла бывшая служанка Марта — вдова опочившего самодержца. Женщина — без воспитания, без образования, без каких-либо вообще твердых жизненных правил. Такое даже вообразить трудно, а оно произошло...

С. М. Соловьев, документально воссоздавая картину смерти Петра (1672—1725), замечает вскользь, как бы сквозь зубы, что умирал государь малодушно.

Мы можем уточнить: да, царь не оставил не только закона о престолонаследии, но даже обычного завещания, даже устного. Когда смерть уже прерывала дыхание, Петру подсунили бумагу. Он успел лишь нетвердо начертать: все оставляю... — и далее полезла кривая с кляксами. Он потерял сознание, чтобы уже не пробуждаться к жизни. А ведь речь шла о громадном государстве и одном из самых обширных народов. **Россия была оставлена на похотливую служанку Марту!**

Вот тебе и рассуждения о благе Отечества, до которых Петр был столь охоч. Его малодушие сделало Россию во весь XVIII век и даже начало XIX игрушкой авантюристов и могло, в общем-то, привести ее к необратимому упадку. Россию спас несгибаемый дух народа.

Петровские преобразования превратили Россию в вотчину для иностранцев, подготовили ее национальное крушение. Иностранцы время не теряли и сделали немало для принижения русского национального самосознания. Это было, помимо прочего, и чувство самосохранения: проще жить в обезличенной, безродной среде.

Когда со второй половины XIX столетия по нарастающей начались проповеди врагов русской государственности (тайные общества, масонские братства, революционные кружки и партии всех оттенков, «передовые» журналы и «передовые» сочинители), **русское самосознание не имело в себе запаса национальных**

¹ Другой преобразователь России, Ленин (1870—1924), умер на 54-м году, будучи последний год с лишним уже не жильцом на белом свете.

Гитлер (1889—1945) тоже умер около того — в 56 лет. Правда, он убил себя, но вряд ли бы протянул дольше. К дню самоубийства фюрер был выработан до предела и поддерживал жизнь различными впрыскиваниями.

Наполеон (1769—1821) умер на 52-м году.

Похоже, 52 года — 56 лет — это предел жизни для преобразователей, на большее их не хватает.

идей для отпора, оно уже находилось на роковом ущербе. Идеи были наработаны, и не одним поколением, но они оказались вымыты напором враждебной мысли — вымыты и почти бесследно растворены. Нож врага проникал в тело России без сопротивления.

Какое-то время Россия еще держалась крестьянством (до февраля 1917-го), а так все кончилось бы гораздо раньше.

И вместо заупокойной царю Петру, а заодно и нам, Михаил Осипович Коялович приводит выдержку из лекций профессора Серге́евича:

«Насильственное введение чужих порядков... соединенное с презрением к своему народному, наносит... величайших вред...»

Относясь с недоверием ко всему русскому, великий преобразователь России и не подозревал... что московский процесс XVII в. (развитие Руси в XVII в. — Ю.В.) стоял далеко не во всем ниже современного ему немецкого. **Вместо того чтобы выяснить основные начала нашего старого порядка, развить то, что в нем было хорошего, и положить конец дурному, он начал с того, что смешал почти все (начала. — Ю.В.), выработанные практикой...»¹**

И Серге́евич приводит в пример судопроизводство. Петр I (1672 — 1725) попробовал заменить его на немецкое, но оно оказалось хуже. Тогда царь попятился в старое, но было уже поздно, смерть караулила его...

Нелишне будут и напоминания К. С. Аксакова:

«История нашей родной земли так самобытна, что разнится с самой первой минуты. Здесь-то, в самом начале, разделяются эти пути, русский и западноевропейский, до той минуты, когда странно и насильственно повстречаются они, когда Россия дает страшный крюк, кидает родную дорогу и примыкает к западной...»

Пути совершенно разные до такой степени, что никогда не могут сойтись между собою, и народы, идущие ими, никогда не соглашались в своих воззрениях. Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России... Но пути стали еще различнее, когда важней-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 273, 284—285. Текст выделен мной. — Ю.В.

ший вопрос для человечества присоединился к ним: вопрос веры... Поняв с принятием христианской веры, что свобода только в духе, Россия постоянно стояла за свою душу, за свою веру...»¹

Их было трое, Аксаковых, широко известных в русской культуре. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) и его сыновья Константин Сергеевич (1817—1860) и Иван Сергеевич (1823—1886). Все трое — одаренные литераторы, певцы красоты России и сами красивые люди. Сыновья Сергея Тимофеевича станут вождями славянофильства (славянолюбия). Подлинным литературным шедевром является книга Аксакова-отца «Детские годы Багрова-внука», совершенно неизвестная нашей средней школе.

В России русские книги не издают, ищут повода их позабыть.

Друзья, не расточайте попусту силы. Жизнь и в самом деле очень коротка. Не отвлекайтесь на вещи нестоящие, суетные — неуклонно идите к цели! Это и будет настоящая жизнь.

Петр срамил старую Россию на потеху всему белу свету. Мы так до сих пор смеемся, всё-то нам не уняться, уж больно смешно. Призадержимся на этой особенности царя отдельно. **Ведь он Россию преобразовывал. Но как?!**

Смертельно калеча старое свое Отечество — землю отцов и пращуров.

С большой охотой нам пособит известный юрист, русский государственный деятель и исследователь народного быта и истории искусств Дмитрий Александрович Ровинский (1824—1895), счастливо не доживший 22 года до великого позорища революций. Девизом Ровинского было «быть прежде всего людьми, а не чиновниками» (из его речи в 1860 году). Он являлся одним из самых ярких бойцов за новый суд. Изучая народный быт, Дмитрий Александрович исколесил едва ли не всю Россию до самых медвежьих уголков.

Вместе с бесценным «Словарем русских гравированных портретов» и отдельно изданным дополнением к нему (обе книги имеются в моей библиотеке) Ровинский составил единственное в сво-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С 273, 284—285. Текст выделен мной. — Ю.В.

ем роде собрание народных картинок, известных под названием лубков. Это пять здоровенных томов только подробных описаний их. Они, голубчики, также стоят в моей библиотеке. К сожалению, самого громадного тома с лубками нет. Он мне тогда (а тем паче сейчас) оказался не по карману. Вообще-то я среди неуважительно-халатного отношения к книгам (оно пошло от революции, от представления интеллигенции как «гнилой прослойки», перекинулось, очень даже заметно, и на книги) сберег немало славных русских изданий: «подлечил», «одел» и бережно храню почти полвека.

В 1879 году Ровинский за свои труды оказался избран почетным членом петербургской Академии художеств. Все свои замечательные собрания он завещал Эрмитажу, Румянцевской библиотеке, Публичной библиотеке и Академии художеств. Все до единой книги, свитка или архивной бумаги Ровинский приобрел на скромные личные средства. Для России.

Однако обратимся к оценке царя Петра Дмитрием Ровинским.

Что за надругательство над верой учинил Петр, утвердив устав всешутейшего и всепьянейшего собора (в противовес церковным православным соборам) с позорными процессиями по случаю выбора папы и женитьбы патриарха (а патриарха женить было нельзя, ведь он всегда из монахов, это было заведомо гнусное зубокальство царя-шутника. — Ю.В.).

«И что это было за ужасное шутовство всешутейшего собора, — возмущался Ровинский, — нечаянно, например, уронять человека в воду в холодное осеннее время; насильно опоять до смерти; в шутку, этак, зашибут до увечья; зубы здоровые повыдергают — шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, беспросыпно-пьяное».

Часть писем к Екатерине¹ царь подписывал как «Перть», нередко посвящая в свои постельные забавы с разными девицами,

¹Как известно, русской императрицей оказалась женщина, которая стояла в замужестве со шведским капралом Раббе. Фельдмаршал Шереметев (Шереметьев) пригладел ее после боя. А уж у престарелого фельдмаршала ее оттапал глазастый Меншиков (Меншиков), коего она довольно долго тешила, пока ее не высмотрел Петр, ему-то было тогда под тридцать. После первого свидания, за «телесную услугу», царь одарил ее не шибко завидной монетой. Петр вообще был прижимист, не скряга, но скуповат. И в Голландии, на обучении морскому плотничьему ремеслу, он платил шлюхам до «обидности мало». А у себя дома, в России, он утрами измерял циркулем количество сыра: не приложился ли кто-либо еще, помимо него. И это он, кто мог везти сыр возами.

Царь берег копейку...

не считая зазорным называть заразных. Случалось, Петр в своем кругу задирали девице (порой очень известной фамилии) подол и тут же на диване при невольных зрителях покрывал ее, ровно скот, после чего карточная игра возобновлялась.

Нравы петровской России отличала распущенность. На старинной русской стыдливости и скромности отплясывали польки и жеманные французские танцы.

Петр рвал не просто больные зубы, а часто и здоровые, навыка ради. Ровинский замечает: «Петр имел еще страсть дергать зубы, без разбора... в кунсткамере сохранялся целый мешок надерганных им зубов».

Но вернемся к оскорбленным чувствам Ровинского.

«Самый шутейший из всех членов всепьянейшего собора был, конечно, сам державный смехотворец «Петръ протодіаконъ», и как ужасно перемешивались его забавы и шутки с кнутом и виской: сегодня подымает он на дыбу и бьет кнутом, без всякой надобности, шестнадцатилетних фрейлин; завтра пишет устав всешутейшего собора, по три — по четыре раза собственноручно исправляет и пополняет его, — в промежутках пытается родного сына, а там опять выборы нового папы, крепкое ощупывание (в особом кресле с дырой: на наличие мужских органов. — Ю.В.), опять пьянство, опять насилия...»¹

Коялович пишет: «Православие в России приросло к русской народности, оно слилось с нею нерасторжимо, оно сущность русской народности»². А Петр с безумной силой бил по этой сущности «русской народности», будто желал гибели своему народу-племени.

Выше двух метров ростом, что в помещениях и вовсе производило ошеломляющее впечатление, порывистый в движениях, не в редкость уже с утра хмельной, несколько дергающийся, к тому же часто говорящий не по-русски, Петр казался антихристом. «Антихрист и есть, — рассуждали о нем простые русские. — А ежели не антихрист, то кто?.. Бес! Бес заморский! Рожа бритая. Во рту трубка с табачищем. На ногах какие-то немецкие... ботфорты с каблук-

¹Ровинский Д. Русские народные картинки: Книга V. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881. С. 262—263, 159—160.

²Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 283.

чищами... Рост — в двери не пролазит! Огромный! И чуть что — пить, жрать да плясать. Баба у него нерусская, чухна! Через многие руки прошла... Какая же она царица! Гулящая!.. Ну чистый бес с бевсовкой! Подменили царя в заморских краях! Ей-Богу, подменили!... Антихрист!..»

Пожалуй, Петр I был самым искусным матерщинником в истории России.

Есть Малый загиб Петра. Он состоит из 37 нецензурных слов, связанных смыслом. В загибе нет ни одного пристойного выражения, все — отборная похабщина.

Есть Большой загиб Петра. Он содержит 260 нецензурных слов. Все до единого — площадная ругань самого низкого пошиба, но очень затейливо связанная.

Однако и Малый, и Большой загибы вызывают хохот своей остроумной связанностью. Это не просто брань. Это своего рода краткие «литературные» творения. По преданию, Петр произносил их без запинок одной непрерывной запальчивой речью.

Петр I вставал в четыре утра. Обычно во сне он обильно потел. Спал в колпаке, обшитом изнутри полотенцем... Тогда царь вышел в халате. Денщик подал стакан водки с соленым огурцом. Он выпил, заел. Впереди ждали дела. Это врезалось в память человека, который был приглашен к Петру I в столь ранний час. Скорее всего царь опохмелился на глазах своего дипломата, который ждал от царя указаний перед долгой дорогой в Европу, но кто знает, мог и просто «голонуть». На то своя царская воля....

В 1724 году на 8-дневном маскараде обалдевший от возлияний царь распорядился, дабы сенаторы не снимали маски не только в часы приема, но и в общих совместных заседаниях. В этом зловеще проглядывало уже не одно озорство 50-летнего «отца Отечества».

А Меньшикову Петр одно время писал письма и распоряжения от имени дога, которым владел тот же Меньшиков. Это уже больше из области психиатрии...

За курение табака до Петра I рвали ноздри и спускали «шкуру» кнутом. Кстати, писал Петр I очень неразборчиво и с изрядным набором ошибок. Историк Бартенев, хранитель царской библиотеки

после середины XIX столетия, называл петровское письмо «кривописанием».

Это Бартенев сообщил Герцену династический секрет: сын Екатерины II Павел Петрович не Романов, а отпрыск вельможи Салтыкова. Павел I (1754—1801) был зачат так по требованию императрицы Елизаветы Петровны из-за бездетности Петра III (1728—1762), убогого супруга Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II (1729—1796).

Елизавета Петровна (1709—1761) и велела Екатерине встретиться с Салтыковым для зачатия. Павел Петрович в своем уродстве поразительно смахивал на Салтыкова.

Обо всем этом Екатерина II поведала в своих записках, — оные хранились в Зимнем на правах самых секретных бумаг: Россией после ее смерти будет править не Романов. На основе записок Екатерины II издаст свою двухтомную историю ее царствования В. А. Бильбасов (этот двухтомник есть в моей библиотеке)¹.

И замечание Кояловича об убитом Алексеем Орловым Петре III:

«Петр III мало того, что оказался вскоре развратным человеком, проводившим время в возмутительных, открытых оргиях, но оказался жестоким оскорбителем русской народности и даже русской веры. Гольштинцы сделались первыми людьми в русском войске; прусский посланник Гольц управлял Россией... корень зла был... не в русском обществе и народе. Но где же он?..

Силу... ответа легко измерить следующими свидетельствами...

¹Бильбасов В. А. История Екатерины II: Т. I — Берлин: магазин Штура, 1890.

Василий Алексеевич Бильбасов (1838—1904) — русский историк и сочинитель-документалист. Умеренный либерал (значит, все же чуть-чуть, но любил Родину). Окончил Петербургский университет. В 1867 году защитил докторскую диссертацию. В 1869—1871 годах — профессор Киевского университета. Автор интересных книг, написанных на основе исторических фактов, похоже писал М. Пыляев во второй половине XIX столетия. В букинистических магазинах Москвы в 1950—1960 годы книги Василия Бильбасова шли задорого, да еще из-под прилавка.

Его «История Екатерины II» была запрещена в России, погода проклюнулась в Берлине. Ее берлинское издание относится к библиографическим редкостям. Книга настолько богата фактами, документами, а автор настолько владеет литературным русским — двухтомник и поныне не утратил своего значения для всех, кто интересуется русским XVIII веком.

Соловьева (историка. — Ю.В.). Известный проповедник митрополит Амвросий в проповеди на день рождения Елизаветы, сказанной 18 декабря 1741 г., характеризуя только что тогда павшее господство иноземцев в России времени Бирона¹, между прочим, говорит, что они (именитые иноземцы. — Ю.В.) постоянно заводили речь об ученых людях с тем, чтобы, узнав таковых между русскими, погубить их, но не одними учеными они ограничивали свою адскую тактику... «Был ли кто из русских... например, художник, инженер, архитектор или солдат старый... тут они тысячи способов придумывали, как бы его уловить... под интерес подвесь и таким образом или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно... умереть от голода (голода. — Ю.В.) — за то одно, что он инженер, что он архитектор... Кратко сказать: всех людей добрых, простосердечных, государству доброжелательных и отечеству весьма нужных и потребных, под разными претекстами (поводами. — Ю.В.) губили, разоряли и вовсе искореняли, а равных себе безбожников, бессовестных грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, ублажали, почитали, в ранги великие производили...»²

Ну разве не отрывок из широко известной «Послевоенной доктрины» Америки Аллена Даллеса:

¹Граф Эрнст Иоаганн Бирон (1690—1772) слыл фаворитом императрицы Анны Иоанновны (эта Анна, дочь сводного старшего брата Петра — Ивана, была безобразно толста; полюбуйтесь на ее платье в Оружейной палате, это же парашют, а не платье) и, по сути, безраздельно хозяйничал в России. Бирон с 1718 года находился при дворе Анны Иоанновны в Курляндии. По смерти Анны Иоанновны стал регентом до совершеннолетия императора Иоанна IV, то бишь по-прежнему держал за горло Россию. После переворота был приговорен к смерти, замененной ссылкой в Пелым. Петр III вернул его в Петербург, а Екатерина II благосклонно восстановила на курляндском престоле. Бироновщиной называют режим в России 1730-х годов. Его отличительным признаком являлось засилье иностранцев. Государством на деле правил сам Бирон (уже с 1730 года), дипломатией распоряжался А. И. Остерман, войсками командовал Б. Миних, горной промышленностью руководил Шемберг, коммерц-коллегией — Менгден... Государственная казна оказалась истощенной. Иностранцы хищнически эксплуатировали русский народ, грабя Россию. Недовольных выживала свора шпионов. В то черно-траурное время иностранцами были казнены тысячи и тысячи русских — и это на своей родной земле.

²Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 365, 366, 367.

«...Мы найдем своих помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны...

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но деятельно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников. Честность и порядочность будем осмеивать — они никому не станут нужны. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх... вражду народов и прежде всего ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать... и лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит... Однако таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способы оболгать и объявить отбросами общества. Будем... опошлять и уничтожать основы народной нравственности».

Как видим, мало что изменилось с «осмнадцатого» века в подходе к России. Разве что имена другие. Не стало Бирона или Петра III, зато появились социал-демократы всех цветов радуги до ленинского, красного, включительно, а с ними — даллесы, сионисты, бжезинские, клинтоны, российские демократы во главе с Ельциным — и русского-то в нем только одно: игра на ложках. Лихо, говорят, выстукивает...

В своем первом манифесте Екатерина II заявляла о том, что правление Петра III привело к такому подрыву православия в России что следовало ожидать самого худшего: «принятие иноверческого закона» (введение вместо православия католичества или

протестантизма). Заключение же унижительного мира с Пруссией, уже сломленной Россией в Семилетней войне (1756—1763), отдавало Россию в «совершенное порабощение». Да уж куда больше, коли прусский посланник Гольц распоряжался Россией?..

Коялович подытоживает свои рассуждения:

«Ликование в... России по поводу вступления на престол Екатерины общеизвестно. Смысл всех ликований... был ясен. Все радовались тому, что оскорбления русской народности прекращаются, что отныне будет опять русское направление.

Новая государыня прямо и заявила, что будет охранять и веру, и народность русскую... Таким образом, принцип народности оказался первейшею основою русской государственной жизни... и принцип не отвлеченный, слабо очерченный, а действительный русский принцип»¹.

Петр I бросил державу под ноги европейским проходимцам. Начал он со служанки Марты, сделав ее императрицей Екатериной I, а затем оставив ей престол России — кровное дело сотен миллионов русских: их гибель, надрыв в тяжких испытаниях, труд и любовь к Родине... Вот тот весьма неблагоприятный итог, в который замкнулись дела великого преобразователя по привлечению Европы для устройства нашей страны...

Наряду с положительной оценкой деятельности Петра, о которой нам хорошо известно со школьных лет, бытовала в России и другая, имеющая сторонников (среди современников царя-преобразователя) куда больше, нежели наша, школьная, — так думала тогда почти вся Россия.

Приведу лишь выдержки из труда И. Фоккеротда.

«Но что всего меньше могут сбросить с себя Русские (то есть от чего освободиться. — Ю.В.), это неодолимое отвращение к тем правилам, которые при Петре I введены в Государственное Управление, и пламенное желание освободиться от карательного бича иноземцев и видеть восстановление у себя образа правления на

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 365, 366, 367.

прежних основаниях... большинство... взваливает на него самые гнусные распутства, которые стыдно даже и вверить перу, и самые ужасные жестокости... наконец, нежелание его иметь себе помощницей Русскую... Княжну и выбор в жены... девки из Ливонии...»

«Бог и природа поставили нас в гораздо выгоднейшие обстоятельства, только бы не мучили нашего благоденствия иноземные затеи. Земля наша такая обширная, а нивы такие плодородные... Коли нет у него (русского дворянина. — Ю.В.) вышитого золотом и серебром платья, ни пышных колымаг, ни дорогого убранства покоев, не пьет он никаких нежных вин, не ест заморского лакомого куска, так за то он тем счастлив, что и не знает всех этих вещей, не чувствует и никакой охоты к ним, а живет себе на своих природных харчах и напитках так же довольно и здорово, как и чужеземец на своих.... Вот когда недруг нападёт на наше отечество... тогда мы обязаны собраться вместе и, подвергнув себя всяким невзгодам, помогать своему Государю оборонять наши пределы. Это всегда мы делали честно, без иноземной помощи... и с таким успехом, что с тех пор, как успокоились смуты, наделанные у нас сто лет тому назад иноземцами же, ни один враг не добыл у нас ни пядени земли. Мы же еще взяли назад все области, какие отхватили у нас — соседи (при ослаблении Русского государства в смуту. — Ю.В.)...»

Кроме того, они (цари до Петра I. — Ю.В.) давали нам пользоваться плодами наших трудов, поступали с побежденными, как с побежденными... на место того Ливонцы чуть у нас на головах не пляшут и пользуются большими льготами, чем мы сами. Так что из всего этого завоевания не выходит нам никакой другой прибыли, кроме чести оберегать чужой народ на свой счет, да защищать его своею же кровью»...

И еще для полноты ощущений.

Из письма (донесения) И. Лефорта¹ 1 января 1713 года Флемингу:

«Мне кажется, нас скоро постигнет несчастье, бедность увеличивается с каждым днем. Улицы (Петербурга. — Ю.В.) полны народом, готовым продать своих детей. Запрещено подавать милостыню нищим...»

¹Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век; Ч. 1 — М.: Заруба, 1914. С. 249, 254—257.

И. Лефорт — это не швейцарский любимец Петра Франц Яковлевич Лефорт (1656—1699), которому царь пожаловал чин генерал-лейтенанта, а погда — и адмирала флота.

Из письма-донесения тому же Флемингу 2 сентября 1724 года:

«...Царь шестой день не выходит из комнаты и очень нездоров от кутежа, случившегося в Царской мызе, по поводу закладки церкви, причем было выпито *три тысячи* (курсив Лефорта. — Ю.В.) бутылок вина... Уже близки маскарады, и здесь ни о чем другом не говорят, как об удовольствиях, тогда как народ чуть не плачет. Истощают суммы, назначенные для войска и флота. Так поступает не один царь, но он обязывает к тому и своих подданных... в этом году... не платили ни войскам, ни флоту, ни коллегиям, ни кому бы то ни было (не платили уже 16—18 месяцев. — Ю.В.)... Принуждают жителей Москвы переселиться в Петербург...»¹

В своем интервью газете «Советский спорт», напечатанном 6 ноября 1998 года за номером 14 798, на вопрос: «Вот мы и подошли к тому, что сегодня составляет смысл вашей жизни» — я ответил:

«Вы говорите о политике? Да, так уж получилось — был депутатом Съезда народных депутатов СССР, депутатом Государственной думы, кандидатом в президенты России. Я представлял национальную точку зрения. Она почетна и уважаема во всех странах мира. Национальное чувство наиболее сильное, оно не дает народу погибнуть, расползтись. Это одна из самых действенных сил в борьбе, потому что в трудные минуты человечество прибегает к кровному, общему, родовому единению.

Я участвовал в президентской кампании, не располагая никакими средствами, кроме тех, что официально отпустила мне избирательная комиссия. Их хватило бы только на оплату 2 минут на ОРТ. Это была нечестная игра, граничащая с преступлением. Раздаются роли, раздаются деньги, раздаются проценты. А могучая прежде страна умирает».

По итогам выборов мне официально «отвели» десятые доли процента, а я набрал не менее 10% среди десяти кандидатов. Это и есть демократия? Я горжусь этими «не менее 10%», ибо я боролся с

¹Русский быт по воспоминаниям современников... XVIII век; Ч. 1. — М.: За друга, 1914. С. 254—257, 249.

могущественными десятками и даже сотнями миллионов долларов своих соперников; боролся с теми, кто не слезал с экрана телевидения; боролся, замолченный всеми средствами массовой информации, личность, весьма неприятная для американского и израильского капитала, — и все равно я набрал миллионы голосов. И это при том, что за неделю до голосования по стране был распространен «Спецвыпуск» с некрологом, что я — умер...

Если бы народ отдал мне на выборах свои голоса, как белорусы Лукашенко, мучения народа прекратились бы в тот же день и уже навсегда. К прискорбию, народ это не понял и теперь рассчитывается, а если бы понял — мы вырвались бы из лап кровососов и разрушителей России. Для этого я и не щадил себя.

Губят народ и такие суждения: «Этот кандидат мне понятен и близок, он — наш, но он не наберет нужного количества процентов, поэтому мы будем голосовать за другого, за Х...»

Нет ничего более ошибочного такого подхода. Голосовать следует за того, и только за того, кто с **наибольшей полнотой выражает ваши пожелания, ваши убеждения**. Всякое прочее голосование недопустимо, ибо подрывает правду и надежды на улучшение жизни. Другой (пусть тот же Х) — это уже полуоппортунист, соглашатель. Спрашивается, вы хотите своего кандидата привести к власти или соглашателя? Но не забывайте: соглашательство — это предательство. Именно им клеймены ложнонародные кандидаты на выборах последних лет (вы хоть поинтересуйтесь, откуда у них десятки миллионов долларов на ведение предвыборной кампании и вообще, отчего они столь безбедно живут, эти «народные борцы»? Никто деньги даром не дает. А раз дали, — значит, за что-то; значит, «народные борцы» уже на привязи у тех, кто дает деньги. **Это и есть подкуп.**

Голосуй за того, кто выражает свою волю, только за него.

Голосование за меня со всей решительностью давно уже могло коренным образом изменить обстановку в стране и привести к власти весь могучий клин патриотически мыслящих, преданных России людей. Ничего подобного тому, что происходило после 1996 года, не было бы и в помине. Россия неуклонно продвигалась бы по пути возрождения.

Только подумать: всего одно голосование (в 1996 году) — и судьба России оказалась бы решена.

Я с таким трудом прорвался в кандидаты на пост президента: это не рассказать, за этим просто кровавый след моей жизни.

Я встал во весь рост среди богачей, встал для своего народа.

Я всем давал понять, для чего я пришел на выборы. Личная власть меня совершенно не занимала.

Народ в один день мог перевернуть свою историю.

Не захотел, полез в ельцинский хомут, принялся искать правду в зюгановском блоке — оный мог победить, но не победил, ибо в верхушке своей боялся победы и подыгрывал режиму. Во всяком случае, будучи осведомлен о всех крупных подтасовках на выборах, смолчал, не стал даже заикаться о них.

ГЛАВА XI

Расхождение несоединимое

Снова обращаюсь к истории.
По книге Ровинского:

«Побывав за границей и насмотревшись на тамошние порядки, он (Петр. — Ю.В.) задумал завести и у себя Европу, и притом «как можно поскорее». И вот началась перестановка декораций. Сам он выбрился еще прежде того, оставив одни усы торчком, подбритые снизу, «усы котчки» (кошачьи), как выражаются старообрядцы... В 1705 году вышел указ: всем в Москве, кроме людей церковного чина, носить с 1 января до Пасхи верхнее платье саксонское, а исподнее — камзолы, башмаки и прочее — немецкое. Летом же всем, даже крестьянам, носить одежду французскую. Торговцам запрещено было делать и продавать русское платье и сапоги, и черкесские кафтаны. В этом же году велено всем сбрить бороду и усы, причем, однако ж, дозволено от этой обязанности откупаться... Откупившие свою бороду обязаны были носить на шее медаль с изображением бороды...»¹

Надо сказать, что ношение бороды запрещала вера. «Стоглав» не позволял брить усы и бороду (русская церковь считала,

¹Ровинский Д. Русские народные картинки: Кн. V. — С.-Пб.: Типография Императорской академии наук, 1881. С. 262—263, 159—160, 159.

что ересь с бритьем ввели после Константина Ковалина римские «папы со своими епископами в угоду женщинам», то **бишь похоти**).

Печатью Антихриста называл простой люд клеймо, которое по распоряжению самодержца накладывали новобранцам-рекрутам на руку раскаленным докрасна железом для предупреждения побега.

В оправдание Петра можно привести Наполеона, который тоже некоторое время клеймил новобранцев. Однако в истории русской армии ничего подобного ни в самые ранние, ни в позднейшие времена не наблюдалось. В России клеймили лишь каторжников — рвали ноздри и клеймили¹.

Семнадцатилетний царь Петр проявил малодушие при стрельцом бунте, затеянном его сводной сестрой правительницей Софьей Алексеевной (1657—1704) в августе 1689 года, но малодушие сие простительно, Петр был еще по-щенячьи молод. Однако возмужает он быстро. Времени на юность не было. **Престол требовал хозяина.**

Правительницей Софья Алексеевна состояла с 1682 по 1689 год, и все бредила отеческим престолом, и не глупа была, совсем не глупа. Ум у нее был петровский, не мелкий. После смерти своего другого брата — 25-летнего царя Федора Алексеевича (1657—1682), крайне болезненного и хилого, — она правила Россией самодержавно от имени своих малолетних царствующих братьев: Ивана да Петра — тоже сыновей царя Алексея Михайловича (1630—1676), но от разных жен: Милославской и Нарышкиной. Для братьев был сработан особый трон на двоих. Они так и сидели на торжественных приемах рядышком в царских детских (до поры до времени) одежках — бочок к бочку. Иван Алексеевич вскорости тоже преставится — в 1696 году, освободив на троне место сбоку от Петра. Отныне Петр Алексеевич станет править единолично. Самодержец до конца января 1725 года, когда перестанет биться его сердце.

А Софью Петр заточит в монастырь, где она в 47 лет и упокоится, но прежде многих ее сторонников задушат на виселицах. Петр застенком берег свою власть.

Трон «на двоих» в целостности и сохранности красуется в Оружейной палате — не столь давно разглядывал его своими глазами.

¹Ровинский Д. Там же.

Как уже сказано, проявит малодушие Петр и на смертном одре, оставив Россию без закона о престолонаследии и не назвав имени своего наследника: вещи, уму непостижимые. И великий русский престол заняла бывшая служанка Марта, особа ума ограниченного и без всякого образования вообще. Просто хмельная и распутная баба, коронованная баба...

Петру она нужна была такая, а вот Россия за что ею была наказана? Два года с лишком хаживала бывшая капральша Раббе в императрицах всея Великая и Малая Руси...

С другой стороны, Петр выкажет несомненную отвагу в Полтавском сражении (1709), а также незадолго до рокового заболевания — в спасении утопающих при бурном петербургском наводнении.

«Говорят такое уж тогда было время! — продолжает Ровинский. — Ну и слава Богу, что оно прошло наконец и не вернется более...

Справедливо сказал ему Кикин перед казнью, что «ум любит простор, а от тебя-де было ему тесно»... Впрочем, тогда было, говорят, время на Руси такое: все смотрели назад и думали глупо, один Петр видел вперед и думал за всех. Хорошо еще, что он все время был занят войной да домашней неурядицей и всешутейшими соборами, — ну, а если бы не это, да вздумалось ему привести в исполнение изображенный им всеужаснейший проект переселения русского народа из окраин в центральные области?!

Да не подумают, что этими словами мы хотим набросить тень на великого преобразователя, — имя его стоит слишком высоко для этого; он так много сделал для славы и могущества своего государства, что никакие пятна не могут помрачить его солнца; мы взглянули на него только со стороны народной картинки, а с этой стороны, надо говорить правду, — заслоняет его отталкивающая жестокость и неразборчивое расходование на жизнь и мясо своих поданных, неоправдываемые даже... тогдашним временем...»¹.

«Домашних неурядиц» и впрямь хватало. Петр нудно и волокитно разводился с первой женой, преданной ему Евдокией, урожденной Лопухиной. А тут другие напасти: оказывается, его уже не пер-

¹ Ровинский Д. Там же. Текст выделен мной. — Ю.В.

вый год надувает глупая и распутная немка Анна Монс, с которой он так давно блудил. По его разумению, ее следовало наказать, а подарки отнять.

Он вел настоящую борьбу с сыном Алексеем (от Евдокии), пока, по его распоряжению, тот не был задушен подушкой в каземате Петропавловской крепости капитаном Румянцевым. На похоронах сына Петр, шагая в погребальной процессии, шутил с дамами.

А доселе, почитай, все внимание самодержца поглотила бедо-во-бойкая и крайне нужная ему служанка Марта — неразведенная капральша — будущая Екатерина I (1684—1727), которая родит Петру восьмерых детей (выживет лишь дочь Елизавета) и ухитрится наставить рога «своему Петруше» в самый канун его смертной болезни. И Петру это станет известно. Он очень переживет измену женщины, которую сделал в 1703 году своей женой (ей было тогда всего 19, ему, Петру, — 31), а в 1724 году — императрицей великой России (Екатерине Алексеевне исполнится в ту пору всего-то сорок). А тогда «полюбовнику» отсекли голову и он, Петр Великий, взяв Екатерину за локоток, повел смотреть эту самую голову, выставленную в одной из комнат дворца под стеклянным сосудом, так сказать, для наглядного урока.

Вскоре августейшие супруги примирятся. А тут Петру и смерть.

Они прожили в браке 21 год, и все эти годы Екатерина не оставляла супруга. Будучи в положении, она гарцевала верхом едва ли не до последнего дня перед разрешением от бремени. Выносила была государыня, очень выносила (а преставится от воспаления легких). Тряслась в походных возках, бражничала в самых разгульных пирушках, так что никто и не догадывался об очередной беременности. Она-то ведала: Петрушу лучше не оставлять одного.

Похоже, быстрая кончина самодержца спасла многих от крутых перемен в жизни.

Терпению самодержца наступал конец: он уже не мог мириться и с бесконечно-«обжорным» лихоимством генералиссимуса Александра Даниловича Миньшикова, — казалось, тот готов был обобрать до нитки весь мир, не только Россию. А ведь Миньшиков был человек недюжинных способностей, и храбр, и много «сотвориша» для Петра.

После ареста Миньшикова (1673—1729) по приказу малолет-

него Петра II (1715—1730)¹ из ссылки в Березово вместе с семьей наворованное добро вывозили из дворца генералиссимуса десятками возов — и это только одного серебра, изделий из серебра и других чрезвычайно ценных предметов. Гнев Петра I вот-вот должен был низвергнуться на голову «плутейшего» любимца, как, надо полагать, и на голову неверной супруги...

В своем интервью газете «Советский спорт» (6 ноября 1998 г.) на вопрос: «Что вы цените в людях, что не прощаете?» — я ответил:

« — Предательство в любой форме. То, что люди продаются, идут на подкуп. Это вызывает у меня омерзение (и беспощадность к ним).

— Вас предавали?

— Да, очень много в жизни. Сейчас я занимаюсь политикой, вижу, как подкупаются люди, партии, лидеры, как даже близкие к тебе люди отворачиваются, если им в другом месте заплатят больше. Ненавижу это!»

Народ не понимал и не любил Петра и по смерти царя по-своему отплатил ему. Запечатлен сей исторический факт в лубке «Как мыши кота хоронили».

«Зато как и ненавидел народ старой веры своего преследователя, называя его антихристом и крокодилом, — рассказывает о лубке Дмитрий Александрович Ровинский, — с какою радостью проводил он его на вечный покой и, несмотря на страх кнута и пытки, сочинил ему шутовскую литью с мышами (лубок. — Ю.В.), которая держалась в народе полтора года и... пользовалась особенным почетом и любовью его и выдержала бесчисленное множество изданий...

Картинка разделена на несколько продольных полос, в самом верху надпись: «Небылица в лицах найдена в старых светлицах, об-

¹Петр II — внук Петра I от царевича Алексея Петровича, казненного отцом-самодержцем Петром I, и принцессы Софии Шарлоты Вольфенбюттельской. 14-летний Петр II умер в Москве от оспы, процарствовав 2 года и 8 месяцев. Это был последний представитель Романовых по мужской линии.

лечена в черных тряпицах: как мыши кота погребают, недруга своего провожают, последнюю честь с церемонией отдавали. Был престарелый кот казанский, уроженец астраханский, имел разум сибирский (прямой намек на перечисления в царском титуле. — Ю.В.), а ус сусастерский. Жил, славно ел-пил, плел лапти (Петр принуждал крестьян плести лапти. — Ю.В.), носил сапоги; сладко ел и сладко бздел; умер в серый четверг, вшесто пятое число, в жидовский шабаш»¹.

Ну и напоследок рассказ из сборника, составленного Яковом фон Штелиным. В моей библиотеке хранится первое издание этой знаменитой книги, напечатанной в Москве в 1786 году, — за три года до начала Французской буржуазной революции. Еще пребывали в добром здравии король Людовик XVI и красавица королева Мария Антуанетта. Были живы Мирабо, Робеспьер, Дантон... И Наполеон был тощеньким никому не нужным офицериком (вскоре он даже станет членом якобинского клуба в Валансе). К расцвету славы приближался Суворов. А Европу продолжал дурачить Калиостро...

Привожу рассказ сей с сокращениями.

«ПЕТРА ВЕЛИКОГО остроумный отказ на просьбу жидов, чтоб поселиться в России.

Уже тогда, как Царь Петр Алексеевич в первый раз в Голландии находился... когда привлекал он в Россию искусных художников, фабрикантов, ремесленников и купцов, обещая им разные преимущества, совершенную вольность и многие другие выгоды, то лукавые амстердамские жида мнили воспользоваться сим случаем. Хотя они и знали, что Царь Иоанн Васильевич выгнал жидов из Российского Государства, и прочие, за ним последовавшие цари не позволяли им иметь в России пребывания, однако они думали, что Петр Великий, преобразуя совершенно Россию и уничтожа многие старинные узаконения, переменит также и указ Царя Иоанна Васильевича... И так прибегнули они к знатнейшему любимцу Российского Монарха, славному амстердамскому Бургомистру Ван Витсену и просили его быть их ходатаем у Его Царского Величества,

¹Ровинский Д. Там же. С. 156, 163.

чтобы Он также и жидам... позволил быть в России и завести торговлю. Причем они о знатнейших выгодах Россиян при продаже... товаров жидовскими купцами живейшими красками представить не забыли. Сверх того обязывались они за исполнение их просьбы в доказательство первой их признательности поднести Царю в подарок сто тысяч гульденов наличными деньгами.

Бургомистр Витсен склонился на просьбу Израильтян и обещал при первом случае предложить о том Царю...

Царь сначала внимательно слушал сие предложение, но, наконец, улыбаясь, сделал ему следующий ответ: «Господин Витсен, вы знаете жидов и мысли моего народа. Я также знаю обоих... еще не время допустить жидам поселиться в моем государстве... сожалею, что они хотят поселиться в России, ибо, хотя они и почитаются искуснейшими обманывать в торговле весь свет, однако же сомневаюсь, чтоб им в том удалось моих Россиян.

Известно сие от Гофи, Голландца и любимого лекаря Петра Великого, которого Его Величество с Собою вывез из Голландии»¹.

Из ответа Петра вывод можно сделать только один: нестерпимо хотелось амстердамским жидам попявить Россию. Петр именно так расценил их просьбу.

Но мы чересчур отвлеклись.

Приведем отрывки из сочинения того же Михалона под названием «*Michalon Livanti de moribus Tartarorum, Livanorum et Moscorum fragmina deserm*». Полный текст сочинения был издан в 1610 году в Польше.

Отзываясь высоко о татарах («татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему», рабов же имеют только из других стран), Михалон хвалит и московские порядки: «ни один чиновник (у «москвитян». — Ю.В.) не может убить человека даже при очевидном преступлении, — это право предоставлено только судьям в столице».

В то время тогда еще на далеком западе Руси и юго-востоке Польши рядом с Литвой обживались евреи.

¹ Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге. — М.: Издал в свет Яков фон Штелин, 1786. С. 42—46.

Читаем у Михалона:

«В эту страну собрался отовсюду самый дурной из всех народов — иудейский, распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей; народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати. На всех рынках отнимает у христиан средства к жизни. Не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы... Поколение развратное, греховное...»¹.

Поражает единодушие в той «теплоте», с которой пишут о них сотни и тысячи самых разных сочинителей в самые разные времена.

Подолія, Волынь... — оттуда они помаленьку расселялись по России в XIX веке и уже валом обрушились на Россию после 1917 года. Россия ныне для них посадочная площадка, место заработка и проживания, не более, а истинная родина их в государстве Израиль. Это они показали нам, когда снимались и уезжали к себе на «историческую родину» десятками и десятками тысяч, продолжая отъезжать и донныне. Квартиранты на русской земле...

Отвлечемся.

Герцену принадлежат слова:

«Наша европейская, западническая партия только тогда получит место и значение общественной силы, когда овладеет темами и вопросами, пущенными в оборот славянофилами».

Что означает признание Герценом пустоты вокруг «западников» (космополитов) вследствие полной устранимости от народа и народной жизни?

Космополиты («западники») — это существа без Родины, самодовольные проводники западного влияния.

Все эти люди ломают Родину и калечат свой народ.

Даже закаленный враг славянолюбов и убежденный «западник», Виссарион Белинский однажды позволил себе такое высказывание:

«Без национальностей человечество было бы мертвым ло-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 59.

гическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения».

И не менее закаленный враг патриотизма Лев Толстой отметил в дневнике один на один с собой:

«...думаю: славянофильство (патриотизм. — Ю.В.) это любовь к народу, признание истины в его формах жизни».

Американский сенатор Фулбрайт, широко известный в 1970-е годы, писал:

«Национализм является силой в том смысле, что он способен вызвать лояльность и активную поддержку огромного количества простых людей»¹.

Самонадеянность силы Фулбрайт относил не к Советскому Союзу, а политике США.

Фридрих Ницше (1844—1900) говорил о своем времени:

«Нет пастыря — одно лишь стадо».

Любопытно описание войны Батория с Иваном Грозным², составленное секретарем Стефана Батория Райнольдом Гейденштейном и изданное в 1584 году, но еще более любопытна его история Польши.

Стефан Баторий (1533—1586) — польский король и одаренный военачальник. В 1579—1582 годах участвовал в Ливонской войне. После безуспешной осады Пскова в августе 1581-го — январе 1582 года оказался вынужден согласиться на перемирие с Иваном Грозным. Уловив ослабление государственных устоев Русского государства с кончиной Ивана Грозного в 1584 году, Бато-

¹ Дж. Уильям Фулбрайт. Самонадеянность силы. — М.: Межд. отношения, 1967. С 119.

² Иван IV Васильевич (1530—1584) по прозванию Грозный. Когда ему было три года, умер его отец, в семь — мать. Сей христолюбивый государь сподобился быть женатым семь раз. Из пяти сыновей выжили трое: Иван (1554—1581), убитый царствующим родителем, Федор (1557—1598) — будущий царь, и Дмитрий (1582—1591), отроком зарезанный в Угличе. Из трех дочерей не выжила ни одна.

Чтобы только поверхностно обрисовать дела Ивана Грозного, надобен самостоятельный очерк.

рий возмечтал сокрушить Русскую державу «для интересов запада и латинства», однако опочил при подготовке нового захватнического похода.

Вот отрывок из истории Польши Гейденштейна:

«...когда Иоанн IV умирал, то силы Москвы были сильно истощены. Представлялась весьма счастливая возможность возвратить назад Смоленск и другие области, забранные силою или изменою. Не было ничего невероятного, что возможно будет присоединить к Польше или иначе переустроить для блага всего христианства (католического. — Ю.В.)... все Московское государство, столь громадное, столь могущественное и столь полезное для борьбы с турками».

Для сего польский король «открыл переговоры с папою, с князьями итальянскими, с Венецией и Флоренцией». Смерть короля Батория прекратила переговоры. А созрел ведь всеевропейский заговор против православной Руси, уже сотрясаемой грядущей междоусобицей и смутой...¹

В нынешнее смутное время роль Польши и короля Батория берут на себя США, сколачивающие под флагом ООН силы интервенции, пригодные для раздела России и закабаления ее народов, прежде всего русского, как национально образующего народа. **Здесь ставится задача на его предельное ослабление и количественное сокращение всеми средствами.**

Имя за именем Коялович перебирает всех наиболее известных авторов сочинений о Руси, навещавших ее в допетровские времена. Наступает очередь иезуитов и англичан.

Читаем у Кояловича:

«И свободолюбивое протестантство в лице англичан, и мрачно деспотическое иезуитство сошлись на том, чтобы поработить Россию: Англия — своей торговле, иезуиты — своему папству. Само собой разумеется, что при такой задаче те и другие должны были

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С 61.

смотреть на Россию, как на материал, который необходимо пересоздать, потому что в нем все дурно»¹.

Им с высокомерием вторит посол английской королевы Елизаветы Джайлс Флетчер (1549— 1611).

У Кояловича это вызывает взрыв негодования:

«Но что касается... основного взгляда на Россию, то никакой иноземец не высказывал его резче Флетчера или, лучше сказать, он лучше всех выражает основной взгляд иноземцев на Россию. **Россия пребывает без познания Бога, без писанного закона и без правосудия — вот его основной взгляд на Россию.** И это писалось в то время, когда Россия живо помнила и глубоко чтит такого необыкновенного мыслителя и психолога в области религиозной и гуманиста в жизни, как Нил Сорский; когда недавно еще сошли со сцены — известный нам просвещенный собиратель (и автор. — Ю.В.) «Четьих Миней» — митрополит Макарий, могущественные двигатели нравственного оживления России Сильвестр и Адашев; не говорим уже о Максиме Греке, о Курбском; говорилось это тогда, когда Россия имела уже два Судебника, в которых ясно, твердо проповедовался основной принцип лучших законодателей Мира: **суд всем общий и равный.** Иноземец не мог выбраться из области тяжелых впечатлений от внешних, поражавших его суровых явлений русской жизни. Но удивительно, что его не поразили такие явления, как то, что величайший русский тиран Иоанн IV тщеславился тем, будто бы он сам не русский, а иноземец римлянин, и что у этого тирана самым изобретательным палачом был англичанин Бомелий. Не обратил образованнейший, свободолюбивый англичанин внимания даже на то, что в то время, когда он был в России, в ней еще не было закрепощения крестьян и что весьма

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 64, 66.

• Благодаря приказной помете на обороте грамоты митрополита Кирилла в Новгород по поводу распри новгородцев с князем Ярославом Ярославичем в 1270 г. мы узнаем необыкновенной важности факт, что новгородцы уже тогда признавали участие татар (как захватчиков русской земли. — Ю.В.) в избрании их князя» (Коялович. 89).

Командуют захватчики.

Американцы, у которых ключи от русской экономики, вне всяких сомнений, планируют и проводят президентские выборы в России. Побеждают только их кандидаты. Доллар правит Россией.

недавно в этой самой, незнавшей будто бы Бога, закона и правды России, во имя христианской любви раздавался протест против существования в ней рабов и не был пустым словом или единичным голосом.

Известно, что упомянутый Сильвестр отпустил на волю своих рабов, и они по воле жили у него¹.

В своем интервью газете «Советский спорт» (6 ноября 1998 г.) на вопрос: «А дома, в семье?» — я ответил:

« — Здесь у меня вторая жизнь. Сильная, настоящая. Человек без семьи ни-ког-да ни-че-го не напишет, не сделает, не создаст. Без женщины — мужчина ничто. Сомнения, духовные терзания, когда ты один на один с собой, — своей силы не хватит, это я вам точно говорю. Какой бы железной воли ты ни был, если у тебя нет опоры, нет твоей женщины, ты не пройдешь... Энергия всех побед — любовь. Проигрывает тот, кто перестает любить».

Раскроем поименно гневную отповедь Михаила Кояловича Флетчеру и всем его подпевалам до наших дней.

Кто есть кто?

Нил Сорский (1433—1508) — москвич Николай Майков, церковный деятель из переписчиков книг, постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Совершил путешествия на греческий Афон, после — в Палестину и Стамбул. Выступил с проповедью нового образа монашеской жизни — нестяжания. Жизнь монаха, согласно Сорскому, должна протекать одиноко в скиту, и питаться он должен трудом от рук своих. Лишь такая жизнь ведет к внутреннему совершенствованию и наделяет величайшим счастьем уже на земле созерцать самого Создателя. Для претворения в жизнь своего представления о монашеской жизни Нил основал скит на реке Соре близ Кирилло-Белозерского монастыря. Он написал «Устав скитского монашеского жития» и «Предания ученикам своим о жительстве скитском», проповедуя нравственное самоусовершенствование без жалости к плоти своей. Он призывал к скром-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 64, 66.

ности в убранстве церквей. Он не только истязал свою плоть и следовал строжайшему ограничению всех желаний, как плотских, так и душевных. Он на деле не слыл, а был серьезным знатоком византийской церковной литературы. Он призывал к отказу насилия над еретиками.

Сорский предвосхитил появление Серафима Саровского, следовавшего именно идеалу монашества по строгому и воистину святому разумению Сорского, да будет им обоим земля вечным пухом.

Сорский являлся страстным сторонником изъятия земель у монастырей, ибо это — **стяжание, а такая жизнь «мерзка» и для монаха — «яд смертоносный».**

Макарий (1481—1563) — почтеннейший из почтенных митрополитов русской церкви. Рано постригся в монахи; способности его скоро облизали с родителем Ивана Грозного великим князем Василием III, который в 1526 году и возвел его на новгородскую архиепископскую кафедру, где он служил Господу целых 16 лет, серьезно очистив и облагодетельствовав монашескую жизнь. Это он ввел в монастырях праведно-суровый общежительный устав.

Малолетний Иван IV возвел Макария в митрополиты московские — второй по значению церковный сан после патриаршего. Митрополитом Макарий и завершит свой земной путь. Свои силы Макарий направил на очищение церковной жизни. Он созывал соборы в 1547, 1549, 1553, 1554 годах. При нем состоялась канонизация 50 новых святых, а также в 1560 году заседал замечательный «Стоглавый» собор, выработавший сборник правил церковного порядка и благочиния, содержащий 100 глав и по сему названный «Стоглавом».

Это Макарий привил юному самодержцу страсть к чтению, пленив своей огромной библиотекой. Митрополит внушил ему понятие о Москве, как о третьем Риме (а четвертому не бывать), а также и мысль о превращении подвластного ему, русскому царю, государства в православное «царство».

Под влиянием Макария Иван Грозный принял титул царя. Макарий участвовал в решении важнейших государственных дел. Он вдохновил царя на Казанский поход. Под руководством Макария оказались составлены «Степенная книга», «Четьи Минеи» (сборник

житий и поучений) и «Лицевой летописный свод». Кроме того, он являлся автором посланий, толковых грамот и поучений. Именно он содействовал открытию первой типографии в Москве.

Многомудрый Макарий считается основателем того строя русского православия и благочестия, которые в качестве старой веры были осуждены, на мой взгляд, незаслуженно, сто лет спустя при Никоне, бездумно и вредоносно подорвавшим единство русской церкви.

Макарий твердо стоял за необходимость укрепления самодержавия и значения церкви в государстве. Это был величайший русский государственный и патриот.

Оглядываясь на века до самых наших последних дней, можно молвить с полным основанием: есть отцы русской церкви, а есть пустое место, но при том и зело недоброе, даже опасное, для русской церкви, а следовательно, и народа.

Сильвестр (умер около 1566 года) — новгородский священник, а с 1540-х годов протопоп самого Благовещенского собора святого Кремля (наполеоновские гвардейцы вскроют царские усыпальницы, ограбят их и выбросят останки; в самом соборе будут держать лошадей. — Ю.В.). В Благовещенском соборе спустя сто с лишним лет, уже при самодержце Алексее Михайловиче (родителе Петра I), будет предан проклятию неистовый протопоп Аввакум. Земля не может быть пухом Аввакуму — спустя много лет он был извлечен из пустозерского подземного заточения и сожжен, и сожжен особо зверским, медленным огнем. Неспроста захирел Пустозерск и давно уже стоит на всех ветрах пустым местом, и никто там не живет. Задыхаясь в дыму, Аввакум прокричал, что не стоять и не быть боле Пустозерску!¹

Поэтому мы смеем пожелать убиенному протопопу Аввакуму — этому истинно русскому святому человеку-борцу — места под самой Рукой у Господа...

21 июня 1547 года пожар превратил Москву в угли, вызвав

¹ В самом конце XV века Нижняя Печора, была присоединена к Москве под именем «Югорского царства». Тогда же и был заложен Пустозерский острог.

С Аввакумом сгорели еще два вождя старообрядчества — приходской батюшка Лазарь и дьяк Федор, которым перед ссылкой «урезали» языки.

бунт. Толпа хлынула в село Воробьево, где 17-летний царь пережил пожар. Отстранив людей, вперед выступил протопоп Сильвестр. Он осудил недостойное поведение юного государя: государь должен понимать это народное бедствие как наказание за его, царицы, грехи. Сильвестр потряс душу юного Иоанна IV, и тот целиком подпал под его влияние. Он оставил Сильвестра возле себя, и протопоп постепенно, исподволь взялся руководить действиями Иоанна IV. Он внушает самодержцу мысль о том, что тот должен посвятить себя заботам о народе. Очень быстро Сильвестр завоевывает исключительное положение при самодержце. Протопоп руководит и мирскими, и церковными делами и, по выражению летописи, был «якоже (как. — Ю.В.) царь и святитель»; ему повиновались все, и он «все мог».

Со временем Сильвестр становится идейным руководителем росписей Кремля. По своим взглядам он являлся нестяжателем. Он любовно собирал рукописные книги и иконы.

Через Сильвестра в доверие к самодержцу вошел Алексей Адашев, а с ними образовался целый круг приближенных к царю людей: князя Курлятев, Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый-Шуйский, а также бояре Шереметевы и др. Люди эти образовали своего рода совет или, как его назвал Курбский, «Избранную раду». Не имея официального утверждения, этот совет («рада») 13 лет управлял государством от имени царя, который и сам не принимал решений без обсуждения на «раде».

Это воистину золотое время, а уж в царствование Ивана (Иоанна) IV — несомненно. Но к 30 годам в сознании и душе самодержца стал пробуждаться другой человек, который получит в народе прозвание Грозного, а правильнее бы — Губителя¹, как нарек его русский историк XIX столетия Иван Забелин². Но не везде вина просматривается лишь за царем. Как пишет другой видный

¹ В отроческие лета будущий царь Иоанн IV уже отталкивал жестокостью. В играх он мучил и увечил не токмо животных, но и людей. В нем все прочней прорастали двуличие и притворство. Лишь одного доброго друга он имел: митрополита Макария. Митрополит, однако, был бессилен пресечь созревание в царе-отроке бесовского злохитрия; августейший отрок оставался падким на дурные забавы и удовольствия. Уже в 16 лет Иоанн IV потребует женитьбы и в дальнейшем проявит себя вельми развратным и похотливым. Это он додумается заставлять нагих девок ловить кур в тесном двореке.

историк — Сергей Платонов, «по-видимому княжата (члены «рады». — Ю.В.) и Сильвестр действительно желали соправительство-вать с государем и ограничить его личную власть боярско-княже-ским советом, «радою». Когда московский государь не подчинялся их внушениям и поступал по-своему, они... осуждали его»¹.

В частности, многие из них, вопреки воле опасно захворавше-го царя, отказались присягать его малолетнему сыну-младенцу, требуя присяги для двоюродного брата царя князя Владимира Анд-реевича Старицкого. Самодержец заподозрил «раду» и боярство в желании подмять его под себя, урезав власть. С тех дней и завязы-вается та лютая борьба царя с боярством, что повлечет разорение русской земли и безобразный правож опричнины. Разорение на-столько обеднит Россию — неоткуда будет даже набирать войско и нечем заполнять казну. Этот разор и породит смуту конца XVI и на-чала XVII столетий. Как показали исследования академика Степа-на Веселовского (1876—1952), великого знатока архивного мате-риала и человека по образу мысли истинно русского, опричнина пуще ударила по простому люду, нежели боярству.

²Иван Егорович Забелин (1820—1908) — русский историк и археолог, академик, один из основателей Исторического музея в Москве. Знаток исто-рии быта русского народа. В молодые лета пребывал под воздействием либе-ральных идей, но затем прочно становится на родную, русскую почву.

Иван Грозный был умным, образованным и волевым человеком, после тридцати быстро превращающимся в кровавого, развратного самодура, под-линного Ивана Губителя.

¹Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы. — Прага: Пла-мя, 1924. С. 146, 147.

Сергей Федорович Платонов (1860—1933) — русский историк, акаде-мик, читал лекции в Петербуржском университете. Предметом его изучения являлись события второй половины XVI и начала XVII столетий, особенно Смут-ного времени. Он дал свое понимание опричнины как государственной рефор-мы, направленной на разгром хозяйственной и политической мощи «княжат» и боярства в интересах посада (городского населения) и дворянства. Однако он все больше и больше склонялся к тому, что опричнина нанесла урон прежде всего простому люду, обескровив Русь.

Платонова выделяет чистый, сжатый русский язык.

При разгроме Академии наук Сталиным Платонов оказался сослан в Са-мару, где вскоре и скончался. В то же время был сослан в Среднюю Азию дру-гой виднейший историк — член-корреспондент Академии наук Евгений Викто-рович Тарле.

А тогда, предчувствуя опалу, Сильвестр принял монашество и вскоре был сослан на Соловецкие острова, где довольно скоро отошел в мир иной (подале от царей-то — голова целей). Он оставил сочинения о правах и обязанностях государя, правительства и церковных иерархов. Ему принадлежит новая редакция «Домостроя».

Алексей Федорович Адашев умер в 1561 году. Русский государственный деятель из костромских дворян. После сокрушительных московских пожаров 1547 года оказался приближен к самодержцу вслед за придворным священником Сильвестром. Один из руководителей правительства «Избранной рады».

С 1550 года «рада» проводит ряд важных реформ.

В 1550 году, когда в первопрестольную по приглашению царя съехались выборные от городов, 20-летний Иван IV поручил Алексею Адашеву принимать жалобы и просьбы от бедных и обиженных и назначать справедливых судей. Самодержец для сего наделил его завидными полномочиями. Вещь неслыханная! В итоге Адашев стал начальником Челобитного приказа, а заодно и постельничим царя, хранившим печать «для скорых и тайных дел».

Вкупе с Сильвестром и под покровительством Макария Алексей Адашев почистил и царский двор, удалив тех придворных, что дурно влияли на еще слишком малоопытного Ивана IV. Алексей Адашев способствовал укреплению центральной власти. При нем появились царский Судебник 1550 года, приказы (прообразы министерств), были проведены важная военная и денежная реформы, а также отменено кормление (населению на местах было предоставлено право выбирать самим своих управителей и судей — это было одно из самых передовых законодательств в Европе). Адашев руководил составлением официальной разрядной книги и «государева родословца», редактировал официальную летопись — «Летопись начала царства».

Алексей Адашев руководил дипломатической подготовкой присоединения Казанского и Астраханского ханств, возглавив инженерные работы при осаде Казани в 1552 году.

Татары из Казани и подвластные им инородцы постоянно совершали набеги на русские земли. По всей восточной границе Руси веками пылали села и посады, лилась кровинь, в плен угоня-

лись русские люди. Более того, казанцы находились в постоянной прочной связи с крымским ханом, а следовательно, и Турцией — верховным руководителем этих ханств. Действуя согласно с крымским татарством, Казань наносила Руси чувствительные раны. Это был постоянный гнойник на теле России. Кроме того, Казань препятствовала освоению земель к востоку от Волги.

Тогда при штурме впервые оказались применены подкопы под крепостные стены и подрывы их порохом. Казань была уничтожена, а остатки татарских войск добиты русской конницей в окрестных лесах. Домой, в Россию, вернулись десятки тысяч русских рабов.

Иван IV заложил новую Казань, которую заселили русские служилые люди. Татарам позволялось жить лишь в подгородной слободе. Во всех землях, бывших в подчинении Казани, были поставлены русские крепости: Чебоксары, Цивильск, Яранск, Уржум, Малмыж и всех дальше Уфа. «Из-под Казани» во власть Москвы перешли мордва, черемисы, чуваша, вотяки, башкиры... Отныне обширные пространства по Волге и Каме оказались доступны для освоения.

Но устье Волги оставалось запертым. Поэтому русские войска в 1556 году спустились по реке и овладели Астраханью.

Покорение татарских царств явилось великим народным делом. На восточных рубежах наступал покой. Оказался открыт прямой путь на Урал. И, как замечает академик Платонов, «чувствуя все величие победы, русский народ пел ее в песнях и за нее сделал Ивана IV, Грозного царя, своим эпическим героем»¹.

После Алексей Адашев вместе с И. М. Висковатовым вел подготовку Ливонской войны (1558—1583).

Ливония, сколоченная из Эстляндии — главный город Ревель (Таллинн), — Лифляндии (Рига), Курляндии (с городком Митавою и островом Эзель), пребывала в упадке. Не вызывало сомнений, что в ближайшее время она окажется либо под властью Швеции, либо Польско-Литовского государства, либо Дании. Допустить, дабы на границах России закрепились сильные, враждебно настроенные

¹Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы. — Прага: Пламя, 1924. С. 146, 147.

государства, Россия не смела (это вроде нынешнего НАТО, все теснее налезавшего на Россию). Кроме того, Ливония придерживалась исконно недружеской русской политики (как и в наши дни Эстония, Латвия и Литва. — Ю.В.). Она не только препятствовала любому продвижению русских к Балтике, но не пропускала в Россию ремесленников, мастеров, даже художников, как, впрочем, не пропускала серебро, оружие и еще важный перечень крайне нужных Москве товаров. В то же время, в 1576 году, на польско-литовский престол был избран Стефан Баторий, способный военачальник и убежденный враг Москвы.

Иван Грозный очень высоко понимал свое царское призвание. Бог его поставил править людьми. Посла Батория Иван Грозный завернул назад с бумагой за «семью печатями», которая началась так: «Мы, смиренный Иван Васильевич, царь и великий князь всея Руси, по Божиему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению...»

Схватка за Ливонию становилась неизбежной.

К несчастью, в России вызревало острое внутреннее столкновение. Уже в сознании самодержца сложился замысел правёжа — опричнины: черное, по-монашьи выраженное воинство с метлами и волчьими мордами у седел. России предстояло столкновение с могучим противником на границе, а она готовилась к опустошительному самоистреблению.

В мае 1560 года, предчувствуя опалу, Алексей Адашев отбыл воеводой в Ливонию. Это не уберегло, и он зачах в темнице Юрьева (Тарту).

Его брат достохвальный Даниил Федорович Адашев остался в русской истории как один из самых даровитых полководцев. С февраля 1559 года — окольничий. Участник казанских войн. В Ливонскую войну участвовал в штурме Нарвы.

Его Крымский поход составляет гордость русского военного искусства. С февраля по сентябрь 1559 года Даниил Адашев с 8-тысячным войском спустился по Днепру от Кременчуга к Черному морю, захватив два турецких корабля. Внезапно высадился на западном побережье Крымского полуострова, разбил татар и освободил из плена много русских и литовцев. В Ливонской войне Даниил Адашев командовал русской артиллерией. Был схвачен с братом и казнен с малолетним сыном и всей родней.

Царь Иван Васильевич уже приступал к «поеданию» людишек.

Максим Грек (1470—1556) — церковный и политический сочинитель. Учился в Италии. Слушал проповеди знаменитого Савонаролы. В 1518 году по просьбе Василия III приехал уже из Греции в Россию для исправления переводов церковных книг. Включился в политическую борьбу, угодил в темницу, на свет Божий выбрался в 1551 году. Последние лета степенно дожил в Троице-Сергиевой лавре. Он выступал за **нестяжание**, против монастырского землевладения, ростовщичества, да и любого произвола вообще. Признавал божественное происхождение царской власти. Во внешней политике подчеркивал недопустимость борьбы сразу с несколькими государствами и настоятельно советовал избегать международных осложнений.

«...тогда, когда Россия имела уже два судебника...»

Судебник 1497 года — первый законодательный свод установлений (кодекс) Русского централизованного государства, весьма толково составленный дьяком Гусевым (обошлись без иностранных циммерманов, гольдбергов и флетчеров... — русский написал свод...).

Судебник 1550 года — свод законодательных установлений (кодекс) завершающего отрезка образования Русского централизованного государства. Иван IV по благословению собора сам исправил и дополнил гусевский Судебник, посему он называется царским. Основное новшество царского Судебника заключалось в стремлении установить праведный суд. Для сего царский Судебник требовал, дабы на суде сидели выборные от народа старосты и «целовальники» (то есть присяжные).

Итак, мы кратко ознакомились с обычным западным оговором и всем, что за ним скрывалось. В данном случае нам оказалось достаточно лишь перечисления лиц, названных Михаилом Кояловичем.

Россия жила насыщенной мирской и духовной жизнью: международная обстановка, борьба за возвращение своих земель, совершенствование государственной власти, борьба с произволом, отношения человека с Богом, семья... — все занимало людей. Мы лишь мимолетно заглянули в общество XVI столетия, и нас подавило обилие событий, имен, да и все богатство жизни, представляе-

мое ныне либеральными сочинителями как одно черное, варварское существование («по Флетчеру», не было ничего в России).

В русской духовной жизни не затихала напряженная борьба за чистоту служения добру и любви, возвышенному служению Творцу. Уже вторая половина XV столетия, все XVI и XVII столетия идет упорная борьба против ростовщичества, церковного обогащения, за которым подразумевалась и мирская жизнь в нестяжании. В России, как и во всем белом свете, настойчиво доискивались смысла жизни, искали его в словах Бога...

Именно в это время Кальвин в Швейцарии вколачивает в людей и церковь каноны своей веры на протестантский лад, примеряя Бога с наживой, страстью делания денег и грехом, коли ты их не делаешь.

Прежде католичество осуждало ростовщичество и вообще финансовую деятельность. Протестантизм Кальвина поощрял темные стороны человеческой природы, будил жадность и бессердечие во имя умножения богатств. Делание денег становилось смыслом жизни и ведущим душевным состоянием человека.

Это было попрание учения Христа. Но Запад его с восторгом принял.

Здесь и произошло расхождение мира русского человека и западного, расхождение несоединимое.

От того и ревут американские бомбовозы над нашими братьями сербами. Крови им подавай для установления «настоящего» мира. «Миротворцы» с авианосцами, морской пехотой, мировыми кризисами, громадой шпионов, диверсантов и наемных убийц. Цивилизация не света в человеческих душах, не Бога, а ДОЛЛАРА.

Пока Россия горячо искала Бога, Запад реформацией превратил Бога в наживу и деньги.

Мировое масонское правительство СТЯЖАТЕЛЕЙ...

Весь этот пласт исконно русской национальной культуры и замечательных событий вовсе и не изучается в школе, а ведь он дает представление о деятельнейшей общественной и культурной жизни. Почему же мы столь скаречно мало, столь убого ведаем о своем прошлом? Ведь это и дает возможность нашим недругам калечить русскую историю, представляя ее нашим детям в искаженном, перелицованном виде.

«Больше и больше в России оказывалось иноземцев, — сетует Коялович, — и они больше и больше пробивались из области ремесленной западноевропейской культуры в область духовную просветительную, т.е. больше и больше вносили в Россию национальные западноевропейские типы и ДЕЛАЛИ ЗАВОЕВАНИЯ В ДУШЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА.

Зло это наметилось при том же Иоанне IV. Эту мысль приводил в исполнение московский иноземец при Иоанне IV Шлите — мысль призывать в Россию не только мастеров, но даже ученых. Предприятие это не удалось, но оно воскресло, хотя тоже неудачно, при Годунове, задумывавшем основать в Москве университет по началам и при участии западноевропейских людей. Первый самозванец торжественно, в чисто польском тоне, заявляет о невежестве русских и о необходимости для них учиться у иноземцев наукам и для этого думал открыть в Россию двери всяким иноземцам и самим русским ездить в западную Европу, — точь-в-точь, как это делалось в Польше. На самом деле осуществлялась не эта утопия, а другое практическое дело (разносторонняя эксплуатация русских и богатств России — вот что занимало сих благодетелей. — Ю.В.). Мы знаем, что англичане наводнили для торговых целей север России. Во время Ливонской войны иноземные пункты в России были умножены и усилены пленными ливонцами. В смутные времена иноземцев оказывалось много и в Вологде, и в Ярославле, и даже в Нижнем. Но особенно много их было в Москве...

Так, известный Морозов был покровителем иноземцев. По этому пути пошел еще дальше Ордин-Нащокин, усвоил себе даже польские воззрения... а сын его так пленился западноевропейскою жизнью, что даже бежал за границу. Известные Матвеев и Василий Голицын устроили даже домашнюю обстановку и завели обычаи западноевропейские... Петр уже по одним преданиям дома Матвеева, где воспиталась его мать — родом иноземка, легко мог сойтись с иноземцами. Вот где зародились притязания преобразовать Россию по данным западноевропейским образцам... с перенесением в нее ... западноевропейских типов всюду, даже в духовную жизнь русского человека, и перенесением насильственным во что бы то ни стало. В случае успеха это должно было привести к принижению, подавлению русских начал жизни и, рань-

ше или позже, к фактическому господству иноземцев в России, от чего так настойчиво предостерегал Петра такой умный и расположенный к нему человек, как патриарх Иоаким»¹.

Отставание Руси после погрома, учиненного Батыем, и всего ига, намертво сковавшего на сотни лет ее волю и силу, давало себя знать. Верхушка русского общества, не вся, разумеется, стала с надеждой поглядывать на Запад, дабы оттуда позаимствовать все то, что было потеряно под игом «поганных». Некоторые их имена и называет Коялович в своем перечислении.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605—1680) — государственный, военный деятель и дипломат, с 1667 года боярин. За службу был пожалован богатыми вотчинами и поместьями. Муж образованный, знающий математику, языки и риторику, он стоял за реформы в духе Запада.

Князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) выдвинулся при самодержце Федоре Алексеевиче, получил от него изрядные земельные пожалования. Участник военных походов, способный военачальник. В 1682 году комиссия выборных дворян во главе с ним отменила местничество. Был фаворитом правительницы Софьи Алексеевны, по сути, руководил государством. Князь являлся большим поклонником Запада.

Вторым браком отец Петра I государь Алексей Михайлович женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной (1651—1694). Почему Коялович пишет, что она «родом иноземка», сказать не берусь, но, очевидно, какие-то основания для такого серьезного исследователя имелись. Наталья Кирилловна воспитывалась в доме А. С. Матвеева — завязтого «западника», его даже называют ее воспитателем. Возможно, Коялович имеет в виду именно ее воспитание — оно было в иноземном духе.

В своей усадьбе под Москвой, близ Подольска, Матвеев выстроил церковь, которую иерархи православной церкви принять отказывались. Она изящна и красива, эта каменная иноземка, ее даже относят к памятникам культуры, но она была откровенно ка-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 345, 346, 347.

толической церковью. Ее освятили лишь после окрика-приказа Петра I вопреки воле Русской православной церкви.

Как-то в самом начале 1970-х годов подростки, разломав иконостас, выволокли на Пахру деревянную в рост человека дивную скульптуру Христа. Эта была та самая скульптура (итальянской работы), перед которой молились Матвеев и, надо полагать, молодой Петр. Я приехал со своим другом М. Л. Аптекарем тогда, когда мальчишки уже купались на ней верхом — их вопли и привлекли наше внимание. Оставить лик Христа в загаженном, бесприютном, без всяких запоров храме, обильно запачканном нечистотами, было надругательством. Я привез деревянное изваяние смертных мук Спасителя домой. Около шести-семи лет святой лик простоял в углу комнаты, пока я не сдал его на хранение властям Подольска (из городского отдела культуры). Вечерами, когда сгущались тени, на меня взирал Христос с распятия — точно в рост человека. Скорбно поникшая голова, изможденное тело. Дерево, отполированное временем до костяной желтизны. Казалось, деревянное изваяние дышит и страдает...

Брат матери Петра I Лев Кириллович Нарышкин (дядя царя) был начальником Посольского приказа, оказывал на царя Петра заметное влияние.

Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682) — дипломат, государственный деятель. Проявил много усердия и знаний при присоединении Украины к России. В мае 1682 года его растерзали восставшие стрельцы.

Патриотическая Россия не возражала и не отгораживалась от культурных и научных связей с Европой. Она возражала против медленного «поедания» Западом России, ее закабаления под видом этих связей.

КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЕСТИ К ПОДАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ.

Задержанная в своем развитии татарским игом на 200—300 лет, Россия рисовалась Западу только «варварской пустыней». На Западе не хотели замечать, как Русь огромным усилием преодолевала отставание, но двигалась своим путем, не ломая национальных форм. Это делало Русь неуязвимой. И вот эту неуязвимость недруги ее долбили несколько веков, пока не

подняли свой флаг над Кремлем в XX веке. Опять же русским флагом была прикрыта нерусская суть правления.

Странный путь предлагали и предлагают поклонники Запада под самыми невероятными личинами — и все сводились и сводятся к одному: развитию России через ее национальное уничтожение, что с неизбежностью означает и ее государственное уничтожение, так как она подпадала бы (и подпала) под власть Запада. Вокруг сего и шла многовековая борьба. Конец XX столетия и дал ответ на полутысячелетний спор. Окультуривание России Западом завершилось ее распадом и утратой независимости. Исторически правы оказались те, кто берег ее национальную самобытность, кто стоял за развитие без искажения, извращения ее национальной сути, кто стоял за самостоятельные национальные пути развития. Права была патриотическая Россия...

Отныне многовековой спор можно считать закрытым. Нет предмета для спора и за доказанностью, и за крушением Русского национального государства.

ГОСУДАРСТВО БЕЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ. ЕГО НИЧТО НЕ ДЕРЖИТ. МОРАЛЬ ЕГО ЗАМЕНЯЕТСЯ СВОДОМ ПРАВИЛ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ.

Перешагнем чрез сочинителей-путешественников, их домыслы и крупницы правды, чрез все дорогие нашему сердцу летописи и былины в более поздние времена.

Попытки написать историю России предпринимались издавна. В 1669 году при родителе Петра I самодержце Алексее Михайловиче дьяком разрядного приказа Федором Грибоедовым была написана история России (после он допишет ее до вступления на престол Федора Алексеевича). Дьяк получил богатую награду, но, как с язвительностью замечает Коялович, «от потомства Грибоедов не может получить никакой похвалы. Его история одно напыщенное восхваление с пропуском всего, что не подходит под эту задачу»¹.

Тяга русских к истории была большой, не исключено, что и по-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С 91.

боле, нежели у других народов. Не тяга, а жажда знания своей старины.

Пять лет спустя в Киеве появился Синописис. Это уже было кое-что. Однако пропустим его обзор, как и все другие исторические опыты.

Со времен Петра I, замечает Коялович, «русской историей, как и всею русскою жизнью, овладевали более и более иноземцы. В начертанной Петром, но открытой после его смерти, Академии наук двигателем исследований минувших судеб России поставлен был немец Байер... совершенный невежда в области русской исторической письменности, не ознакомившийся даже с русским языком»¹.

Это от Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738), от его «знаменитого сочинения о призвании князей» пошла историческая наука по путям возникновения русской государственности и русской культуры от норманнского, то есть германского, корня. Как указывает Коялович, так был авторитетно отрезан путь исследования нашей истории «с русской точки зрения».

Иностранная линия русской истории утверждала, что до призвания норманнов к управлению русскими те обретали в невежестве и дикости.

«Ученость» Байера позволяла, к примеру, объяснять происхождение слова «Москва» от «мужского монастыря», а «Пскова» — от «псов».

Преемником Байера по исследованию русского прошлого становится другой немец — Герард Фридрих Миллер (1705—1783), который уже неукоснительно держался (и внедрял) норманнскую теорию происхождения русской государственности. Какие-либо исследования «в другие стороны» уже оказывались невозможны, слишком велико было значение этого очередного немца при дворе. В отличие от Байера Миллер усердно изучал русский и сделал немало для науки.

Он приехал в Россию в 1725 году 20-летним молодым человеком. И в том же году он уже адъюнкт, в 26 лет — профессор истории, а в 1728 году, через три года по приезду, он уже конференц-секретарь Академии наук. Все двери нараспашку.

Миллер участвовал в сборе летописей и старинных бумаг. Со-

¹Коялович М. Там же. С. 91.

брал обширные данные по экономике, этнографии, археологии и географии Сибири. Издал «Степенную книгу», Судебник 1550 года с пояснениями В. Н. Татищева, Письма Петра I к Б. П. Шереметеву.

В день тезоименитства Елизаветы Петровны, 6 сентября 1749 года (по старому стилю), «Академия наук постановила иметь торжественное заседание, на котором предположено сказать речь, и эту речь поручили составить русскому историографу Миллеру».

Он сию речь и сказал. Все в нее вложил, чему научился в России и что таил в себе.

Герард Фридрих Миллер сообщил, что русские — пришельцы на своей земле, ибо здесь прежде обитали финны. Славян прогнали с берегов Дуная. Они с горя и расселились в финских пределах. Варяги — это те же скандинавы. От них русские получили свое название и своих царей.

Даже та Академия, насквозь засоренная иностранцами, возмутилась.

Свое мнение большинство академиков выразило в общем документе:

«Миллер во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может... напоследок удивления достойно, с какою неосторожностью употребил экспрессию (восторженное восхваление. — Ю.В.), что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили».

Миллеру это не понравилось, он пожаловался. За немца заступился поэт, переводчик и ученый Василий Кириллович (Тредьяковский) Тредиаковский (1703—1769)¹. Однако после свирепой атаки М. В. Ломоносова (1711—1765) диссертация Миллера оказалась решительно запрещена. Ломоносов с хулителями родного русского обходился беспощадно.

¹Тредьяковский получил образование в родной Астрахани. Недовольный преподаванием в московской Славяно-греко-латинской академии, сбежал за границу. Вельможи А. Б. Куракин и И. Г. Головин кое-как пособляли ему. Тредьяковский из Голландии пешком отправился в Париж, где в университете два года занимался философией. Он много сделал для русской литературы, но с появлением Ломоносова его забывают. Пушкин высоко ставил его научные изыскания в литературе.

Кстати, единственная изданная при советской власти «Советская энциклопедия» — последний, 16-й том вышел в 1976 году — упоминает вскользь, весьма и весьма глухо о таких вот деяниях иностранных ученых в России, зато подробно перечисляет самые незначительные работы их, словно в оправдание подчинения русской науки иностранной. Историческая наука после 1917 года оказалась вовсе лишена родных корней и патриотического начала. Ее пронизывали масонско-сионистские настроения (плач по мировому отечеству), воспитывающие презрение к родной старине, якобы безнадежно отсталой, а также и соответствующие революционные выводы — они сводили на нет смысл и значение русской истории. Марксизм был на руку мракобесному сионизму, он уродовал русскую историю, делая ее неизвестной русскому человеку. Особенно это прослеживается по учебникам истории для средней школы.

Но вернемся к возражениям Ломоносова.

Коялович рассказывает:

«Он (Ломоносов. — Ю.В.) стал громить Миллера за предпочтение иностранных свидетельств отечественным, за неуважение к Нестору (летописцу. — Ю.В.)... зачем Миллер устранил предков славян скифов, совершивших столько славных дел; находит унижение в том, что Миллер заставляет чухнов (финнов. — Ю.В.) давать нам имя, а шведов — царей. Варягов Ломоносов, подобно Синопису, выводит из Пруссии — славянской страны... Ломоносов прибег даже к орудиям своей специальности — химии<...>: «жаль, что в то время (когда Байер писал трактат о русских древностях) не было такого человека, который бы поднес ему (Байеру) к носу такой химический пронизательный состав, от чего бы он мог очнуться»¹.

ИМ (отюдь далеко не только немцам) такой «пронизательный состав» так и не поднесли, а ОНИ еще пуще нагнали и все более бесчестно-бесчинственно действовали, искусно, а порой и ювелирно тонко подвергая извращениям русскую историю и поношениям русский народ, а самое опасное — переписывая и переиначивая величественный смысл русского прошлого, русской истории и уже смысл самого народа. И чем ближе к XX столетию, тем самоувереннее и гаже становились ОНИ, все выше и выше забираясь по служебно-партийным, ложно-научным, и прочим

¹Коялович М. Там же. С. 108—130, 146, 147.

лестницам, которые как бы размещали их над народом — их, природных трутней и паразитов...

Ничему ложнорусскому по способу Байера и Миллера Ломоносов хода не давал. В 1757 году это вынудило Миллера слезно обратиться к президенту Академии: «Злой рок хочет, чтобы г. Ломоносов как будто сотворен для причинения огорчений многим из нас и в особенности мне... Он присвоил себе решительный суд над тем, что печатается в Ежемесячных сочинениях»¹.

А там довольно часто печатались противорусские небылицы и прочая зловредная чушь.

Каким русским историком мог быть Миллер, коли он писал о своем призвании историка: «Он должен казаться без отечества, без веры, без государя...» — ну как это разуместь?

Что ж ты поймешь тогда в истории национального государства? Какие чаяния? Какие свершения? Какие жуткие падения и боли? Какую народную мечту? Какой подвиг оценишь? В лучшем случае ты можешь оказаться сводом событий и дат...

В XVIII столетии самостоятельность и значение русского, а также смысл русской истории удалось в основном удержать двум незабвенным и гордым сынам нашего Отечества: Василию Никитичу Татищеву (1686—1750) и Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711—1765). Так как труды Татищева оказались «закатаны» и о них по-настоящему прознали лишь через сто лет, то основную тяжесть борьбы вынес Михайло Ломоносов.

Но уже поднимался новый ученый немец — Август Людвиг Шлецер (1735—1809), приглашенный из Германии Миллером.

Иссякали жизненные силы Михайло Васильевича.

Зато Август Людвиг, как водится, быстро занял прочное место в Российской Академии в свои 30 цветущих лет. Шлецер сразу, без колебаний, становится сторонником норманнской теории и едко критикует доживающего свой век Ломоносова. Правда, уже набирал силу и начинал греметь над Россией богатырский голос Гавриила (Гаврилы) Державина (1743—1816). Хоть он и не был историком, но русское начало в нем било через край. Тогда, когда по петербургскому небосклону стлались сплошь имена нерусские, звучали речи обидные

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. Там же. Текст выделен мной. — Ю.В.

и презрительные русскому, — и это, державинское, уже само по себе было немалой помощью всему родному, русскому. Упорным, тяжелым колоколом бил его голос. Пушкин встрепенется на эти удары...

Коялович делает вывод:

«Начало иноземства (засилье иностранцев в России, слом первородной, национальной Руси. — Ю.В.), заложенное мощною рукою Петра I, логически развивалось в своих последствиях и прорывало даже такие преграды, как национальное возбуждение при Елизавете Петровне и Екатерине II. Россия втягивалась в Западную Европу. Западная Европа врывалась в Россию»¹.

Шлецер тоже решил попробовать свои силы на ниве русской словесности. Слово «боярин» он производил от слова «баран». Русское слово «дева», утверждал он, есть производное от немецкого «Dieb» (вор) или нижнесаксонского «Tiffe» (сука).

«В начале 1765 г., — рассказывает Коялович, — Шлецер по повелению Екатерины сделан был ординарным профессором русской истории в Академии наук с условием пробыть в России пять лет и поставлен под особое покровительство людей, доверенных государыни.

Из этих условленных контрактом пяти лет Шлецер пробыл в России только три и в это время ознаменовал свою деятельность весьма скромными делами... К 1767 г. его взяло глубокое раздумье. Он стал соображать, что в России выгоды не отвечают его трудам и заслугам, тогда как за границей ему будет гораздо выгоднее — и профессорствовать и книги издавать гораздо выгоднее... Предметом этих выгод, конечно, были не восточные древности, а Россия, которую он достаточно изучил для этих выгод... Жил он в Гёттингене сначала по отпуску, затем до конца контракта много торговался с Академией (и это несмотря на нарушение контракта, вот наглость! — Ю.В.), требовал больших денег за службу...

Никто не станет отнимать чести у Шлецера за научную постановку вопроса о разработке наших летописей; но вопиюще неправдою было бы закрывать глаза перед тем, что Шлецер взял за основу... чужую работу, а именно Татищева... Он не только задумался создать русскую историю, но задумался облагодетельствовать Россию сообщением ей истории других народов и не в многотом-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. Там же. Текст выделен мной. — Ю.В.

ных изданиях, как это делала Академия наук, а в популярных изданиях...

(Ломоносов. — Ю.В.) Разбирая проект Шлецера касательно разработки русской истории и стараясь очевиднее доказать несостоятельность автора (Шлецера. — Ю.В.)... Указав... нелепые, обидные для русских филологические «открытия» Шлецера, Ломоносов говорит: «Из сего заключить можно, каких гнусных пакостей не наколотородит в российских древностях такая допущенная к ним скотина»¹.

Какие именно пакости может учинить Шлецер, тогда, то есть в 1762—1764 гг., было весьма ясно не только Ломоносову, но даже и Миллеру. Оба они, наверное, знали, что одна корысть руководит Шлецером, что он не намерен служить России, а вредить ей очень способен. Он соберет ее памятники, увезет за границу и там будет наживать деньги и славу. Подозрения эти были основательны.

При обыске в России Шлецер исхитрился, к примеру, спрятать таблицы о народонаселении России, о привозных и вывозных товарах, рекрутском наборе...

Так иностранцы уродовали русскую историческую науку. На их домыслах воспитывались русские ученые и русский грамотный люд.

Коялович указывает нам, указывает с назиданием, чтобы такого больше не было:

«Без сомнения, было бы весьма резко и несправедливо сказано, если бы выразиться, что Шлецер был в нашей науке то же, что Бирон в русской государственности... (этот курляндский немец, временщик именем Анны Иоанновны — племянницы Петра I — проводил политику подавления и истребления русских всех званий и сословий. — Ю.В.), но в этом сравнении найдется кое-что верного, если всмотреться в него внимательно и спокойно... Но когда Шлецер удалился из России, окреп в течение слишком 30 лет в науке и выступил со своим Нестором (доказательством, в сущности, того, что русской государственности как таковой не было, да и нет, она порождена и существует норманнским духом и сознанием. — Ю.В.), то русская мягкость, совестливость и искреннее уважение к научности, чья бы она ни была и как бы горька ни была для

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. Там же.

родного чувства, долго заставляли нас платить непомерно высокую дань немецкому патриотизму Шлецера... и долго мешали дать ему подобающее в нашей науке место...»¹.

Петр напустил на Россию всю эту полуграмотную иностранную рать, которая особенно успешно увечила русское общество и русское сознание уже с конца XVII столетия и до восшествия на престол Елизаветы Петровны. Вред был нанесен не страшный, а чудовищный. С того времени в русском организме завелся невыводимый червь, который уже неустанно дни и ночи и во все времена точил самобытность русского сознания, науки, культуры, утверждая мысль о якобы ущербности и неполноценности всего русского в сравнении с западными ценностями и, следовательно, необходимости перехода целиком на основы западного мира во всем без исключения, дабы уже стать подчиненной частью Запада.

Коялович так и называет то время с Петра и почти до середины «осьмнадцатого» века разгромом русской мысли. Он пишет:

«Приходится с грустью признать, что немецкая научность затормозила русскую научную разработку нашей истории... Тут виновата была, собственно, не научность, а тот иноземный, национальный элемент, который направил ее на ложный путь, именно немецкий путь, составлявший выдающуюся силу, образовавшуюся при Петре... как только безжизненно опустилась могучая рука Петра, заставлявшая всех быть слугами России, так немцы естественно стали заправителями русских дел и господами»².

И в другом месте:

«После страшного разгрома русской интеллигенции (тут можно понимать — разгрома и мысли. — Ю.В.), систематически продолжавшегося почти 60 лет (со смерти царя Феодора и до Елисаветы Петровны: 1682—1740)...»³.

Все эти байеры, шлецеры и целые своры прочих иностранных шавок, по сути, оказались трубадурами будущих кровавых походов Запада в страну «недочеловеков», как они считали нас между собой.

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. Там же: Текст выделен мной. — Ю.В.

²Там же.

³Там же.

Со времен Петра I русские немцы мнили, будто у них в России особые права. Они утверждали в этом мнении своих соотечественников. И впрямь, чего проще отнять землю, ведь ею владеют скифы — «недочеловеки»; их назначение быть удобрением для более высокой цивилизации. Ведь до призвания норманнов к управлению русские обретались в дикости. Русские еще не созрели для государственности. Ими надо управлять. А раз так — вперед, на восток! Согнать скотов с земли!

Ничего особенного в этом нет. Высокая научная мысль очень часто преобразуется в предельно простые животные установки.

Из толщи лет мы слышим предупреждающий глас Кояловича:

«В действительности, Шлецер (и весь просвещенный на масонский лад Запад. — Ю.В.) глубоко ненавидел русское направление в изучении русской истории и объединение с ней словесности. Он внимательно следил за тем, что делалось в России и как будто хвалил развитие исторической деятельности, но через эти похвалы сквозит и затем явно обнаруживается злая насмешка, презрение»¹.

Шлецер предупреждает западного читателя:

«...со мной заснула русская история...»².

То есть в России не было и не будет сил для разработки собственной истории, это страна варваров.

После смерти Ломоносова голос в защиту и прославление России поднял Гаврила Державин. Трое могучих русских беззаветно защищали свое Отечество в XVIII столетии: Василий Татищев, Михайло Ломоносов и Гаврила Державин, а с ними и Михаил Щербатов, Иван Болтин...

Вечный: поклон вам, дорогие!..

Мы сотворим черное, неблагодарное дело, коли не вернемся к памяти Василия Никитича Татищева.

«Отцом русской истории, — писал Коялович, — если его нужно отыскать непременно, был... человек с несомненными признаками богатырских сил и богатырских замыслов, — известный Тати-

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. — Ю.В.

²Там же.

щев. В нем совместились и старое, и новое направления в изучении нашего прошедшего, и он первый поставил такие широкие задачи для истории России, до каких не додумывался ни один наш ученый иноземец... не исключая... Шлецера».

В 1704 году он поступил на военную службу артиллеристом. Был в заграничных командировках в Германии (в 1714 и 1717 годах), в Голландии и Швеции (в 1723 и 1726 годах), где попутно изучил горное дело. В 1727 году был назначен управлять Монетным двором в Москве. С 1741-го по 1744 год был астраханским губернатором. С 1745-го по 1750 год доживал век в подмосковном имении Болдине. Как пишет Коялович, «на всех местах своего служения Татищев неизменно попадал под суд. Под судом он прожил и последние лета. Был оправдан перед самою смертью». Татищев был неуживчив. Оберегая же государственные интересы, он преследовал злоупотребления. Словом, врагов у великого историка хватало.

Татищев увлекся летописями. Он принялся собирать и летописи, и акты, и просто вещественные памятники. Все пуще погружаясь в русскую историю, читая во множестве русские и иностранные книги, он приходит к мысли написать русскую историю как нечто цельное, то есть то, что еще не удавалось никому.

Он поручает делать выписки из авторов, языком которых не владеет. Он приходит к важности понимания религиозной стороны жизни народа для истории. Он пробивался совершенно самостоятельным путем. Он отверг теорию норманско-германского происхождения русской государственности и культуры. Он находит самобытные начала в новгородской государственности и в новгородских дорюриковских князьях. Это изложение заняло целый том, четвертую главу которого Татищев отвел Иоакимовской летописи. В заключительных главах он исследует письменные источники русской истории.

В четырех последующих книгах он составил полный летописный свод и обставил его своими подстрочными пояснениями. Это была история, основанная на документах. Свое изложение он довел до 1577 года.

Планы Татищева были обширны, но не встречали поддержки. После смерти ученого все его книжное и рукописное богатство сгорело. Уцелело то, что ходило по рукам. Лишь при Екатерине II нач-

нут появляться отдельные книги Татищева. И лишь в 1848 году с горем пополам будет издана последняя часть его истории. Немецкие ученые и многие русские с ожесточением относились к истории Татищева. Но время шаг за шагом доказывало его правоту.

С. М. Соловьев писал: «Татищеву наряду с Ломоносовым принадлежит самое почетное место в истории русской науки, как науки в эпоху начальных трудов».

На смену Татищеву, Ломоносову появляются русские историки; среди них такие, как князь М. М. Щербатов и И. Н. Болтин, уже вполне сознающие себя национальными историками.

Княже Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) происходил из древнего и богатого рода. Капитан в отставке. Действительный тайный советник. Получил редкое образование, владея серьезными знаниями в гуманитарных и естественных науках, а также в медицине. Знал французский, итальянский и немецкий. В его библиотеке насчитывалось около 15 тыс. томов. Князь печатал много статей, был автором «Истории Российской от древнейших времен». Он со всей страстью и силой ума стоял за сильную государственную власть в России.

Иван Никитич Болтин (1735—1792) в жизнь вышел из богатого дворянского гнезда. Собой был зело пригож. Состоял в близком знакомстве с завзятым русаком всесильным князем Г. А. Потемкиным-Таврическим. Болтин знал труды Татищева и выступал непримиримым врагом рабской норманнской теории. Беспощадно изобличал недобросовестность, тем более злонамеренность в изложении русского прошлого. Деятельно участвовал в напечатаниях русских летописных памятников и прочих важных бумаг. Подготовил к изданию «Русскую правду». Ему принадлежат ценные выводы по Руси феодальной раздробленности.

О Болтине Коялович глаголит высоким слогом:

«Болтин самую задачу своего труда вызван был восстанавливать честь и достоинство России... он этого достигал не выбором выдающихся фактов и силою родного чувства, а указанием на самобытные особенности русской жизни... **Он победоносно доказывал культурность древнего русского человека...** Он показывает, как Русь спаслась от гибели при татарах превосходством своей культуры и тем, что сумела побороть областные раздоры и, собрав-

шись, свергнуть татарское иго. В этом он усматривает естественность и заслуги **единодержавия...**¹.

А далее уже нарождается плеяда русских историков, во главе которых встанет Николай Михайлович Карамзин. От Карамзина определенное звучание получил и Пушкин.

Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости...

Державин

Изучение работы М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» изложена мной лишь с самого краешка. Это продуманное, выношенное сочинение, сбитое на документах.. Оно столь важно для России, что нельзя считать русского человека образованным, знающим свою Россию, без знания данного исследования Кояловича. Причем эта работа современна во всех своих исканиях и выводах.

Привлекает внимание и образ Михаила Осиповича Кояловича (1828—1891), человека исключительной образованности, воспитанного, владеющего языками, ведущего научный спор умом, знанием, опытом, но не подлогами и грубостью. Сердцем приросший к России.

Совсем-совсем недаром эта книга отсутствует в русских библиотеках.

И не раз, и не два предпринимались и будут предприниматься попытки искажения русской истории. Несмотря на порывы крупных, самородных умов России, на их беззаветный труд, русскую историю ткали и ткут по преимуществу люди, чуждые России. Не успевали самобытные русские историки отбить одну атаку, как из недр самой же России поднималась новая волна извращений и подлогов. И так до наших дней.

К созданию ложнорусской истории теперь уже подключались новые, куда более грозные силы. Цель мракобесных усилий была

¹Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — С.-Пб.: 1884. С. 135. Текст выделен мной. — Ю.В.

В огне пожара 1812 года в Москве сгорел не только первородный список «Слова о полку Игореве», принадлежащий Мусину-Пушкину, но и замечательная библиотека Болтина, одна из лучших в России.

очевидна: испакостить и извратить смысл русской истории и тем самым лишить народ веры в себя, в способность созидать свое государство, то есть привить народу рабское воззрение на собственное прошлое, воспитать из русских мировую прислугу, исподволь присвоив их богатство — необозримую землю.

Незнание истории ведет к разрыхлению великого охранительного чувства — патриотизма.

Незнание истории ведет к нераспознаванию врага, к допущению врага вредить на родной русской земле.

Незнание истории ведет к добровольной уступке богатств Родины всякого рода паразитам, к замене родной (национальной) жизни чужой.

Мы почти век не знаем своего прошлого. У народа отняли родную историю, заменив ее на крошку из случайных сведений, лишенных смысловой связи.

Народ без знания истории не в состоянии разобраться в событиях и становится жертвой измышлений.

В русской средней школе уже век отсутствует русская история.

Под русским углом зрения, в русских интересах мы и должны рассматривать современные события и наше 1000-летнее прошлое: не в интересах космополитов и не в интересах европейского сообщества, а в интересах РУССКОЙ РОССИИ, союза ее коренных народов.

С великой укоризной взирают на нас прародители.

ГЛАВА XII

Режим самовзрыва

Связь демократии, масонства, космополитизма (да и интернационализма) с утратой национальной и государственной независимости, экономическим порабощением и обеднением народа до нищеты ныне проявила себя в полной мере и уже не может вызывать сомнений и споров из-за своей очевидности.

Демократия — это оголтелая диктатура денег, это разрушение национальной жизни и закабаление народа государствами — носителями империалистическо-сионистской (захватнической) идеологии. Это всегда порабощение, нужда и захирение

родного языка — верховного борца за национальную самостоятельность.

Демократия на сионистский лад растленна разумом и совестью.

Оная дерзнуша сотворити весь мир по образу и подобию своему, отчего телесная и душевная погибели приидоша на русскую землю. Много злобы сотвориши. Оскудела Россия, обесприютилась.

Как же мне не стенать и не тужить...

«Но не все кобылке-то плясать, пора быть и в хомуте...»

Потеря национальной независимости происходит тогда, когда жизнь в государстве исподволь заменяется на природно чужую. Обычно это случается, когда власть в государстве захватывает природно чужая часть (группа) людей.

Потеря государственной независимости происходит тогда, когда государство из-за своей слабости и экономической подчиненности не способно проводить самостоятельную политику, политику в интересах своего народа.

Вот это и есть современная Россия.

Нынешние «делатели русской истории» наловчились тараторить о «правах человека», «экуменизме», «консенсусе», «плюрализме», «гласности», щерить зубы в дежурной улыбке... А их духовные и кровные братья знай сыплют бомбами в Ираке и Югославии. Взбаламутили у нас Чечню. Крадутся к границам, к разделу России. Каждый шажок хитро заплетают. Руки у них ноют в плечах от размахиваний флагами ООН, все они сплошь миротворцы...

Ни одного своего плана в отношении России они не забыли, не оставили. Насылали турок, двух Наполеонов (на Москву и Крым), Кайзера, Гитлера, Трумэна с его бомбами, чего только ни выдумывали, — ничего не вышло. Тогда засели за воспитание предателей — и наслали ложь, обман, распалили алчность. Это им запросто, это пожалуйста: алчность у них в крови, на алчности выросли их государственный строй и мораль.

Но мы встанем. И ОНИ это знают и ведают.

Советский Союз нуждался в серьезных преобразованиях. Догматический марксизм прудил его экономическое и общественное движение, а страну взяли и разрушили. Ограбление народа, пуля наемного убийцы и преступления вообще составляют ныне сердцевину, содержание и облик государства, его «правовое» состояние, положение его народа.

«Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду».

Дабы государству устоять, нужна **народная власть**, то есть власть, которая была бы понята народом, одобрена народом и послужила бы защите его погранных и преданных интересов. **И была бы понята лишь волей и позволением народа — только так.**

Чтобы подавить преступность, которая, сливаясь с нынешним руководящим слоем России, выедает ее изнутри, чтобы обуздать «государственных» воров, которые, пользуясь своим высоким служебным положением, способствуют воровству и преступности, участвуя в ней, чтобы вытравить всякого рода авантюристов и выжиг с государственных постов, а с ними и прямых предателей, расхитителей народного добра, нужна **народная власть**: ограничение конституционных свобод, централизация власти, управление государства народным хозяйством с восстановлением боеспособности Вооруженных сил.

Все контрольные органы, суды, местную администрацию должны заполнить представители народа.

Если не сделаем это, разворуют государство, растащат, пустят последнее по ветру, ибо нынешнее государство уже рухнуло перед напором ворованных капиталов и неправды. В сущности, власти нет — правит подкуп и страх перед пулей наемного убийцы. Народ превращен в рабочий скот.

Народная власть нужна не для порабощения людей, **которые уже порабощены**. Она нужна всем людям честного труда для ограждения их от произвола и обнищания.

Или жить на коленях, жить в грязи обмана и подлостей. Или расставить все вещи согласно их действительной ценности, так, чтобы труд определял место человека в обществе. Такой порядок нисколько не нарушит течения жизни людей труда. Власть народа нужна не для того, чтобы травить и уничтожать людей, но дабы пресечь распад государства, а с ним и его разворовывание и **прежде**

всего — одно непрестанное, наглое обворовывание труда (даже зарплата не выплачивается).

ДИКТАТУРЕ ДЕНЕГ, ДИКТАТУРЕ СВОЛОЧЕЙ МЫ ДОЛЖНЫ ПРОТИВОПОСТАВИТЬ НАРОДНУЮ ДИКТАТУРУ — ВЛАСТЬ НАРОДА.

Задача государства — помочь жить людям так, как они хотят, а не ломать кости народу под свой идеал жизни.

Без дисциплины общества и плотной централизации власти России в нынешних условиях не устоять.

Власть крепка экономикой. Нет живой, сильной денежно-хозяйственной опоры — и власти нет, власть ничто не значит, она — призрак.

Не боюсь повториться. При всем том задача государства — помочь жить людям так, как они хотят, а не ломать кости народу под свой идеал жизни. Преданность государю или верховному руководителю не имеет ничего общего с отказом человека от себя и морально-нравственным порабощением человека. Вся полнота духовной жизни и самостоятельности сохраняется. Появляется лишь долг перед Родиной, который воплощает ее верховный руководитель. Следование долгу преследует единственную цель — сохранение Отечества и умножение блага народа. Вне этих понятий смысл верховной власти теряет себя.

Цель такого государственного устройства — достижение блага народа через возрождение национального государства и социальные преобразования в национальной среде как наиболее защищенной от империалистического хищничества.

Вообще борьба за Сталина, которая продолжается уже полвека после его смерти, — это борьба за то, быть России самостоятельным национальным государством или гнить под пятой международной буржуазии, оказаться убогим колониальным образованием, пустышкой.

Кто, будучи наделен властью, не обращает ее на пользу народа и не служит народу, — тот временщик.

Всегда и во веки веков служение простому народу (а сегодня он почти весь беден) — основа мироощущения русского государственного деятеля.

Кто пойдет туда, куда никто не пойдет?

Думаю, это прежде всего относится к правде. Говорить правду — значит, стоять перед общей ненавистью и осуждением.

Но это не весь смысл данного выражения. Далеко не весь.

Кто пойдет туда, куда никто не пойдет?..

Свободные народы должны слиться в единый народ не под давлением силы или экономического (денежно-хозяйственного) принуждения.

Народы не в состоянии разобраться в том, что происходит. В сущности, все средства массовой информации находятся или в руках, или под контролем сионизма и масонства.

Верховная задача масонства — отучить людей от Родины, переместив полегоньку в мировое сообщество. Под лозунгом единого человечества происходит стирание наций в угоду прибылей сверхдержав, которые и обслуживает мировое масонство, поставляя им оглувленную рабочую силу и природные богатства разоренных бывших национальных государств.

• Масонство — это обширнейший международный союз во имя преуспевания сионизированного капитализма и образования единого мирового правительства. В своей верхушечной части масонство — узкое по составу тайное братство (партия) сверхбогачей-космополитов.

Девиз Альфреда Нобеля: «Моя родина везде, где я действую, а действую я везде», — выражает ее безродную сущность, захватническую в своем глубинном содержании, ибо раз я действую везде, то все, что препятствует любому такому действию, окажется сметено. Капитализм взламывает национальные перегородки. Это очень радовало Ленина, видевшего цель преобразования мира в едином человечестве (в этом цели интернационального социализма и космополитического капитализма совпадали и совпадают абсолютно), что вообще может быть и замечательно (жить одной семьей), но совершенно не соответствует условиям и усилиям, в которых проходила (и проходит) борьба народов за выживание, ибо человечество продолжает жить по законам выживания народов. Слабые народы обслуживают богатые. Слабые, теряя жизнеспособность и ужимаясь в численности, постепенно вытесняются со своей земли.

Есть нации, которые не только преобладают экономически, но

и господствуют, проводя политику денежно-хозяйственного подчинения мира. Они обогащаются за счет других народов, пиявя эти народы, насилуя волю народа под флагом ООН, которая послушно следует их диктату. Этот диктат обычно запрятан за гладкими, но лживыми словами официальных решений ООН (чаще всего ссылками на права человека). Их международное братство (сообщество) есть поглощение, порабощение, дробление, рассеивание, обезличивание народов. Экономический диктат они в любой миг готовы подкрепить (и подкрепляют) вооруженной силой. Тому достаточно примеров.

Ссылки на права человека являются действенным средством оправдания применения силы и натравливания одних народов на другие. Права человека — одно из средств идеологического оправдания захвата мира, вообще важнейшее средство в идеологическом арсенале современного капитализма.

Капитализм перетирает в пыль и прах национальную природу государств во имя прибыли, за исключением тех государств, чей капитализм главенствует на земле, поскольку им для господства нужна мощная организация, своя мощная армия, своя мощная идеологическая подпитка, что невозможно без патриотизма. Наиболее состоятельные слои Америки держатся как настоящая раса господ¹.

¹ Не помешает рассказ Владимира Максимова. Мы с женой сидели в тесной московской квартирке его знакомых у метро «Аэропорт» — я живу по соседству, на «Соколе», а он рассказывал, как его, известного писателя, пригласил вернуться в Париж или лететь в Нью-Йорк (уж точно не помню куда) на собственном самолете мультимиллионер Арманд Хаммер. Вместе с ним гостем оказался и знаменитый еврейский музыкант. «Какой же он наглый, высокомерный, — припоминал Хаммера Максимов. — Какие же гадости позволял говорить себе о России! Не принимают они России, поперек души она им!»

Музыкант во всем поддакивал Хаммеру. И вообще весь полет музыкант пресмыкался перед Хаммером. «Ему оставалось лишь вылизать мистеру Хаммеру туфли, — съязвил напоследок Максимов. — И эти люди скоро будут править миром и уже помыкают Россией и русским народом...»

Не столь давно в нефтяной компании, возглавляемой Хаммером и тогда ведущей разработки на шельфе Северного моря, погибло более 160 человек: по сути, из-за жадности руководства компании, прежде всего Хаммера, но эти сверхбогатые господа хотели быть еще богаче и потому не пошли на временное прекращение добычи нефти и газа. Ведь это сокращение прибыли...

Благодетели человечества...

В начале 1920-х годов Ленин помог подняться Хаммеру, всячески поспособствовав открытию для него прибыльной концессии в РСФСР.

Большой Сейф, подчинив себе почти весь земной шар, ревниво оберегает свою национальную природу, всячески вознося и лелея свой великодержавный американский патриотизм, равный, в сущности, шовинизму, ибо в нем уже присутствуют все черты высокомерия, даже национального чванства. Оберегают свою национальную жизнь Израиль и Япония, но уже национальные природы Франции, Англии, Германии претерпевают определенный «дробящий» ущерб...

В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ СКРЫТА БОРЬБА ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАД МИРОМ.

Перенаселенная Европа не может не обратить внимание на Россию. Близится время коренных политических передвижек в жизни русского народа.

К основным задачам масонства, помимо разрушения национальных государств, следует отнести и создание **видимости** народроправия.

Народы должны слиться в будущем на свободной воле, а не под давлением искусственно порождаемой нужды, обмана и насилия.

Отечество славлю, которое есть,
Но трижды, которое будет!..

Мы получили это «будущее» Отечество.

Горбачев с Ельциным непременно учили эти стихи в советской школе; не исключено, писали «на них» сочинения...

Вот и сочинили...

Кандидаты во временщики.

Все эти кандидаты в президенты — одна компания, все они, в конечном счете, кормятся из одного кармана.

Выкаблучиваются каждый на свой манер. Уж как хочется понравиться да сесть на кремлевский престол...

Шуты.

Кандидаты в президенты...

Да здесь правят лишь деньги. Однако шуты эти раздуваются не на свои деньги.

Нет там твоих сынов, Россия...

Там выщупывают кандидатов во временщика руки в звездно-полосатых пиджаках. Какая уж тут Россия...

Проклясть их надо — и отвернуться. Не твой это путь...

...Вставай, проклятьем заклеименный, весь мир голодных и рабов...

Я мальчиком, так или иначе, но постоянно слышал «Интернационал». До 1943 года «Интернационал» являлся нашим государственным гимном. Все, кто приезжал в Москву, в том числе и Черчилль, и почитаемый мной де Голль, вынуждены были стоять и покорно внимать его величаво-воинственным звукам.

Если не ошибаюсь, под новый, 1943 год мы собрались у черной тарелки репродуктора послушать Михаила Ивановича Калинина (1875—1946), и тогда-то услышали новый гимн Советского Союза. Но и после еще не раз «Интернационал» звучал по радио.

...Это есть наш последний и решительный бой...

В годы германского нашествия непримиримо-устрашающе звучала «Священная война» Александрова. Людей потрясали и музыка, и слова. Песню не раз передавали на передовой. Она разносилась на многие километры. Немчура бесновалась, в исступлении ведя огонь и стрельбу по предполагаемым местам размещения передающей установки. Нередко под эту музыку бойцы поднимались в атаку. На кончиках штыков несли ненависть к врагу и свое бессмертие. Это была боевая песня-клич разгневанного народа.

*«Пусть ярость благородная вскипает, как волна.
Идет война народная, священная война...»*

Я не заучивал слова «Священной войны» — они остались в памяти с войны — самого могуче-безжалостного испытания, которое мне довелось встретить (пусть ребенком и подростком) и вместе с народом пережить. Храню память о тех людях. Они закрыли собой родные просторы.

*...Дадим отпор губителям всех пламенных идей,
Насильникам, мучителям, грабителям людей...
Пусть ярость благородная вскипает, как волна!..*

Карать захватчика!

Мы можем идти в новый мир, в мир будущего, лишь как государство, произрастающее из русской цивилизации:

из всего пласта русской культуры, русского прошлого, соединенного в историческую науку, в память всех поколений — поколений, воспитанных этой историей, сознающих свое место в мире, опирающихся на все богатство и самостоятельность русского языка.

Мы должны отличать русскую цивилизацию от российской, извращенной за последние триста лет и возникшей из паразитизма на русской жизни, хищнической эксплуатации народного гения и труда, возникшей как скрытое ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ И ЗАМЕНА всего русского, как умаление всего русского и замена его на подделку под русское. В истоках этих трехсот лет (с царствования Петра I) в русское сознание стало внедряться враждебное России миропонимание — миропонимание, которое постоянно ослабляло ее единство и убежденность. Десятилетие за десятилетием Россия теряла свою незыблемую прежде национальную прочность. Отечественная война 1812 года и оборона Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 годов явились последними всплесками великого национального духа. Лишь в Отечественную войну 1941—1945 годов этот дух, разожженный Сталиным, снова ярко полыхнет в русском народе (враг знает подлинную величину Сталина, задача врага держать Россию без вождя, держать обезглавленной — нынешние шуты и плуты от политики не в счет)...

Мы должны найти силы для преодоления этой ложнорусской, российской цивилизации — цивилизации, неуклонно перетачивающей и пережигавшей все русское в тлен и прах, цивилизации, вытравливающей исподволь всякую память об исконно и иконно русском.

Мы должны соединить национальное государство со всем современным миром, не подавляя и не унижая национальное, а наоборот вырастая из него, становясь людьми современными, **НО ЛЮДЬМИ ВСЕГДА РУССКИМИ**. Это даст народу свой нрав, свою силу, свою непреоборимость, свою любовь к человеку.

Мы должны идти своим путем, в котором смыслом движения, смыслом развития должен быть только человек, но не богатство и не служение богатству.

Мы должны соединить национальную сущность жизни с социальной справедливостью, дабы народ не ведал нужды и унижений.

Без всего этого бессмысленно заботиться о государстве, ибо это будет все то же служение эгоизму собственности, эгоизму зажавшихся, будет все то же презрение к человеку, развенчание человека растравлением его пороков и слабостей.

Нельзя забывать, что власть крепка экономикой — тем, что в ее распоряжении находятся значительные денежно-хозяйственные средства. Без подпора экономикой власть всего лишь призрак, она ничего не может.

Мы должны отречься от ложных ценностей и служить тем ценностям, которые человечество две тысячи лет назад обрело в проповедях Христа: любовь, добро, человек, единение душ...

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ГОСУДАРСТВО БЕЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ. ЕГО НИЧТО НЕ ДЕРЖИТ. МОРАЛЬ ЕГО ЗАМЕНЯЕТСЯ СВОДОМ ПРАВИЛ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ.

НАДО ВСЕГДА ПОМНИТЬ, ЧТО ИМЕННО В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕЖИТ ЕСТЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ.

И еще раз о партийной любви к Родине.

Бойцы революции в окопах, как и бойцы революции в ученых залах, всегда заявляли и заявляют одно: для них нет и не может быть Отечества без их власти.

Вот так: или мы, или нет Родины.

Масоны коммунистической веры... Так и не научились верить в Россию, заменив ее своими обозначениями. Безродные патриоты своей Родины...

А Родина стоит над всеми. Она, единственная, дает людям надежду на избавление от нынешнего гнета. Если весь народ захочет — бесправие и кабала исчезнут с русской земли вмиг.

Зову, зову людей в другой мир. В чистый и достойный мир людей, а не уродов, которыми делает людей нынешняя демократически-сионистская цивилизация.

*Играл в дуду — не скачут,
Рыдал в пиру — не плачут.*

Но есть, есть живая вода для убитой души народа — эту величайшую тайну несет в себе Родина-мать!

Николай Васильевич Гоголь в 1846 году с гордостью писал в статье «Страхи и ужасы России»:

«Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках».

Не оттуда, не из Европы и не из-за океана забрезжит рассвет.

Николай Гаврилович Чернышевский в статье «Откупная система» сердцем вывел буковицы:

«Русское племя безусловно владычествует в сильнейшем государстве целого мира; для нас нелепа даже мысль о возможности иноземного ига...»

Но стряслось нечто ужасное. Ярмо сковало русское племя. Невозможное прямое владычество заменяется не менее тяжким подчинением хозяйственным, истощающим народ и превращающим его в обслугу жирных мира сего.

И в письме к жене, Ольге Сократовне, написанном в 1877 году, читаем:

«Мы настолько сильны, что ни с запада, ни с юга или востока не может нахлынуть на Россию орда, которая подавила бы нас, как подавили в старину монголы... Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать жизнь все получше и получше».

Энергия человечества поглощается надрывным созданием бесчисленного множества частных богатств. Они лишь ничтожной частью служат человечеству.

Остановился в потоке слов и образов, задумался и вдруг увидел себя: плечи устало-устало опущены. И впрямь, найди дурня писать всю жизнь, да очень часто за копейки, а то и даром. А пишу. Пишу, часто перегорая от нестерпимой душевной боли...

За окном поздняя осень и черная-черная Москва.

Царствующий град Москва...

Уходят за черту жизни родные люди, уходят друзья. Пустеет родное поле.

Через четыре недели будет шестьдесят три. Когда забуду наборы текстов, доискивания смысла — вглядывание в слова до слепоты? Усталость, усталость... Как это у философа Парменида? «Усталости чуждая правда»...

Десятилетия наборы слов, мучительные вычитывания, поиски наиболее выразительного решения, упорное приближение к нужному строю слов. И гордое осознание неизбежности русской победы.

Выстраивать взглядом строки, абзацы, страницы, главы, книги — и все держать в памяти, до запятой держать в памяти. Дни и ночи искать слабинку в строках, натягивать, искать точность слов, высшую точность...

Нет, еще в крови и слезах Россия...

Космополиты, презирая патриотизм, любовь к родной земле, паразитируют на патриотизме, ибо патриотизм, побеждая в войнах и вытаскивая свой народ из трясины страшных бед (нередко угрозы уничтожения), дает людям уверенную страну, уверенную жизнь, крепкий быт, на которых и начинает выписывать свои крендели безродный и с ног до головы паразитический космополитизм, да и интернационализм, изнуряющий и обессиливающий собственные народы.

У людей есть будущее, у народа есть будущее, когда они имеют прочную и уверенную в себе Родину. Такой народ может строить будущее.

Александр Сергеевич Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)

Из черновых отрывков, 1831 год

Недопустимо, чтобы цены для внутреннего рынка России определял международный рынок, то есть интересы мировых экономических гигантов, которые, конечно же, будут при таком раскладе эксплуатировать и уже беспощадно эксплуатируют Россию.

При экономически самодостаточной стране, каковой является Россия, национальная самостоятельность способна обеспечить высокий жизненный уровень народа, более высокий, нежели демократия, уже по своей идеологической природе врастающая всеми корнями в международный рынок и становящаяся его задворочным придатком, лишенным всякого национально-политического и хозяйственного значения.

Национальная, а следовательно, и политическая независимость напрямую связана с денежно-хозяйственной самостоятельностью. Денежно-хозяйственная устойчивость, в свою очередь, может быть обеспечена лишь независимой в большой степени хозяйственной базой. Хозяйственная самостоятельность защищает народ от эксплуатации несравненно более сильным иностранным капиталом.

Существенное наличие государственного сектора в экономике сообщит национальному рынку, да и просто хозяйству, гораздо большую устойчивость, нежели полная его капитализация, помимо всего обеспечивая ему и необходимый простор для свободного развития. Полная же капитализация рабски привязывает страну к политике экономических гигантов, тем самым превращая страну всего лишь в сырьевой закуток и закуток сбыта дешевых товаров. Все это лишает миллионы людей работы, ведет к обнищанию населения и неизбежно ослабляет народ и его культуру. В выигрыше остается лишь компрадорский капитал, который один и получает все преимущества от такого положения.

Компрадóр — предприниматель, посредничающий между национальным рынком и международным капиталом. Играет исключительную по разрушительности роль.

Компрадор способствует проникновению на свой национальный рынок иностранного капитала и удушению национальной промышленности и сельского хозяйства, что оборачивается закабалением и обнищанием народа.

В любой народной борьбе, в том числе и национально-освободительной, компрадоры занимают враждебную народу сторону, борются против народа, предавая свою Родину.

Компрадор способствует разрушению национальной культуры и языка.

Отличительной чертой компрадора является космополитизм и неприязнь к любым видам патриотической жизни народа.

Капитал всего мира намеренно вносит смуту в нашу жизнь, а мы, наивные люди, охотно поддаемся его разрушительному воздействию.

Современный сионизированный капитализм — это чисто потребительское, обезвоженное общество, смыслом жизни которого является только прибыль — прибыль любой ценой. У этого общества нет будущего.

Российский капитализм очень мало производит. Он предпочитает все ввозить. Он заводит иностранные производства на русской земле, подстилаясь под иностранный капитал.

Российский капитализм в основном компрадорский и откровенно спекулянтский.

Российский капитализм пронизывает преступность. Он едва ли не весь уголовный; под ним море крови, обманы миллионов людей, вымогательства и все виды насилия.

Взошло и взматерело сие свехуродливое и богомерзкое явление под заботливо-оберегающей рукой бывшего кандидата в члены политбюро «товарища» Ельцина Б. Н.

Единственная страна в мире, где заработная плата не выплачивается по полгода, по году и более, а люди работают, — Россия. Это приближает их труд к рабскому.

ВСЁ ЭТО САМОЕ ДОПОДЛИННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПОДЛЕЖИТ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ, НАЧИНАЯ ОТ ПЕРВЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СТРАНЫ.

Решимость следовать цели являлась для меня неопровержимым смыслом жизни. Мне приходилось нелегко, порой очень больно и до отчаяния трудно, но у меня никогда не возникало желание изменить цели, перенаправить жизнь в другую сторону, даже просто несколько в иную сторону. Я был пронизан властным чувством, управляющим всеми до одного днями моей жизни. Сомнений в необходимости пробиваться к цели, следовать заданному направлению у меня никогда не возникало.

У меня было очень много безысходно-отчаянных дней. Они пережгли во мне уйму жизни, но я следовал своему назначению, как его понимал я. Нет, это не исключало гибкости, но я ни разу не предал себя.

Я всегда следовал к цели — даже тогда, когда стоял на месте, зажатый непреодолимыми тисками обстоятельств. Когда все было кончено и я уже был обречен — я все равно продвигался к цели. Я все время перемещал борьбу с одного участка деятельности на другой. Это сбивало с толку моих врагов.

В то время, когда, по их мнению, я был сокрушен, окончательно сломлен и выведен из борьбы, я по-прежнему пробивался к цели. Они слишком часто стояли на месте, а я продолжал движение к цели непрерывно.

Побеждали не они... Потому что я ни во что не ставил свою жизнь. Они же на такую ставку не шли. Никто и никогда. Все они очень любили и любят себя. Моя же любовь лежит вне меня. И всегда повелевает мной. Только она одна.

Моя цель всегда зиждилась на любви. Родина...

Ворует и тягает взятки почти вся служащая и чиновничья Россия — до самого-самого верха (аж голова отвалится, коли заглядывать на этот самый верх, столь он высок).

При моей работе в Комитете по безопасности Государственной Думы, созванной через три месяца после ельцинского рас-

стрела патриотов России 3—5 октября 1993 года, Ельцин не подписал законы, написанные, худо-бедно, нами, депутатами, членами Комитета: закон о коррупции и закон об организованной преступности.

Приватизация явилась сплошным ограблением народа. Она же знаменовала утрату независимости России: ее полную долларизацию. И она же утверждала и пришествие самой оголтелой преступности, ибо сама была преступна с ног до головы...

В октябрьской расправе 1993-го проявилась и такая чудовищная черта: **раненых добивали**. Знаю это не только из напечатанных свидетельств, но и по непосредственным рассказам очевидцев...

В ИСТОРИИ ЖЕ РОССИИ ЭТО САМОЕ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ, ЗАБИТЫХ В МИРНОЕ ВРЕМЯ ПРИ ОБОСТРЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ ОБСТАНОВКИ, — больше не клали ни цари, ни коммунисты, никто вообще. ТАК ЧТО С СОВЕРШЕННЫМ ОСНОВАНИЕМ МОЖНО НАЗВАТЬ ПРЕСНЕНСКУЮ БОЙНЮ ЕЛЬЦИНА АБСОЛЮТНЫМ ПАЛАЧЕСКИМ РЕКОРДОМ.

Это происходило в ясный солнечный день посередке одного из самых населенных городов мира.

Масонский рекорд.

Президентом России являлся Ельцин, главой правительства — Черномырдин, министром внутренних дел — Ерин, министром обороны — Грачев. По существу, среди прочих одобрили расстрел: Явлинский, Старовойтова, Немцов, Окуджава, пожалуй, на 90% звезды кино и театра — их та кровь очень утешила...

Армейскими дивизиями (Кантемировской и Таманской), посланными на убой народа, командовали Поляков и Евневич.

Жириновский же высказывался в те дни крайне двусмысленно.

Позволительно заметить Ельцину и демократам:

«Масштабы ответственности соответствуют масштабам власти».

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НА ПЕРВОЕ МЕСТО СТАВИТ ЧЕЛОВЕКА, ВЕРУ И СМЫСЛ ЕГО ТРУДА.

ДЕМОКРАТИЯ СИОНИЗИРОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА НА ПЕР-

ВОЕ МЕСТО СТАВИТ ПРИБЫЛЬ, БОГАТСТВО, ПРЕВРАЩАЯ ЧЕЛОВЕКА В УСТРОЙСТВО ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ДЕНЕГ.

Демократия — это история государственного разграбления и предательства России. Без устали буду повторять это.

Она, эта демократия, потому почитается буржуазным обществом, а следовательно, и нынешним светом, что рано или поздно отворяет любые, даже самые крепкие двери сионизированному международному капитализму, во имя прибыли подчиняя одну страну за другой, ломая везде национальную жизнь и извращая узким потребительски-эгоистическим отношением ко всему душу человека, смысл труда, знаний, подвига, да и бытия вообще.

Народ вживается НЕ В СВОЕ ЕСТЕСТВО.

Для буржуазной демократии нет ничего святого, кроме доллара. Она все позорит, обо все готова вытирать ноги, ибо деньги — это власть над людьми. Во власть позора брошено все.

Демократия — это в чистом виде диктатура денег. Отсюда и бесстыжая возможность сокрушать совесть и честь, любовь и мечту, святость чувств и даже государства, возможность все-все оподлеть деньгами.

Нам дали свободу, а все остальное отняли. Нам оставили свободу голодать и умирать.

Деньги превращают человека в пустое место, сам он уже ничего не значит. Демократия капитализма позволяет покупать и присваивать все. Исключения, как правило, обречены на смерть или прозябание, а не жизнь.

Нет того, что не поддавалось бы похоти и насилию длинного и почти всегда куражливого рубля.

История буржуазного общества — это история грабежа, насилия и обмана. ЭТО СВОБОДА БЫТЬ СВИНЬЯМИ.

Демократия — это завравшаяся и обожравшаяся горем и нуждой людей вороватая служанка буржуазного общества. Подстилка-служанка, извращающая и выхолащивающая любой закон. Лев Толстой говорил, что ложь вызывает ложь для своего подтверждения. Нечистоплотные цели рождают нечистоплотные действия — закон, который не ведает исключений.

Народ подавлять и терзать — и называть это реформами.

Теперь все это становится ясным и прозрачно понятным.

«Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду».

У власти одна забота: оглупить и разложить волю народа. Но как бы веревочка ни вилась, а концу быть. Есть конец у веревочки, есть...

Мне с возмущением сказала женщина: «Самое отвратительное: беды и трудности голодного народа решают сытые...»

Чтобы мы стояли на коленях — не бывать этому, хватит, уже намозолили колени.

Это при Ельцине жители Курил попросили правительство отдать их (с островами, разумеется) в аренду Японии. Такого Русь не ведала.

Следовало дожить до такой степени нищеты и бесправия. Заброшенный народ.

Оставить останкинское телевидение во власти нерусского частного капитала, неприкрыто враждебного России, но спрятавшегося под всякими невинными вывесками, — значит воспитать из народа врагов своего Отечества, да к тому же и нездоровых психически. Пример Израиля показывает нам, что телевидение должно принадлежать государству.

Все, что я пишу и делаю, не связано с пристрастностью. Я просто хочу хоть как-то помочь своему народу, и, надо полагать, и людям вообще, поскольку любой народ — часть человечества. Гибель, разрушение единого целого, как народ, не может пройти безнаказанно — в жизни народов все уравновешено, соразмерено. Это не пристрастие — любовь к своей земле. Это естественное чувство каждого человека. Я стараюсь помочь людям выстоять в тех неимоверно сложных условиях, в которых очутилась наша страна в 1990-х годах. Возможность для предотвращения окончательного распада и разрушения России есть. И я сосредотачиваю внимание людей на этой возможности. Не использовать ее — значит поставить Россию под угрозу распада. Эта возможность выстоять, повернуть вспять процесс хозяйственного вырождения не связана ни с захватническими планами, ни с военизацией страны, ни с ущемлением прав других народов, ни с несправедливостью к каким-то

слоям общества. Ничего этого нет. Я пишу о той единственной возможности, которая у нас остается в борьбе за выживание. Если мы соединим общество, мы сумеем заменить недобросовестную власть той кучки людей в Кремле, которая господствует над страной.

Ничего другого я не добиваюсь, кроме как спокойной, разумной и достойной жизни для своего народа. Это желание чисто. Оно не таит в себе угрозы для других народов. России нужен только мир, только спокойный созидательный труд — и тогда у нее все будет.

С моей точки зрения, будущее России принадлежит христианскому социализму. Это не тот мертвящий, уравнилельный и в недрах своих несправедливый социализм, а это очеловечивание государства, это подчинение государства интересам созидания добра, это ограничение произвола крупного капитала, это обеспечение людей всеми жизненно важными условиями жизни (правами на труд, образование, медицинскую помощь, обеспеченную старость, достойный заработок...). В этом новом мире люди не будут воевать друг с другом из-за куска хлеба.

Это не очередная утопия. Россия обладает условиями для нормальной жизни ВСЕХ. Невиданно тяжкий опыт социализма в России не прошел даром. Мы извлекли из него уроки и, что важно, не только отрицательные. Надо соединить опыт советского социализма с опытом капитализма в устройстве производства.

Советский Союз просуществовал почти век, капитализм существует третье столетие. Опыт для построения достойного общества более чем достаточный.

Сионисты, являясь на деле расистами, ибо относят себя к избранному народу (всякая избранность уже по меньшей мере есть притязание на особое место в мире), полны национальной спеси и воинственности, однако они не имеют ничего общего с еврейским народом, который в той же степени, что и другие народы, страдает от произвола своей буржуазии, наиболее хищной и наиболее бессердечной.

А что сказать о масонстве еще?

Нет смысла что-то вообще городить, да в таком размахе, да тайно, коли оно не для противопоставления и противодействия; в данном случае — национальному государству.

Да к тому же это самое масонство уже давно снизу доверху сионизировано.

Мало кто, почти никто не задумывался над тем, что либерализм, масонство и т.п. — это лишь один из способов обеспечения достижения вполне определенных материальных целей. Цели эти — не только изменение роли народов, не только создание совершенно послушного человечества, но прежде всего захват и абсолютный контроль над всеми материальными средствами, отсюда полная подчиненность человечества сравнительно незначительной прослойке людей. Либерализм, масонство и т.п. — всего лишь идеологическое оружие того мира, что грядет.

Люби Россию!
Стой за Россию!
Не уступай Россию!

В сентябре 1994 года в программе «Исторический альманах» петербургского телевидения ведущий передачи — депутат Государственной Думы и историк Юрий Павлович Кузнецов задал мне вопрос:

— Юрий Петрович, можете ли вы спрогнозировать выход России из этого кризиса?

— Могу. Я думаю, что наша патриотическая Россия не проиграет. Она возродится обязательно! Я не пустые слова говорю. Они исходят из того, что то разложение, то хищничество, которые охватили Россию, лишены всякой меры. И, как всякое явление такого порядка, оно подрывает даже свою основу.

Большой Сейф, выступая на словах за разоружение, не прекращает наращивать свою военную мощь. Американцы уже давно рвутся к господству над миром. Теперь они ставят на психотронное оружие, которое собираются вывести на орбиту вокруг земли. Это позволит им управлять психическим состоянием как групп людей, так и целых народов. НА ЗЕМЛЕ БУДУТ РАБЫ И БУДУТ

ГОСПОДА. Впрочем, во многом уже так и есть и без психотронного оружия. Психотронное же оружие просто повергнет народы на колени.

Дорога к нам для американской военщины лежит через Югославию — это всем русским надо помнить.

Они найдут повод, дабы высадить свои войска в местах, где хранится ядерное оружие (якобы для защиты его от захвата случайными людьми). Но придут они (под флагом ООН), дабы окончательно разорвать нашу землю на куски и подавить, вырвать с корнем всякую свободную, самостоятельную мысль в народе.

На примере Югославии мы убедились: нет более злобного и последовательного врага для России, нежели США.

О важности крепких границ можно молвить старым русским присловьем: изба крепка запором, а двор — забором.

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

<.....>

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка-Русь¹.

Эта искра сокрытая загорелась, что означает властное стремление России к достойной жизни, — и уже не загасить ничем и никогда.

Россию путают с колонией, народ — с туземцами. Русские — высокоцивилизованная нация. На какое-то время, в истории —

¹Из поэмы Николая Алексеевича Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В старину русские глаголили: лихое лихим избывают. Не правда ли, наводит на раздумья?..

краткий миг, ее можно обмануть и даже подавить национальное самосознание. Однако она никогда не согласится быть чьей-то рабской, покорной силой. Такой черты вообще нет в русском душевном складе, в психическом складе народа. Так или иначе, но Россия стряхнет с себя гнет паразитов.

Буду повторять даллесовскую доктрину, ибо сбывается слово в слово.

«Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить... Мы найдем своих помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны...

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но деятельно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников. Честность и порядочность будем осмеивать — они никому не станут нужны. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх... **вражду народов и прежде всего ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать... и лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит... Однако таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способы оболгать и объявить отбросами общества. Будем... опошлять и уничтожать основы народной нравственности».**

ВСЯ ГЛЫБА ИСКАЖЕНИЯ СОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ ДВИНУТА НА РОССИЮ.

Черное становится белым.
Уродливое топчет красивое.

Господи, дай силы устоять в этом безумии.

Даже обычные гриппы для обездоленного и полунищего народа превратились в изнурительные поветрия, которые грызут, калечат людей миллионами, унося сотни и сотни тысяч жизней.

Действительно, годы — гады...

Люди согласны на Ленина, Сталина, Брежнева — лишь бы не властвовали нынешние хозяева России.

Народ четко разошелся на две части: мы и ОНИ. И части эти — несоединимы.

Опыт приходит к нам пониманием того, что справедливость требует жестокости.

Солнце никогда не увидеть с колен.

Я никогда и предположить не смел, что власть денег настолько безоговорочна. В русской буржуазии она убила чувство сострадания к родной земле и народу. Русская буржуазия, зажав под себя деньги, попустительствует доразрушению родной земли, жадничая на каждую копейку в свою пользу.

«Заходил раскорякою» — так князь Владимир заходил после молодецкого посвиста Соловья-разбойника.

Человек, на что тебе жизнь?

*Забылся над рукописью — и в воображении рисуются слова.
Образы слов.*

Страстно сплетаю слова, ишу самые чудные узоры слов.

Какими хрустально-чистыми они были в юности!

«Любить!» — моя грудь была полна одним этим чувством. Любить женщину, землю, людей, рассвет, улыбку, каждый новый день. И детей — я очень люблю детей...

Любить! Господи, обласкать этим чувством всю землю...

Ошибочно считать так: Сталин стал патриотом-государственником. В Сталине одновременно, и не сразу, уживался коммунист с патриотом-государственником. При всем том он, безусловно, до последних дней сохранял верность коммунистическим догматам, сочетая, к примеру, интернационализм с русским национальным патриотизмом. Чувствуется, интернационализм для Сталина не только средство, но и часть веры. Его убеждения опирались на классовое понимание природы общества. Сталин это показал на своем последнем, XIX партсъезде в октябре 1952 года, уже в преддверии смерти. С трибуны съезда он более всего говорил об интернационализме и КПСС.

Сомневаться в наличии убеждений у Сталина не приходится. Ведь не стал же он эсером или кадетом, не стал священником или грузинским националистом. Значит, какой-то стержень убеждений у него был. Однако чувствуется, что в его глазах имеют ценность те приемы политической борьбы, те лозунги, которые **решительно** ведут к власти. Он более всего практик и менее всего теоретик. Присущей ему особенностью является расчет на силу. Все теоретические положения и свои собственные выкладки он подпирает неизбежностью безоговорочного принуждения.

У Сталина одна рука была короче другой на 5 см, а второй и третий пальцы левой ноги были сращены перепонкой — по народному поверью, отметкой сатаны...

Убийства людей Сталиным отвратительны. Его личные указания по пыткам и казням не поддаются разумению.

Для карательных дел вождю нужны были люди-звери. Что они выделявали с людьми, любой мировой язык для передачи этого слишком беден. Их совестью являлся приказ вождя.

Все, что творилось в этом углу страны, иначе как безумием и назвать нельзя. И это тоже был Сталин.

Но этот человек не давал ни стране, ни народ в обиду. Обходясь жестоко с людьми, он поднял на необычайную высоту их гордость за принадлежность к России. Народ гордился своим Отечеством — это не пустые слова, так было...

Глупо попрекать Сталина террором. Марксизм со своим учением о благодетельности истребления людей во имя справедливости — диктатуре пролетариата — предельно соответствовал уст-

ремлениям и нраву Иосифа Джугашвили. Террор, направленный против буржуазии, не мог не захватить все общество.

Но народ сам выбрал такого правителя, когда сделал возможным расправу над царской семьей — нечто ужасное даже в ужасной русской истории. Все потом явилось только следствием. Из-под маршальской фуражки на нас взидало то лицо, отягощенное отеческими заботами и тревогами о народе, то оскал изувера. Этот человек пророс из той жуткой ночи с 16-го на 17 июля 1918 года. С той ночи и завелось, что жизнь ничего не стоит, с человеком можно творить все, что угодно...

«Выведи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плюну!..» — народу это стало угодно...

СРАЗУ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВСЯ ИСТОРИЯ РОССИИ СТАЛА ДОКАЗЫВАТЬ СВОИМ КАЖДЫМ ДНЕМ, ЧТО РОССИЯ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ НЕ СПОСОБНА.

Вот объяснение террора Сталиным в «Кратком курсе»:

«Нельзя терпеть в своей среде оппортунизм (соглашательство. — Ю.В.), как нельзя терпеть язву в здоровом организме... Нельзя допускать, чтобы в руководящем штабе рабочего класса сидели малoverы, оппортунисты, капитулянты, предатели. Вести смертельную борьбу с буржуазией, имея капитулянтов и предателей в своем собственном штабе, в своей собственной крепости — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых и с фронта и с тыла. Не трудно понять, что такая борьба может кончиться лишь поражением. Крепости легче всего берутся изнутри...»¹.

Надо признать, очень точное определение одной из причин гибели советского государства: **«Крепости легче всего берутся изнутри...»**

Сталин только неограниченно расширил данное определение на весь народ и на все случаи жизни.

У Сталина совершенно отсутствовало великодушие. Тех, кого он причислял к врагам, он преследовал с неумолимой непреклонно-

¹ История ВКП (б). Краткий курс. — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1946. С. 344.

стью. Его не терзали сомнения. Он уничтожал холодно и расчетливо. Наносило это урон стране или нет, его не беспокоило.

Высшая власть должна быть абсолютна, высшая власть должна быть неумолима. Ее поступь стирает в пыль все, что пытается хоть как-то противостоять ей.

Государство и народ, а Сталин отождествлял себя с ними, вне упреков. Государство всегда право, совершенно всегда, ибо любое другое отношение к государству ослабляет его положение в мире, что недопустимо. Это и есть вера Сталина.

Или в одном порыве со всеми, или ложись в землю.

Не исключено, что марксизм с его центральной установкой на диктатуру пролетариата, то есть неограниченное насилие, кроме социальной направленности, привлек его именно установкой на революционное насилие, на неограниченное приложение силы, что непосредственно отвечало свойствам его натуры. Он мог быть Сталиным лишь в обстановке неограниченной власти.

В применении к Сталину установка Гегеля подтверждалась с тысячекратным перекрытием. К всемирно-историческим личностям неприменимы оценки и правила морали. Сталин их просто месил своими сапогами.

Он вынужден принимать участие в теоретических спорах, но его поле действие — сила, здесь все его государственные способности раскрываются во всем многообразии. Это не значит, что он не был дипломатом, он был искусным дипломатом.

Сталин все время подвигался к соединению марксизма — гугубо социального учения — с национально-патриотическими идеями. Сходились взаимоисключающие, несоединимые по своей природе интернациональные и национальные положения — разные устройства государства. Однако Сталин нащупал основу для соединения этих двух противоположных установок. Этой основой оказался **государственный патриотизм**. К одной стороне советской государственной системы он намертво «привинтил» марксизм, а к другой — национальные установки, примирив, таким образом, как ему казалось, интернационализм с национальными установками уже без противоречий.

Все дело в том, что без служения идее Родины и идее народа партии и учения имеют обманную сущность.

Будущее тех партий, что намереваются действительно притязать на власть, напрямую связано с национальной идеей, раньше других это понял Сталин.

Жизнь он завершил национальным коммунистом (национал-коммунистом).

Причины, по которым задерживаются возвращения национальных идей в жизнь и которые не дают им занять достойное место в политической жизни, это **страх**. Страх перед ярлыком шовинизма, расизма, то есть гитлеризма. Страх, за которым таится возможность расправы общества с такими людьми.

Но это не все.

Герцену принадлежит очень важная мысль: «История не так просто и легко двигается, чтобы ездить в одиночку».

Побеждает сила организации, главная задача которой заключается в сплочении народа.

Национальные идеи сами по себе обладают громадной движущей силой. Если им позволить вырваться — они возобладают над всеми другими партиями и движениями. Нынешние хозяева России это превосходно сознают. Поэтому они и распускают вокруг национальных движений завесы лжи и злобы. Много сил расходуют и на создание подставочных движений, а также на распространение провокационного лжепатриотизма (большинство подобных господ понимают под патриотизмом свой карман или ту же сионистскую демократию, расцвеченную русскими флагами и гербами). **Мы должны это видеть и презирать, решительно отказывая подставочным движениям в поддержке¹.**

¹ Недавно я получил по факсу приглашение на очередное заседание КРО — Конгресса (слово-то не русское) Русских Общин, что в свое время двигал Лебеда. Их фирменный бланк венчает шестиконечная звезда. Какая же это русская национальная организация?

БОЛЬШОЕ РУССКОЕ ДЕЛО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ РУССКИЕ ПАТРИОТЫ, ДОКАЗАВШИЕ ПРЕДАННОСТЬЮ НАРОДУ, СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ ПРАВО НА ЭТО.

Другого подхода быть не может.

Мы, русские, должны следовать за теми, кто подвижническим трудом, кровью, страданиями доказал свою службу народу. Все, кто заседает в пышных залах, о ком с подобострастием распинаются в «Новостях» теледикторы, — подставки, те же кандалы на ногах народа.

Ибо у русских борцов даже нет средств на такие залы, мы живем в жесткой государственной и общественной осаде (я, к примеру, никогда не имел средств на издание газеты).

Ибо их останкинское телевидение мажет грязью подлинную национальную Россию, страдающую за свой народ; оскорбляет и унижает тех, кто выступает против господства разрушителей России, возведенного ныне в ранг почетной государственной службы...

Ибо все русское растаптывается и теряет свои национальные черты.

Ибо жизнь России, жизнь народа не имеет ничего общего с теми картинками, которые денно и ночно подсовывает нам телевидение, насквозь враждебное духу свободной, сильной и независимой России.

Это они, разрушившие Россию, стоят ныне у карт и морщат лбы, изображая возмущение налетами на Ирак и заботу о благе мира и народа — они, доведшие страну до постыдного бессилия, равного государственному краху.

Национальному движению постоянно придется преодолевать трагическое наследие Гитлера в национальном вопросе. Всякое здоровое национальное движение будут стараться уличить, измарать в нацизме. Такова действительность, и с ней необходимо считаться.

У нашей страны нет иной дороги в будущее. Ей суждено пройти через национальное движение, ибо мы потеряли национальную независимость. Ее не обрести вновь без могучего национального подъема.

Наша победа неизбежна.

И еще.

Нельзя логику национального вопроса распространять на тысячелетнее будущее. Эта логика действует сейчас. И лишь она способна сейчас решить ряд сложных вопросов выживания человечества, спасти много жизней, установить покой на земле. Этого уже достаточно для оправдания национальной политики.

Все время обращаясь к русскому народу, я не имел в виду его господство над каким-либо народом или какие-то особые права в союзе народов России, но единственно утверждение через труд и борьбу этого народа достойных условий жизни **для всех народов России**, ибо русские составляют 85% численности населения нашей страны. Без борьбы русских за справедливую и честную жизнь победа над злом невозможна. **Поднять русский народ — значит сохранить Россию цельной, единой, значит обеспечить ей независимое, самостоятельное и достойное развитие.**

Там, где хорошо будет русским, там хорошо будет и всем другим народам, кроме тех, что пытаются паразитировать на его труде или обнажают меч против него.

Для русских все народы равны.

Я пишу с одной целью: помочь устоять России. Ведь история клонится к тому, что она под давлением внешних сил и внутренней нарастающей слабости способна развалиться на два десятка мелких государств.

Когда речь заходит о расизме определенной части евреев (мы этот расизм заключаем в понятие «сионизм»), я преследую все ту же цель — сохранность России: чтобы сионизм оставил Россию в покое. Ничего другого я в своих книгах в виду не имею.

Еврейские расисты относят себя к избранному народу. Они преисполнены национальной спеси, чванливости и воинственности, оправдывая жестокость и несправедливость против других народов. Но они не имеют ничего общего с еврейским народом, который в той же степени, что и другие народы, страдает от произвола своей буржуазии, наиболее хищной и безжалостной в мире.

Что сионизм, в сущности, является мракобесным, реакционным и воинствующим политическим течением, доказывала известная резолюция ООН, которая с гибелью Советского Союза была поспешно отменена.

Но сути это не меняет.

Недаром еще Троцкий, который достаточно разбирался в еврейских делах, в статье «Термидор и антисемитизм», отмеченной датой написания 22 февраля 1937 года, отозвался о сионизме как реакционном течении в современном мире.

Главное, чем занят народ, — это труд. Надо, чтобы трудом был обеспечен каждый гражданин, чтобы труд был уважаем, почетен и оплачен без задержки так, как он того стоит. Надо, чтобы трудовой стаж увеличил заработок человека. Надо, чтобы честный труд, и только он, имел право на привилегии в обществе. Тогда общество будет здоровым.

Праздный да не ест...

России остро необходимы особые высшие учебные заведения для воспитания русских государственных кадров¹.

Законодательство было и будет произволом правящего класса. КПРФ в Государственной Думе вместо того, чтобы выставить свое законодательство, в интересах народа, почти не противилась произволу правящего класса...

Телевидение, которое с утра до ночи прославляет мощь США, — разве русское?..

А телевизионная передача «Итоги»? Ее выставка скульптуры Кулика: корова с задранном хвостом, дырой под хвостом и надписью: «Загляни в глубь России...»

Это плевок русскому народу.

¹Вообще образование обладает одним роковым недостатком. Оно уничтожает в человеке «я», в большинстве случаев — навсегда. Человек живет по вбитым, внушенным представлениям и никогда — по своим.

Все зло невозможно без общей поддержки людей. Следовательно, нужно растлить, растлевать людей. А это означает, что все в искусстве (и телевидении) следует рассматривать именно с данных позиций: в растление или нет.

Воистину: разврати душу — и получишь тело.

Телевидение в столице русского народа должно принадлежать русскому народу, и он вместе с коренными народами должен им владеть.

Война является самым страшным злом для России и наотрез недопустима. Война сама по себе зло, но в случае неудач она с неизбежностью обернется безжалостным расчленением коренной России на два-три десятка карманных государств, то есть безоговорочной гибелью русской государственности и захирением русского народа.

России войны не нужны: ни победные, ни справедливые, вообще никакие, кроме чисто оборонительных.

Но надо всегда помнить, что для самостоятельной, независимой политики, прежде всего народнохозяйственной, нужна армия. Без такой армии нам выломают руки и заставят идти дорогой рабов — спившихся, не помнящих родства и послушных любой воле и довольных тем, что на сегодня им дали кусок хлеба и глоток водочного пойла.

Сейчас идет речь о выживании России. За всю свою историю Россия еще не попадала в столь тяжелое, почти безвыходное положение.

У человечества впереди сложнейшие задачи, уже сейчас неотложные, в том числе и прежде всего: как уберечь жизнь на Земле. Ей угрожает космос, ей угрожают сами природные процессы Земли. Достаточно одного прорыва крупного небесного тела, дабы все живое сгнуло. Все это требует соединенных усилий человечества. Задачи выживания должны решать общий разум и общая воля.

Уже сейчас существует необходимость соединения всех средств во имя научных разработок.

Это возможно на добровольном соединении народов, но не на их подчинении и порабощении.

Союз всех людей — только таким может быть будущее.

Союз, а не подчинение народов с ломкой национальных государств.

Сведéние жизни только к ненависти, намеренное ослепление, слепота и замыкательство лишь в своем национальном пространстве, пренебрежение мировой культурой, мировыми связями — ущербная позиция, убогая и опасная. За ней кровь и варварство.

Эту книгу уже можно назвать Книгой Жизни...

Книга Жизни дается народам для того, чтобы прочесть о себе, посылно узнать себя и о себе, быть может, с новой стороны. Зачем ненавидеть Книгу? Надо взглянуть на себя, извлечь уроки.

В этой Книге нет ненависти. Она не для сего написана. Есть боль за свою землю. Есть обращение к людям, чтобы изменили себя. Нельзя усугублять беды.

Мир и покой на земле возможны лишь на взаимном уважении народов.

Человек, зачем тебе жизнь?

С юга к России примыкает Турция, по воле истории — извечный недоброжелатель России, с которой русские вели войны в XVI—XX веках. Все откровенно противорусское, ненавидящее Россию встречало и будет встречать в этой стране теплый прием.

Только Ленин со своей интернациональной политикой мог вернуть Турции города, павшие в ходе Первой мировой войны, и более того, денежно да еще и оружием безвозмездно помочь ей

(зато турки ныне требуют себе Крым — вот это интернационализм в действии!). И Сталин до начала 1930-х годов с изрядной скидкой перекачивал определенные средства южному соседу. Все это делалось во вред России, вопреки ее национальным интересам.

Оглянемся на близкое прошлое.

Турция скрытой политикой поддерживала гитлеровскую Германию.

Турецкий министр иностранных дел Сараджоглу, узнав о нападении Германии на СССР, радостно воскликнул: «Это не война, а крестовый поход!»¹

Шеф гитлеровской секретной службы Вальтер Шелленберг встречался с руководителем турецкой разведки в Анкаре. Турция помогала Германии всеми доступными средствами, проводя крайне враждебную русскую политику.

В самые напряженные месяцы сорок первого Советский Союз вынужден был держать на границе с Турцией полнокровную армию — и это тогда, когда под Москвой на счету была каждая рота...

Турки, как и японцы, жаждали поражения Советского Союза под Сталинградом, дабы вступить в войну с СССР (интересно, вернули бы нам японцы в противном случае — в случае поражения и ослабления СССР — нашу половину Сахалина? Да никогда! Всё взяли бы до глубин Сибири! И ничего мы не допросились бы!).

В мае 1943 года турецкие генералы наблюдали на захваченной русской земле маневры гитлеровских танковых дивизий в канун Курской битвы.

Затем генералов самым любезным образом принимал Гитлер. Как же они мечтали разодрать Россию на части!

После крушения гитлеровской Германии Турция продолжила свою противорусскую работу, но уже под опекой английской разведки, а после вся целиком перешла в НАТО, сдав себя под ракет-

¹ Некрич А. М. 1941 — 22 июня. — М.: Наука, 1965. С. 159.

ные базы, направленные на Советский Союз. Одной мечтой бредила Турция: снести нашу страну, дабы ничего от нее не осталось. Ракеты для сего подходили. Они покрыли Турцию смертной ядерной пылью, все до одной направленные на русские земли.

«... в конце 1946 года меня вызвал генерал Синклер, — вспоминал Ким Филби, крупнейший советский разведчик, укрепившийся в руководстве английской секретной службы, — и сказал, что мне предстоит возглавить резидентуру СИС (английской разведки. — Ю.В.) в Турции с центром в Стамбуле... В то время Стамбул был главной южной базой, откуда велась разведывательная работа против Советского Союза...»¹ И все это при содействии и участии Турции.

И сейчас Турция далека от того, чтобы уgomониться. Напротив, она с размахом наращивает разведывательную и подрывную работу против России. Немало ею вложено и в Чечню.

Россия же экономически помогает Турции, нанимая ее рабочих, покупая товары, перегружая своими туристами. Россия помогает Турции крепче чувствовать себя на наших новых границах — такова политика Ельцина.

Естественный союзник России в этой части света — Греция, а связи России с Элладой недопустимо хилы и явно не соответствуют интересам России.

К слову, Польша, Венгрия и Чехия, вступившие в противорусский союз НАТО, не должны иметь выгодных торговых договоров с Россией. Иначе это со стороны России — не политика.

Джек Лондон говорил о смерти: «Вернуться в молчание».

Оно ближе и ближе, это молчание навек. Только бы успеть кое-что сделать для своего народа. На другое и не хочу расходовать себя.

Надо успеть помочь выковать победу. Хочу дожить до того мига, когда народ станет свободным — не подложной, обманной, а чистой, настоящей свободой. И через труд вернется к величию.

¹Ким Филби. Моя тайная война. — М.: Воениздат, 1982. С. 127.

Я пришел не для того, чтобы мне служили, но чтобы послужить родной земле. У меня одна цель: сильная Россия и здоровый единый народ. Сильная и независимая Россия — это прежде всего благополучие народа.

За жизнь все отпало, осталось неизменным подлинное, и среди этого подлинного самое первое — Родина. Пока жив, ничто не в состоянии изменить мое поведение. Это чувство, как нечто самое важное, завещано мне всеми поколениями моих предков...

Почитаемый мной китайский писатель Лу Синь писал: «...с помощью времени смывать горести и следы крови!»

Сколько раз я останавливал взгляд на томике его сочинений, видя там эту строку! И там же, совсем близко, размещаются другие слова, в них много от моей жизни: «Я похож на корову: сам ем траву, а доят из меня молоко и кровь».

И там же горестно-печальной строкой застыли другие слова: «Друг мой, да ты не веришь мне. Что ж, ведь ты человек».

Взяли, отняли у народа деньги, работу, зарплату — и назвали это реформами.

В стойкой нужде люди теряют себя, часто соглашаясь уже на все, лишь бы выжить.

Ничего страшнее гнета нужды нет. Люди создали жизнь, в которой нужда не только не изжита, но процветает, калеча волю, чувства и здоровье значительной части народа. Настоящее тюремье, а не жизнь.

Нужда уродует Россию¹.

¹Любопытно работает останкинское телевидение. Это оценить надо. Вот недавний пример. В середине декабря 1998-го слушаю утреннее заявление Примакова о том, что у нас не должно быть русофобии (еще бы, в Русском-то государстве да ненависть к русским! — Ю.В.), антикавказских настроений и антисемитизма.

Во всех последующих передачах последних известий часть заявления оказалась вдруг стерта и стала выглядеть так: у нас не должно быть... антисемитизма — и ни буквы больше.

Подобным образом это нерусское телевидение работает во всем, везде и всюду подставляя антисемитизм. Цена подлогов роли не играет.

Давно уже на подлогах делается история.

Нет, сердце России не огрубело. Оно страдает, и глубоко. Оно бьется напряженно, так напряженно и часто, — чудится, вот-вот лопнет ниточка жизни.

Разоренная, взбаламученная, озлобленная и потерявшая всякую опору, всякую точку привязки к жизни Россия...

И ее губители, ибо само по себе ничего не происходит. Там, где разорение, там и губители — это как нитка с иголкой...

Хватит! Пора уже, наигрались! О покое молит русская земля.

Измучились, обескровились люди. Хотят дышать не смрадом. Хотят жить без страха и унижений. Хотят дышать чистым воздухом. Миром и покоем хочет жить народ.

Из поучения Феодосия Печерского, который жил и за Русь молился в XI веке:

«Так, братья мои, держа между собою истинную любовь, воспримем чистые Закон благого Бога нашего и соблюдем Его святые заповеди... постоянно молясь за весь мир...

Праздный да не ест...

Блаженнее давать, нежели принимать...

Блаженны милостивые, ибо помилованы будут...

Если стерпим, борясь с врагами нашими, и одолеем их, — мы удостоимся вечной славы и чести неизреченной».

Совершенно очевидно, русский народ соединяло в одно родство, в одно чувство, в одни поступки, в одно мужество и в одни песни, в одну любовь и в одну судьбу — **православие**. С гибелью православия, окончательно растоптанного после октября 1917-го, и появлением советского человека народ распался на несметное количество самостоятельных душ; уже ничем не связанных, кроме языка.

Русские и Россия стали добычей.

Нравственные и бытовые условия оказались выбиты из-под ног народа. Новое бытие, новая нравственность не возникли. Образовалась лишь оболочка, под которой билось русское сердце.

«Словарь иностранных слов» (М.: Советская энцикл., 1964. С. 748) так определяет понятие экуменизма: «Зародившееся в конце XIX в. движение христианских, главным образом протестантских церквей, ставящее целью создание всемирного («вселенского») объединения церквей».

Экуменическое движение проявляется на нескольких уровнях. Созданный им Всемирный Совет Церквей поддерживает отношения и сотрудничает с различными объединениями церквей. Деятельность некоторых экуменических объединений способствует улучшению взаимопонимания между народами, снижает уровень международной напряженности.

Безусловно, идеология экуменизма носит не только противоречивый и непоследовательный характер даже в чисто религиозном плане, но прямым образом отражает и основные идеологические устремления нынешнего капитализма, обслуживает эти устремления.

Через национальную церковь экуменизм (якобы «примирением», «братством» и т.п.) прокладывает дорогу империализму, подчиняя национальные государства и осуществляя задачу мирного подчинения народов интересам главенствующих мировых держав, в основном США. Это дает основание рассматривать экуменизм Русской православной церкви как вредную ересь, своего рода церковное масонство.

Таков двоякий смысл экуменизма.

Именно поэтому старшее поколение русско-российских священников воспринимало экуменизм как возможность православного миссионерства, распространения православия в мире без изменения его сущности — и только. Хотя имеются основания предполагать, что уже тогда это не являлось главной задачей для некоторых прозападно настроенных иерархов, глубоко скрывающих свои подлинные настроения и привязанности.

Однако в условиях экономического и политического закабаления России 1990-х годов молодое поколение священников и все, кому дорого русское православие и независимость Родины, воспринимают экуменизм уже как один из опасных видов подчине-

ния русской духовной жизни Западу, влияния на духовный облик народа корыстных и враждебных ему сил.

Крах русской государственности делает экуменизм крайне опасным движением. Это еще один источник постоянного, неослабного влияния Запада на русскую жизнь и, как следствие, замена русской духовной жизни чужими настроениями, чувствами и установками.

Экуменизм исподволь примиряет народ с упадком России и грозящим ей расчленением.

Время для сокрушения Советского Союза было выбрано с определенным расчетом. И отнюдь не случайно. И выбор этот пал на 80-е годы.

В 1980-е годы должна была произойти многократная смена власти. Один старец в политбюро должен был сменять другого. Правление каждого из них не могло быть долгим и устойчивым.

Это с неизбежностью означало ослабление власти.

В борьбе с идеологическим натиском США Советский Союз уже оказывался не в состоянии вести деятельную политику отпора, не говоря уже о политике наступательной.

Влиятельные члены политбюро: Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов, Черненко — это уже старые люди, лишённые не только предприимчивости, но и здоровья. Советский Союз вступал в полосу фактического безвластия.

Вот на это десятилетие США и решили развить наибольшее давление на устои советской власти. Это означало предельные усилия в обработке народов Советского Союза враждебными радиопередачами, в засылке подрывной литературы, в разлагающей деятельности диссидентов (прежде всего академика Сахарова), в непрестанных требованиях гласности, прав человека в Советском Союзе, в искусственном раздувании отрицательных явлений общественной жизни (дело Чурбанова, Щелокова и т.п.), в создании экономических затруднений и т.п. В это шаткое для России десятилетие следовало принять все меры к расстройству ее экономики и в этих условиях породить смуту, неверие в советскую власть, взра-

стить в стране настроения в пользу реформ и преобразований политической власти.

Время стариков — время смены одного руководителя на другого было выбрано для яростного идеологического штурма Советского Союза. Лишенная всякой будущности и всякой энергии, власть в стране стремительно проседала. Старцы умирали, освобождая высший пост. Страна, лишенная твердого руководства, юлила, ее лихорадило — и это в пору, когда на нее с каждым месяцем, надвигаясь, усиливали давление США и Запад.

Горькому удалось подглядеть одну из тяжелых сторон нашей национальной жизни. Она во многом задвигает от нас возможность жить в своем государстве — жить по своим законам и обычаям и не быть марионеткой в чужих руках.

Один из героев Горького говорит:

«...У нас нет нации, а есть аморфная, бесформенная масса людей, нет классов, а только группы, неподвижно, мертвой хваткой вцепившиеся в свои интересы, слишком мелкие, узко понятые, и потому эти группы не только не способны к большой национальной работе, но даже не умеют активно защищать то, до чего они додумались. У нас нет людей, которые видели бы и понимали трагизм современного положения страны, окруженной извне врагами и совершенно не организованной, отравленной враждой внутри, нелепой враждой всех со всеми...»¹

Еще бы, сами дали разрушить одно из величайших государств на земле. Мы и не заметили, как сами изгадили и опошили свою жизнь, превратили в пошлость, в дурь и подлость, как годами слушаем и смотрим на ничтожества в экранах телевизоров, принимая их за выразителей общественного мнения. Нам навязывают что угодно, и мы смиряемся.

Трудно творить волю Божию в том гниоце, что прозывается землей.

И хотя Горький не во всем прав, нация есть, и мы нация силь-

¹Горький М. Собр. соч.: Т. 10. — М.: Худ. лит., 1950. С. 241—242.

ная, — другое дело, что отравленная и отравляемая ежеминутно, что и не дает ей естественно и самостоятельно развиваться. И сам уклад жизни расшибает народ на множество себялюбивых, эгоистических «я» — великое собрание «прыщей»...

И однако при всех этих условиях нам надлежит преодолеть свои слабости, даже не слабости, а серьезнейшие пороки, которые, надо это признать, имеют корни в нашем историческом прошлом. Преодолеем — и никто, никогда, ничто не сможет и не сумеет с нами поделаться, тем более победить.

Энвер Ходжа родился в 1908 году, по национальности албанец. По окончании лицея в городе Корча учился во Франции на факультете естественных наук в Монпелье. Прекрасно владел французским языком и знал французскую историю и культуру, что предполагает знание грабительских, империалистических основ современного масонско-сионистского мира. После получения диплома поступил на дипломатическую службу. С захватом Италией Албании в апреле 1939 года и возникновением албанской коммунистической партии в ноябре 1941 года Ходжа становится членом ЦК. В 1944—1954 годах Ходжа — главнокомандующий Национально-освободительной армией; в 1944—1946 годах — глава Временного демократического правительства; в 1946—1954 годах — председатель Совета Министров. С 1 июля 1954 года он — первый секретарь ЦК АПТ (Албанской Партии Труда). После разоблачения культа личности Сталина Хрущевым Энвер Ходжа как руководитель Албании разорвал всякие отношения с СССР и пошел на тесное сближение с Китаем Мао Цзэдуна.

Энвер Ходжа писал президенту Франции генералу Шарлю де Голлю в мае 1968 года:

«Создать жизнеспособное государство, как показывает история, невозможно без жизнеспособной идеологии, без веры нации в эту идеологию, без доверия нации к тем, кто олицетворяет собой такое государство и такую идеологию...

Национально-государственное строительство, независимое развитие страны — именно эти факторы объединяют нацию и по-

зволюют пренебречь так называемой «многопартийностью», которая, по сути, прикрывает тотальное господство транснациональных классов. Для них государство, нация — это ширма, а в ряде случаев — серьезное препятствие в деле уничтожения национально-государственной независимости... Сталин это понял давно и хотел превратить многонациональный Советский Союз и партию в единое, державное, стабильно (устойчиво. — Ю.В.) независимое государство. Он хотел обеспечить преемственность исторических традиций России в рамках новой, обширной страны, где ликвидированы эксплуататорские классы с их «транснациональной», антигосударственной идеологией.

Можно представить, каких успехов добился бы Советский Союз в случае реализации сталинских планов...

Ошибка, однако, Сталина в том, что он опоздал с обнародованием своих планов, опоздал с разоблачением тех, кто неистово сопротивлялся этим планам. Они же, эти негласные адепты (последователи. — Ю.В.) троцкизма и космополитизма, погубили и оболгали Сталина. Последствия его гибели и шельмования скоро скажутся в СССР, и не только в этой стране».

В этом письме выражена суть сталинизма, суть той борьбы, которая потрясает народы уже целое столетие.

Дабы убедительнее показать, что же с нами произошло, обращусь к своей книге «Кто правит бал», выпущенной в 1993 году (пожалуй, первой книге патриотического Сопротивления), к части III под названием «Голоса России», где были собраны отдельные письма, адресованные мне.

«Юрий Петрович!..

Более 5 лет прошло с того зловещего, смертоносного взрыва. Не простой и не случайный выдался этот взрыв: ведь Чернобыль — место соприкосновения 3 славянских республик.

До этого был ввод войск в Чехословакию, был БАМ (разрушительный для экономики), был Афганистан — Союз ССР начал шататься, но еще держался «на ногах» (может быть, и удержался бы?). Мог удержаться!

И тогда грянул Чернобыль!

Малозаметным прошел обстоятельный очерк в «Новом мире», № 6 за 1989 г., инженера-атомщика Григория Медведева «Чернобыльская тетрадь». А ведь в очерке описано все и дана отгадка вопроса: **реактор взорвался или реактор взорвали...** Я — авиационный инженер-эксплуатационник, являлся свидетелем многих авиационных трагедий (ЧП), участвуя в расследованиях.

Медведев строил 1-й блок ЧАЭС (Чернобыльской АЭС. — Ю.В.), затем участвовал в «московской комиссии», он — настоящий атомщик, и каждое его слово достойно абсолютной веры. (!)

И еще: 10 лет ЧАЭС безаварийно выдавала энергию. Все рассуждения о недостатках реакторов РБМК — это попытки увести общественное мнение в сторону от истины. Да, реактор — не идеальной конструкции, но в нем были предусмотрены более **пяти систем аварийной защиты!!** При нормальной эксплуатации эти системы защиты не допускали выхода реактора из-под контроля.

Любую конструкцию можно разрушить, если посадить не специалиста нужного класса. Посадите в кабину самолета бакалейщика — и он разнесет его вдребезги.

В очерке Медведева четко прослеживается штат не только эксплуатационников, занятых у пульта, но и всей цепи ответственных лиц — вплоть до заместителя премьера Бори Щербины. И оказывается, грамотного специалиста-атомщика в системе Атомэнерго надо было искать днем с прожектором!..

Боря Щербина — не атомщик, а инженер по газодобыче.

А. Н. Семенов — строитель гидростанций.

Г. А. Веретенников (ответственный за эксплуатацию атомных станций) — работник Госплана, никогда не соприкасался с эксплуатацией АЭС.

В. В. Кулов — председатель Госатомиздата, не усмотрел в так называемой «Программе испытаний», составленной Фоминым и утвержденной Брюхановым, программы **ввода реактора в режим самовзрыва.**

Алексей Наумович Макухин — заместитель министра по эксплуатации АЭС — теплотехник.

А. И. Майорец — министр энергетики и электрификации ранее УССР, затем СССР, в атомных вопросах весьма некомпетентен, ликвидировал главк, ведавший исследовательскими вопросами по АЭС, чем резко снизил контроль за работой станции и увеличил риск крупной аварии...

Кто же был поставлен на должность начальника ЧАЭС?

Маленького роста курчавый брюнет В. П. Брюханов — инженер-теплотехник (!), на реактор смотрел, как на паровой котел. Брюханов нашел себе главного инженера — Фомина, инженера по электрогенераторам, в реакторах разбирался так же, как и его шеф Брюханов.

Ввиду престижности атомной промышленности остальной рабочий штат комплектовался преимущественно по принципу «свой»... ,

Что же стряслось на ЧАЭС?

В чьей-то голове «знатоков» команды вот такого подбора родилась мысль подзаработать на крупной рационализации: кроме трех независимых друг от друга систем питания внедрить четвертую — питание в случае отказа всех предыдущих от своего генератора, работающего в режиме «выбега» (т.е. вращения ротора по инерции).

Двенадцать АЭС, которым предлагали сие внедрение, отказались, мотивируя это непредвиденностью последствий. Чернобыльские знатоки «тульского самовара» решили отличиться и провести чистые испытания, т.е. с отключением электропитания автоматики, что запрещалось абсолютно всеми инструкциями!!

«Программу испытаний» составил Фомин. Утвердил Брюханов, который и отослал ее на рассмотрение «в верха». Минув месяц, третий — ни ответа, ни привета. И хотя проводить какие-либо опыты без утверждения программы рядом вышестоящих организаций категорически запрещено, а в данном случае вообще преступно, Брюханов и Фомин дали «добро», хотя в их программе 90% действий было из преступно-недопустимых.

На странице 19-й Медведев пишет:

«Тут необходимо добавить еще одну деталь, о которой не было

речи ни в одном из технических отчетов о происшествии. Вот эта деталь: режим с выбегом ротора генератора при выведенной практически из работы аварийной защите планировался заранее и не только был отражен в программе испытаний, но и подготовлен технически. За 2 недели до эксперимента на панели блочного щита управления 4-го блока была врезана кнопка М.П.А. (максимальной проектной аварии), сигнал которой завели лишь во второстепенные (вторичные) электроцепи», то есть сигнал этой кнопки был ЧИСТО ИМИТАЦИОННЫЙ!!

И далее: «При срабатывании аварийной защиты (АЗ) все 211 поглощающих стержней падают вниз, врубается охлаждающая вода, включаются аварийные насосы подачи воды из баков чистого конденсата, подающие воду из бассейна... в реактор», Т.Е. СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ БОЛЕЕ ЧЕМ ДОСТАТОЧНО, ЕСЛИ ОНИ СРАБОТАЮТ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ.

Все данные защиты и надлежало завести на кнопку М. П. А., НО ОНИ БЫЛИ ВЫВЕДЕНЫ ИЗ РАБОТЫ ПО НЕЗНАНИЮ РАБОТЫ АТОМНОГО РЕАКТОРА. РЕАКТОР ОКАЗАЛСЯ ЛИШЕН ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ПРОЕКТОМ ВСЕХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ.

Кому-то нужен был этот бессмысленно-опасный, просто головоломный эксперимент, а уровень персонала не соответствовал пресечению преступных намерений, осуществляемых под видом опыта.

Атомная станция была подставлена под заведомо преступный опыт, обречена на страшный, все уничтожающий взрыв — это была настоящая расправа с огромной, непокорной страной. Концы найти невозможно, но преступление было задумано, и вся структура обслуживания станции, вся цепочка руководителей до самого верха по своему уровню соответствовали задуманному преступлению.

На странице 22-й подробно указаны все вопиющие факты «опыта» (разве это опыт — это тщательно спланированная диверсия), один из которых — проведение «опыта» при работающем ре-

акторе — носил заведомо КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ характер, и результат мог быть только один: ВЗРЫВ.

Уверен: пусть Брюханов и Фомин — не атомщики, пусть некомпетентны, но не по этим причинам они отважились на преступление! Вот доказательства: не подключена кнопка М.П.А., не утверждена программа, в которой уже был заложен взрыв котла, последующие «отступления» от правил эксплуатации — реактор, поставленный на «охлаждение», никто уже не имел права снова выводить на эксплуатационную мощность (а тогда по просьбе какого-то диспетчера это было сделано совершенно спокойно) и, наконец, недопустимое ни при каких опытах обесточивание автоматики управления стержнями и т.д.

Медведев отлично описал, что творили с реактором. Такого произвола не потерпел бы не только реактор, но и простой паровой котел.

У меня не вызывает сомнений: КОМАНДА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОПЫТА «С ВЫБЕГОМ» БЫЛА ДАНА БРЮХАНОВУ ИЛИ ФОМИНУ, ДАНА ИЛИ ПО ТЕЛЕФОНУ В ВИДЕ СОГЛАСИЯ, А ВОЗМОЖНО, И ЛИЧНО, НО КЕМ? КТО СТОИТ ЗА ЭТИМ ЗАВЕДОМО ПРЕСТУПНЫМ АКТОМ?

Вы думаете, я преувеличиваю или меня мучает подозрительность чекистов 30-х годов? Юрий Петрович, вдумайтесь только в содержание одного пункта утвержденной Фоминым программы:

ПРОВЕСТИ ИСПЫТАНИЕ С ОТКЛЮЧЕННЫМИ ЗАЩИТАМИ РЕАКТОРА!!!

Только представьте хоть на миг, что это такое! Кем надо быть, выезжая на автомашине из гаража на шоссе Москвы, заранее разъединив тяги управления передними колесами автомобиля?! Подобные манипуляции с реактором мог позволить себе или самоубийца (таковых из причастных к взрыву не оказалось), или убийца.

Разве лишь загадочное самоубийство академика Легасова, который был в гуще чернобыльского расследования? Странное самоубийство одного из самых честных ученых...

Итак, все грехи списаны на несовершенства конструкции РБМК, и даже в 1992 г. (еще 30 июня) так называемый Запад, а точнее чикагские гангстеры требуют остановки наших отечественных реакторов.

Мало им, что доллар с 60 коп. дошел до 150 руб. и Россию можно за бесценку вывозить кому угодно — и вывозят! (а теперь, когда пишу эти строки, 1 марта 1999 года, доллар США в России стоит 24 тысячи рублей).

Мало того, что у Ельцина в правительстве ни одного русского, да и сам он неведомо чьих кровей. Теперь пошло ошельмование русской науки и самобытного, высокого интеллекта славян.

Выступая по телевидению в программе «До и после полуночи», выпукло обрисовали трагедию научной мысли у «жуковцев» (500 докторов и кандидатов наук, сосредоточенных в Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского, весь аэрокосмический потенциал страны. — Ю.В.). И знаете, ведь с нашей научной элитой, с нашими умами, с НАШИМ ГОСУДАРСТВОМ поступают точно так же, как с тем РБМК 4-го блока ЧАЭС. Я читаю Ваши статьи — Вы совершенно правы! Цель «демократии» — уничтожить, раздавить славянство. Наступление развернуто со всех сторон. Набирает ход программа дискредитации и постепенного сокращения русского народа...

Мы, русские, служили и служим в оборонительном поясе бывшей Страны Советов. Теперь этот пояс громят и прибирают к рукам те, кого мы учили, тянули «до себя».

Мы не умели играть «в бизнес», наша офицерская честь не позволяла заниматься барышничеством. Подавляющее большинство из нас не были ни сталинистами, ни брежневистами. Но именно теперь, в сравнении со всем, чем становится наша жизнь, видим: нас воспитали людьми чести, высокой нравственности — ибо мы дети ВЕЛИКОЙ РОССИИ.

И как же мы были наивны и недалёковидны, раз не предусмотрели, что на смену иезуитам со Старой площади к власти прорвутся уголовники, стяжатели, настоящие хриstopродавцы и к тому же не-

навистники России, что уровень миропонимания, нравственности, духовности падет на несколько столетий назад.

Предатели теперь у нас не исключение, это — порода. Думаю, у народа с этой породой будет свой разговор, не может не быть.

*С уважением, Степан Федоров.
Адрес пишу, но Вы не давайте ответа».*

Не могу удержаться и допишу несколько фраз от себя.

Гибель «Адмирала Нахимова», Чернобыль, взрывы поездов, армейских складов... все это несло свой, отнюдь не случайный смысл. Тяжкие катастрофы должны были посеять в умах смятение, неуверенность, парализовать волю и в то же время обратить надежды к демократии, как единственной спасительнице в грядущем хаосе и распаде. Теперь, на расстоянии, это отчетливо просматривается.

Никогда не могло произойти такое скопление трагических случайностей — это противоречит всем законам, кроме одного, — заданности этих злодейств, намеренности каждого удара.

А после запылала окраины в межнациональных распрях — что еще нужно державам-«победительницам»?.. В Москве уже воцарились продажная, противонародная, противорусская «демократия» и ее правительство, и ее президент. Дело разрушения России они поставили своей программой. И всякие взрывы, потопления, радиации уже оказались излишними...»¹

Все это было проделано не над реактором в Чернобыле, а над Большой Россией — над всей нашей большой страной.

Мы и сейчас могли бы победить, будь мы едины. Все выборы, все референдумы и все споры заканчивались бы нашей победой.

Но единства нет. И это тоже не случайно.

¹Власов Ю. Кто правит бал. — М.: Радонеж, 1993. С. 260—263.

Сердца предателей...

Сойтись бы всем под одним знаменем с именем «РОССИЯ». Сойтись в одних выборах, в один день и час. И никто уже не отнял бы у нас победу. Только посмели бы.

5 октября 1951 года советские газеты напечатали ответы Сталина. По сути, это было одно из высказываний Сталина по насущным вопросам политики. Якобы журналистские вопросы тут оказывались ни при чем. Следовало дать оценку политическому моменту, и Сталин это делал под видом ответа на вопросы, которые, естественно, никто ему не задавал. Он брал «больной» вопрос и объяснял его существо народу.

«Организация Объединенных Наций, созданная как оплот сохранения мира, превращается в орудие войны, в средство развязывания новой мировой войны. Агрессорским (захватническим. — Ю.В.) ядром ООН являются 10 стран — членов агрессивного (воинственного. — Ю. В.) Североатлантического пакта. Представители этих стран и решают теперь в ООН судьбу войны и мира. Это они провели в ООН позорное решение об агрессивности Китайской Народной Республики (как сейчас вопреки всякому здравому смыслу подвергают расчленению Югославию, в которой спецслужбы НАТО исподволь, тайком стравливают один ее народ с другим, а ООН спокойно наблюдает. — Ю.В.).

Характерно для нынешних порядков ООН, что, например, небольшая Доминиканская Республика имеет теперь такой же вес в ООН, как Индия. Превращаясь в орудие агрессивной (захватнической. — Ю.В.) войны, ООН перестает быть организацией равноправных наций. По сути дела ООН является теперь не столько **Всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам (захватчикам. — Ю.В.)...**

ООН становится таким образом на бесславный путь Лиги Наций. Тем самым она хоронит свой моральный авторитет и обрекает себя на распад.

И. Сталин».

Давно уже пристало время принять Федеральному Собранию закон о том, что любая пропаганда и агитация в пользу расчленения России или действия, способствующие расчленению, являются государственным преступлением и караются по закону. Закон этот должен быть суров и беспощаден.

Невиданно тяжкий опыт социализма в России не прошел даром. Мы извлекли из него уроки, и, что важно, далеко не одни отрицательные.

Борьба за возрождение России (не ИХ России, а нашей), борьба за социальную справедливость и национальную независимость будет проходить под руководством национального вождя, национально-социальными лозунгами и национальным знаменем.

КРЕПИСЬ, РУССКОЕ БРАТСТВО!

ПРОДАЛИ, ПРЕДАЛИ, ОБОЛГАЛИ, ЛГУТ, СПАИВАЮТ...

БУДУТ ЛГАТЬ, БУДУТ ОБЕЩАТЬ ВСЁ.

БУДУТ СДИРАТЬ ТРИ ШКУРЫ.

БУДУТ РАССТРЕЛИВАТЬ. БУДУТ, БУДУТ...

«ЗЛАТО ПЛАВИТСЯ ОГНЁМ, А ЧЕЛОВЕК НАПАСТЯМИ».

«КРЕПИСЬ, РОССИЯ!»

«Теперь ведь нами правят подонки».

Россия!
Провозглашу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам...

Державин.

И еще повторю.

Надо навсегда запомнить: космополитизм (как и интернационализм) паразитирует на патриотизме, предоставляя ему право сражаться и умирать за родную землю, а после, хозяйски водружаясь на этой земле, извлекает все выгоды от победы. Это дрянное и низменное чувство, безродное и презренное.

Юрий ВЛАСОВ

Надо навсегда запомнить: ослабление национального чувства всегда сопровождается (исключений не бывает) утратой частично или полностью государственной самостоятельности.

ЕСЛИ МЫ ПЕРЕСТАНЕМ БЫТЬ РУССКИМИ, МЫ СТАНЕМ ПОКОРНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ЛЮБОЙ ЧУЖОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ВОЛИ.

Так призовем же Бога в свидетели своей правды и правоты.

Да будет свет!

Други, возрастая телом и душой, постоим за Россию!..

Иже за правду и за верность.

ЮРИЙ ВЛАСОВ

1 июня — 1 ноября 1998 года.

Юрий Петрович Власов родился 5 декабря 1935 года в Макеевке Сталинской (Донецкой) области, по национальности русский. Отец — Власов Петр Парфенович (1905—1953), русский воронежский крестьянин из села Хреновое, после — кадровый разведчик ГРУ (полковник), дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР. Мать — Лышарь Мария Даниловна (1905—1987), русская кубанская казачка из станицы Мингрельская, крестьянка.

В 1953 году Ю. П. Власов с медалью окончил в Саратове Суворовское военное училище, в которое поступил на следующий год после окончания Великой Отечественной войны. В феврале 1959-го в звании лейтенанта успешно окончил прославленную Военно-Воздушную инженерную академию им. Жуковского. Год прослужил в войсках ПВО, затем был откомандирован в распоряжение ЦСКА. Уволился из армии по собственному желанию в мае 1968 года в звании инженер-капитана. Служа в армии с 17 до 33 лет, не имел ни одного дисциплинарного взыскания.

С апреля 1960 года — профессиональный атлет, инструктор по спорту высшей квалификации. Шестикратный чемпион Европы, пятикратный чемпион мира, олимпийский чемпион в Риме (XVII Игры 1960 года), серебряный призер XVIII Олимпийских игр в Токио (1964). Обладатель более трех десятков выдающихся рекордов мира, а также титула «самый сильный человек мира» (отобрал этот титул у знаменитого американского сверхатлета Пола Эндерсона). За победу на XVII Олимпийских играх в Риме награжден орденом Ленина, после Игр в Токио награжден орденом Знак Почета. Был грозой всех атлетов сверхтяжелого веса с 1959 по 1964 год. Пользовался исключительной известностью и уважением в мире. Оставил

спорт в 1967 году, имея непобитыми два своих мировых рекорда: в жиме и сумме тоеборья.

Депутат Моссовета в 1960—1964 годах. Народный депутат СССР в 1989—1991 годах. Депутат Государственной думы с декабря 1993 года по декабрь 1995 года.

Кандидат на выборах президента России в 1996 году, обманно был лишен большого количества набранных голосов.

Литературной работой занялся в 1959 году: напечатал первый газетный очерк. В 1959—1965 годах сотрудничал с «Известиями», напечатал свод репортажей, статей, очерков. Печатал рассказы и очерки в «Огоньке», «Юности», «Физкультуре и спорте», «Октябре» и других журналах.

По убеждению не вступал в Союз писателей СССР, считая это несовместимым с творческой свободой.

Писательство и свою жизнь рассматривал как служение народу. Убежденный патриот своей Родины.

Автор книг: «Себя преодолеть» (1964), «Белое мгновение» (1972), «Особый район Китая» (1973), «Соленые радости» (1976), «Справедливость силы» (1989), «Геометрия чувств» (1991), «Стужа» (1992), «Кто правит бал» (1993), «Русь без вождя» (1995), «Мы есть и будем» (1996), «Русская правда» (1999).

Автор многотомной работы «Огненный Крест» (1993—1994).

ОГЛАВЛЕНИЕ:

О Юрии Власове и его книгах	6
Глава I. ЦЕПЬ СПЛОШНОГО БЕЗУМИЯ	11
Глава II. ИЗМЕНИЛИ ВСЕ ДО ОДНОГО	49
Глава III. НЕОПРАВДАНОЕ ВНЕДРЕНИЕ	103
Глава IV. ВСЕПРОНИКАЮЩАЯ ГЛУПОСТЬ	159
Глава V. ВЛАСТЬ НАД ВСЕМ СВЕТОМ	187
Глава VI. СВОБОДА БЫТЬ СВИНЬЯМИ	202
Глава VII. ПРАВА КАКОГО ЧЕЛОВЕКА?	281
Глава VIII. «ТЕПЕРЬ ВЕДЬ НАМИ ПРАВЯТ ПОДОНКИ...»	327
Глава IX. ЖИЗНЬ ЧЕРЧИЛЛЮ УДАЛАСЬ	344
Глава X. ПРИНЦИП НАРОДНОСТИ	372
Глава XI. РАСХОЖДЕНИЕ НЕСОЕДИНИМОЕ	388
Глава XII. РЕЖИМ САМОВЗРЫВА	424

Власов Юрий Петрович

ВРЕМЕНЩИКИ

Художественный редактор, компьютерная графика *М. Медведь*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Т. Жарикова*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.03.2005.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «FranklinGoth». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 24,4.

Тираж 4100 экз. Заказ № 6327

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Эксмо» представляет

серия «Истоки»

Серия «Истоки» представляет
уникальные книги,
рассказывающие о тайнах
древней Руси!

www.eksmo.ru

**Добро пожаловать в мир наших пращуров,
принадлежащий нам по праву наследия!**

Также в серии:

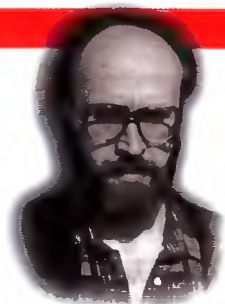
А. Андреев - «История Владимира Соловья Ладоги», «История Иерусалима»

А. Асов - «Главы Велесовой книги»

В. Шамбаров - «Бог поганых»

А. Волков - «Воины и войска Московского государства»,

«Полководцы и воеводы Древней Руси»

Юрий Власов родился 5 декабря 1935 года. Русский. В 1953 году Юрий Власов с медалью окончил Суворовское военное училище, а в 1959 году – Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е. Жуковского. Признан лучшим атлетом XX века. Чемпион Олимпийских игр в Риме, пятикратный чемпион мира, шестикратный – Европы, обладатель титула «Самый сильный человек мира». Кавалер ордена Ленина, ордена «Знак Почета».

На исторических примерах, на событиях и фактах сегодняшнего дня книга убедительно доказывает, что создать жизнеспособное государство невозможно без жизнеспособной идеологии, без веры нации в эту идеологию, без доверия к тем, кто такую идеологию собой олицетворяет. Автор не обращается к наглому шовинизму или расовому высокомерию – эти чувства природно враждебны ему. В борьбе с властью обмана он обращается к светлому разуму и гордости русских людей.

ISBN 5-699-09970-0

9 785699 099702 >